

## Князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ.

(Воспоминанія князя Дондукова-Корсакова).

---

Приступая къ характеристикѣ такой высоковыдающейся личности, какъ личность кн. Воронцова, я не намѣренъ касаться официальной ея стороны, которая доставила князю заслуженную память, какъ одного изъ самыхъ просвѣщенныхъ, замѣчательныхъ дѣятелей своего времени. Я могу указать на тѣ особенности его характера и привычекъ, на ту нравственную сторону его жизни, на тѣ отбѣнки проницательнаго ума его, тѣ слабости и достоинства высокой натуры его, которые имѣлъ случай такъ близко изучить во время долготѣней моей службы при покойномъ памѣстникѣ Кавказа.

Поставленный въ молодыхъ еще лѣтахъ въ исключительное передъ товарищами моими по службѣ положеніе по отношеніямъ моимъ къ кн. Воронцову, я пользовался его полнымъ довѣріемъ, скажу болѣе — насколько сердце князя способно было любить, онъ любилъ меня и во многихъ случаяхъ трогательно доказывалъ свое ко мнѣ расположеніе.

Съ 1846 г. князь приблизилъ меня къ себѣ, сперва въ качествѣ адъютанта, сопровождавшаго его во всѣхъ поѣздкахъ по краю. Я разбиралъ и докладывалъ всѣ подаваемые массы прошеній, дѣлалъ отмѣтки и передавалъ оныя въ подлежащія мѣста къ исполненію. Скоро къ этимъ обязанностямъ присоединились новыя; подъ диктовку князя писалъ я всѣ почти его частныя и официальные

письма; впоследствии, привыкши къ формамъ изложенія князя, я облегчалъ трудъ его, самъ составляя отвѣты и подавая ихъ только къ подписи. До меня эти обязанности лежали на Щербининѣ и баронѣ Николаи—но первый былъ назначенъ правителемъ канцеляріи, а второй сухостью, необщительностью и холодностью формъ видимо стѣснялъ князя.

Мало-по-малу и вскорѣ я сдѣлался, ежели могу такъ выразиться, старческою привязанностью и привычкою князя. Въ 7 часовъ обыкновенно я долженъ былъ являться къ нему въ кабинетъ и писать подъ его диктовку, распечатывать и докладывать полученную почту и читать газеты, такъ какъ князь слѣдилъ постоянно за всѣми событіями, какъ въ Россіи, такъ и за границей, и получалъ значительную массу журналовъ. Затѣмъ около 8<sup>1/2</sup> часовъ обыкновенно княгиня и семейство собирались въ кабинетъ пить чай, который я раздѣлялъ съ ними, а съ 9-ти часовъ начиналась уже официальная дѣятельность князя, доклады—гражданскіе: правителей канцеляріи, военные: начальника штаба и другихъ. Въ то время въ Тифлисѣ два раза въ недѣлю получалась только экстра-почта и на извѣстное время прекращалось даже всякое сообщеніе по случаю заваловъ въ горахъ. Князь Воронцовъ имѣлъ привычку почти съ каждой экстра-почтой отправлять частныя письма Военному Министру или другимъ, разъясняя или настаивая на дѣлахъ, имѣющихъ въ глазахъ его особое значеніе. Въ письмахъ этихъ, обыкновенно представляемыхъ военнымъ Министромъ Государю, высказывалось много того, что не могло быть высказано, а иногда и терпимо въ официальной перепискѣ. Я всегда удивлялся той ловкости, осторожности, съ которой князь въ этихъ дипломатическихъ пріемахъ умѣлъ проводить свои мысли и требованія. Способность его диктовать была положительно изумительна; онъ часто во время диктовки принималъ постороннихъ лицъ, бесѣдовалъ о разнородныхъ предметахъ и, по прошествіи нѣкотораго времени (которое я обыкновенно употреблялъ, чтобы курить въ сосѣдней адъютантской комнатѣ), онъ продолжалъ диктовку совершенно свободно съ того мѣста, на которомъ остановился.

Послѣднее время я даже, по желанію князя, присутствовалъ при всѣхъ докладахъ, сидя за особымъ столомъ около окна, за его

письменнымъ столомъ, отмѣчая все, что онъ мнѣ указывалъ изъ дѣлъ для составленія частныхъ писемъ министру. Я такъ принаровился къ его слогу и взглядамъ, что подъ конецъ самъ составлялъ эти письма и рѣдко, когда князь исправлялъ ихъ. На французскомъ языкѣ князь чрезвычайно свободно и ловко диктовалъ, но были и тутъ извѣстныя фразы, которыя составляли необходимую принадлежность каждаго письма его и которыя всегда слѣдовало включать. При изложеніи своихъ мыслей на русскомъ языкѣ встрѣчались извѣстнаго рода галлицизмы и нѣкоторыя обветшалыя выраженія и формы фразъ, которыя, къ удовольствію князя, я всегда старался включить въ составляемые мною письма.

Кромѣ двухъ положенныхъ приемныхъ дней въ недѣлю, когда Воронцовъ принималъ представляющихся къ нему по службѣ въ залѣ, около кабинета, и всѣхъ просителей въ большой бѣлой залѣ дворца, ежедневно князь принималъ всѣхъ имѣющихъ къ нему особенное дѣло и требовалъ къ себѣ для переговоровъ по разнымъ вопросамъ въ теченіе дня различныхъ, какъ официальныхъ, такъ и частныхъ лицъ. Доступность въ этомъ отношеніи князя могла лишь быть сопоставлена съ тою обходительностью, привѣтливостью и участіемъ, съ которыми онъ встрѣчалъ каждаго. Простота его обхожденія еще болѣе выставяла высокое его положеніе и достоинство его. Сколько разъ я имѣлъ случай убѣдиться въ жизни, что официальная недоступность, напускная важность и театральность формъ скрываютъ въ начальникѣ инстинктивную неувѣренность собственнаго достоинства и желаніе наружными формами прикрыть скудость нравственнаго содержанія своего. Никогда не могъ я понять начальниковъ, которыхъ, къ сожалѣнію, столько видѣлъ, постоянно старавшихся наружными формами поддерживать свое достоинство. Такъ дорожить тѣмъ, что составляетъ неотъемлемую принадлежность и условіе въ начальникѣ, лучше всего доказываетъ внутреннее недовѣріе къ себѣ и сознаніе своей нравственной несостоятельности.

Воронцовъ такъ высоко стоялъ своимъ прошедшимъ и настоящимъ, что онъ не опасался никогда показывать себя человѣкомъ во всѣхъ случаяхъ сношеній своихъ съ подчиненными и управляемыми.

Обыкновенно около 2-хъ или 3-хъ часовъ пополудни, смотря по количеству дѣлъ, князь прекращалъ свои кабинетныя занятія и ежедневно, какая бы ни была погода, выѣзжалъ кататься верхомъ. Около двухъ часовъ являлся въ кабинетъ старый англичанинъ, грумъ его Джимъ, и спрашивалъ, какую сѣдлать лошадь; затѣмъ князь выѣзжалъ безъ всякаго конвоя, въ сопровожденіи Джима и казака, часто со мною, иногда и съ княгиней. Въ эти поѣздки онъ осматривалъ городъ, окрестности его, производимыя работы и дѣлалъ визиты. (Послѣдніе годы своей жизни онъ исключительно посвящалъ свои прогулки визитамъ княгинѣ Эристовой и княгинѣ Монашѣ Орбелиани и всегда ѣздили одинъ).

Въ шестомъ часу князь обыкновенно возвращался домой, переодевался и съ нетерпѣніемъ ждалъ обѣда, такъ какъ онъ никогда не завтракалъ и за чаемъ ѣлъ только два яйца съ англійскими toast'ами и въ послѣдніе годы только позволялъ себѣ около часу пополудни выпить рюмку хинной водки съ маленькимъ бисквитомъ. Мы всѣ удивлялись съ нашими молодыми аппетитами этому воздержанію, а Щербининъ съ обыкновеннымъ юморомъ своимъ увѣрялъ, что не стоитъ имѣть такого громаднаго состоянія, чтобы голодать въ продолженіе болѣе 60-ти лѣтъ. Зато за обѣдомъ, всегда весьма сытнымъ и вкуснымъ, но незатѣйливымъ, къ которому обыкновенно приглашались многіе, такъ что насъ садилось за столъ отъ 10-ти до 20-ти человѣкъ, князь Воронцовъ всегда съ жадностью обращался къ двумъ первымъ блюдамъ — супу или щамъ (которые онъ очень любилъ и обыкновенно ѣлъ по двѣ тарелки); такъ же обращался онъ и со вторымъ блюдомъ — ростбифъ или бульи, всегда подаваемый съ рассыпчатымъ картофелемъ по-англійски, и въ это время не принималъ никакого участія въ общемъ разговорѣ и не любилъ, чтобы его тревожили. Послѣ второго блюда князь равнодушно относился къ остальному обѣду и весьма охотно вмѣшивался въ общій разговоръ. За обѣдомъ князь пилъ особенный весьма старый хересъ, который подавался ему одному, такъ какъ немного оставалось въ его погребѣ этого вина, доставшагося ему, кажется, отъ дѣда. Остальное вино, подаваемое къ столу (исключая праздничныхъ дней), было отличное кахетинское, которое князь очень любилъ, и крымское шампанское изъ его садовъ. Послѣ обѣда пили



кофе въ большой гостиной, и князь закуривалъ пахитоску, которую онъ иногда курилъ и утромъ.

Вечеромъ князь имѣлъ правило никогда не заниматься дѣлами и за всю мою службу, кажется, всего разъ пять пришлось мнѣ видѣть и отчасти участвовать въ занятіяхъ князя по вечерамъ. Онъ мнѣ часто говорилъ, давая совѣты гигиеническіе: „*levez vous de bonne heure, faites de l'exercice dans la journée, mais évitez toujours les occupations le soir—cela mène à l'abrutissement, on peut devenir чиновникъ*“.

Въ 8 часовъ аккуратно князь садился въ кабинетъ за карточную копѣчную игру; онъ игралъ часто въ преферансъ и вистъ, но любимая его игра была старинная „*hombre*“. Обыкновенными его партнерами въ эту игру были кн. Василій Осиповичъ Бебутовъ и княгиня Воронцова. Въ 12 часовъ, напившись чаю, князь обыкновенно кончалъ свой день и ложился спать.

Въ походахъ и путешествіяхъ, вездѣ старался онъ сохранить этотъ образъ жизни и его всегда видимо разстраивало всякое отступленіе отъ усвоенныхъ имъ привычекъ. Но нельзя сказать, чтобы князь былъ рабомъ своихъ привычекъ,—когда того требовали обстоятельства, онъ всегда подчинялся и инымъ условіямъ, никогда не измѣняя ни сдержанности своей, ни обаятельному своему со всѣми обхожденію. Князь крайне невзыскателенъ былъ въ своихъ требованіяхъ; дорогой, походами онъ удовлетворялся самымъ простымъ помѣщеніемъ. Ужасные, далеко не гастрономическіе, обѣды и вообще пища, которую приходилось ѣсть въ поѣздкахъ нашихъ и на приглашенныхъ обѣдахъ въ провинціи, совершенно удовлетворяли князя, лишь бы были щи, каша, баранина или рисъ. Я никогда не встрѣчалъ человека его лѣтъ болѣе сносливаго выдерживать всякаго рода лишенія, болѣе неразборчиваго, менѣе взыскательнаго и всегда спокойнаго, какъ князь Воронцовъ. Сила воли его въ этомъ случаѣ была замѣчательна, и совѣстно было окружающимъ его на что-нибудь роптать или выражать неудовольствіе, при видѣ той снисходительности и добродушія, съ которыми князь всегда переносилъ всѣ подобныя мелкія невзгоды, а частью и неудовольствія.

Теперь предстоитъ мнѣ коснуться нравственной стороны вы-

сокой личности князя Воронцова. Невольно останавливаюсь передъ волнующими меня при этомъ чувствами и побужденіями. Князю Воронцову считаю себя всѣмъ обязаннымъ; не говоря о сердечномъ участіи, которое я встрѣтилъ въ немъ, въ добрѣйшей княгинѣ и во всемъ семействѣ его,—я обязанъ ему своимъ служебнымъ воспитаніемъ, своими взглядами на многія государственныя задачи настоящаго времени, обязанъ его примѣру тѣмъ обращеніемъ съ людьми и съ дѣлами, которымъ, по возможности, стараюсь руководиться въ моихъ сношеніяхъ и дѣйствіяхъ. Я старался привить себѣ его широкіе взгляды на глубокую преданность чувству долга, его стойкость въ преодолѣніи препятствій и, къ сожалѣнію, только до извѣстной степени могъ усвоить уживчивость его характера, особенно со старшими. Съ другой стороны, ежели я и старался, и до сихъ поръ стараюсь не раздѣлять его скептическаго мнѣнія о людяхъ, избѣгать его эгоистическаго направленія и другихъ слабостей этого высокаго характера, то нѣтъ сомнѣнія, что отношенія мои съ княземъ Воронцовымъ охладили во многомъ мой идеализмъ, мою склонность и мою вѣру въ безусловную добросовѣстность людей и вообще дали болѣе практическій складъ моей отъ природы довѣрчивой и впечатлительной натурѣ. Я считалъ бы себя несчастливymъ, ежели бы опытъ жизни въ этомъ отношеніи заставилъ меня утратить послѣднія мои очарованія, и лучше согласенъ въ этомъ случаѣ нравственно вынести многое, чѣмъ окончательно лишиться того, что, по-моему, составляетъ и счастье, и отраду въ жизни—вѣру въ честь и добродѣтель людей.

Понятно послѣ сказаннаго, какъ тяжело мнѣ будетъ выстав-  
лять слабости человѣка, памяти котораго я такъ привязанъ, какъ больно будетъ самому мнѣ сознать тѣ темныя стороны личности, такъ глубоко мною чтимой и уважаемой. Но тѣмъ не менѣе рѣшаюсь высказаться, какъ я понималъ и понимаю князя Михаила Семеновича Воронцова, и выставить примѣры въ подтвержденіе моего о немъ сужденія.

Князь отъ природы щедро надѣленъ былъ всѣмъ тѣмъ, что составляетъ высокую, во всѣхъ отношеніяхъ выдающуюся изъ ряда, государственную личность. Знаменитое рожденіе, огромное состояніе, многостороннее и тщательное воспитаніе, сроднившее его по взгля-

дамъ и привычкамъ съ либеральными формами просвѣщенной Англіи, наконецъ проницательный отъ природы умъ его, самое мягкое любящее сердце и сила воли, ознаменовавшая блистательное поприще его жизни, создали въ кн. Воронцовѣ человѣка, назначеннаго судьбою играть видную роль въ его эпохѣ, служившей проявленію столькихъ высокихъ доблестей въ отечествѣ нашемъ. Роль, которую игралъ князь въ отечественную войну, командованіе имъ оккупационнаго корпуса во Франціи послѣ 1814 года \*), управленіе или, лучше сказать, созданіе Новороссійскаго края, взятіе въ 1828 г. Варны, наконецъ многолѣтняя и плодотворная дѣятельность князя на Кавказѣ составляютъ дорогія страницы для исторіи русской военной славы и гражданскаго преуспѣянія. Тяжело, передъ столь знаменательными дѣянiями въ жизни человѣка, касаться слабыхъ его сторонъ и проникать, такъ сказать, въ сокровенныя тайны, разоблачающія нравственные его недостатки. Недостатки эти были плодомъ того времени, тѣхъ отношеній и той сферы, гдѣ приходилось князю исказить многое высокое, данное ему природой, и подчинить всѣ эти дары условіямъ времени, въ которомъ онъ жилъ, и положенія, въ которомъ находился.

Природная сердечная доброта князя не подлежитъ никакому сомнѣнію, до смерти своей онъ сохранилъ ее во всѣхъ наружныхъ проявленіяхъ. Насколько я понимаю князя, на дѣйствіи его также вліяла привычка дѣлать добро и, всего болѣе, холодный голосъ разсудка. Князь испыталъ много сердечныхъ разочарованій въ прѣжнее время, онъ слишкомъ недовѣрялъ, сомнѣвался, можетъ быть, даже и презиралъ людей, какъ плодъ жизненнаго опыта, чтобы не утратить способность любить. Я часто думалъ, сколько страданій, сколько борьбы должно было перенести сердце князя, чтобы дойти до подобнаго состоянія, сколько нравственныхъ мученій долженъ былъ испытать онъ, чтобы утратить вѣру въ добро

---

\*) Нельзя не упомянуть здѣсь объ извѣстномъ поступкѣ Воронцова, обнаруживающемъ истинную натуру *grand seigneur'a*, которымъ онъ во всемъ былъ проникнутъ. Князь оставлялъ Францію послѣ 14-го года и, не желая, чтобы какое-либо нареканіе падало на русскія войска, потребовалъ свѣдѣнія о долгахъ, сдѣланныхъ, какъ нижними чинами, такъ и офицерами всего ввѣреннаго ему корпуса, и передъ выступленіемъ заплатилъ всю сумму, простиравшуюся, сколько мнѣ рассказывали, до одного милліона франковъ изъ собственныхъ его денегъ.

и человѣчество — но это такъ; и чувствительность князя, и всегдашняя его готовность къ помощи и участію были, какъ сказано, скорѣе дѣломъ привычки и разсудка, чѣмъ исключительно чувства.

Иногда однако я уловлялъ въ немъ невольные проблески того, чѣмъ такъ щедро сердце его въ началѣ награждено было природой.

Разскажу случай, бывшій со мною, кажется, въ 1848 г. Мы находились лѣтомъ въ крѣпости Воздвиженской, гдѣ князь провелъ около мѣсяца, слѣдя за дѣйствіями нашихъ экспедицій въ большой Чечнѣ. Здѣсь получена была съ фельдъегеремъ изъ С.-Петербурга одна изъ самыхъ непріятныхъ бумагъ, которая за службу мою при князѣ онъ когда либо получалъ отъ Государя и военнаго Министра, кн. Чернышева. Дѣло было въ томъ, что обращали вниманіе князя на неправильность его дѣйствій по предоставленію на откупъ извѣстному Посполитаки мѣновыхъ дворовъ на правомъ флангѣ Кавказа и вообще на злоупотребленія монополіею этого откупщика въ Черноморіи. Князь въ то время слѣпо вѣрилъ командующему войсками на Кавказской линіи ген.-лейтн. Завадовскому, хитрому и далеко не безкорыстному хохлу, подъ личиною простоты скрывавшему весьма неблагоприятныя дѣйствія свои, особенно на Черноморіи \*). Все дѣло это очень взволновало князя, онъ далъ мнѣ одному прочесть эти бумаги и приказалъ запереть ихъ въ одинъ изъ извѣстныхъ зеленыхъ ящиковъ, которые всегда возилъ съ собой и въ которыхъ складывалъ секретныя бумаги и болѣе важныя черновыя его переписки. На другой день мы выѣхали изъ Воздвиженскаго. Князь приказалъ фельдъегерю слѣдовать за нимъ и сказалъ мнѣ, что по прибытіи въ Екатериноградъ онъ продиктуетъ мнѣ отвѣты на полученные непріятныя бумаги. Мы вышли изъ Воздвиженскаго рано, обѣдали въ Грозной и пріѣхали на ночлегъ въ Червленную. Тутъ князь приказалъ мнѣ написать какія-то ничтожныя распоряженія въ Тифлисъ, чтобы отправить ихъ съ обратнымъ курьеромъ, который ожидалъ насъ въ Екатериноградѣ, гдѣ назначена была дневка. Въ Червленной весь вечеръ и часть ночи провелъ я въ веселой бесѣдѣ съ пріятелями и утромъ, когда пришелъ къ князю, нашелъ его весьма

---

\*) Какъ о немъ, такъ и о Посполитаки придется говорить впоследствии.

бзволнованнымъ; его камердинеръ сказалъ мнѣ, что онъ не спалъ почти всю ночь—онъ видимо былъ подъ впечатлѣніемъ неудовольствія на него Государя. Когда я вошелъ, князь спросилъ меня написалъ ли я письма въ Тифлисъ, — я отвѣтилъ, что нѣтъ и что только по полученіи почты изъ Екатеринограда намѣренъ это сдѣлать, такъ какъ, вѣроятно, придется еще что прибавить по полученіи Тифлискаго курьера. Князь съ раздраженіемъ, которое почти въ первый разъ я у него видѣлъ, возразилъ мнѣ: „il ne s'agit pas de raisonner, mais de remplir les ordres, que je vous donne“. Я никогда подобнаго замѣчанія отъ него не слыхалъ; видимо было, что въ этомъ незаслуженномъ упрекѣ онъ изливалъ только на мнѣ свое волненіе и раздраженіе по другому дѣлу. Меня, я помню, это очень оскорбило. До Екатеринограда онъ всю дорогу былъ чрезвычайно сухъ и задумчивъ. Здѣсь встрѣтила насъ княгиня Воронцова, которая пріѣхала изъ Тифлиса, чтобы слѣдовать съ княземъ на воды въ Кисловодскъ. На другое утро князь рано призвалъ меня и началъ диктовать весьма длинное письмо на имя Государя и еще болѣе пространное объясненіе по Черноморскимъ дѣламъ на имя кн. Чернышева на французскомъ языкѣ. Когда это было кончено, князь выѣхалъ верхомъ, а я остался переписывать набѣло эти письма. Передъ обѣдомъ онъ приказалъ мнѣ прочесть переписанное. Я былъ все это время дѣйствительно, подъ вліяніемъ сдѣланнаго мнѣ замѣчанія, въ сильномъ раздраженіи, въ отношеніи князя велъ себя непривычно сухо и невнимательно и даже, сознаюсь, неприлично. Князь все это хорошо замѣчалъ, но не высказывался. Наконецъ, когда я прочелъ ему тщательно переписанныя письма, за которыми просидѣлъ въ страшную жару съ самаго утра, князь на каждомъ переписанномъ листѣ перечеркнулъ и переправилъ въ обоихъ письмахъ по одному слову, какъ, напримѣръ,—на мѣсто *puisque* — *parceque* и все въ этомъ родѣ. Явно, что цѣлью его было этимъ наказать меня. При горячности моего характера, можно себя представить, что я испытывалъ. Не сказавъ ни слова, я принялся за работу. Когда князь самъ позвалъ меня къ обѣду, я не пошелъ и остался въ кабинетѣ, переписывая до самаго вечера. Идя спать, князь спросилъ, сколько осталось.—Я отвѣтилъ, что, просидѣвъ весь вечеръ, кончалъ только

одно письмо. Надобно замѣтить, что письма къ Государю нужно писать большими буквами, чрезвычайно четко и потому медленно, равно и Министру, такъ какъ послѣднее назначалось къ докладу Государю. Около 12 часовъ князь удалился въ сосѣдную комнату, гдѣ была его спальня. Я нарочно не пошелъ на квартиру, а остался въ кабинетѣ, чтобы доказать князю, сколько времени и труда стоятъ его ненужныя поправки. Кажется, было 5 часовъ утра, когда я кончилъ переписку и ушелъ домой. Въ 7 часовъ я былъ уже у князя, который зналъ отъ камердинера, что я недавно только окончилъ работу. Сѣвши за письменный столъ, онъ сталъ со мной ласково разговаривать, — видимо ему жаль меня было. Онъ приказалъ прочесть письма, подписалъ ихъ и сказалъ мнѣ: „je crois, que nous avons tout dit“. Я молчалъ. Князь продолжалъ: „Vous pensez peut-être, que nous avons trop dit?“ Я, съ худо сдержанной злобой, отвѣтилъ ему его Червленской фразой: „il ne s'agit pas de raisonner, quand on reçoit des ordres“. Князь въ это время ходилъ по кабинету; я тогда взялъ одну изъ черновыхъ и заперъ ее въ зеленый ящикъ и, въ раздраженіи своемъ, позволилъ себѣ въ высшей степени дерзкую и неумѣстную выходку—другую черновую разорвалъ на мелкіе куски и съ ожесточеніемъ бросилъ въ корзинку. Во все время этихъ глупыхъ гнѣвныхъ порывовъ моихъ князь продолжалъ ходить по кабинету, заложивши за спину руки. Я спросилъ: „можно печатать пакеты и отправить фельдъегеря въ Петербургъ?“ Онъ отвѣчалъ утвердительно и, когда я копчилъ печатать, подошелъ сзади ко мнѣ, такъ что я его не замѣтилъ, поцѣловалъ меня въ голову и съ выраженіемъ доброты на лицѣ, которое я никогда не забуду, сказалъ мнѣ, потрепавъ по плечу: „mon cher D., dans ma vie j'ai eu des chefs encore plus désagréables, que ça“. Я до того былъ сконфуженъ и растроганъ незаслуженнымъ участіемъ и вниманіемъ князя, что, помню, въ слезахъ бросился къ нему на шею, прося его извинить мнѣ раздраженіе и простить неприличность моей выходки. Князь отечески обнялъ меня и сказалъ: „n'en parlons plus, mon cher, et allons prendre le thé, ma femme nous attend“. Я никогда не забуду этой сцены, которая привязала меня, ежели можно было, еще больше къ рѣдкому моему, начальнику.

Во время тяжелой моей болѣзни въ началѣ 1852 г. въ Тифлисѣ, князь также мнѣ показалъ такое участіе, которое могло только исходить отъ сердца. Но объ этомъ скажу въ свое время при воспоминаніяхъ.

Я зналъ князя уже въ преклонныхъ лѣтахъ; нѣтъ сомнѣнія, что въ эти годы притупляется многое, холодный старческій эгоизмъ, мысль только о себѣ и своемъ спокойствіи заставляютъ человѣка избѣгать всего того, что можетъ идти въ разрѣзъ съ чувствомъ себялюбія, овладѣвающимъ старостью. Но князь Воронцовъ до послѣдней поры тщательно умѣлъ скрывать эти чувства, онъ неизмѣнно, въ глазахъ другихъ, казался всегда принимающимъ самое сердечное участіе въ дѣлахъ и лицахъ; слеза являлась на глазахъ его, нервное пожатіе руки, измѣненіе голоса въ данныхъ случаяхъ всегда обнаруживали въ немъ человѣка глубоко воспримчиваго и чувствительнаго. Самые близкіе, какъ я, можетъ быть, могли только оцѣнить различіе наружнаго отъ внутренняго. Въ князѣ, къ сожалѣнію, не было одного — это религіознаго чувства. Сынъ своего вѣка, воспитанный въ вольтерьянскомъ направленіи, въ немъ не было теплой, живой вѣры; умъ и рассудокъ замѣняли въ немъ то святое чувство, которое такъ сильно поддерживаетъ человѣка въ жизни и служитъ такимъ утѣшителемъ въ минуту смерти. Князь вообще не любилъ говорить о религіи, допуская ее только въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ средство, а ежели говорилъ, то съ большимъ скептицизмомъ и подсмѣиваясь всегда надъ наружными формали. Все это въ молодомъ человѣкѣ скорѣе можетъ быть объяснимо, но въ старикѣ его лѣтъ разговоры и насмѣшки о религіи, сказанныя большею частью, чтобы подразнить княгиню или графиню Шуазель, весьма набожныхъ, всегда производили на меня, несмотря на молодость мою, неловкое впечатлѣніе.

Припоминаю, какъ разъ во время поста, чуть ли не передъ самой страстной недѣлей, въ которую и князь и всѣ мы говѣли въ дворцовой домово́й церкви, онъ какъ-то за утреннимъ чаемъ рассказывалъ княгинѣ и графинѣ Шуазель, которыя хвалили какое то сочиненіе о страсти Господней, какъ одинъ пасторъ произвелъ на своихъ слушателей проповѣдью о страстяхъ Спасителя такое впечатлѣніе, что всѣ рыдали, плакали, а женщины приведены были

почти въ истерическое нервное состояніе. Доброму пастору стало такъ жаль своихъ прихожанъ, что онъ, чтобы успокоить ихъ и смягчить впечатлѣніе проповѣди, сказалъ имъ съ кафедры: „*Consolez vous, mes enfants, peut-être, que tout cela n'est pas vrai!*“ Въ устахъ старика подобный, даже сказанный съ цѣлью подразнить, анекдотъ производилъ весьма тягостное впечатлѣніе, и можно себя представить, какъ въ этихъ случаяхъ страдала княгиня.

Другой разъ, сколько мнѣ помнится, па вербное воскресенье, былъ принесенъ князю въ подписи смертный приговоръ надъ тремя разбойниками Лезгинской линіи, приговоренными къ повѣшенію въ крѣпости Закаталахъ. Неизвѣстно по какому случаю, узнала объ этомъ княгиня и просила меня никакъ не допустить князя подписывать эту бумагу во время говѣнія и, кажется, и его самого объ этомъ просила. Я взялъ приговоръ со стола князя и спряталъ его въ свой столъ. Въ Четвергъ, послѣ причастія или въ Пятницу утромъ—хорошо не помню—князь вспомнилъ о бумагѣ и, потребовавъ ее отъ меня, съ улыбкою сказалъ: „*Maintenant la Princesse n'a du moins rien à redire*“ и хладнокровно подписалъ приговоръ. На меня произвело сильное впечатлѣніе это хладнокровное, скажу болѣе, сардоническое отношеніе князя къ религиозному чувству, которое особенно должно было возбудить и развить недавнее причащеніе Св. Тайнъ.

Еще большее отсутствіе теплой вѣры выказалъ князь во время тяжелой своей болѣзни въ Алупкѣ, но объ этомъ скажу въ воспоминаніяхъ своихъ 1851 года.

Въ сношеніяхъ съ людьми князь выказывалъ замѣчательный тактъ и знаніе человѣческаго сердца; онъ съ каждымъ умѣлъ говорить подходящимъ языкомъ; особенно простота и привѣтливость его обвораживали всѣхъ, имѣющихъ къ нему дѣло. Всякій выходилъ отъ князя подъ обаяніемъ его приѣма, довольный и полный надеждъ. Часто надеждамъ этимъ приходилось не осуществляться, часто также обѣщанія князя измѣнялись совершенно въ противную сторону и послѣдствіемъ самаго ласковаго приѣма было удаленіе отъ должности или преданіе суду, и въ этомъ отношеніи многіе довольно скоро переставали безусловно вѣрить приѣмамъ князя. Но тѣмъ не менѣе, онъ не утратилъ въ массахъ до конца силы обаянія своего



обхожденія. Часто случалось мнѣ, по выходѣ изъ кабинета какого-нибудь лица, тутъ же слышать мнѣніе о немъ князя большею частью вѣрное, но противоположное тому, что онъ говорилъ вышедшему лицу. Я помню какъ на первыхъ порахъ меня возмущало это лицемѣріе, и иногда даже случалось говорить объ этомъ князю въ интимныхъ бесѣдахъ съ нимъ. Онъ всегда, смѣясь, говорилъ мнѣ: „Vous êtes trop jeune. Vous comprendrez cela plus tard“.

Хочу разсказать здѣсь одинъ случай. Кажется, въ 1848 г. были мы въ Шемахѣ и приходилось отправлять курьера въ Тифлисъ. Князь диктовалъ мнѣ утромъ много писемъ и, между прочимъ, отвѣтъ генералу Бѣлявскому, тогдашнему военному губернатору въ Кутаисѣ, на письмо, въ которомъ онъ просилъ уволить его отъ занимаемой имъ должности. Надобно замѣтить, что Бѣлявскій нисколько не оправдалъ ожиданій князя при назначеніи его на эту должность. Совершенно незнакомый съ гражданскими порядками, онъ своею заносчивостью, самоувѣренностью и безтактностью запуталъ всѣ дѣла и въ управляемомъ имъ краѣ возстановилъ всѣхъ противъ себя. Князь не зналъ, какъ отъ него отдѣлаться, и не хотѣлъ явно сознаваться въ ошибочности своего выбора, но нисколько не стѣснялся высказывать передъ ближними свое неудовольствіе противъ Бѣлявскаго. Онъ очень обрадовался просьбѣ его объ увольненіи (вызванной, впрочемъ, непріятными отношеніями съ княземъ) и со всегдашней своей улыбкой началъ диктовать отвѣтъ. Какъ теперь помню это письмо, писанное по русски. Оно все заключалось въ сожалѣніи о рѣшеніи губернатора оставить свой постъ, и выражалась надежда, что онъ измѣнитъ свои намѣренія и будетъ продолжать содѣйствовать князю въ его трудномъ управленіи съ такимъ же усердіемъ и знаніемъ дѣла, какъ до сего времени. Я помню даже выраженіе: „неужели Вы, при старости лѣтъ моихъ, откажете мнѣ въ вашей полезной службѣ и т. д.“. Я не вѣрилъ ушамъ своимъ, зная мнѣніе князя о Бѣлявскомъ. Князь же, видя мое недоумѣніе, улыбался и продолжалъ диктовать. Подписавъ письмо, онъ тутъ же началъ мнѣ диктовать другое военному Министру, начинавшееся словами: „Mon cher P-se, enfin je puis me débarrasser de cet imbécile de Beliawski...“

Я положилъ перо и такъ былъ въ этомъ случаѣ наивенъ, что сказалъ князю: „*permettez, mon P-ce, d'appeler Nicolaï; j'aimerais, que les lettres ne soient pas écrites de la même main et surtout de la mienne*“. Князь добродушно расхохотался этой, сознаю, весьма глупой моей выходкѣ и сказалъ: „*c'est très beau, mais c'est bien jeune. Appelez Nicolaï*“ и потомъ, помнится, припоминалъ мнѣ этотъ случай нѣсколько разъ со смѣхомъ. Я никакъ не могъ понять, почему онъ такъ въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ, когда ничто не мѣшало ему открыто поступить съ Бѣлявскимъ. Я думаю, что иногда забавляло его дурачить людей. Бѣлявскій, получивъ трогательное письмо князя, вслѣдъ затѣмъ прочелъ въ приказѣ о назначеніи своемъ во фронтową службу въ Россію.

Можетъ быть, какъ я понимаю, тутъ дѣйствовало, кромѣ сложившейся опытомъ жизни и привычки, и эгоистическое чувство князя: онъ избѣгалъ тщательно всѣхъ непріятныхъ сценъ, объясненій и всего того, что могло волновать его или разстраивать его обиденную жизнь. Меня всегда поражало во всѣхъ случаяхъ самообладаніе князя. Никогда почти онъ не выходилъ изъ сдержанности своей и не измѣнялъ хладнокровной осанкѣ своей. Раздраженіе его замѣчалось только нѣкоторымъ дрожаніемъ голоса, извѣстною гримасою рта и прищуриваніемъ глазъ, но въ словахъ его почти никогда не вкрадывалось какое либо рѣзкое выраженіе. Много, когда онъ себѣ позволялъ язвительный намекъ или замѣчаніе. Но тѣмъ не менѣе, всѣ положительно боялись князя и оно понятно—никто не зналъ и не могъ подозрѣвать послѣдняго его слова, всякій его опасался и страшился послѣдствій, ежели когда-нибудь обыкновенная сдержанность князя перейдетъ въ гнѣвное раздраженіе. Въ этомъ отношеніи князь до конца оставался неразгаданнымъ.

Во всѣхъ дѣловыхъ вопросахъ, предстоявшихъ обсужденію и рѣшенію князя, меня всегда поражала проницательность его ума, широкій взгядъ на вещи и въ извѣстныхъ случаяхъ замѣчательная по его положенію практическая опытность, при отсутствіи знанія мелочей, которыя такъ чужды были его характеру, не говоря уже объ изученіи имъ человѣческой природы со всѣми ея слабостями. Бывало, при сложномъ докладѣ, при чтеніи записки, при разсматри-

ваніи представленнаго проекта, гдѣ все казалось такъ вѣрно, дѣльно и логично, — вниманіе князя вдругъ останавливалось на какомъ-либо ничтожномъ, повидимому, обстоятельстве или фразѣ редакціи, онъ приказывалъ отмѣтить ее, дослушивалъ все до конца и тогда высказывалъ свой взглядъ на замѣченное имъ. Выходило, что князь именно попадалъ на главное, на суть вопроса, мысль его проливая новый свѣтъ на все дѣло и окончательно измѣняла сложившіяся первоначально мнѣнія и убѣжденія. Это несомнѣнный признакъ и лучшее доказательство государственнаго ума кн. Воронцова. Не было человека болѣе либеральнаго во взглядахъ и формахъ, какъ князь. Полученное имъ въ Англіи воспитаніе несомнѣнно оставило слѣды свои на всей жизни его; но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не признать, что умъ Воронцова вполне сознавалъ въ то время необходимость извѣстной доли произвола въ начальникѣ и, хотя подъ самыми мелкими формами, но въ отношеніи къ своей власти кн. Воронцовъ былъ положительно деспотъ. Онъ допускалъ всякія сужденія, но разъ принявъ иногда, къ сожалѣнію, и сознательно-ложное направленіе, онъ не допускалъ противорѣчій, а еще болѣе тѣни сопротивленія.

Князь былъ врагъ всякихъ канцелярскихъ формальностей, онъ не переносилъ бюрократизма во всѣхъ его видахъ, а постояннымъ предметомъ его язвительныхъ насмѣшекъ были чиновничьи приемы начальника Штаба и другихъ лицъ управленія. Онъ очень любилъ разсказывать анекдоты изъ прежней своей практики, обо всѣхъ абсурдахъ нашей бюрократической системы, напр., требованіе изъ Министерства свѣдѣній отъ исправниковъ о количествѣ саранчи въ уѣздѣ и т. под. Многосложный сводъ нашихъ законовъ князь глубоко презиралъ, онъ мало его зналъ и всегда увѣрялъ, что ежели не въ одной, то въ другой книгѣ можно пайти тотъ законъ, который желаешь. Онъ не любилъ, когда ему выставляли различныя статьи свода, и очень часто съ особеннымъ удовольствіемъ не исполнялъ закона или дѣйствовалъ въ противность оному, если считалъ въ извѣстномъ вопросѣ для общаго дѣла это полезнымъ. Въ то время все это можно было дѣлать — всѣ молчали и все прикрывалось довѣріемъ Государя къ намѣстнику и властью его на Кавказѣ.

Князь былъ покровителемъ фритредеровъ; одесскій порто-франко былъ его созданіемъ, онъ всегда враждебно относился къ таможенѣ, и я помню, когда мы съ нимъ изъ Одессы возвращались въ 1850 г. на Кавказъ черезъ Редутъ-Кале и озабочены были, какъ провезти купленную нами въ порто-франко контрабанду, то князь приказалъ всѣ наши ящики написать на свое имя, и они прошли, разумѣется, безъ осмотра. Обстоятельство это очень его забавляло, и вещи наши были намъ выданы изъ его дома въ Тифлисѣ. Онъ часто говорилъ: „*Quand le diable dans sa malveillance pour l'humanité créa les douanes, Dieu dans sa bonté inventa la contrabande*“.

Воронцова всегда очень интересовало экономическое развитіе вѣреннаго ему края. Какъ въ Новороссійскомъ краѣ, такъ и на Кавказѣ князь чрезвычайно заботился о разведеніи полезныхъ растений, усовершенствованіи винодѣлія и лучшихъ способахъ обработки земли и извлеченія доходовъ отъ плодородной почвы Кавказа. Въ Тифлисѣ заведена была образцовая ферма. Князь снабжалъ всѣхъ желающихъ виноградными крымскими лозами изъ своихъ садовъ и вообще его чрезвычайно занимали и служили ему развлеченіемъ успѣхи въ краѣ той или другой отрасли садоводства. Особенное вниманіе обратилъ онъ на воздѣлываніе марены и въ прикаспійскихъ провинціяхъ и Кумыцкой плоскости, и просвѣщенному его содѣйствію обязана была эта отрасль промышленности своимъ замѣчательно быстрымъ развитіемъ. Заботы его распространялись такъ же и на минеральныя богатства Кавказа. По его приказанію, изслѣдованы весьма многія мѣстности, и ежели неудачно построенный Алагирскій серебряный заводъ около Владикавказа не оправдалъ возлагаемыхъ въ то время надеждъ, то открытіе Тквибульскихъ каменно-угольныхъ залежей въ Имеретіи, на посту Хумары, на Кубани, въ Койтаѣ, въ Дагестанѣ и въ другихъ мѣстахъ, также болѣе правильная обработка нефтяныхъ источниковъ въ краѣ и вообще то движеніе, которое князь далъ частной предпріимчивости и промышленнымъ силамъ на Кавказѣ, составляютъ одну изъ важнѣйшихъ заслугъ его управленія. При князѣ дѣйствительно торговыя и промышленныя силы страны вышли изъ прежняго рутиннаго направленія, благодаря тому просвѣщенному

и либеральному участию, которое онъ принималъ въ этихъ вопросахъ. Положительно каждый частный человекъ находилъ въ своемъ дѣлѣ въ лицѣ князя, при его доступности, не только опытнаго совѣтника, но и мощнаго покровителя противъ канцелярскихъ и бюрократическихъ порядковъ, которыми всегда тормозится частная предприимчивость у насъ въ Россіи и которымъ такъ не сочувствовала натура князя и широкій взглядъ его на дѣло.

Воронцовъ имѣлъ системою постоянно покровительствовать туземному населенію, хранить, по возможности, его обычаи, историческія преданія и порядки. Нѣтъ сомнѣнія, что направленіе это имѣло свою хорошую сторону въ политическомъ отношеніи и, отчасти, административномъ, но много нареканій на князя, — особенно, разумѣется, со стороны чиновниковъ, — и порицаній его дѣйствій приходилось слышать, и дѣйствительно въ извѣстной степени они были справедливы. Князь впадалъ часто въ крайности, но зато пользовался полнымъ довѣріемъ и особою привязанностью туземцевъ, часто употреблявшихъ во зло участіе къ нимъ Главнаго начальника. Въ послѣдніе годы управленія на Кавказѣ, вслѣдствіе и другихъ, совершенно частныхъ, причинъ и постороннихъ вліяній, система князя обратилась въ положительную слабость къ Грузинамъ. Интересы частныхъ лицъ и семействъ до того имъ усваивались, что часто онъ приносилъ въ жертву болѣе важные общіе интересы и даже справедливость своимъ старческимъ влеченіямъ къ Грузинамъ. Замѣчательно было, какъ я уже говорилъ, въ князѣ глубокое знаніе человѣческаго сердца и людей; онъ умѣлъ всегда пользоваться слабою стороною каждаго и, при наружной простотѣ своего обхожденія, изучать весьма вѣрно склонности и характеръ лицъ, съ которыми имѣлъ дѣло. Долговременный опытъ жизни, къ сожалѣнію, заставлялъ его весьма скептически относиться къ человѣчеству, но при поразительномъ самообладаніи князь никогда этого не показывалъ и умѣлъ даже заставлять вѣрить въ свою довѣрчивость и часто совершенно мнимое участіе. Разумѣется, князь могъ ошибаться въ людяхъ, но сколько я его понимаю, онъ ошибался почти всегда сознательно и терпѣлъ недостойныхъ людей, глубоко презирая ихъ, или въ виду той пользы для дѣла, которую онъ отъ

нихъ извлекалъ, или же изъ чисто эгоистическихъ личныхъ видовъ. Достаточно вспомнить о докторѣ А.....

Князь Воронцовъ безусловно вѣрилъ въ медицинскія познанія А..... и въ этомъ отношеніи, повидимому, не ошибался. А..... такъ долго состоялъ при князѣ, такъ принаровился къ его натурѣ, что положительно поддерживалъ его и чрезвычайно удачно, хотя иногда и самыми рѣшительными средствами, исцѣлялъ князя отъ его болѣзней. Къ тому же онъ умѣлъ выставлять свои знанія и приобрѣсти неограниченное, какъ къ медику, довѣріе князя. Несмотря на хитрый умъ его и несомнѣнныя познанія, грубость формъ А....., безтактность и неразборчивость выраженій на каждомъ шагѣ должны были поражать аристократическую натуру князя. Онъ иногда даже высказывался объ этомъ, но въ присутствіи А..... рѣшительно все терпѣлъ и сносилъ. Съ каждымъ годомъ видимо усиливалось вліяніе этого человѣка на князя; онъ видѣлъ въ немъ единственное средство къ поддержанію своего потрясеннаго лѣтами и болѣзнью организма, а по мѣрѣ ослабленія физическихъ силъ князь все болѣе и болѣе привязывался къ жизни и дорожилъ ею. А..... очень хорошо это понималъ и пользовался своимъ вліяніемъ для всевозможныхъ корыстолюбивыхъ своихъ цѣлей; кромѣ того, по безпокойному своему характеру, любилъ вмѣшиваться во всѣ дѣла, высказывать самыя рѣзкія и пристрастныя сужденія о лицахъ и нравственно и матеріально, можно сказать, торговалъ своимъ вліяніемъ.

А..... вообще никто не уважалъ и не любилъ. Онъ необыкновенно ловко, особенно въ послѣдніе годы, умѣлъ пользоваться слабостями князя и, женившись на грузинкѣ, служилъ орудіемъ для многихъ несправедливыхъ и даже вопіющихъ дѣлъ въ пользу извѣстныхъ личностей и фамилій, покровительствуемыхъ княземъ. Онъ не былъ въ сущности дурной человѣкъ, и сердце было у него доброе, но онъ обладалъ въ высшей степени духомъ интриги, былъ до крайности раздражителенъ и не разбиралъ никакихъ средствъ для достиженія своей цѣли. Онъ компрометирѣвалъ князя такъ часто и во многомъ, не скрывая своего вреднаго вліянія, что положительно много пристрастныхъ и даже неблагоприятныхъ распоряженій намѣстника были плодомъ подпольныхъ дѣйствій А.....

Въ 1847 г., когда съ отрядомъ мы осаждали укрѣпленный аулъ Салты, князь сильно заболѣлъ глазами. Онъ долженъ былъ все время въ темной палаткѣ избѣгать свѣта и, наконецъ, болѣзнь его до того усилилась, что угрожала ему потерю зрѣнія. Въ то время бывшій у насъ въ отрядѣ извѣстный Пироговъ положительно высказался въ самомъ неблагопріятномъ смыслѣ объ исходѣ болѣзни. Князь, съ замѣчательнымъ терпѣніемъ переносившій всѣ физическія страданія, страшно пораженъ былъ мыслью ослѣпнуть. А....., никогда ни въ чемъ несомнѣвающійся, самъ былъ крайне взволнованъ и озабоченъ. Наконецъ рѣшился онъ на самое энергическое и, кажется, еще никогда въ то время не испробованное средство. Онъ сильнымъ растворомъ ляписа началъ дѣлать впрыскиванія въ глаза князя и окончательно вылечилъ его. Я помню, что въ 1849 г., когда глазныя болѣзни свирѣпствовали во французскихъ войскахъ при осадѣ Рима, князь получилъ брошюру, въ которой упоминалось о ляписѣ, какъ специфическомъ средствѣ въ этой болѣзни. Можно себѣ представить, какъ этимъ воспользовался А..... и сумѣлъ укрѣпить вѣру князя въ его медицинскія знанія.

Кажется, въ 1849 или 50-мъ году, извѣстный армянинъ И. М..... М....., одинъ изъ главныхъ подрядчиковъ Кавказской арміи, представилъ, разумѣется черезъ А....., проектъ поставки изъ Россіи спирта для войскъ въ Дагестанъ. Прежде, какъ въ Закавказьѣ, такъ и въ Дагестанѣ, войска наши постоянно снабжались туземнымъ спиртомъ изъ винограда — по линіи изъ Кизляра, а въ Грузіи водкой изъ Кахетіи. Весьма малое количество хлѣбнаго вина доставлялось изъ Россіи. А....., имѣвшій всегда стачки со всѣми подрядчиками, уже нѣсколько времени передъ тѣмъ высказывалъ свое мнѣніе о вредномъ вліяніи на здоровье войскъ винограднаго вина и о преимуществѣ хлѣбнаго. Князь весьма основательно никакъ не соглашался съ этимъ мнѣніемъ и, кромѣ того, въ употребленіи мѣстнаго спирта видѣлъ поощреніе мѣстной промышленности. Проектъ условія М..... былъ переданъ не въ штабъ, какъ того требовалъ порядокъ, а въ канцелярію. Не помню кто, Сафоновъ или Щербининъ, не рѣшаясь идти противъ А....., но видя явно въ этомъ зло-

употребленіе, просили меня объяснить дѣло князю и оградить его отъ справедливыхъ нареканій. Я взялъ контрактъ и, помню, утромъ высказалъ свое мнѣніе князю, не жалѣя А....., и при этомъ указалъ, что мнимая выгодность цѣнъ въ сравненіи съ существующими есть явный обманъ. Дѣло въ томъ, что въ контрактѣ было сказано: поставку такого-то количества категорическаго (такъ называлось казенное порціонное вино войскамъ) дозволяется ввести въ такіе-то порты Каспійскаго края для довольствія войскъ по такой-то цѣнѣ, затѣмъ прибавлено — и чарочнаго. Эта послѣдняя оговорка не стѣсняла уже подрядчика ни количествомъ ввозимаго вина, ни цѣною продажи въ раздробь, и равносильна была вытѣсненію изъ употребленія туземнаго спирта не только въ Дагестанѣ, но и въ Грузіи. Князь былъ пораженъ моими доводами, нѣсколько разъ прочитывалъ контрактъ и сказалъ мнѣ, улыбаясь: „certainement il y a de l'A..... la dessous,—mais cette fois-ci cela ne lui réuissira pas“. На другое утро, до моего прихода, князь, вѣроятно, рѣзко поговорилъ съ А....., потому что, когда я вошелъ въ кабинетъ, контрактъ лежалъ на столѣ и сконфуженный А..... со страшной злобой посмотрѣлъ на меня и вышелъ изъ комнаты. Князь ничего не сказалъ, но видимо былъ взволнованъ; контрактъ положилъ онъ въ ящикъ своего стола. На другой день А....., прійдя утромъ въ кабинетъ, сталъ при мнѣ пристально всматриваться въ глаза князя; старикъ встревожился, когда А..... сказалъ ему, что онъ замѣчаетъ красноту и раздраженіе. Сейчасъ же были спущены шторы въ кабинетѣ. Князю надѣли зеленый зоптикъ на глаза и началось какое-то леченіе, вслѣдствіе котораго въ продолженіе 7-ми или 8-ми дней его уже не выпускали изъ темной спальни. Въ семействѣ и городѣ поднялась общая тревога, всѣ надежды сосредоточились на А..... Возмущенный всѣмъ тѣмъ, чему я былъ свидѣтелемъ, я, кажется, квягипѣ высказалъ мои догадки и, впрочемъ, ни передъ кѣмъ не скрывалъ своего мнѣнія о дѣйствіяхъ А..... Князь наконецъ поправился, но контрактъ былъ подписанъ и дѣло сдѣлано—дальнѣйшія подробности мнѣ неизвѣстны. Рассказываю объ этомъ фактѣ, какъ объ одномъ изъ поразившихъ меня болѣе всего въ отношеніяхъ князя въ послѣдніе годы его жизни въ дѣлу,



когда эгоистическое чувство самосохраненія брало верхъ надъ общественными интересами. Я помню, какъ обстоятельство это меня крайне огорчило. Князь избѣгалъ говорить со мной о контрактѣ М....., и мнѣ помнится, что какъ-то разъ я нарочно намекнулъ на это дѣло, что возбудило временно явное неудовольствіе противъ меня князя. Можетъ быть, А..... удалось убѣдить князя и другими болѣе вѣскими передъ моими доводами — сердечно желалъ бы для памяти князя этому вѣрить.

Князь Воронцовъ любилъ строгую исполнительность по службѣ и, вообще, не допускалъ, чтобы превословили или противодѣйствовали его видамъ и намѣреніямъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ, какъ выше сказано, совершенный деспотъ; неудовольствіе свое высказывалъ всегда сдержанно и скорѣе язвительными намеками, но мнѣніе о лицѣ неисполнившемъ его виды или непонявшемъ его приказанія устанавливалось надолго въ памяти князя, и много надобно было сдѣлать впослѣдствіи, чтобы измѣнить составившійся у него взглядъ о достоинствахъ или способностяхъ человека.

При самомъ же исполненіи князь совершенно не обращалъ вниманія на форму, лишь бы была суть дѣла. Такъ совершенно безразлично было написать ему рапортъ по возложенному порученію на бѣлой или сѣрой бумагѣ, явиться за приказаніями или съ докладомъ въ мундирѣ или въ сюртукѣ безъ эполетъ и т. п. Вообще, въ службѣ онъ держался духу и смыслу, а не наружной формы. Для окружающей его молодежи и приближенныхъ нельзя было вообразить себѣ болѣе снисходительнаго, внимательнаго и добраго начальника. Всѣ шалости молодежи, разумѣется неимѣющія характера ни буйства, ни явнаго неприличія, встрѣчали скорѣе въ немъ симпатичный интересъ къ проявленію молодости, чѣмъ выскателное отношеніе начальника къ своимъ подчиненнымъ.

Приведу одинъ примѣръ. Какъ-то разъ, возвращаясь изъ театра въ прекрасную весеннюю Тифлисскую ночь, зашелъ я поужинать въ клубъ, расположенный на площади, какъ разъ передъ домомъ Главнокомандующаго. Къ зданію клуба примыкалъ на площади садъ, открытый со всѣхъ сторонъ на улицу. Въ этомъ саду нашелъ я товарища своего Васильчикова и двухъ-трехъ пріятелей, ужинавшихъ на открытомъ воздухѣ. Я подсѣлъ къ нимъ и

вдругъ родилась мысль послать за оркестромъ музыки гренадерскаго полка, чтобы усладить нашъ кейфъ. Задумано и сдѣлано. Менѣе чѣмъ черезъ часъ, 60 музыкантовъ стояли передъ нами въ саду, который мы освѣтили свѣчами и фонарями, и на первые звуки музыки стали сходиться изъ сосѣднихъ домовъ къ намъ знакомые, публика смотрѣла на насъ съ улицы, народу роздали вино и образовался импровизированный пиръ. Собралось много знакомыхъ, другихъ посылали мы будить и зазывать и такимъ образомъ пропировали до разсвѣта. Затѣмъ съ хоромъ музыки пошли гулять по городу, давая серенады спавшимъ товарищамъ. Въ 7 часовъ я былъ однакоже, по обыкновенію, на службѣ у князя. Я замѣтилъ въ немъ немного усталый видъ; онъ ласково спросилъ меня: „вчера вы, кажется, кутили, что у васъ было?“ Я разсказалъ ему все наше препровожденіе времени. Князь очень смѣялся мысли призвать хоръ музыки на первоначальный ужинъ, состоявшій изъ 4-хъ персонъ, и тутъ же припомнилъ, какъ кутилъ онъ во время Циціанова въ 1802 г. въ томъ же Тифлисѣ еще молодымъ офицеромъ. Когда я вышелъ изъ кабинета къ завтраку, который намъ обыкновенно подавали на другой половинѣ дворца, камердинеръ князя Джіованни, котораго не знаю почему такъ называли (онъ же былъ просто Иванъ Донцовъ, знающій, правда, всѣ иностранные языки одинаково плохо), разсказалъ мнѣ слѣдующее. Отъ непомѣрнаго нашего шума, криковъ ура и грома музыки князь проснулся въ первомъ часу ночи и приказалъ Джіованни узнать, что происходитъ на улицѣ, откуда всѣ звуки долетали до спальни его. Камердинеръ, вышедши на балконъ, увидѣлъ насъ всѣхъ на площади въ саду и просилъ позволенія у князя дать знать намъ, чтобы мы не тревожили его сонъ. Князь разсердился на Джіованни, запретилъ ему не только насъ тревожить, но даже и говорить, что мы его разбудили, сказавъ: „слава Богу, что моя молодежь довольна и веселится“. Намъ всѣмъ ужасно совѣстно было, что никому это въ голову и не пришло, и съ тѣхъ поръ избрали мы театромъ своихъ ночныхъ увеселеній ботаническій садъ и другія мѣста въ городѣ, но въ клубъ болѣе музыки не приглашали. Когда случались какія-либо шалости въ городѣ, князь, зная, что я постоянно въ нихъ участвовалъ, всегда

разспрашивалъ меня о нашихъ походехъ и сердечно смѣлся нашимъ шуткамъ. Хочу, въ доказательство того, какъ князь добродушно и снисходительно понималъ наши шутки и фарсы, рассказать о случаѣ, бывшемъ подъ Салтами въ 1847 г.

Въ первое время осады, наибъ Шамиля Хаджи-Муратъ почти каждую ночь вывозилъ, сколько помнится, 4 или 5 орудій на высоты, господствующія надъ нашей позиціей и постоянно тревожилъ нашъ лагерь. Выстрѣлы непріятеля преимущественно были направлены па горную террасу, гдѣ расположенъ былъ штабъ главнокомандующаго. Стрѣляли гранатами на весьма дальнее разстояніе и навѣсными выстрѣлами, на которые наша артиллерія не могла отвѣчать. Обыкновенно, какъ начиналась стрѣльба, всѣ мы выходили съ княземъ на обрывистую оконечность нашей позиціи; въ темныя южныя ночи полетъ свѣтящихся гранатъ ясно обозначался и мы до того примѣнились, что почти всегда угадывали, куда должна была лечь граната. Многія изъ нихъ не долетали до позиціи, но большая часть дѣйствительно достигала цѣли и разрывалась то въ самомъ штабѣ, то на нижнихъ террасахъ расположеннаго подъ нами лагеря. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней, покуда не прогнали мы непріятеля, это зрѣлище служило намъ развлеченіемъ и подавало поводъ ко многимъ шуткамъ и фарсамъ. Докторъ А..... положительно не могъ преодолѣть присущаго ему чувства самосохраненія; при каждомъ выстрѣлѣ онъ приходилъ въ тревожное безпокойство, волненіе его переходило всѣ предѣлы приличій и достоинства и постоянно служило предметомъ нашихъ насмѣшекъ. Палатка А..... расположена была недалеко отъ ставки главнокомандующаго; позади его на нижней террасѣ была моя палатка, въ которой я жилъ съ Васильчиковымъ, и около меня палатка извѣстнаго впоследствии по защитѣ Севастополя Влад. Ив. Истомина, принимавшаго въ 47 г. въ составѣ штаба князя участіе въ Салтинской экспедиціи. Какъ бывало стемнѣть, передъ временемъ, когда обыкновенно непріятель начиналъ стрѣльбу по лагерю, мы зажигали, подъ предлогомъ заготовлять уголь для самовара, огромный костеръ около нашей палатки, зарево котораго освѣщало и палатку А..... Сначала Э..... С..... употреблялъ угрозы и ругательства надъ нашими денщиками,

наконецъ просьбы къ намъ, чтобы потушить костеръ, который, по мнѣнію его, привлекалъ непріятельскіе выстрѣлы прямо на его палатку. Мы, разумѣется, не обращали вниманія на его доводы и только больше разжигали костеръ. Жалобы А..... на насъ князю остались тоже безъ успѣха: князь съ хладнокровной своей улыбкой отвѣчалъ, что онъ не можетъ препятствовать намъ разводить костры, гдѣ и когда намъ угодно. А....., вслѣдствіе этого, торжественно предсказывалъ, что, благодаря намъ, не только его, но и князя палатка неминуемо будетъ разорвана непріятельскими гранатами, самъ же, какъ только начиналась стрѣльба, пользуясь темнотою ночи, обыкновенно скрывался на террасахъ, въ мѣстахъ, по его мнѣнію, болѣе безопасныхъ. Мы постоянно за нимъ слѣдили, что составляло предметъ шутокъ и разговоровъ всего штаба — и, наконецъ, придумали слѣдующее школьничество. Во время стрѣльбы прокрались мы незамѣтно въ палатку А....., кинжаломъ прорѣзали верхнюю часть холста въ нѣсколькихъ мѣстахъ и положили на койку его два осколка гранаты. Затѣмъ потушили, разумѣется, костеръ свой и, когда все успокоилось, прослѣдили, какъ А..... изъ своего убѣжища прокрадывался на ночлегъ въ палатку. Онъ въ этихъ случаяхъ никогда не зажигалъ огня, изъ опасенія привлечь непріятельскіе выстрѣлы. Каково же было его удивленіе, когда, ложась на койку, онъ наткнулся на осколки гранаты. Позвавъ казаковъ, онъ подымалъ страшную тревогу и шумъ, покуда мы задыхались отъ смѣха за его палаткой. На несчастье А....., въ эту ночь пошелъ проливной дождь и прорѣзанная крыша палатки пропускала весь ливень на его койку. Я зналъ, что Эрастъ Степановичъ непременно доложить объ этомъ обстоятельстве утромъ князю съ новой жалобой на наши костры, почему, вставши пораньше, я взошелъ въ палатку князя и рассказалъ ему о нашей шалости, прося сохранить секретъ и не выдавать насъ А..... Князь смѣялся до слезъ и серьезно выдержалъ свою роль, когда А..... доложилъ ему объ опасности, которой онъ подвергался. Князь обѣщалъ ему запретить намъ разводить костры и потомъ рассказывалъ мнѣ всю эту сцену, добродушно смѣясь надъ трусостью Эр. Степановича. Повидимому, князь не выдалъ насъ, такъ какъ

въ 1870 г., когда я посѣтилъ А..... на его дачѣ около Одессы, гдѣ онъ жилъ въ отставку, я видѣлъ у него на каминѣ знаменитые осколки, которые онъ мнѣ показывалъ, нисколько не подозрѣвая настоящаго дѣла.

Вообще князь чрезвычайно любилъ, чтобы молодежь была молодежью, веселилась — иногда и черезъ мѣру. Онъ никогда не порицалъ излишняго, можетъ быть, проявленія нашихъ жизненныхъ силъ, но не любилъ въ молодыхъ людяхъ всякую напускную и неестественную лѣтатъ серьезность. Разумѣется, все должно было происходить прилично, въ самомъ даже часто неприличіи, какъ подобаетъ порядочнымъ, но увлекающимся молодымъ людямъ. Нравственные понятія его въ отношеніи семейной жизни, къ сожалѣнію, были очень широки; его интересовали даже наши интриги въ обществѣ, и часто слышалъ я отъ него довольно циническое выраженіе о супружескомъ бытѣ: „Eh, mon cher, quand on le sait, c'est bien peu de chose, et quand on ne le sait pas ce n'est rien du tout“.

Князь принималъ всегда участіе во всѣхъ даже частныхъ дѣлахъ ему приближенныхъ. Достаточно было ему узнать о нуждахъ кого-нибудь, чтобы совершенно естественно и просто придти ему на помощь со свойственною ему одному только деликатностью настоящаго *grand seigneur'a*. Онъ былъ чрезвычайно щедръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ разборчивъ. Часто случалось мнѣ докладывать ему о нуждахъ бѣдныхъ офицеровъ и никогда князь не отказывалъ въ пособіи или даже выручкѣ изъ затруднительнаго положенія заслуженныхъ или достойныхъ людей. Припоминаю одинъ случай. На правомъ флангѣ на Лабѣ комендантомъ Тимергоевскаго укрѣпленія и вмѣстѣ съ тѣмъ командиромъ расположеннаго тамъ линейнаго баталіона былъ извѣстный старикъ полковникъ Генигъ, всю свою службу проведеній на Кавказѣ. Этотъ замѣчательный человекъ пользовался общимъ уваженіемъ и имѣлъ огромное вліяніе на покорныя и непокорныя намъ сосѣднія съ укрѣпленіемъ Черкесскія племена. Его справедливость, честность, въ случаѣ пужды боевая энергія, а главное знаніе характера населенія и широкое гостепріимство были извѣстны почти всѣмъ черкесамъ праваго фланга. Онъ никогда не измѣнялъ разъ данному слову и часто

немирные князья прїѣзжали къ нему судиться или совѣтоваться по своимъ частнымъ-внутреннимъ дѣламъ. Онъ, по азіатскому обычаю, прїѣзжихъ одарялъ богатыми подарками, оружіемъ или лошадьми и тѣмъ поддерживалъ свое вліяніе между непокорными племенами. Словомъ, Генигъ былъ честный, умный и во всѣхъ отношеніяхъ отличный человѣкъ, но жилъ далеко не по средствамъ, и когда ему пришлось сдавать баталіонъ, то у него недоставало казенныхъ суммъ, кажется, до 4-хъ тысячъ. Приходилось заслуженному старику идти подъ судъ и потерять плоды долговременной своей службы. Князь зналъ хорошо и умѣлъ цѣнить Генига. Въ то время мы проѣзжали по Кубани и я, узнавъ о затрудненіи Генига, не остановился все рассказать князю, и онъ немедленно приказалъ мнѣ изъ своихъ денегъ отправить Генигу 4.000 р.

Говоря о качествахъ князя, нельзя также не сознавать и того эгоистическаго направленія, съ которымъ онъ смотрѣлъ вообще на людей. Онъ дѣйствительно цѣнилъ, поощрялъ, скажу болѣе, привязывалъ своимъ обхожденіемъ тѣхъ, изъ которыхъ онъ могъ извлечь пользу какъ для себя, такъ и для дѣла; но разъ какъ надобность въ лицахъ миновалась или по какимъ либо обстоятельствамъ нельзя было князю болѣе ожидать того, чѣмъ онъ въ немъ дорожилъ, то онъ такъ же легко съ ними разставался, какъ скоро забывалъ все прошлое \*). Въ отношеніи себя онъ дѣйствительно не жалѣлъ тѣхъ, которые необходимы были ему по его привычкамъ. При всемъ своемъ вниманіи, онъ часто не хотѣлъ замѣчать ни физической усталости, ни даже часто изнеможенія при исполненіи его требованій. При этомъ иногда дѣйствительно вырывались у него сердечные проблески участія и даже благодарности, но скоро это заглушалось эгоистическимъ стремленіемъ къ удовлетворенію своихъ привычекъ. Все это испыталъ я на себѣ и скажу, что ежегодно съ лѣтами все болѣе развивалась эта сторона характера князя. Такъ, напримѣръ, онъ мало думалъ о служебныхъ выгодахъ ему близкихъ лицъ, ежели они могли въ чемъ либо не сходиться съ его личными интересами.

---

\*) О разставаніи моемъ съ княземъ будетъ упомянуто въ воспоминаніяхъ за 53 годъ.

Въ 1849 г., во время Венгерской кампаніи, я прибылъ съ княземъ въ Петербургъ, гдѣ онъ долженъ былъ по нѣкоторымъ важнымъ для Кавказа вопросамъ свестись съ Министрами, передъ поѣздкою своею въ Варшаву для совѣщанія съ Государемъ Николаемъ Павловичемъ. По военной части въ Петербургѣ при князѣ былъ помощникъ начальника Штаба генер. Гоголь, по гражданской баронъ Николай, изъ адъютантовъ — я одинъ. Ген. Гоголь остался по дѣламъ въ Петербургѣ, только я и Николай сопровождали князя въ Варшаву и еще казачій офицеръ Мансурадзевъ, начальникъ конвойной команды князя, почти всегда съ нами ѣздившій, да, кажется, два или три писаря по военной и гражданской части. Въ Варшавѣ намъ было отведено помѣщеніе въ Лазенкахъ въ зданіи Померанцева, около дворца, гдѣ жилъ Государь. Баронъ Николай, подъ предлогомъ тѣсноты помѣщенія, остановился въ гостинницѣ въ самой Варшавѣ и почти все время нашего пребыванія уклонялся отъ всякаго дѣла, такъ что по гражданской и военной канцеляріи пришлось работать мнѣ одному. Мы пробыли, кажется, 6 или 7 дней въ Лазенкахъ. Я до того былъ занятъ и заваленъ дѣлами, подготовленіемъ докладовъ и составленіемъ записокъ, ежедневнымъ отправленіемъ фельдъегерей изъ Петербурга и Кавказа съ дѣлами на имя князя, что всего одинъ разъ удалось мнѣ только провести вечеръ въ городѣ и повеселиться. Въ страшную лѣтнюю жару я рѣшительно проводилъ и дни, и почти цѣлыя ночи, за бумагами въ маленькой комнатѣ, раздѣленной корридоромъ отъ 2-хъ или 3-хъ комнатъ, которыя занималъ князь. Каждое утро, иногда не спавши цѣлую ночь, я являлся къ князю съ записками и бумагами, которыя онъ долженъ былъ докладывать Государю. Обыкновенно около 11-ти часовъ я надѣвалъ мундиръ и съ портфелемъ доклада сопровождалъ князя въ Лазенки до самой двери кабинета Государя, гдѣ передавалъ князю бумаги, вкратцѣ припоминая ему содержаніе оныхъ; затѣмъ ожидалъ въ залѣ его выхода и, возвратившись домой, немедленно садился за исполненіе бумагъ. Мнѣ приносили изъ дворца обѣды и обыкновенно до разсвѣта я не разгибался отъ письменнаго стола. Князь каждый вечеръ, возвращаясь отъ Государя, гдѣ онъ обыкновенно игралъ въ карты, заходилъ ко мнѣ, передавалъ приказанія и рассказывалъ

многія подробности о своихъ разговорахъ съ разными лицами по поводу дѣйствій въ Венгріи, политическаго настроенія Европы и взглядовъ Государя на Кавказскія наши дѣла. Въ теченіе дня также часто приходилъ онъ ко мнѣ въ комнату; было такъ жарко, что я сидѣлъ въ одной рубахѣ, и князь былъ такъ добръ, что никогда не позволялъ мнѣ одѣваться. Разъ даже, заставъ меня дремавшимъ на маленькомъ диванѣ, въ ожиданіи переписки писаремъ заготовленныхъ мною бумагъ, онъ пошелъ въ свою комнату, тихонько принесъ мнѣ подушку и осторожно подложилъ мнѣ подъ голову. Я узналъ это отъ его человѣка, у котораго онъ постоянно спрашивалъ, въ которомъ часу я ложился и удивлялся, видя меня въ 7 часовъ уже у себя въ кабинетѣ готовымъ къ обычной работѣ. Мнѣ онъ никогда не выразилъ на словахъ ни своей благодарности, ни участія къ моему положительно изнеможенному состоянію. Разъ только, помню, подошедши къ столу, за которымъ я писалъ и не замѣчалъ его прихода, онъ поцѣловалъ меня въ голову (это была его привычка) и сейчасъ же ушелъ въ свою комнату. Другой разъ, видя, что отъ бессонницы и жары у меня страшно болѣла голова, онъ, выѣзжая куда-то, когда я его проводилъ съ лѣстницы, съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку, сказавъ: „merci, mon ami“.

Къ Николаи онъ обращался только тогда, когда сему послѣднему угодно было пріѣхать изъ города въ Лазенки, не измѣняя въ отношеніи къ нему нисколько своего обычнаго расположенія и привѣтливости.

Наконецъ настала минута отъѣзда. Наканунѣ этого дня утромъ явился Николаи въ мундирѣ къ князю и съ обыкновенною важностью и сухостью своею просилъ представить его Государю. Князь нашелъ это совершенно естественнымъ и приказалъ Мансурадзе также явиться. Я взялъ портфель съ докладомъ и пошелъ вмѣстѣ съ ними и съ княземъ во дворецъ. Видѣвши, что князь мнѣ ничего не говоритъ, я, передавъ бумаги, остался дожидаться въ другихъ комнатахъ. Князь вызвалъ Николаи и Мансурадзе и представилъ ихъ Государю; первый, кажется, тутъ же былъ поздравленъ камергеромъ, а второй получилъ слѣдующій чинъ. Я же, взявъ отъ князя докладъ, вмѣстѣ съ нимъ вернулся домой.



Признаюсь, я никогда не испыталъ такого чувства озлобленія, какъ то, которое овладѣло мною въ эту минуту. Нѣтъ сомнѣнія, что Государь поздравилъ бы меня флигель-адъютантомъ, можетъ быть и вѣроятноѣ всего, что это званіе, отклонивъ меня отъ Кавказа, лишило бы меня возможности сдѣлать ту карьеру, которую я сдѣлалъ, и упрочить такъ счастливо свою жизнь. Не сомнѣваюсь и твердо вѣрю, что судьба устроила все къ лучшему, но въ ту минуту, о которой говорю, я чувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ невниманіемъ князя. Я недоумѣвалъ: хотѣлъ ли онъ наказать меня за мою гордость, ожидая, что я буду его просить, чего никогда не дѣлалъ для себя, или это была просто забывчивость съ его стороны, что для меня было еще оскорбительнѣе. Потомъ, размышляя, я пришелъ къ убѣжденію, быть можетъ, слишкомъ самонадѣянному и для меня лестному, что въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ чисто эгоизмъ князя, привыкшаго ко мнѣ и опасавшагося, что съ новымъ назначеніемъ я долженъ буду оставить мою при немъ службу. Къ счастью, князь немедленно выѣхалъ изъ дому и я имѣлъ нѣсколько часовъ времени, чтобы, успокоившись, вполне вступить въ полное самообладаніе, и тогда поставилъ я себѣ задачей ни въ чемъ не показывать князю, что обстоятельство это чѣмъ либо подѣйствовало на меня и на мои къ нему отношенія. Я имѣлъ достаточно силы воли, чтобы выдержать вполне характеръ; я встрѣтилъ князя съ обычными своими приемами и сѣлъ съ нимъ въ карету въ обратный путь въ С.-Петербургъ, немедленно взявъ съ собою за чтеніе послѣднихъ газетъ. Видимо князь чувствовалъ себя въ неловкомъ передо мною положеніи, что служило мнѣ лучшимъ удовлетвореніемъ накопившимъ во мнѣ чувствамъ. Онъ необычайнымъ вниманіемъ своимъ старался выказывать мнѣ свое особое расположеніе во время всей дороги, и тутъ въ первый разъ за чаемъ онъ удѣлилъ мнѣ ложку изъ бутылки столѣтняго рому, котораго онъ никому не давалъ (у него всего оставалось отъ дѣда пять такихъ бутылокъ и онъ изрѣдка, при усталости, наливалъ въ свой стаканъ ложку этого необыкновеннаго напитка). Разъ даже предложилъ мнѣ курить въ каретѣ, чего онъ не допускалъ, и обыкновенно я курилъ на станціи, покуда мѣняли лошадей. Ромъ я выпилъ, курить отказался и съ своей стороны чутко слѣдилъ за

собою, чтобы не измѣнить себѣ въ моемъ поведеніи съ княземъ. Съ такими дипломатическими приѣмами мы доѣхали благополучно до Петербурга, гдѣ я забылъ все случившееся и съ прежнею привязанностью предался моему влеченію къ князю.

Не знаю, это ли обстоятельство повліяло на то, что годъ спустя, т.-е. въ 1850 г., при приѣздѣ Государя Наслѣдника на Кавказъ, гдѣ я все время вмѣстѣ съ княземъ сопровождалъ Его Высочество, только-что произведенный въ ротмистры, вдругъ, по возвращеніи Наслѣдника въ Петербургъ, Высочайшимъ приказомъ произведенъ былъ въ полковники. Ясно, что такой неожиданной, выходящей совершенно изъ ряда, наградой я обязанъ особому личному ходатайству Воронцова черезъ Наслѣдника у Государя. Я помню, что когда мнѣ объявлена была эта награда, я вѣрить не хотѣлъ, а князь, съ непритворною радостью поздравляя и обнимая меня, сказалъ: „enfin, mon cher, je puis vous prouver, combien j'apprécis vos services et combien je suis content de vous“. Относилось ли это къ Варшавскому эпизоду — не знаю, но князь ничего не говорилъ безъ цѣли, и скорѣе думаю, что этимъ онъ хотѣлъ намекнуть на рассказанное мною обстоятельство.

Князь чрезвычайно высоко понималъ и цѣнилъ военные доблести, давая собою всегда примѣръ исполненія военного долга съ тою естественностью и простотою, которая еще болѣе выставляла его достоинства. Онъ не любилъ хвастовства въ военномъ дѣлѣ и вообще всякаго фанфаронства, и въ храбрости болѣе всего цѣнилъ скромность; трусость онъ презиралъ глубоко, а человѣкъ подверженный этой слабости окончательно терялъ въ его глазахъ. Припоминаю случай во время осады аула Салты въ 1847 г. Мы шли съ княземъ по траншеѣ на полуружейный выстрѣлъ отъ стѣны непріятельскихъ укрѣпленій; впереди насъ шелъ командиръ Ширванскаго полка Плацъ-Бекъ-Кокунъ, — массивная, громаднаго роста, чрезвычайно воинственная фигура, но не съ таковою же душою; по траншеѣ расположены были его баталіоны. Мѣстами насыпи не были достаточно высоки, и горцы обыкновенно пользовались этимъ, чтобы стрѣлять въ проходящихъ. Въ этихъ мѣстахъ Кокунъ, при огромномъ своемъ ростѣ, сгибался. Князь, увидѣвъ эту продолѣлку раза два, не вытерпѣлъ и, остановившись въ одномъ изъ

опасныхъ мѣстъ, сказалъ: „полковникъ, я всегда хотѣлъ помѣриться съ вами ростомъ — станьте-ка со мной“. Кокупъ, разумѣется, новиновался и общій хохотъ всей свиты служилъ лучшимъ наказаніемъ его слабонервности. Между тѣмъ, нѣсколько пулъ просвистѣло надъ княземъ и Кокуномъ. Главнокомандующій, продолжая путь, сказалъ ему: „однако же вы значительно выше меня ростомъ, берегите свою голову“. Во мнѣніи князя репутація Кокуна была навсегда установлена.

Странно, какъ при той привычкѣ, которую имѣлъ князь обращаться съ людьми, при томъ англійскомъ воспитаніи, которое онъ получилъ, наконецъ, при той высокой роли, которую онъ такъ давно игралъ, онъ былъ въ сущности застѣнчивъ. Это меня всегда удивляло. Совершенно свободно, опредѣленно и ясно выражаясь въ маломъ кружкѣ, князь видимо стѣснялся говорить официально передъ большимъ собраніемъ; несмотря на лѣта его, онъ положительно былъ взволнованъ передъ тѣмъ, чтобы говорить, старался всегда избѣгать всѣхъ подобныхъ случаевъ, а ежели говорилъ, то весьма мало и съ видимымъ замѣшательствомъ.

Въ домашнемъ или близкомъ кругу князь очень любилъ рассказывать и весьма интересно рассказывалъ многія подробности о прошломъ, иногда весьма забавные анекдоты, и любилъ подсмѣиваться надъ своими и добродушно тѣшился дѣлаемыми мною фарсами.

Помню, какъ, кажется, въ 1850 г., будучи въ С.-Петербургѣ, я подписался на Модный Журналъ на имя графини Шуазель, жившей тогда въ Тифлисѣ съ Воронцовыми. Надобно сказать, что добрейшая графиня, несмотря на преклонныя лѣта свои, была до крайности умна, любезна, любила смѣяться, но имѣла весьма, оригинальныя стороны, надъ которыми Воронцовъ часто подсмѣивался. Между прочимъ, она никакого вниманія не обращала на свой туалетъ и была всегда, Богъ знаетъ какъ, одѣта. Утромъ за чаемъ въ кабинетѣ получается почта и журналы; я преспокойно отдаю графинѣ пакетъ съ напечатаннымъ ея адресомъ. Каково было удивленіе ея и смѣхъ князя, когда оказалось, что это модный журналъ. Сначала думали, что это ошибка почтальона, но такъ какъ присылка продолжалась еженедѣльно и постоянно служила

предметомъ насмѣшекъ князя, то явно было, что это чья-нибудь фарса. Я пресерьезно взялся узнать, кто это сдѣлалъ, и князь приказалъ написать офиціальную бумагу въ почтамтъ. Тогда пришлось признаться ему, что сдѣлалъ эту шалость я. Надобно было видѣть, какъ онъ смѣялся, обѣщая мнѣ сохранить тайну. Но болѣе мѣсяца онъ не выдержалъ и разсказалъ графинѣ, отъ которой мнѣ за это сильно досталось. Разумѣется, какъ началось, такъ и кончилось все смѣхомъ.

Иногда князь былъ до того добродушенъ и благодушенъ, когда ничто особенно не озабочивало его, что въ эти минуты онъ на меня производилъ самое обаятельное впечатлѣніе. Я, казалось, угадывалъ тогда въ немъ все то, что холодный разсудокъ и горькій опытъ жизни исказили въ его высокой душѣ, въ его любящемъ и мягкомъ сердцѣ.

Въ послѣдніе годы я положительно, какъ говорилъ, сдѣлался одной изъ его старческихъ привычекъ. Я принаровился совершенно къ его характеру; скажу болѣе,—сердечно привязался къ нему, сознавая его слабости. Меня глубоко огорчала, даже мучила необходимость сознавать недостатки князя, которые, при впечатлительности моей, особенно въ послѣдніе годы, должны были умѣрять уваженіе къ личности, къ которой до сихъ поръ еще сохраняю непритворную и неизмѣнную сердечную привязанность. Князь это все, повидимому, хорошо понималъ,—сколько сердце его способно было любить, онъ любилъ меня. Ни съ кѣмъ, можетъ быть, во время поѣздокъ въ одномъ экипажѣ или постоянныхъ занятій въ кабинетѣ онъ не былъ такъ откровененъ, насколько онъ могъ быть, какъ со мною. Онъ говорилъ мнѣ о своихъ семейныхъ дѣлахъ, разсказывалъ многое изъ прошлаго и никогда не стѣснялся высказывать свое мнѣніе о лицахъ. Съ другой стороны, считаю знакомъ его ко мнѣ довѣрія, что никому и, можетъ быть, никогда не позволялъ князь съ глазу на глазъ говорить съ собою такъ, какъ мнѣ. Я часто ему говорилъ, увлекаясь своею привязанностью: *je n'ai qu'un seul moyen, mon P-ce, de Vous payer le tribut de reconnaissance, que je Vous dois, qu'en vous disant ce, que les autres n'osent vous faire entendre la verité.* Онъ вѣрилъ моему чистосердечію, иногда былъ недоволенъ, но никогда не останавливалъ меня. Были

случаи, когда онъ съ чувствомъ вставалъ съ своего мѣста, бралъ за голову и цѣловалъ меня. Случалось также, что недовольный моими иногда рѣзкими выходками и несоотвѣтствующими его личнымъ видамъ взглядами на дѣло или личность, употреблявшую во зло довѣріе князя, онъ перемѣнялъ разговоръ или съ холодною отворачивался отъ меня. Иногда нѣсколько часовъ спустя, иной разъ и на слѣдующій день, онъ просто пожималъ мнѣ руку, говоря: „merci, mon ami“, и больше ничего. Я понималъ, въ чемъ дѣло, но понималъ также, что больше объ этомъ говорить не слѣдуетъ. Утѣшаюсь мыслью, что преданностью моею къ князю мнѣ удалось, благодаря этимъ отношеніямъ, во многомъ, можетъ быть, остановить несправедливое рѣшеніе, вызванное лицами, злоупотреблявшими довѣріемъ князя и пользовавшимися его слабостью. Такъ же часто я имѣлъ утѣшеніе видѣть, что князь измѣнялъ свое мнѣніе о достойныхъ личностяхъ, оклеветанныхъ передъ нимъ низкими и подлыми интригами.

Въ послѣднее время я почти одинъ изъ адъютантовъ постоянно сопровождалъ князя въ его поѣздкахъ. Ѣздили мы обыкновенно по краю въ такъ называемыхъ желтыхъ дрожкахъ—родъ низкаго фаэтона на четверку лошадей, но среди котораго въ длину экипажа была еще скамейка; князь укладывалъ обыкновенно на нее свои ноги. Всю почти дорогу, подъ палящимъ солнцемъ, при пыли и вѣтрѣ, приходилось читать князю газеты или записки; онъ не могъ ни минуты быть совершенно празднымъ. Можно себѣ представить, чтò я терпѣлъ при исполненіи этой пытки въ продолженіе ежедневныхъ переѣздовъ. Князь часто во время чтенія дремалъ, даже засыпалъ, но достаточно было только пріостановиться чтеніемъ, чтобы князь сейчасъ пробудился и спросилъ: „ou en sommes nous, mon cher?“

Я помню, въ 1849 г., ѣхавши на этотъ разъ въ дормезѣ изъ Петербурга въ Варшаву, мнѣ пришлось читать въ продолженіе всего пути. Когда я замѣчалъ, что князь дѣйствительно уснетъ, я клалъ газету, бумагу или книгу къ себѣ на колѣни и, закрывши глаза, громко бормоталъ невнятные слова; мнѣ случалось самому при этомъ засыпать, иногда я просто притворялся спящимъ. Тогда князь осторожно поднималъ газету, иногда подкладывалъ мнѣ по-

душку подъ голову и самъ дѣйствительно засыпалъ. На каждой станціи Джіованни подносилъ мнѣ обыкновенно стаканъ вина или грогу, чтобы освѣжить засохшее отъ чтенія горло; я иногда приходилъ въ ожесточеніе, но добродушное постоянно вниманіе князя заставляло немедленно умолкать всякое чувство неудовольствія противъ него. Этимъ впрочемъ не кончались мои испытанія въ путешествіи; по всему пути и въ мѣстахъ остановки массаи подавались просьбы; я обязанъ былъ разбирать ихъ, докладывать и потомъ пересылать въ канцелярію или штабъ по принадлежности. Большая часть изъ нихъ были незаконныя или неудобноисполнимыя жалобы на рѣшенія Сената, на резолюціи, исполненныя еще при Ермоловѣ и проч. Подобныя просьбы, конечно, не удовлетворялись и въ слѣдующую поѣздку тѣми же лицами опять подавались.

Князь всегда удивлялся необыкновенной моей памяти и часто со смѣхомъ выслушивалъ мои доклады о подаваемыхъ прошеніяхъ. Между прочимъ, припоминаю слѣдующій случай. Не помню въ которомъ году, ѣхали мы изъ Нухи въ Шемаху въ тѣхъ же желтыхъ дрожкахъ. На степи паслись стада съ татарскихъ кочевьевъ, какой-то старикъ татаринъ посреди дороги остановилъ экипажъ, поднимая прошеніе надъ головой съ обыкновеннымъ крикомъ: „сердаръ, орзимъ варъ“ (намѣстникъ, просьба есть). Князь велѣлъ остановить экипажъ и принять прошеніе; я, зная немного по-татарски, передалъ старику, что будетъ разобрано, и мы поѣхали дальше. Не развертывая прошенія, я тутъ же доложилъ князю, что татаринъ проситъ о разысканіи и возвращеніи ему двухъ буйволовъ, украденныхъ въ 1820 г. Князь отнялъ у меня прошеніе, положилъ въ карманъ и, пріѣхавъ на станцію, самъ прочелъ—оказалось вѣрно. Татаринъ этотъ во второй или третій разъ подавалъ намъ при проѣздѣ прошеніе.

Разборъ этихъ просьбъ отнималъ не мало у меня времени, и обыкновенно я это дѣлалъ вечеромъ, а иногда и ночью. Днемъ не было времени, потому что, когда мы пріѣзжали по маршруту въ какое-нибудь укрѣпленіе, станицу или штабъ-квартиру, то немедленно, переодѣвшись (мы еле успѣвали завтракать), князь сейчасъ же выѣзжалъ верхомъ осматривать, что слѣдовало. Я долженъ былъ сопровождать его и мы возвращались только къ обѣду. Ве-

черомъ, когда князь садился играть въ карты, я былъ свободенъ, ежели только не приходилось принимать и отправлять курьеровъ и разбирать бумаги. Баронъ Николаи, хотя и сопровождалъ насъ, но до того излѣнился, что и гражданскія дѣла и почту приходилось часто мнѣ за него докладывавать, а писать письма уже положительно выпадало на мою только долю во всѣхъ дневкахъ и продолжительныхъ остановкахъ. Если къ этому прибавить, что въ каждомъ углу Кавказа были у меня знакомые, сослуживцы по экспедиціямъ, пріатели, которые наперерывъ зазывали къ себѣ на угощеніе вечеромъ, продолжавшееся иногда до разсвѣта, а между тѣмъ въ дорогѣ къ 6-ти часамъ утра всегда надо было быть готовымъ къ отъѣзду, то можно себѣ представить до какой степени иногда служба моя изнуряла меня.

Послѣдніе годы князь очень ослабѣлъ здоровьемъ послѣ своей болѣзни въ 1851 г. и уже княгиня почти постоянно ѣздила съ нимъ въ дормезѣ. Чтеніе газетъ въ дорогѣ перешло къ ней, и князь съ тѣмъ же эгоизмомъ заставлялъ ее безостановочно читать. Нельзя было безъ глубокаго уваженія и состраданія къ княгинѣ, которая къ тому же должна была прибѣгать къ очкамъ, смотрѣть какъ она, при лѣтахъ своихъ, цѣлые часы исполняла съ истиннымъ самопожертвованіемъ эту тяжелую обязанность; но она вся предалась въ послѣдніе годы князю, всѣ ея заботы устремлены были только на его спокойствіе и уходъ за нимъ. Можно сказать, что въ это время ея жизнь сосредоточилась въ князѣ и въ исполненіи къ нему своихъ обязанностей. Это было достаточнымъ искупленіемъ всего прошлаго, ежели оно существовало, какъ о томъ говорили; но я зналъ княгиню всегда преданною своему долгу, съ весьма развитымъ религіознымъ направленіемъ. Со времени пріѣзда на Кавказъ графини Шуазель, направленіе это значительно усилилось и дѣятельность ея вся поглощена была мыслью дѣлать добро и сочувственно относиться ко всѣмъ страданіямъ и несчастіямъ ближняго.

Княгинѣ Воронцовой теперь 84 года; я по возможности навѣщаю ее въ Одессѣ. Не говоря о томъ чувствѣ сердечной моей привязанности къ княгинѣ и той глубокой преданности, которую къ ней питаю, при видѣ ея воскресаютъ въ памяти моей всѣ воспо-

минанія счастливой прошлой службы моей при князѣ Воронцовѣ, и сама княгиня съ чисто материнскимъ чувствомъ всегда встрѣчаетъ и принимаетъ меня до сихъ поръ, какъ одного изъ самыхъ близкихъ къ покойному князю.

Здѣсь въ общихъ чертахъ высказалъ я, какъ я ихъ понимаю, всѣ отмѣтки характера высокой личности князя Воронцова. Приведенные мною отдѣльные примѣры, которыхъ такъ много мнѣ случалось видѣть по службѣ моей, служили основаніемъ сложившагося у меня взгляда; въ дальнѣйшихъ воспоминаніяхъ моихъ нерѣдко встрѣтятся случаи, гдѣ придется говорить о нравственныхъ проявленіяхъ князя въ различныхъ обстоятельствахъ—этимъ дополнится сказанное мною о немъ въ этомъ краткомъ очеркѣ.

Кончаю мою характеристику князя Воронцова съ тѣмъ же чувствомъ, съ которымъ началъ: съ безпредѣльною благодарностью и сердечною привязанностью къ его священной для меня памяти и съ глубокимъ сожалѣніемъ о слабостяхъ и недостаткахъ личности, которую желалъ бы сохранить ничѣмъ не помраченной въ памяти сердца моего. Но пишу для себя эти воспоминанія и не могу лицемѣрить предъ самимъ собою, и ошибоченъ, можетъ быть, но во всякомъ случаѣ чистосердеченъ взглядъ мой на высокую историческую личность князя Воронцова.

---



## С Л Ъ П Ц О В Ъ.

(Изъ воспоминаній князя Дондукова-Корсакова).

---

Личность Слѣпцова до того сдѣлалась извѣстна на Кавказѣ и память о немъ до того сохранилась, что хочу сказать нѣсколько словъ объ этой дѣйствительно своеобразной и энергичной натурѣ. Во время командованія генерала Нейдгардта, Слѣпцовъ былъ, кажется, капитаномъ арміи и состоялъ адъютантомъ при начальникѣ штаба генералѣ Александрѣ Семеповичѣ Траскинѣ; ничѣмъ особенно онъ до того времени не отличался, исключая необыкновенной своей пылкости, энергіи и горячности, доходившихъ до послѣднихъ предѣловъ. Помню, какъ въ 44-мъ году, вечеромъ, сидя съ нимъ въ товарищескомъ кругу у братьевъ Мезенцевыхъ, разговоръ зашелъ о Траскинѣ, котораго обвиняли въ неблаговидныхъ сдѣлкахъ его съ провіантскими подрядчиками и вообще въ корыстолюбивомъ направленіи (что, къ сожалѣнію, кажется не было лишено основанія). Слѣпцовъ вскочилъ съ своего мѣста со словами: „не имѣю фактовъ и потому лишень права защищать своего генерала“ и вышелъ изъ квартиры. Всѣ привыкли къ выходкамъ Слѣпцова и никто не обратилъ на это вниманіе. Черезъ часъ является вновь въ нашъ кружокъ Слѣпцовъ, но уже въ мундирѣ и съ азартомъ говорить: „застрѣлю перваго, кто позволитъ себѣ задѣвать честь Траскина; я сейчасъ отъ него, потребовалъ отъ него честнаго слова и клятву, что онъ никогда не бралъ взятокъ, я ему вѣрю и не позволю болѣе оскорблять его“. Въ 1846 году начато было, по

предложенію князя Воронцова, заселеніе новой передовой Сундженской линіи. Слѣпцовъ, въ чинѣ майора, былъ назначенъ командиромъ вновь формируемаго полка. Лучшаго выбора нельзя было сдѣлать,—только энергія, предприимчивость и отчаянная храбрость его могли преодолѣть всѣ препятствія и затрудненія для новаго поселенія. День и ночь отражая непріятельскія нападенія, Слѣпцовъ умѣлъ вселить въ новыхъ переселенцахъ (большую частью охотникахъ изъ казаковъ Терской линіи) такую удалъ и духъ, который вскорѣ сдѣлалъ Сундженскій полкъ грозой всей малой Чечни. Не ожидая вторженія въ наши предѣлы непріятеля, самыми отважными и неожиданными набѣгами Слѣпцовъ со своими храбрыми Сундженцами постоянно тревожилъ непріятеля, чѣмъ давалъ возможность казакамъ устроить свое хозяйство. Положительно подъ конецъ не Чеченцы держали нашу линію въ страхѣ, а вся малая Чечня ежеминутно ожидала набѣговъ Слѣпцова. Сундженская линія вскорѣ сдѣлалась, несмотря на передовое положеніе свое, однимъ изъ самыхъ цвѣтущихъ казачьихъ поселеній Кавказа. Имя Слѣпцова гремѣло положительно на Кавказѣ, удачи его набѣговъ и довѣріе къ его распорядительности и отважности приковали къ нему сердца всѣхъ его подчиненныхъ. Казаки и подчиненныя Слѣпцову войска положительно обожали его, несмотря на всѣ строгости, а иногда и песообразныя выходки запальчиваго его характера. Насколько Слѣпцовъ былъ хозяиномъ, и замѣчательнымъ даже хозяиномъ, въ отношеніи экономическаго быта Сундженскаго населенія, настолько не былъ онъ хозяиномъ въ отношеніи себя; имѣя очень порядочное состояніе, онъ все прожилъ на Сундженѣ широкимъ Кавказскимъ гостепріимствомъ своимъ и щедростью въ отношеніи вѣренныхъ ему казаковъ. Семейство каждаго убитаго казака или потерпѣвшаго какое-либо несчастіе въ хозяйствѣ находило въ немъ самаго заботливаго и щедраго покровителя.

Горячность и запальчивость, не знавшія предѣловъ, были главные недостатки Слѣпцова; онъ постоянно хватался то за пистолеты, то за пашку, но раздраженное его настроеніе быстро смѣнялось или совершенно дѣтскимъ добродушіемъ, или совершенно женскою чувствительностью. Это была сердечная, впечатлительная и до рыцарства благородная натура. Не помню въ которомъ году,

но незадолго передъ смертью своей, Слѣпцовъ, въ виду совершенно разстроенныхъ дѣлъ своихъ, отправился въ отпускъ въ Саратовскую губернію и взялъ съ собою нѣсколько Сундженскихъ казаковъ въ видѣ тѣлохранителей. Пріѣхавъ по какимъ-то дѣламъ въ Саратовъ, одинъ изъ этихъ казаковъ за какое-то буйство былъ взятъ въ полицію. Слѣпцовъ, узнавъ объ этомъ, съ остальными бросился на выручку Сундженца, съ обнаженными пашками, съ пистолетными выстрѣлами, разбилъ всю Саратовскую полицію и, выручивъ казака, уѣхалъ на Кавказъ. Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвелъ подобный набѣгъ въ мирномъ губернскомъ городѣ. Объ этомъ, какъ о чрезвычайномъ событіи, было донесено Государю, началось слѣдствіе и дѣло, можетъ быть, дурно кончилось бы для Слѣпцова, ежели бы онъ дожился до его окончанія въ 51 году.

Смерть этого любимца Кавказа, олицетворявшаго въ себѣ всѣ качества и удалъ кавказскаго казака, глубоко и тяжело поразила всѣхъ; долго Сундженцы не могли забыть объ утратѣ своего героя; сколько грустныхъ пѣсенъ, теперь еще раздающихся по станицамъ Сунджи, напоминаютъ объ утратѣ Слѣпцова, восхваляя его доблести и душевное расположеніе къ казакамъ. Слѣпцовъ, сраженный вражеской пулей, умеръ, можно сказать, во время, не переживъ своей славы. Обладая всѣми качествами лихого партизана и замѣчательнаго казачьяго командира полка, особенно на передовой линіи, Слѣпцовъ не обладалъ, по мнѣнію моему, тѣмъ хладнокровіемъ, разсудительностью и безпристрастнымъ отношеніемъ къ дѣлу, которое необходимо начальнику на болѣе высшемъ посту; строптивость его характера и непомѣрная горячность на другомъ мѣстѣ и въ другомъ служебномъ положеніи, безъ сомнѣнія, заставили бы Слѣпцова много и много потерять изъ такъ справедливо заслуженной имъ репутаціи на передовой Сундженской линіи.

---

## Мои воспоминанія.

1840—1844 гг.

Книзи Дондукова-Корсакова.

---

### Сыновьямъ моимъ Михаилу и Николаю.

Вамъ, дорогія дѣти мои, посвящаю воспоминанія мои, съ вами хочу подѣлиться и свѣтлыми и горькими минутами жизни моей. Все пережитое, испытанное, перечувствованное мною да послужитъ вамъ въ жизни во многомъ и указаніемъ и опытомъ въ томъ, что суждено, можетъ, и вамъ испытать и перечувствовать. Молю Бога, чтобы сохранилъ въ васъ тѣ правила добра и чести, то чувство долга къ отечеству, обществу и семьѣ, которымъ я обязанъ былъ тѣмъ, что при всѣхъ увлеченіяхъ и проступкахъ молодости моей не запятналъ себя ни однимъ безчестнымъ дѣломъ, при воспоминаніи о которомъ приходилось бы мнѣ краснѣть передъ вами.

Понятія, отношенія и взгляды мѣняются со временемъ, и каждый невольно подчиняется до извѣстной степени требованіямъ вѣка своего и среды, въ которой приходится ему жить; но есть извѣстныя неизблемыя и вѣчныя нравственныя правила, которыя одни только могутъ оградить человѣка отъ паденія и поддержать его во всѣхъ испытаніяхъ жизни. Какъ строго въ этомъ отношеніи нужно слѣдить за собою и какъ легко первый шагъ къ уклоненію отъ этихъ правилъ влечетъ по скользкому пути къ отрицанію всего прав-

ственного, всего честнаго, и какъ незамѣтно свыкаешься со всѣмъ тѣмъ, что прежде внушало порицаніе и отвращеніе! Но ежели доброе имя и достоинство человѣка ограждается исполненіемъ гражданскаго долга и честностью въ обширномъ смыслѣ этого слова, то для сердца его нужно другое болѣе святое чувство, чтобы укрѣпить человѣка въ добрѣ и поддержать духъ его въ тяжкія минуты жизни. Чувства семейной привязанности и теплая вѣра въ Провидѣніе сколько разъ спасали меня отъ многого; сколько утѣшеній и сколько отрады доставили они мнѣ даже въ самыхъ горькихъ испытаніяхъ. Въ молодости обыкновенно легко смотришь на религіозное чувство, отвлекаемый жизненной суетой и развлеченіями, — съ семейнымъ бытомъ болѣе развивается это чувство: невольно сознаешь потребность высшаго покровя и благословенія надъ тѣмъ, что такъ дорого и близко сердцу и что человѣкъ не въ силахъ дать. Всякая чистая привязанность возвышаетъ человѣка, очищаетъ его, предохраняетъ отъ эгоизма и развиваетъ религіозное чувство — такъ по крайней мѣрѣ испыталъ я на себѣ съ тѣхъ поръ, какъ Богъ благословилъ меня семейнымъ счастьемъ. На старости, когда физическія силы оставляютъ человѣка, слабѣетъ и сила воли и тѣ умственные побужденія разсудка, которыя поддерживали его энергію и руководили дѣйствіями въ жизни, — остается одно только сердце, которое до послѣдняго біенія сохраняетъ потребность любить и вѣровать. Въ эти минуты, полагаю я, ежели человѣкъ поддерживалъ и не затушилъ въ себѣ религіознаго чувства своего, смерть должна быть ему легка, и будущее не страшитъ его, при твердой вѣрѣ и упованіи на благодѣяніе и милосердіе Бога. Много видѣлъ я умирающихъ и меня всегда поражало спокойствіе послѣднихъ минутъ честныхъ и вѣрующихъ людей, точно также какъ тяжело въ памяти моей врѣзалось воспоминаніе предсмертныхъ нравственныхъ томленій и страха смерти у лицъ, не находившихъ въ эти торжественныя минуты опоры въ религіозномъ чувствѣ.

Безпредѣльная моя привязанность къ отцу моему, самая теплая любовь къ достойной матери вашей, которой я обязанъ столькими годами счастья и нравственнымъ обновленіемъ своимъ, наконецъ, тѣ пѣнные чувства, которыя связываютъ меня съ вами, дѣти мои, служили и служатъ теперь самую твердою и чистою опорою мнѣ

въ жизни. При мысли о дорогихъ существахъ, кажется, недоступны должны быть всякіе безчестные помыслы и дѣйствія, могущіе помрачить доброе имя или спокойствіе тѣхъ, кого такъ любишь. Да поддерживать и васъ эти чувства во всемъ святомъ, добромъ и честномъ на предстоящемъ пути жизни вашей.

26 ноября 1874 года. Кіевъ.

---

## ВВЕДЕНІЕ.

Въ продолженіе долгой жизни моей и особенно дѣятельной службы, а также по исключительному положенію, въ которое часто поставленъ я былъ обстоятельствами и судьбою, многое пришлось мнѣ испытать, многое передумать и перечувствовать. Я былъ свидѣтелемъ и участникомъ разныхъ событій, значеніе которыхъ принадлежитъ оцѣнкѣ будущаго; служба моя еще въ молодыхъ лѣтахъ привела меня въ самое близкое соприкосновеніе съ такими личностями, имена которыхъ принадлежатъ исторіи. Впослѣдствіи, занимая уже высшія административныя должности, я имѣлъ еще больше возможности, стоя лицомъ къ лицу съ важными реформами, обновившими весь гражданскій строй нашей Руси, оцѣнить ихъ значеніе и обсудить многія ошибки и увлеченія времени, въ примѣненіи идеи къ дѣлу. Близкія отношенія мои ко всѣмъ главнымъ дѣятелямъ переживаемой нами эпохи дали мнѣ также возможность короче узнать характеры и направленія извѣстныхъ личностей и, къ сожалѣнію, часто убѣждаться въ неправильности ихъ взглядовъ, себялюбивомъ направленіи и равнодушіи къ насущнымъ интересамъ Россіи. Много испыталъ я въ этомъ отношеніи разочарованій; но тѣмъ свѣтлѣе отражаются въ памяти моей воспоминанія о достойныхъ лицахъ, которыя, не поддаваясь растлѣвающему вліянію пашей эпохи, сумѣли сохранить въ дѣйствіяхъ и убѣжденіяхъ своихъ чувства преданности долгу, чести и любви къ отечеству. Несмотря на многія разочарованія, до сихъ поръ сохранилъ я много свѣжихъ еще чувствъ и съ увлеченіемъ, иногда даже слишкомъ исключительно и страстно, предаюсь всецѣло ввѣренному мнѣ дѣлу, которое

привыкъ всегда близко принимать къ сердцу. Я чувствую, что въ извѣстной степени этотъ недостатокъ часто вредитъ успѣху, но я до такой степени всегда страшусь равнодушія и подчиненія общаго дѣла личнымъ интересамъ и взглядамъ, что молю Бога лучше сохранить во мнѣ этотъ недостатокъ, чѣмъ впасть въ противоположную крайность. Отъ природы я очень воспріимчивъ; лѣта охладили во мнѣ пылъ молодости, доходящій иногда до безумной горячности; я привыкъ болѣе владѣть собою, но и теперь часто ощущаю проявленія той необузданности натуры моей и неумѣренности въ рѣчахъ и сужденіяхъ, о которыхъ часто приходится еще сожалѣть мнѣ.

Необыкновенно крѣпкое отъ природы тѣлосложеніе и вообще здоровье, несмотря на раны, болѣзни, перенесенныя лишенія, труды и, къ сожалѣнію, неумѣренную мою жизнь въ молодости, не измѣняютъ мнѣ еще при настоящихъ лѣтахъ моихъ и до сихъ поръ поддерживаютъ энергію и дѣятельность мою. Я привыкъ физически выносить неимовѣрное: десятки тысячъ верстъ проѣздилъ я курьеромъ на перекладныхъ, стараясь всегда отличиться передъ прочими фельдъегерями скоростью ѣзды; тысячи верстъ проѣхалъ я верхомъ по Кавказу и Персіи, перенося весело и съ увлеченіемъ всякую усталость. Меня всегда привлекали препятствія, опасности и всякаго рода приключенія; особенное чувство удовольствія ощущалъ я въ продолженіи того, что другимъ казалось невозможнымъ. Сколько глупостей, сколько шалостей я дѣлалъ, сколькимъ опасностямъ напрасно подвергала меня эта свойственная мнѣ предпріимчивость. Часто все это дѣлалъ я изъ излишней удали и фанфаронства; но по большей части это было вызвано потребностью моей натуры безотчетно и широко расходовать избытокъ жизненныхъ силъ моихъ. Начальники мои, при тогдашнихъ условіяхъ Кавказа, — Воронцовъ и Муравьевъ особенно цѣнили хорошую сторону этихъ качествъ, снисходительно относясь къ худой ихъ сторонѣ. Между товарищами это ставило меня коноводомъ всѣхъ нашихъ кутежей и предпріятій. Меня очень любили за находчивость мою и постоянно веселый нравъ; а во всѣхъ важныхъ случаяхъ и затруднительныхъ обстоятельствахъ дорожили также моимъ совѣтомъ и практическимъ взглядомъ на дѣло. Вообще я очень счастливъ

въ жизни отношеніями моими и большею частью находилъ между начальниками, подчиненными и товарищами скорѣе сочувствіе, нежели вражду, зависть или нерасположеніе. Этому много, можетъ быть, способствовалъ уживчивый, общительный и всегда веселый характеръ мой; а также и то, что я былъ постоянно врагъ всякаго притворства; меня всегда возмущало все напускное, неестественное, привитое, какъ признакъ той природной нравственной скудости чловѣка, которую онъ старается прикрывать чужимъ, иногда очень неудачно, заимствованнымъ отъ другихъ. Вообще, прямой откровенный нравъ мой не переносилъ въ молодости лицемѣрія и притворства; вполѣдствіи, по положенію моему, я самъ долженъ былъ, хотя съ внутреннимъ отвращеніемъ, прибѣгать къ этимъ несвойственнымъ натурѣ моей приемамъ; нужно было смотрѣть на жизнь и отношенія, какъ они есть, а не такъ, какъ они должны быть. Я старался только въ крайней необходимости прибѣгать къ приемамъ, съ которыми такъ сроднилось настоящее общество и извиненіе находилъ въ совѣсти своей, что никогда не дѣйствовалъ въ этихъ случаяхъ лично для себя, а имѣлъ въ виду интересы другихъ или успѣхъ вѣреннхъ мнѣ дѣлъ. Сколько добрыхъ, честныхъ, хорошихъ началъ утрачивается въ жизни, при необходимости подчиняться извращеннымъ понятіямъ той обстановки и той среды, въ которой приходится жить и дѣйствовать. Я на Кавказѣ, при качествахъ и недостаткахъ своихъ, приобрѣлъ репутацію хорошаго распорядительнаго боевого офицера, участвовалъ во всѣхъ экспедиціяхъ и походахъ моего времени и всегда уклонялся по возможности отъ штабной службы. Я обыкновенно просилъ о прикомандированіи меня къ фронтовымъ частямъ; это давало мнѣ возможность ближе освоиться съ понятіями кавказскаго офицера и солдата, а вполѣдствіи часто доставляло мнѣ поводъ оказывать услуги и помощь несчастнымъ боевымъ сослуживцамъ моимъ, благодаря положенію моему при князѣ Воронцовѣ.

Я полагаю, что военная моя репутація достаточно упрочилась, чтобы имѣть возможность откровенно высказать свои убѣжденія и чувства относительно того, что называютъ храбростью. Я рѣшительно не допускаю безусловной храбрости, я понимаю въ разгаръ сраженія увлеченіе, забвеніе опасности, даже какое-то



невольное нервное возбужденіе; но я никакъ не могу согласиться съ тѣми хвастливыми выходками лицъ, которыя увѣряють, что они съ радостью и увлеченіемъ вступаютъ въ бой; я говорю не о новичкахъ, впервые бывающихъ въ огнѣ, а о военныхъ, испытавшихъ уже опасность. Много случалось мнѣ быть въ дѣлахъ, и самыхъ жаркихъ, и я положительно думаю, что, идя на штурмъ непріятельской позиціи или вступая въ перестрѣлку, передъ началомъ дѣйствія каждый охотно бы согласился избѣгнуть предстоящей опасности, ежели бы ему гарантировали, что никто не узнаетъ о его слабости и что честь и военная репутація его останутся непомянутыми. По мнѣнію моему, въ томъ именно и заключается истинная храбрость, чтобы силою воли подчинить это инстинктивное чувство самосохраненія, присущее физической природѣ человѣка, другому высшему нравственному чувству, — чувству исполненія долга, поддержанія чести, знамени, которому служишь, мундира, который носишь, — въ этомъ и заключается истинная, по моему мнѣнію, военная доблесть.

Я зналъ достойнаго командира Моздокскаго Казачьяго полка полковника графа Аминова, составившаго себѣ прежде на Кавказѣ вполне заслуженную репутацію храбрѣйшаго офицера; впоследствии онъ совершенно оглохъ и дурно видѣлъ... Я припоминаю, какъ онъ въ перестрѣлкахъ, передъ завалами чеченцевъ, а часто и подъ близкими непріятельскими орудійными выстрѣлами, спокойно разбѣзжалъ передъ цѣпью, не слыша и не видя опасности, и иногда только хладнокровно говорилъ: „Mann solle doch hier schiessen“. Я на себѣ, по крайней мѣрѣ (исключая перваго серьезнаго дѣла, гдѣ былъ раненъ на штурмѣ заваловъ передъ Дарго), постоянно испытывалъ всякій разъ, когда начиналось дѣло, то врожденное (полагаю каждому) чувство самосохраненія и внутренняго томленія, о которомъ упоминалъ. Стоитъ преодолѣть это чувство и, съ разгаромъ боя, все измѣняется и притупляется всякое сознаніе опасности. Чѣмъ менѣе развитъ человѣкъ, тѣмъ больше въ бою онъ дѣлается равнодушенъ и тѣмъ сильнѣе въ немъ развивается какое-то ожесточеніе и даже жажда крови; начальникамъ въ этихъ случаяхъ легче: отвѣтственность за вѣренную часть, заботы и распоряженія о дѣйствіяхъ даютъ другое направленіе мыслямъ и заставляютъ

относиться гораздо равнодушнѣе къ собственной опасности. Я испыталъ также сказанное на себѣ, когда во главѣ полка или отрядовъ приходилось мнѣ распоряжаться въ бою. Какую важную въ этихъ случаяхъ роль играло хладнокровіе и самообладаніе! Нѣтъ ничего убійственнѣе въ дѣлѣ, какъ суетливость начальника и безпрестанныя измѣненія данныхъ приказаній. Въ доказательство, какъ дѣйствуетъ физическая сторона и нервы на человѣка въ вопросѣ о храбрости, не могу безъ чувства глубокаго участія и сожалѣнія не вспомнить о дорогой и любимой мною личности генерала В. Замѣчательный умъ и познанія его, въ высшей степени благородное направленіе и развитое чувство долга и чести и рѣдкая, особенно въ то время, гражданская доблесть этого человѣка представляли въ немъ одного изъ замѣчательныхъ дѣятелей того времени; но онъ положительно не могъ слышать свиста пуль или ядеръ: нервы его до того разстраивались, что онъ терялъ всякое присутствіе духа, даже чувство собственнаго достоинства; между тѣмъ ему часто приходилось въ походахъ и экспедиціяхъ испытывать свою слабость, которую не могъ онъ не сознавать и не въ силахъ былъ преодолѣть. Часто видѣлъ я также истинно и постоянно храбрыхъ людей, которые, вслѣдствіе нравственнаго или физическаго состоянія своего въ данную минуту, не поддерживали вполне заслуженной прежде репутаціи своей. Какъ осторожнымъ слѣдуетъ быть поэтому въ военныхъ сужденіяхъ о храбрости людей, по первому впечатлѣнію, прежде, чѣмъ вполне узнаешь настоящія боевыя качества офицера! Сдѣлаю по этому поводу нѣкоторое сравненіе: сколько мы знаемъ доблестныхъ именъ во флотѣ, которые не выносили моря, но несмотря на страшную морскую болѣзнь, честно и добросовѣстно исполняли свой долгъ. Достаточно назвать имена Нельсона и Корнилова. Многіе же, не бывъ въ состояніи преодолѣть морскую болѣзнь, оставляли службу; я также слышалъ отъ старыхъ моряковъ, проводшихъ почти всю жизнь въ морѣ и никогда не страдавшихъ морскою болѣзнью, что вдругъ чувствовали себя подверженными оной наравнѣ съ новичками. Физическое расположеніе человѣка и нервное его состояніе, какъ на морѣ, такъ и на сушѣ, въ этихъ случаяхъ играютъ важную роль; только морская болѣзнь во флотѣ не порочитъ чести офицера, а

въ сухопутныхъ войскахъ слабость нервовъ лишаетъ военного всего, что должно быть ему свято и дорого—чести и боевой репутаціи. Здѣсь, какъ и во всемъ въ жизни, чувство долга и сила воли одни должны быть вызываемы на помощь слабости человѣческой природы.

Я говорилъ о своемъ влеченіи къ преодолѣнію препятствій и вообще какой-то предпримчивости характера моего; этимъ, можетъ быть, объясняется и страсть моя къ передвиженіямъ и путешествіямъ. При этомъ меня особенно всегда привлекали и даже теперь привлекаютъ малоизвѣстныя страны съ болѣе дикою природою, съ болѣе особенными нравами, гдѣ предстоитъ испытать и лишенія и препятствія. Этимъ объясняется, можетъ быть, и обаяніе, произведенное на меня Кавказомъ и, вообще, прелесть для меня Востока.

Я очень много въ жизни путешествовалъ, посѣтивъ почти всю Европу, не говоря о Кавказѣ и большей части Россіи; мнѣ случалось бывать также и въ Персіи и Азіатской Турціи и въ сѣверной части Африки, даже Марокко, и теперь еще цѣль желаній моихъ есть ознакомиться съ сѣвѣрною частью нашего отечества, Бѣлымъ моремъ и, наконецъ, Сибирью до береговъ Тихаго Океана. Меня также всегда манила мысль посѣтить Индію и Америку. Вѣроятно, при лѣтахъ моихъ и по служебному положенію моему, эти мечты никогда не осуществятся и я буду продолжать, какъ доселѣ, только увлекаться чтеніями путешествій въ эти страны и новѣйшими изслѣдованіями малоизвѣстнаго намъ сѣвернаго полюса. Считаю нелишнимъ упомянуть здѣсь объ этомъ особенномъ съ самаго дѣтства моего направленіи моего воображенія: еще 12-лѣтнимъ ребенкомъ я умолялъ отца опредѣлить меня въ морскую службу. Отецъ, весьма основательно не поддаваясь этому дѣтскому настроенію мыслей, поставилъ мнѣ условіемъ окончаніе университетскаго курса, а затѣмъ предоставлялъ уже сознательно избрать ту карьеру, которую пожелаю. Было уже поздно тогда мнѣ поступать на скамью Морского Корпуса: я избралъ военную службу и никакъ не раскаиваюсь въ своемъ выборѣ, но до сихъ поръ чувствую особое влеченіе къ морю и пользуюсь всякимъ случаемъ, чтобы удовлетворить своей страсти къ морскому плаванію.

Мнѣ часто приходило на мысль: при тѣхъ разнообразныхъ впечатлѣніяхъ, которыми наполнялась моя жизнь, передать бумагѣ свои воспоминанія, но доселѣ все ограничилось нѣкоторыми замѣтками, кажется, въ 1847 и потомъ 1849 году, которыя мною были въ послѣдствіи затеряны; составилъ я также записку объ исторіи заселенія Кавказа, которую также въ походѣ потерялъ; наконецъ, уже въ 1854 году, находясь при Александропольскомъ госпиталѣ раненымъ въ сраженіи при Кюрюкъ-дара, я продиктовалъ юнкеру своего полка Бергеру нѣсколько воспоминаній о видѣнномъ мною въ этомъ замѣчательномъ сраженіи. Потомъ еще, по возвращеніи съ полкомъ изъ Азіатской Турціи въ штабъ-квартиру Чир-Юртъ, въ 1856 году, я также продиктовалъ тому же Бергеру, тогда произведенному въ офицеры, свои воспоминанія о кампаніи 1855 года въ Азіатской Турціи. Обѣ эти замѣтки мои, имѣющія скорѣе офіціальный характеръ, пересланы мною въ 1874 году Его Высочеству Намѣстнику Кавказа, вслѣдствіе вызова его о доставленіи старыми Кавказцами своихъ воспоминаній для предполагаемаго изданія, кажется, Кавказскаго Сборника.

Лучшимъ временемъ было бы, разумѣется, для занятій по воспоминаніямъ моимъ время, проведенное мною въ отставкѣ; но эти 6 лѣтъ я, сперва проживая въ деревнѣ, постоянно озабоченъ былъ приведеніемъ въ порядокъ сильно разстроенныхъ продолжительною службою хозяйственныхъ дѣлъ моихъ, потомъ около 2-хъ лѣтъ провелъ за границею съ семействомъ при отцѣ моемъ и, наконецъ, поглощенъ былъ заботами о матеріальныхъ интересахъ отца, угрожающихъ разореніемъ всему семейству нашему. Въ 1868 году я вновь поступилъ на службу по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ и въ 1869 году назначенъ Генералъ-Губернаторомъ въ Кіевъ. Ознакомившись со сложными вопросами новой для меня администраціи, послѣ 6-лѣтняго управленія краемъ, я успѣлъ достаточно распредѣлить и обстановить свои занятія, чтобы имѣть довольно свободнаго времени, особенно по вечерамъ. Часто семейство мое и близкіе окружающіе меня уговаривали меня начать составленіе записокъ и воспоминаній о моей жизни и службѣ; я постоянно отговаривался, останавливаясь передъ затрудненіями исполненія,—покуда разъ вечеромъ состояцій при мнѣ по особымъ

порученіямъ чиновникъ Гаккель, совершенно домашній; близкій намъ человекъ, искренно намъ преданный и на скромность котораго вполне могу разсчитывать, не предложилъ мнѣ свои услуги, чтобы писать подъ мою диктовку. Воспользовавшись хорошимъ моимъ расположеніемъ духа въ этотъ вечеръ, онъ принесъ заранѣе заготовленные имъ тетради и убѣдилъ меня начать диктовать. Это было, кажется, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1874 года.

Такимъ образомъ началъ я писать свои воспоминанія и, невольно увлекаясь прошедшимъ, придалъ запискамъ размѣры, далеко переходящіе за предѣлы первоначальныхъ предположеній моихъ. Матеріалами до сихъ поръ служить мнѣ только хорошая моя память; я намѣренъ, ежели удастся мнѣ (о чемъ хлопочу), собрать какія-либо оффиціальныя данныя или книги, относящіяся къ описываемымъ мною событіямъ, и по нимъ предполагаю провѣрить и исправить мои воспоминанія. Удастся ли мнѣ это исполнить, не знаю, равно неизвѣстно до какого времени суждено мнѣ довести записки эти, которыя началъ съ воспоминаній своихъ по окончаніи университетскаго курса и вступленія на поприще самостоятельной жизни и дѣятельности. Постараюсь, по мѣрѣ силъ и свободнаго времени, довести до возможнаго конца начатый мой трудъ. Цѣль настоящихъ записокъ совершенно частная; пишу ихъ для дорогихъ дѣтей моихъ, которыя одни могутъ найти въ нихъ интересъ по тѣмъ нѣжнымъ чувствамъ, которыя они ко мнѣ питаютъ и которыя составляютъ счастье и отраду моей жизни. Ежели черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ случайно, можетъ быть, запискамъ моимъ суждено будетъ сдѣлаться достояніемъ общимъ, то наврядъ-ли онѣ могутъ представить какой-либо интересъ, кромѣ характеристики нравовъ, понятій и личностей давно прошедшаго времени; самые же факты и событія, вѣроятно, будутъ уже давно и подробно разрабатаны, на основаніи болѣе положительныхъ матеріаловъ. Личный взглядъ мой и оцѣнка описываемаго времени могутъ быть во многомъ ошибочны, сужденія о личностяхъ не совпадать съ сложившимися о нихъ мнѣніями, но пишу чистосердечно, откровенно, какъ понималъ, какъ чувствовалъ, стараясь избѣгнуть всякаго пристрастія, присущаго человѣческой природѣ. Время наложило свою печать на многое, и потому надѣюсь не поддаваться страсти и

увлеченіямъ, которыя могли бы вліять на правильность и добросовѣстность взглядовъ моихъ, ежели бы писалъ записки по мѣрѣ переживаемыхъ событій. Затѣмъ, могу во многомъ несомнѣнно ошибаться, но ошибаться невольно, безъ всякой предвзятой цѣли, безъ всякаго мелкаго лицепріятія или несвойственной сердцу моему злости.

*Errare humanum est.*

## ГЛАВА I.

Университетъ. — Графъ Уваровъ и новый университетскій уставъ. — Студенты и профессора тогдашняго времени. — Наше начальство: отецъ, Плетневъ, Филипповъ, Фицтумъ. — Студенческія шалости и взглядъ на нихъ Государя. — Сравненіе тогдашняго духа университетовъ съ нынѣшнимъ. — Поѣздка за границу: Гамбургъ, Магдебургъ, Лейпцигъ, Дрезденъ, Саксонская Швейцарія. — Встрѣча съ отцомъ въ Маріенбадѣ и путешествіе съ нимъ. — Пребываніе въ Венгріи у графа Пальфи. — Возвращеніе въ Россію и поступленіе въ Кирасирскій Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Цесаревича полкъ. — Тогдашній взглядъ на военную службу. — А. Н. Араповъ. — Жизнь въ Гатчинѣ.

Въ Маѣ мѣсяцѣ 1840 года я кончилъ выпускные экзамены и оставлялъ Петербургскій университетъ, въ которомъ провелъ на юридическомъ факультетѣ четыре изъ лучшихъ годовъ моей юности; мнѣ предстояла новая самостоятельная жизнь и кругъ дѣйствій, — новыя для меня столкновенія съ людьми и жизнью; однимъ словомъ, мнѣ предстояла тогда неизвѣстная и неизмѣримая будущность.

Передъ изложеніемъ моихъ дальнѣйшихъ воспоминаній, хочу бросить бѣглый взглядъ на университетское мое прошлое и въ краткихъ чертахъ описать университетскій студенческій нашъ бытъ того времени.

Изъ университетскаго благороднаго пансіона (нынѣшняя I-я гимназія) поступилъ я въ 1836 году очень молодымъ — тогда мнѣ было только 16 лѣтъ — въ Петербургскій университетъ. Счастливымъ обстоятельствомъ было, что я поступилъ и пробылъ на университетской скамьѣ самый блестящій періодъ его существованія. Во главѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ то время стояла просвѣщенная личность такого государственнаго человѣка, каковъ

былъ графъ Уваровъ, создавшій замѣчательный тогдашній университетскій уставъ. Обширное многостороннее его образованіе, его разумное практическое отношеніе къ дѣлу, при довѣріи, которымъ Уваровъ пользовался у Государя, и заслуженномъ имъ сочувствіи общества, вполне обеспечивали успѣхъ той учебной реформы, которую суждено было ему внести въ Россію. Съ его несомнѣнными государственными способностями, онъ сумѣлъ, безъ насилія, безъ особой ломки, замѣнить обветшалый, схоластическій прежній порядокъ обученія новыми своими взглядами на преподаваніе: новыя науки нашли почетное мѣсто въ существующихъ доселѣ программахъ, а главное университеты освѣжились новымъ научнымъ элементомъ въ лицѣ молодыхъ людей, вернувшихся изъ заграничныхъ университетовъ, куда они посланы были, на счетъ Правительства, изъ лучшихъ русскихъ студентовъ, чтобы ознакомиться съ новыми пріемами преподаванія, съ новыми взглядами на науку всѣхъ европейскихъ знаменитостей того времени. Этими свѣжими силами замѣнились болѣею частью прежніе профессора, получившіе образованіе въ семинаріяхъ и Духовныхъ Академіяхъ. Очень попятно, въ какія формы тогда облекалась наука и какими несовременными уже пріемами она передавалась молодежи. На первомъ курсѣ, когда университетъ нашъ еще помѣщался въ скромномъ и неудобномъ деревянномъ зданіи около Семеновскаго полка (теперь тамъ, кажется, какое-то церковное подворье) я засталъ еще многихъ представителей прежняго порядка.

Въ 1837 году университетъ нашъ переведенъ былъ на Васильевскій Островъ во вновь отдѣланное и приспособленное зданіе Петровскаго времени 12-ти коллегій, гдѣ паходится и нынѣ. Студентамъ сдѣлалось обязательно носить новую, присвоенную имъ, однообразную форму съ синими воротниками, съ золотыми шитыми петлицами; шпага, трехъугольная шляпа и офицерскаго образца пинель довершали нашъ тогдашній костюмъ. Прежде были также мундиры съ красными воротниками, но они надѣвались только въ торжественныхъ случаяхъ и обыкновенно студенты ходили въ партикулярномъ платьѣ. Это нововведеніе положительно считаю весьма полезнымъ и разумнымъ; оно немедленно создало извѣстную солидарность между членами университетской семьи: у студентовъ яви-

лось понятіе о чести мундира, товарищество укрѣпилось, сплотилось и въ каждомъ явилось самолюбіе не уронить званіе студента.

Замѣчательные молодые наши профессора: Порошинъ, двое братьевъ Куторги, Ивановскій, Колмаковъ, хотя и слабѣ другихъ, но и Барщевъ и Кранихфельдъ, а изъ прежнихъ Фишеръ, Шнейдеръ, Никитенко своими несомнѣнными познаніями, а первые упомянутые профессора съ нераздававшимся дотолѣ въ стѣнахъ университета краснорѣчивымъ изложеніемъ своихъ предметовъ и критически-философскимъ отношеніемъ къ наукѣ положительно завлекали своихъ слушателей. Профессора наши крайне добросовѣстно относились къ обязанностямъ своимъ и развѣ только болѣзнь заставляла ихъ манкировать лекціями.

Мода на университеты въ тогдашнее время побуждала всѣхъ молодыхъ людей высшаго аристократическаго круга поступать въ университеты, которые, впрочемъ, далеко не закрыты были и всѣмъ другимъ сословіямъ. Въ мое время въ Петербургскомъ университетѣ числилось до тысячи человѣкъ различныхъ сословій студентовъ. Сравнивая тогдашній университетскій бытъ съ нынѣшнимъ состояніемъ университетовъ, представляется весьма прискорбное явленіе: въ тѣ времена, когда о новыхъ реформахъ нашего государственнаго строя не было и помину, студенты, собранные со всѣхъ концовъ Россіи, различныхъ состояній, различныхъ по воспитанію, жизни, обстановкѣ и привычкамъ, всѣ сливались въ одну общую студенческую семью, одушевлены были однимъ и тѣмъ же общимъ духомъ, дорожили одними и тѣми же интересами, и о сословной розни не было и помину именно въ то время, когда понятія въ Россіи и самыя права, предоставленныя закономъ, такъ рѣзко отдѣляли сословія между собой. Въ то время профессора нисколько не отдѣлялись отъ насъ, считая себя солидарными съ нами. По выходѣ съ лекціи, любимые нами профессора, окруженные своими слушателями, обыкновенно провожались съ Васильевскаго острова черезъ Неву на Адмиралтейскую площадь и нѣкоторые съ нами слѣдовали до квартиры. Говорили о наукѣ, о разныхъ занимающихъ общество вопросахъ— о политикѣ никогда не было и рѣчи. Профессора посѣщали наши вечеринки, иногда и устраиваемые кнейпы. На нихъ обыкновенно пѣлись хоромъ нѣмецкія Burschenlieder и особыя наши русскія сту-



денческія пѣсни; ихъ была цѣлая книжка, и какъ восторженно отзывались тогда въ сердцѣ нашемъ эти звуки беззаботной, неиспытанной еще жизнью, молодости нашей. Мы навѣщали также профессоровъ своихъ и они снабжали насъ книгами и пособіями для дополненія слышанныхъ лекцій; записокъ ни печатанныхъ, ни литографированныхъ тогда еще не было: мы все записывали сами. Это дѣлалось обыкновенно слѣдующимъ образомъ: трое, четверо студентовъ составляли кружокъ и записывали одновременно слушаемые ими лекціи, потомъ собирались и составляли общія записки, по которымъ кружокъ и готовился къ экзамену. Профессора ежегодно мѣняли программы своихъ лекцій и интересовали насъ многосторонними разборами того же предмета.

Университетское начальство, то есть администрація, совершенно отечески относилось къ намъ и пользовалось полнымъ уваженіемъ и довѣріемъ студентовъ.

Попечителемъ Учебнаго Округа въ то время былъ добрый отецъ мой, отецъ также и для всей подвѣдомственной ему молодежи; онъ вникалъ въ нужды каждаго, всякій имѣлъ къ нему свободный доступъ, онъ постоянно помогалъ студентамъ, заботился о нихъ, часто на экзаменахъ ходатайствовалъ за нихъ у профессоровъ и по выходѣ изъ университета старался способствовать устройству ихъ будущей службы. Онъ вообще оставилъ по себѣ добрую память во всѣхъ прежнихъ студентахъ, и теперь съ благодарностью и любовью вспоминающихъ о немъ. Ректоромъ былъ достойный профессоръ Плетневъ, инспекторомъ благородный и нами сердечно уважаемый Николай Павловичъ Филипповъ, а въ послѣдствіи Александръ Ивановичъ Фицтумъ, котораго также всѣ мы очень любили.

Какъ выше сказано, между нами была особая солидарность и мы дорожили студенческимъ званіемъ. У насъ было, по примѣру германскихъ университетовъ, свое непризнанное закономъ студенческое общество, былъ и свой тайный судъ съ нѣмецкими фёршисами и исключеніемъ изъ университета. Съ особою строгостью преслѣдовался всякій безчестный поступокъ; одинъ изъ самыхъ строгихъ и нещадныхъ судей былъ студентъ баронъ Будбергъ <sup>1)</sup>. Рѣшенія

---

<sup>1)</sup> Баронъ Александръ Будбергъ въ послѣдствіи нашъ посланникъ въ Парижѣ, а затѣмъ членъ Государственнаго Совѣта.

этого суда исполнялись всегда безпрекословно. На публичныхъ гуляніяхъ, въ театрахъ, обыкновенно, по взаимному согласію, присутствовали старшіе и пользующіеся вліяніемъ студенты, чтобы предупредить всякія безобразія и непріятныя столкновенія, особенно съ полиціей. За то на Васильевскомъ Островѣ мы имѣли обширное поприще и для разгула и для нашихъ шалостей; ходили кутить на биржу въ лавки Елисѣева и въ гостинницу вдовы Гейде, гдѣ тогда за рубль ассигнаціи получали порядочный обѣдъ и опивались сквернымъ пивомъ. Ходили также въ 27 линію кататься съ ледяныхъ горъ какого-то шустеръ-клуба, при чемъ били нѣмцевъ, сидя на ихъ спинахъ, спускались съ горъ и, вообще, производили на Васильевскомъ Островѣ всевозможныя шалости. Когда же дѣло нами домашнимъ образомъ не могло быть улажено и принимало болѣе серьезные размѣры, то мы всегда первые доносили о томъ начальству. Инспекторъ обыкновенно улаживалъ дѣло, а когда этого нельзя было, то обращались къ отцу моему. Онъ отправлялъ студентовъ немедленно въ карцеръ и ѣхалъ къ тогдашнему Оберъ-Полиціймейстеру Генералъ-Адъютанту Кокоткину, доброму пріятелю и товарищу отца моего по службѣ въ Преображенскомъ полку. Кокоткинъ утромъ, донося о происшествіи Государю, старался смягчить происшествіе, докладывалъ, что студенты всѣ арестованы университетскимъ начальствомъ и преувеличивалъ ожидающія молодыхъ людей послѣдствія отъ строгости того же начальства. Николай Павловичъ обыкновенно говорилъ: „съ нихъ уже взыскано, скажи однако, чтобы не губили карьеру молодыхъ людей“. Все кончалось нѣсколькими днями ареста, извиненіями предъ обиженными или, большею частью, денежнымъ вознагражденіемъ побитыхъ нѣмцевъ по общей складкѣ. За все пребываніе мое въ университетѣ не было ни одного столкновенія ни съ однимъ изъ профессоровъ, ни съ университетскимъ начальствомъ, никакой манифестаціи, ни тѣни безпорядка въ стѣнахъ университета. Я нарочно упоминаю объ этомъ, чтобы обрисовать тѣ отношенія, которыя существовали тогда въ университетѣ.

Пособія бѣднымъ студентамъ въ ихъ болѣзни, въ необходимости иногда по семейнымъ дѣламъ ѣхать въ деревню, или въ другихъ крайнихъ случаяхъ, всегда раздавались; хотя не было такъ

называемой кассы, но всегда въ распоряженіи кого-нибудь изъ старшихъ былъ извѣстный фондъ или собирались извѣстнымъ кружкомъ на каждый случай деньги для помощи нуждающимся товарищамъ. Такъ какъ мы всѣ почти знали другъ друга, то освѣдомившись объ нуждахъ кого-либо, собирались въ своемъ кружкѣ и передавали депъги отъ имени товарищей, такъ что получавшій никогда не зналъ источника, изъ котораго онъ получалъ пособіе и имени лицъ ему помогавшихъ.

У насъ былъ швейцаромъ извѣстный заслуженный старикъ Василій Прытковъ; грудь его была покрыта медалями и орденами, заслуженными въ отечественную войну; честнѣйшій и всѣми уважаемый старикъ, онъ па этой должности пробылъ кажется лѣтъ 30 и скончался въ глубокой старости. На похоровахъ его въ Петербургѣ, говорятъ, провожала масса настоящихъ и прежнихъ студентовъ. Когда богатые студенты выходили изъ университета, чтобы помочь бѣднымъ и не оскорблять ихъ самолюбія, былъ еще слѣдующій между нами обычай: мундиры, шпаги, шляпы, платья оставляли Прыткову, назначая самую ничтожную цѣну за вещи въ пользу швейцара; бѣдные студенты покупали ихъ у него и онъ всегда честно исполнялъ это порученіе. Наши негласные студенческіе порядки, наши незаконныя сходки, общества и судъ нисколько не были тайною ни для начальства, ни для профессоровъ; на нихъ смотрѣли совершенно разумно, какъ на весьма естественное проявленіе молодости и желанія подражать самостоятельнымъ формамъ германскихъ университетовъ. Ничего никогда политическаго въ нашихъ проявленіяхъ не было, все ограничивалось тѣснымъ кругомъ университетскаго нашего быта. Это корпоративное начало служило даже начальству лучшимъ орудіемъ для надзора за студентами и, при томъ уваженіи и довѣріи, которыми оно тогда пользовалось между нами, студенты старались всячески не вводить начальство въ отвѣтственность. Сіе же послѣднее всегда заботливо и отечески старалось ограждать насъ отъ послѣдствій нашихъ молодыхъ проступковъ и шалостей. Не смотря на извѣстнаго рода разгулъ между студентами, лѣность весьма многихъ, нельзя не сознаться, что въ общемъ наука занимала въ нашихъ тогдашнихъ стремленіяхъ немаловажное мѣсто; занимались большею

частью усердно, общее образованіе получалось весьма солидное, а для желающих посвятить себя исключительно какой-либо научной спеціальности, напѣ тогдашній университетъ представлялъ къ этому всѣ средства и пособія. Уваровская эпоха университетовъ дала Россіи весьма много людей на государственномъ поприщѣ послѣднихъ лѣтъ, вышедшихъ изъ ряда обыкновенныхъ. Студенты того времени отличаются просвѣщеннымъ широкимъ своимъ взглядомъ на дѣло; иногда, можетъ быть, они страдаютъ увлеченіемъ то въ ту, то въ другую сторону въ важныхъ вопросахъ, составляющихъ задачу нашего времени, но смѣло можно сказать, что болѣею частью всѣ доселѣ дѣйствуютъ по убѣжденію, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ случаяхъ и ошибочному, но честно желаютъ пользы и добра своему отечеству. По крайней мѣрѣ такъ было въ отношеніи Петербургскаго университета; не знаю, какъ было въ другихъ.

Въ продолженіе довольно многолѣтней жизни моей я встрѣчался и на служебномъ поприщѣ, и какъ частный человѣкъ, съ прежними товарищами. Замѣчательно, какъ несмотря на разницу положеній и часто убѣжденій, университетскія отношенія наши сохраняются между нами. Я помню, какъ, послѣ десятковъ лѣтъ разлуки, мнѣ пришлось встрѣтиться съ старыми студентами на 50-лѣтнемъ юбилеѣ университета въ Петербургѣ въ 1869 году. Мы дружески радостно вновь сошлись, какъ будто только наканунѣ оставили скамью нашей *alma mater*.

Въ настоящее время мы видимъ между студентами полнѣйшую рознь; всѣ проявленія сословной вражды, политическихъ и соціальныхъ агитацій, заразившихъ вообще настоящее общество, находятъ также себѣ доступъ въ стѣнахъ университетовъ; молодежь, вмѣсто того, чтобы посвящать свой трудъ на изученіе науки и на приготовленіе себя къ служенію обществу, а избытокъ своихъ жизненныхъ силъ тратить на свойственные молодости удовольствія, не выходя изъ тѣснаго, такъ дорогого каждому человѣку, товарищескаго своего круга, съ университетской скамьи уже желаетъ руководить обществомъ и разрѣшать соціальные вопросы, увлекаясь несбыточными теоріями преступной пропаганды, погубившей столько живыхъ и молодыхъ силъ у насъ въ Россіи. Весьма понятно, почему не могутъ быть допускаемы въ настоящемъ направленіи

студенческія корпораціи, принимающія сейчасъ политическій оттѣнокъ; также кассы, сборы которыхъ идутъ не на помощь нуждающимся товарищамъ, а на усиленіе средствъ преступной пропаганды за границей и въ нашихъ предѣлахъ.

Нынѣшніе профессора относятся также иначе къ своимъ студентамъ, начальство же университетовъ, самъ Министръ, поставлены новыми уставами въ полное безсиліе вліять на противодѣйствіе существующему злу. Коренное измѣненіе многихъ нынѣшнихъ положеній является пасущою необходимостью. Къ чему было для созданія теперешняго порядка или, лучше сказать, безпорядка разрушать замѣчательныя образовательныя начала, созданныя графомъ Уваровымъ?

Что стало съ того времени съ университетами? Замѣчательный уставъ Уварова измѣненъ, вся система поколеблена, вся связь учащихся съ учащимися разорвана, излишнія строгости къ студентамъ одно время, непонятный либерализмъ потомъ, наконецъ профессорская автономія, отклонившая ихъ отъ прямого призванія служить наукѣ, сосредоточила только всѣ стремленія ихъ на мелкихъ интересахъ и интригахъ своего ученаго кружка. Въ настоящее время профессора, разъ написавши записки, публикуютъ ихъ и онѣ служатъ предметомъ торговли. Большею частью профессора заняты другими дѣлами для удовлетворенія матеріальнымъ стремленіямъ вѣка и манкируютъ постоянно лекціи; весьма рѣдкія, по тѣмъ болѣе достойныя уваженія, личности составляютъ исключеніе изъ этого общаго направленія. Равнодушіе ихъ къ студентамъ или излишнее заискиваніе легкой популярности выходками на лекціяхъ не научнаго, а политически-соціального свойства, исказили всѣ преданія прежняго времени, все достоинство прежнихъ университетовъ и весь нравственный и общественный бытъ студентовъ.

Отсутствіе мундира и однообразной формы, вмѣстѣ съ другими причинами, разорвали всякую связь между студентами; враждебныя между собой партіи, сословная непріязнь, зависть и окончательное отсутствіе всякаго приличія формъ составляютъ отличительную черту студентскаго общества теперешняго времени. Не знаю, какъ въ другихъ университетахъ, но Кіевскій, близко мнѣ знакомый, вполне, по крайней мѣрѣ, соотвѣтствуетъ тому

взгляду и мнѣнію, который я высказалъ. Кто тому виною? Вѣкъ ли нашъ съ его неустановившимися началами, утопіи ли и ложныя понятія общественныхъ вопросовъ, наконецъ духъ ли отрицанія, или преобладаніе матеріализма надо всѣмъ, что прежде составляло естественную принадлежность свѣжихъ чувствъ молодости, или самое распоряженіе правительства породило настоящій порядокъ вещей?—Я думаю, что то и другое: мы шагаемъ въ послѣднее время такъ быстро по пути реформъ, безъ достаточнаго подготовленія къ тому почвы и общественныхъ понятій. Руководящіе движеніемъ дѣйствуютъ, можетъ быть, по-своему и добросовѣстно, съ желаніемъ блага, но положительно имъ неизвѣстна Россія, характеръ, духъ и потребности ея населенія.

Сначала либерально открыли широкій доступъ всѣмъ къ университетскому образованію; по окончаніи онаго вышедшіе изъ прежней среды молодые люди сталкивались со всевозможными разочарованіями и затрудненіями на предстоящемъ имъ служебномъ поприщѣ, затѣмъ масса недовольныхъ, возбужденная эпидемическимъ, можно сказать, либеральнымъ направленіемъ 60-хъ годовъ, возбудила опасенія правительства; явилась новая система—возбужденное волненіе приписали реальному ученію, манія классицизма дошла до послѣднихъ предѣловъ возможнаго; тысячи молодыхъ людей ежегодно за неуспѣхи въ мертвыхъ языкахъ исключаются изъ заведеній, умножая собою массу недовольныхъ въ Россіи. Самыя несбыточныя утопіи, преступныя пропаганды находятъ подготовленную почву для своихъ замысловъ въ этой несчастной молодежи. Правительство преслѣдуетъ, весьма естественно, эти проявленія, но ничего не предпринимаетъ, чтобы предупредить причины явнаго зла. Полнѣйшее отсутствіе всякой послѣдовательной системы дѣйствій и солидарности между министерствами довершаютъ общій хаосъ различныхъ направленій. Странно видѣть, какъ учебныя заведенія въ Россіи принадлежатъ различнымъ вѣдомствамъ, и какъ каждое вѣдомство дѣйствуетъ отдѣльно и даже враждебно между собой. Чтò можно ожидать отъ молодежи, поставленной въ такія неопредѣленныя условія воспитанія и вступающихъ въ жизнь при такомъ неустановившемся взглядѣ самого правительства на начала, долженствующія вести Россію къ благо-

состоянію и въ прочной будущности ея гражданскаго благоустройства.

Но я незамѣтно уклонился отъ цѣли своего разсказа; возвращаюсь къ выпуску моему изъ университета.

Въ самыхъ первыхъ числахъ іюня, послѣ устроеннаго нашимъ выпускомъ, при участіи многихъ профессоровъ, торжественнаго прощанія и кнейпы въ Парголовѣ <sup>1)</sup>, я разстался съ университетскими товарищами своими и черезъ нѣсколько дней, сопровождаемый до Кронштадта матерью и всѣмъ семействомъ, отправился на пароходѣ за границу. Въ Маріенбадѣ я долженъ былъ соединиться съ отцомъ моимъ, который тамъ лѣчился, и вмѣстѣ съ нимъ предпринять поѣздку по Европѣ въ продолженіе лѣта и части осени предстоящаго года. Тогда не было желѣзныхъ дорогъ въ Россіи и весьма мало въ Европѣ: сообщеніе производилось пароходами и большею частью на почтовыхъ. Я выѣхалъ изъ Кронштадта въ Травемюнде и оттуда черезъ Гамбургъ, Лейпцигъ, Дрезденъ и Карлсбадъ въ Маріенбадъ. Мнѣ было тогда 20 лѣтъ отъ роду; въ первый разъ на палубѣ парохода я почувствовалъ себя совершенно одинокимъ, отдѣленнымъ отъ семейства, съ которымъ до тѣхъ поръ не разставался. Я вступалъ въ безпредѣльную и неизвѣстную для меня будущность новой самостоятельной жизни; я никогда не забуду впечатлѣній моихъ въ этотъ день; я всегда любилъ море и страсть моя къ морю, путешествіямъ, сохранилась и до сихъ поръ. Я помню, какъ отъ понятнаго нравственнаго состоянія духа моего я почти всю ночь провелъ на палубѣ парохода, бессознательно смотря на шумящія волны, погружаясь въ размышленіе о всемъ, что лежало у меня на сердцѣ и тревожило неопытное молодое воображеніе мое. Отрадно мнѣ было, какъ молодому человѣку, то чувство свободы, которое овладѣло мною, но съ другой стороны это помрачалось разлукою со всѣмъ тѣмъ, что

---

<sup>1)</sup> Праздникъ этотъ устроенъ былъ на Поклонной горѣ, въ лѣсу, среди живописной, но вполнѣ дикой, окружающей лѣсистой мѣстности. Мнѣ удалось быть теперь на этихъ мѣстахъ и любоваться Озерками, съ массою роскошныхъ дачъ и густымъ лѣтнимъ населеніемъ дачниковъ, и все это на мѣстахъ, гдѣ въ описываемое время мы зпимоу, благодаря разрѣшенію товарища нашего гр. Шувалова, студентами ходили на охоту на волковъ и, сколько помнится, даже разъ на лосей.

привлекало и поглощало до сихъ поръ мои юношескія лѣта: воспоминанія о семействѣ, разлука съ добрыми университетскими товарищами, неизвѣстность будущности поглощали въ тѣ минуты всѣ мои мысли. На другой день, уже сжившись съ положеніемъ своимъ, я смѣло смотрѣлъ на новую свою обстановку со всѣми очарованіями и надеждами молодости и съ энергіей, всегда присущей моему, тогда свѣжему и предприимчивому, характеру. Я вскорѣ познакомился со всѣмъ весьма пріятнымъ обществомъ нашего парохода и на третій день мы прибыли въ Травемюнде, откуда дилижансомъ я прибылъ въ Гамбургъ. Меня очень заинтересовалъ этотъ городъ и совершенно новые для меня нравы этого главнаго въ то время центра Германской торговли. Пробывъ дня два или три въ Гамбургѣ, пароходомъ по Эльбѣ я отправился въ Магдебургъ. Упомяну здѣсь объ одномъ обстоятельствѣ, ничтожномъ въ сущности, но которое въ настоящее время имѣетъ свое значеніе: въ числѣ пассажировъ, большею частью изъ нѣмцевъ, находились два нѣмецкіе барона изъ нашихъ остзейскихъ провинцій; за общимъ столомъ на пароходѣ, я помню, какъ одинъ изъ нихъ (кажется баронъ Шиллингъ) при общихъ разговорахъ о Россіи всегда говорилъ: „bei uns in Russland“, а другой курляндецъ, говоря о родинѣ, иначе не отзывался о ней, какъ „in unsern Ostseeprovinzen“. Я помню также, какъ какой-то толстый нѣмецъ горячо заступался за Россію противъ другого; оказалось, что это какой-то колбасъ-мастеръ, прожившій лѣтъ 15 въ Россіи и разбогатѣвшій въ Москвѣ.

Въ Лейпцигѣ попалъ я совершенно случайно на весьма интересное событіе, которое, разумѣется, другой разъ мнѣ не удастся видѣть. Я пробылъ въ Лейпцигѣ два дня для участвованія въ празднованіи 400-лѣтняго юбилея кнгопечатанія и открытія памятника Гуттенбергу. Весь городъ переполненъ былъ пріѣзжими и я съ трудомъ нашелъ почти на чердакѣ какую-то конурку. Все происходило со свойственною нѣмцамъ торжественностью и скукою; на скверномъ обѣдѣ на нѣсколько тысячъ человѣкъ, по подпискѣ, въ палаткахъ, расположенныхъ на площади, произносилось несмѣтное количество рѣчей, восторженно привѣтствуемыхъ, въ которыхъ я не понималъ ни слова. При открытіи памятника про-



ходило какое-то войско, различныя корпораціи со значками нестройно, но весьма важно, при звукахъ музыки, къ полному умиленію огромной публики, покрывавшей какъ площадь, такъ и всѣ прилегающіе къ памятнику улицы и дома. Меня больше всего поразила господствующій порядокъ, при полномъ почти отсутствіи всякой полиціи, и безпрекословное повиновеніе распоряженіямъ ратуши, прибитымъ ко всѣмъ домамъ, гдѣ за программю праздника указывалось, въ какихъ мѣстахъ и на какихъ улицахъ, во сколько рядовъ, слѣдовало стоять публикѣ. Невольно вспомнилъ я о петербургскихъ нашихъ народныхъ гуляньяхъ и даже еженедѣльныхъ разводахъ на площади, гдѣ въ то время цѣлый сонмъ и буточниковъ и квартальныхъ такъ щедро пользовался кулачными приѣмами для удержанія публики въ указанныхъ мѣстахъ, и какъ достаточно было въ нашихъ публичныхъ садахъ усмотрѣть только дощечку съ надписью „просить травы не мять“, чтобы около этого мѣста была протоптана широкая тропинка по газону.

Въ Дрезденѣ я пробылъ тоже около сутокъ, наскоро осмотрѣвъ картинныя галлерей и достопримѣчательности города. Затѣмъ, познакомившись въ гостинницѣ съ двумя пруссаками, я нанялъ коляску и мы вмѣстѣ предприняли путешествіе въ саксонскую Швейцарію. Живописная эта мѣстность и видъ горъ и скалъ, которыя въ первый разъ пришлось мнѣ видѣть, произвели на меня весьма памятное впечатлѣніе. Погода намъ вполне благопріятствовала и со спутниками своими я объѣхалъ всѣ замѣчательныя мѣста этого живописнаго угла Саксоніи. Въ гостинницахъ обыкновенно предлагались книги для записыванія именъ проѣзжающихъ и свидѣтельство, что оставались довольны заведеніемъ. Я помню нѣсколько оригинальныхъ надписей: такъ, наприимѣръ, въ Bastei въ книгѣ какой-то чувствительный нѣмецъ написалъ цѣлое стихотвореніе, гдѣ описывались прелести природы и строфы котораго кончались возгласомъ: „Meine Clara, aber find' ich nicht“. Какой-то путникъ, приѣхавшій послѣ, написалъ слѣдующее: „Clara ist zu finden Dresden, Mullergasse 4, Stoch №.....“ Еще въ другомъ мѣстѣ, называемомъ Kuhstall, на скалѣ высѣчены были слѣдующіе стихи поэтическимъ нѣмцемъ: „Ich habe ihn gesehen, ich habe

ihn gesehen, ich habe den göttlichen Kuhstall gesehen“, другой нѣмецъ подѣ этимъ вырѣзалъ слѣдующую вещь: „Ich habe es gelesen, ich habe es gelesen; es ist ein Ochs im Kuhstall gevesen“.

Наконецъ, прибыли мы въ той-же коляскѣ, нанятой на всю поѣздку, до Пирны, гдѣ часа два пришлось мнѣ ждать срочнаго дилижанса на Карлсбадъ и Мариенбадъ. Здѣсь спутники мои, которые все время ѣздили въ моей коляскѣ и почти угощались мною, выразили желаніе скромнымъ обѣдомъ въ гостинницѣ въ Пирнѣ угостить меня и отблагодарить за любезное знакомство. Заказанъ былъ отвратительный обѣдъ и подана бутылка шампанскаго; но каково было мое удивленіе, когда затрубилъ рожокъ кондуктора дилижанса и когда подали счетъ и я увидѣлъ, что весь расходъ разложенъ на трехъ. Припомню еще одно обстоятельство относительно таможи. Въ Пруссіи я испыталъ всю строгость тамошней таможи, при самомъ холодномъ и полномъ достоинства отношеніи чиновниковъ къ законному исполненію своего долга, по проѣздѣ же на границу Австріи представился слѣдующій фактъ: всѣ пассажиры разложили и раскрыли свои чемоданы на дворѣ передъ Zollamt. Я спросилъ у кондуктора, какъ тутъ быть — онъ отвѣтилъ мнѣ лаконически: „ein Thaler“; наконецъ вышелъ какой-то толстый въ очкахъ рыжій чиновникъ, съ коленкоровымъ чехломъ на правомъ рукавѣ для предостереженія локтя отъ тренія. Онъ подходилъ къ каждому пассажиру, спрашивая куда ѣдетъ, затѣмъ протягивалъ руку со словами: „Wünsche ihnen eine glückliche Reise“, при этомъ ему подавалось приношеніе, которое онъ безцеремонно клалъ въ карманъ, чемоданъ запирался и таможенные служители быстро бросали его въ дилижансъ. Такимъ образомъ поступилъ и я, отдѣлавшись отъ всякаго осмотра. Остановившись на нѣсколько часовъ въ Карлсбадѣ, я наконецъ прибылъ въ Мариенбадъ, гдѣ прижалъ къ сердцу добраго отца моего, съ нетерпѣніемъ давно ожидавшаго меня. На этихъ водахъ было довольно большое общество русскихъ и особенно аристократическихъ венгерскихъ и австрійскихъ фамилій, какъ-то: фамилія Пальфи, Зичи, Эстергази, Гавріяни и другихъ, съ которыми я познакомился. На водахъ находилась графиня Нессельроде, жена тогдашняго нашего канцлера. Отецъ мой съ ними очень былъ друженъ и, увѣренный черезъ связи свои

предоставить мнѣ видную карьеру по дипломатіи, мечталъ отклонить меня отъ постоянного намѣренія моего избрать военное поприще. Отецъ мой поставилъ мнѣ и братьямъ моимъ непремѣннымъ условіемъ окончить университетское воспитаніе, а затѣмъ общалъ благословить насъ въ ту карьеру, которую каждый себѣ избереть. Онъ остался вѣренъ взгляду своему и нисколько впоследствии не препятствовалъ поступленію моему въ военную службу. Мы очень сошлись съ милымъ и любезнымъ обществомъ венгерцевъ и австрійцевъ, и отецъ мой общалъ на обратномъ пути въ Россію посѣтить графа Пальфи осенью во время охоты въ феодальномъ его замкѣ Штамфенѣ.

По окончаніи леченія въ Маріенбадѣ, мы съ отцемъ предприняли поѣздки по Европѣ, посѣтили большую часть Германіи, Бельгію, Парижъ, потомъ Баденъ, Баварію, Швейцарію, Миланъ и сѣверную Италію, Венецію и, наконецъ, въ концѣ, кажется, сентября прибыли въ Венгрію.

Все видимое мною крайне интересовало меня новизною ощущаемыхъ впечатлѣній; тогда путешествія доставляли больше возможности и осмотрѣть и ознакомиться съ особенностями проѣзжаемыхъ странъ. Мы ѣхали все на почтовыхъ въ своемъ экипажѣ, останавливаясь въ мѣстахъ, привлекавшихъ наше вниманіе, не стѣсненные никаки форплагами, никакими свистками и звонками желѣзныхъ дорогъ. Все меня, разумѣется, занимало, но не скажу, чтобы особенно завлекало; при тогдашнемъ настроеніи моихъ мыслей, мнѣ хотѣлось поскорѣй поступить на службу, скорѣе начать то военное поприще, къ которому всѣ, по понятіямъ того времени, стремились и которое представляло особую, еще не испытанную, заманчивость въ молодомъ воображеніи моемъ. Скажу также, что по тогдашнимъ понятіямъ всякій считалъ для себя обязанностью служить и не только долгомъ передъ государствомъ, но также въ отношеніи къ обществу и семейству. Какъ измѣнились прежнія понятія, при томъ направленіи, которое овладѣло нынѣшнимъ молодымъ поколѣніемъ!

Хочу остановиться, при этомъ враткомъ перечнѣ осмотрѣнныхъ въ то время мною мѣстностей, на пребываніи моемъ въ замкѣ Штамфенѣ. Графъ Пальфи въ числѣ, кажется, пяти венгерскихъ

магнатовъ принадлежалъ къ тѣмъ аристократическимъ родамъ Венгріи, которые сохранили особыя еще феодальныя права. Онъ имѣлъ право верховной юрисдикціи надъ всѣми проживающими на его земляхъ, даже право жизни и смерти за извѣстныя преступленія, между прочимъ за браконьерство (кажется даже изъ привилегій не было вычеркнуто *jus primae noctis*). Все это, разумѣется, было мертвою буквою и существовало только *de jure*, но во вѣшней обстановкѣ широко отзывались феодальныя преданія. Великолѣпный замокъ Пальфи былъ наполненъ съѣхавшимися со всей Венгріи на охоту магнатами, составлявшими цвѣтъ тогдашней аристократіи, — общество было въ высшей степени пріятное и образованное. Гостепріимство оказывалось самое роскошное, самое широкое; каждое утро значительный хоръ роговой музыки въ богатыхъ ливреяхъ выстраивался на дворѣ замка и давалъ сигналъ къ отправленію на охоту. Охота была дѣйствительно царская: такъ, напримѣръ, для фазановъ были особыя мѣста съ прорубленными просѣками, на которыя загонщики выгоняли дичь; около каждого приглашеннаго стояли егеря съ заряженными ружьями на приготовленныхъ заранѣе мѣстахъ. Масса фазановъ была неимовѣрная — я помню, что на нашей охотѣ было убило въ одинъ день, кажется, до 800 штукъ. Для охоты за зайцами, кабанамъ были особыя мѣста, — но всего замѣчательнѣе это устройство охоты на оленей. Обыкновенно поочередно у каждого магната ежегодно охотились на извѣстнаго рода дичь и самымъ строгимъ образомъ наблюдалось, чтобы не производилось ни одного выстрѣла въ мѣстахъ не назначенныхъ для охоты. Въ этотъ годъ не было охоты на оленей, но я имѣлъ случай видѣть въ лѣсахъ гр. Пальфи повѣрку оленей. Это происходило слѣдующимъ образомъ: посреди поляны, окруженной вѣковыми нетронутыми лѣсами, была построена двухъэтажная бесѣдка, въ которой жалюзи закрывали окна; мы собрались въ верхнемъ этажѣ, а въ нижнемъ охотники играли на рогахъ какой-то условленный мотивъ. Посреди поляны устроены были ясли съ кормомъ для оленей и старикъ сторожъ, не скрываясь, расхаживалъ около своей хижины. Мало-по-малу сбѣгались изъ лѣсу дикіе олени на знакомые имъ звуки и кормились у яслей, и такимъ образомъ ихъ повѣряли. Обыкновенно весьма робкіе при малѣй-

шемъ шумѣ, они нисколько не боялись стараго сторожа. Охота же происходила въ весьма отдаленномъ отъ этой поляны разстояніи. Въ Штамфенѣ провели мы чрезвычайно весело и пріятно время въ теченіе трехъ или четырехъ дней. Тогда уже было начало волненія политическихъ партій въ Венгріи; я помню совершенно дружескіе и оживленные споры хозяина замка, консерватора Пальфи, съ либеральными тенденціями графа Зичи. Революція и измѣненіе обветшалыхъ старыхъ порядковъ Венгріи были тогда какъ бы въ воздухѣ, и вскорѣ послѣдующія событія измѣнили весь прежній отжившій гражданскій строй этой страны.

Изъ Венгріи, черезъ Галицію, посѣтивъ замѣчательныя соляныя копи въ Величкѣ, мы пріѣхали въ Варшаву, гдѣ я первоначально и думалъ поступить въ армейскій, и именно Сумскій гусарскій полкъ. Я уже, при содѣйствіи отца, вступилъ въ нѣкоторыя сношенія съ военнымъ начальствомъ, какъ вдругъ получили мы отъ матушки горестное извѣстіе о кончинѣ двухлѣтнаго брата моего. Эта вѣсть, сильно опечалившая отца, измѣнила и всѣ мои намѣренія; я поспѣшилъ съ нимъ въ Петербургъ къ матушкѣ и семейству, зная насколько присутствіе мое будетъ служить отрадою въ ихъ горѣ, и тамъ уже рѣшился опредѣлиться юнкеромъ въ единственный армейскій полкъ, числящійся въ составѣ гвардейской кирасирской дивизіи, въ кирасирскій, тогда Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича, полкъ, расположенный въ Гатчинѣ, который обыкновенно называли Гатчинскимъ полкомъ.

Въ то время студенты и лица гражданскаго вѣдомства не имѣли возможности поступать въ гвардейскіе полки; нужно было пройти черезъ тогдашнюю школу гвардейскихъ подиравпорщиковъ, пажескій корпусъ или другое военно-учебное заведеніе, чтобы пользоваться правомъ поступить въ гвардію. Понятно, что кончившій курсъ университета студентъ тяготился снова обречь себя на нѣсколько лѣтъ школьной скамьи въ военномъ заведеніи и предпочиталъ пользоваться трехлѣтнимъ правомъ, предоставленнымъ закономъ для производства въ армію студентовъ изъ юнкеровъ въ офицеры. Законъ этотъ, какъ я самъ испыталъ на себѣ, былъ одною только мертвою буквою; вообще гвардейское начальство и особенно великій князь Михаилъ Павловичъ смотрѣли тогда на студентовъ

весьма несочувственно. Я и нѣкоторые товарищи мои по университету (большею частью, впрочемъ, неокончившіе курсъ) были исключеніями, посвятивши себя военному поприщу. Въ гвардіи, не знаю ужъ почему, считали студентовъ въ то время вредными въ войскахъ, по либеральному будто бы своему воспитанію.

Общій характеръ тогдашней военной службы отличался самыми мельчайшими, ремешковыми требованіями; вся нравственная сторона дѣла приносилась въ жертву наружному блеску, всѣ условія были не для приготовленія войска къ войнѣ, а къ отчетливымъ движеніямъ на разводахъ и парадахъ. Достаточно указать на слѣдующее: кремневое тогдашнее ружье до того чистилось пескомъ и кирпичемъ, что положительно теряло всякую вѣрность въ стрѣльбѣ; гайки, укрѣпляющія стволъ къ ложу, пригонялись какъ можно свободнѣе, чтобы приемы были *темписты*. Пригонка ранцевъ крестообразно черезъ грудь, бѣлая амуниція, требующая постоянной чистки, наконецъ узкая пригонка мундировъ, безобразные, тяжелые головные уборы — все это крайне стѣсняло и утомляло солдата во вредъ его здоровью. Въ кавалеріи маневренная выѣздка лошадей, при тогдашнихъ требованіяхъ, положительно ихъ портила: лошади были или съ ослабленными крестцами, или съ разбитыми ногами. Обращеніе съ солдатами было крайне взыскательное и все предоставлено было безконтрольному произволу начальника: палки, розги, фухтеля играли самую безобразную роль на всѣхъ ученіяхъ. Требовалось самое отчетливое исполненіе приемовъ и построеній; солдаты дѣлались машиной; запуганный, онъ терялъ способность мышленія и чувство собственнаго достоинства. Зато какъ равнялись на парадѣ, какъ дѣлали ружейные приемы, какъ стройно стрѣляли, заряжая на 12 темповъ. Цѣльная стрѣльба была совершенно дѣломъ второстепеннымъ въ войскахъ; во время службы моей въ полку я не помню ни разу, чтобы солдаты стрѣляли боевыми патронами. Разъ на маневрахъ около Ропши, на одномъ маршѣ, въ довольно жаркій день, когда нашъ полкъ потребовали на рысяхъ, въ полку пало, кажется, 13 лошадей, раскормленных до-нелзя, по тогдашнему обыкновенію, для парадовъ и не выдержавшихъ усиленной походной ѣзды.

Полкомъ нашимъ командовалъ генералъ Александръ Николае-

вичъ Араповъ, слывшій лучшимъ полковымъ командиромъ въ гвардіи. Онъ зналъ до тонкости фронтową службу и дѣйствительно, какъ говорится, умѣлъ показать товаръ лицомъ. Но что для этого и дѣлалось! Я помню, что въ теченіе всей зимы изъ образцоваго пѣхотнаго полка, негласно отъ начальства, посылалась къ намъ, по дружескимъ отношеніямъ командировъ, команда пѣхотныхъ унтеръ-офицеровъ, при офицерѣ, для обученія нашихъ кирасиръ пѣшему строю. Какія истязанія испытывали наши солдаты отъ этихъ пѣхотныхъ профессоровъ. Они учили также и насъ юнкеровъ; я помню слѣдующее изреченіе къ намъ одного унтеръ-офицера при объясненіи маршировки: „держитесь на бедрахъ, подымайте ногу со всевозможною величавостію, опускайте ее, какъ будто люта звѣря придавить хотите, возьмите наклонъ корпуса на точку, не упираясь на оную, идите!“ Что могъ понять солдатъ изъ этой галиматіи? А какъ ихъ били за это непониманіе! Пѣхотные армейскіе офицеры, инструкторы, служили предметомъ всевозможныхъ школьничествъ нашихъ офицеровъ и обыкновенно спаивались съ кругу въ нашемъ полку. Какія тоже у нихъ были выраженія. Я помню, какъ на ученіи, гдѣ готовился нашъ кирасирскій баталіонъ къ разводу, штабсъ-капитанъ Сурманевъ, истощивъ всевозможныя ругательства надъ нашими дологаями (такъ назывался кирасиръ), кричалъ съ азартомъ въ манежѣ: „Забыли вы, мерзавцы, Бога, забыли святыя заповѣди Его,—ихъ всѣ солдатъ можетъ забыть, но одну всегда долженъ помнить свято, это 11-ую заповѣдь: „во фронтѣ стоять смирно“. Все это припоминаю, чтобы показать тогдашнія понятія и требованія.

Строгости были неимовѣрныя, но все касалось до мелочей, а между тѣмъ злоупотребленія дѣлались страшныя. Я помню, какъ тотъ же Араповъ на разводѣ, чтобы скрасить нашъ фронтъ, одѣлъ кирасирами пѣхотныхъ образцовыхъ солдатъ и такъ они прошли передъ Государемъ. Другой разъ вахмистру 1-го эскадрона Лазареву, лично извѣстному Государю и Наслѣднику, онъ велѣлъ сбрызнуть огромныя бакенбарды и усы и подѣхать за ординарца отъ другого эскадрона, какъ отличнѣйшему ѣздоку, на молодой лошади, съ которой не могъ справиться настоящій ея хозяинъ. Я испыталъ даже на себѣ, до какой степени дерзость обмана начальства дохо-

дила въ то время. Это было въ лагерѣ въ Красномъ Селѣ; я ѣздилъ очень хорошо и считался ординарческимъ офицеромъ; когда я отъѣздилъ свою очередь за ординарца отъ 1-го эскадрона, въ которомъ служилъ, Араповъ на слѣдующемъ разводѣ просить меня опять ѣхать за ординарца отъ 3-го эскадрона на его лошади, несовершенно выѣзженной, которую онъ хотѣлъ очень дорого сбыть вновь произведенному офицеру. Я отъѣздилъ чрезвычайно удачно, и Государь Николай Павловичъ, когда я съ нимъ поровнялся, скомандовалъ: „стой“, похвалилъ мою ѣзду и посадку и спросилъ у Арапова, какъ фамилія. Тотъ, не смущаясь, отвѣтилъ: „3-го эскадрона поручикъ Сосновскій“. Вѣтеръ былъ весьма сильный и всѣ мы покрыты были густою черною пылью,—но чтобы было, если бы покойный Государь узналъ правду. Все это въ то время сходило и даже считалось особою ловкостью и находчивостью начальства,—въ настоящее время подобныя вещи, полагаю, немислимы.

Арапова, несмотря на недостатокъ образованія, отсутствіе всякой деликатности и часто неосновательную строгость, офицеры довольно любили за дѣйствительно доброе его сердце, а главное за то, что онъ такъ умѣлъ выказать полкъ, что постоянно начальство насъ хвалило и ставило въ примѣръ другимъ полкамъ. Дѣйствительно, по тогдашнимъ требованіямъ, полкъ былъ въ прекрасномъ видѣ и общество офицеровъ отличное. Къ намъ поступали люди весьма богатые, изъ лучшихъ фамилій, не выдержавшіе тѣхъ пустыхъ экзаменовъ, которые требовались въ то время для гвардіи. Такъ, напримѣръ, до меня тамъ служилъ князь Алекс. Ив. Барятинскій, нынѣшній фельдмаршалъ, выпущенный въ этотъ армейскій полкъ изъ школы за неуспѣхи въ наукахъ; изъ этого же полка вышелъ гр. Карлъ Ламбертъ, бывшій намѣстникомъ въ Варшавѣ. Въ немъ служили впослѣдствіи при мнѣ: кн. Владиміръ Барятинскій, извѣстный Мартыновъ, Веревкинъ, братья Зиновьевы, Лихачевъ, Ланской, Голицынъ, Собиръ, Платоновъ, Вреде, Даль, Прәнъ, Четвертинскій и многіе другіе товарищи, изъ которыхъ мало въ настоящее время осталось въ живыхъ и о которыхъ сохраняю самую лучшую память.

45 верстъ отдѣляло насъ отъ Петербурга, желѣзной дороги не было, и это, можетъ быть, одна изъ причинъ, почему въ полку



такъ сближались офицеры и установилось такое дружеское между ними товарищество. Но зато и шалостямъ не было конца. Известны въ то время были наши фарсы: выѣздъ англійскаго посланника въ Гатчину, ночью освѣщеніе всего дворца; зимою шалости на большой дорогѣ, гдѣ поворачивали обратно проходящіе возы со спящими мужиками, которые просыпались къ утру на постояломъ дворѣ, откуда выѣзжали, и приписывали это лѣшему, обходившему обозъ въ извѣстномъ мѣстѣ. Въ городѣ, въ свѣжныя ночи, взявъ команду, закапывали до крышъ дома жителей, которые къ утру должны были прорывать галлерей, чтобы попасть на улицу—тому подобныя ребячества занимали насъ въ празднои и скучной стоянкѣ. Многіе изъ насъ, въ томъ числѣ и я, постоянно почти ѣздили въ Петербургъ, но это было крайне утомительно, и обыкновенно къ 8-ми часамъ утра уже нужно было быть въ Гатчинѣ на ученьи или ѣздѣ; для этого мы держали лихія тройки съ подставой въ Пулковѣ. Духъ полка былъ дѣйствительно хорошъ и всѣ чрезвычайно принимали къ сердцу успѣхи и репутацію полка на смотрахъ и отзывы о немъ начальства. Службу знали мы хорошо, и за рѣдкими исключеніями офицеры имѣли отличныхъ лошадей, чѣмъ хвастались передъ прочими полками дивизіи.

Я поступилъ въ полкъ юнкеровъ на трехмѣсячныхъ университетскихъ правахъ, а прослужилъ въ этомъ званіи 14 мѣсяцевъ. Я занимался чрезвычайно усердно службой и былъ на счету лучшихъ юнкеровъ. Полковой командиръ благоволилъ ко мнѣ и три раза я былъ представленъ на смотру для производства, въ числѣ прочихъ юнкеровъ гвардейскаго корпуса, тогдашнему корпусному командиру Великому Князю Михаилу Павловичу и онъ всякій разъ, посмотрѣвши на меня, отставлялъ отъ осмотра, говоря: „университетскій, рано, пусть подождетъ“. Таково было предубѣжденіе его противъ студентовъ. Наконецъ, въ Генварѣ 1841 г. я былъ произведенъ Великимъ Княземъ въ корнеты и не скажу, чтобы особенно меня порадовалъ этотъ чинъ. Я былъ очень доволенъ, но особеннаго восторга не чувствовалъ, особенно сравнивая тогдашнее мое впечатлѣніе съ тѣмъ, которое я испыталъ, когда на Кавказѣ совершенно неожиданно былъ произведенъ въ полковники — тогда я дѣйствительно ошалѣлъ отъ радости.

Въ продолженіе около трехъ лѣтъ, которыя я прослужилъ въ полку офицеромъ, я по службѣ положительно не испыталъ никакихъ непріятностей. Чрезвычайно сошелся я и, смѣю сказать, былъ любимъ своими товарищами и всегда отличаема начальствомъ.

Въ заключеніе воспоминаній моей полковой жизни въ Гатчинѣ разскажу бывшій со мною случай на маневрахъ, кажется, въ 1842 г. Маневры кончались и готовились послѣ послѣднихъ движеній къ такъ называемому куделю (*coup d'oeil*). Это было послѣ маневровъ общее картинное расположеніе войскъ на Красносельскомъ военномъ полѣ, на которое обыкновенно пріѣзжала Императрица и весь дворъ въ экипажахъ. Покойный Государь своимъ звучнымъ голосомъ командовалъ движеніями; кирасирская бригада, къ которой принадлежалъ нашъ полкъ, выстроилась развернутымъ фронтомъ, а въ интервалахъ полковъ проскакивала образцовая конная батарея. Я ѣздилъ передъ 1-мъ взводомъ 1-го эскадрона; помню даже, какъ я далъ шенкель лошади, чтобы постерониться отъ скачущаго орудія; въ это время сдѣлался взрывъ, и я съ лошадыю былъ выброшенъ импетомъ шаговъ на 30 или болѣе впередъ эскадрона. Я не могъ себѣ отдать отчета въ первую минуту о случившемся, но когда пороховой дымъ разсѣялся и я возвратился къ мѣсту, то увидѣлъ страшную картину: опрокинутое и врывшееся въ землю орудіе, передка котораго не существовало, трупы лошадей, обгорѣвшая и изувѣченная прислуга, въ страшныхъ мученіяхъ валяющаяся на землѣ. Нѣсколько кирасиръ и лошадей моего взвода тоже легко были ранены и контужены и я почувствовалъ боль въ правомъ плечѣ и шеѣ. Когда сняли съ меня кирасы и колеты, то правая часть головы, шеи и все плечо вздулись пузыремъ. Дѣло въ томъ, что я также сильно былъ контуженъ, вѣроятно, осколкомъ пины отъ передка; задняя часть кирасы моей, къ счастью, не картонной, а желѣзной, передѣланной изъ юнкерской, была совершенно согнута и вдавлена. Этому обстоятельству, можетъ быть, и обязанъ я, что не получилъ болѣе серьезныхъ поврежденій. Немедленно прискакалъ со всею свитой къ мѣсту происшествія Николай Павловичъ, заботливо относясь къ раненымъ. На землѣ лежалъ, лицомъ внизъ, артиллерійскій офицеръ поручикъ Дьяконскій съ совершенно обгорѣлыми волосами. Государь, обратившись къ своему

доктору Наумовичу, сказалъ: „надобно ему пустить кровь“. Дьяконскій всталъ и, грозя пальцемъ Государю, возразилъ: „нѣтъ, Николай Павловичъ, этому ужъ не бывать“. Оказалось, что у него отъ сотрясенія мозга сдѣлалось временное разстройство ума, отъ котораго онъ послѣ излечился. Меня также Государь очень милостиво и заботливо расспрашивалъ о случившемся. Между тѣмъ, Государыня уже подъѣзжала, войска выдвинули впередъ и прислали роту пѣхоты, чтобы закрыть отъ Императрицы раненыхъ. Я со взводомъ тоже остался на мѣстѣ и назначенъ былъ проводить до Краснаго Села повозки съ ранеными. Ужасныя тутъ были сцены! Въ первый разъ видѣлъ я tetanos на одномъ изъ артиллеристовъ, который весь обгорѣвшій неподвижно стоялъ, и въ столбнякъ мы его довели до госпиталя. У большей части артиллеристовъ были выжжены глаза, у фейерверкера, когда его подняли, совершенно отдѣлилась рука и тутъ же онъ умеръ. У кирасиръ были только легкія контузіи, я самъ черезъ недѣлю оправился. Все произошло отъ того же смотрового, а не военнаго отношенія къ дѣлу: въ то время чрезвычайно цѣнилась быстрота стрѣльбы изъ орудій, для чего въ передкѣ держались снаряды не въ шуфлахъ, какъ то требовалось, а въ простыхъ мѣшкахъ. Вѣроятно крышка передка отъ сильнаго движенія треснула и пороховая пыль пробилась наружу, а артиллерійскій № съ фитилемъ, при сниманіи орудія съ передка, заронилъ искру на крышу—по крайней мѣрѣ тогда всѣ объясняли такъ этотъ случай. Строжайшее слѣдствіе, разумѣется, ничего не открыло, но тогда же приказано было номерамъ съ фитилемъ не снимать орудій съ передковъ.

---

## ГЛАВА II.

Мое назначеніе на Кавказъ.—Причины, побудившія меня къ тому.—Отношенія мои къ отцу.—Великій Князь Михаилъ Павловичъ.—Отъѣздъ въ Октябрѣ 1844 г.—Знакомство съ Ермоловымъ въ Москвѣ.—Ставрополь.—Владикавказъ.—Нестеровъ.—Пріѣздъ въ Тифлисъ.—Знакомство съ А. Е. Тимашевымъ.—Корпусный командиръ А. П. Нейдгартъ.—Его отношенія къ С.-Петербургу и причина оставленія имъ Кавказа.—Мои отношенія къ нему.—Проводы Нейдгарта въ 45 году.

Пустая полкован жизнь и особенно ремешковья требованія тогдашней службы не удовлетворяли моимъ военнымъ стремленіямъ. Я желалъ болѣе серьезной боевой дѣятельности, избравъ для себя карьеру, которая болѣе всего подходила къ моему пылкому и предпріимчивому характеру. Кавказъ представлялъ тогда лучшій и единственный исходъ для всѣхъ находящихся въ такомъ состояніи, какъ я былъ въ то время. Я сообщилъ о своемъ намѣреніи отцу моему, и послѣ нѣкоторыхъ колебаній онъ, наконецъ, благословилъ меня на кавказскую службу. Я сначала думалъ перейти въ казаки въ Малороссійскій полкъ, которымъ командовалъ тогда знакомый отцу полковникъ Рихтеръ, но въ управленіи нерегулярныхъ войскъ я узналъ, что для поступленія въ казаки нужно было въ то время приписаться съ потомствомъ въ это сословіе. Пришлось отказаться отъ этого предположенія и тогда отецъ получилъ согласіе Нейдгарта на принятіе меня въ свой штабъ, въ качествѣ состоящаго по особымъ порученіямъ.

Были еще другія обстоятельства, имѣвшія вліяніе на рѣшеніе мое оставить Петербургъ. Еще въ студенческіе годы въ юномъ сердцѣ моемъ возродилась привязанность къ близкой родственницѣ моей, воспитывавшейся въ домѣ отца моего. Она была немногими годами моложе меня, и весьма естественно, что общая семейная жизнь наша въ эти юные годы развивала во мнѣ чувства, которыя не могли и не должны были привести къ какому-либо, даже въ далекомъ будущемъ, исходу. Я хорошо зналъ мнѣніе добраго отца моего насчетъ подобныхъ между родственниками браковъ и воля и спокойствіе его были для меня во всю жизнь мою дороже всего въ мірѣ. Здѣсь мѣсто указать на отношенія мои къ покойному отцу моему. Это одна изъ самыхъ сильныхъ привязанностей, кото-

рюю я испыталъ во всей жизни моей и которой я остался вѣренъ до самой смерти незабвеннаго въ сердцѣ моемъ отца моего. Самые обстоятельства сложились такъ, чтобы соединить насъ; какъ старшій въ семьѣ, я постоянно сопутствовалъ ему во всѣхъ поѣздкахъ его; постоянный обмѣнъ мыслей сближалъ насъ и, когда настали года моего юношества и молодости, я сдѣлался вѣрнѣйшимъ другомъ отца моего. Не было тайной сердечной мысли, не было горя, радости, не было матеріальныхъ или дѣловыхъ заботъ, съ которыми бы онъ не дѣлился со мною съ полною откровенностью и довѣріемъ. Со своей стороны я платилъ ему тѣмъ же; всѣ увлеченія, ошибки молодости моей въ любящемъ сердцѣ его находили не одно только отеческое, но чистое дружеское отношеніе къ моей неопытности въ жизни и къ моей молодости. Въ отцѣ моемъ я находилъ опору въ сомнѣніяхъ моихъ, всегда честный добрый совѣтъ въ затрудненіяхъ и всегда ту безпредѣльную любовь, которую онъ до конца жизни питалъ ко мнѣ. Какъ часто вдали отъ него я сердцемъ и мыслью обращался къ нему во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ жизни, и какъ память о немъ всегда руководила мною на пути чести и добра. Этому святому чистому чувству многимъ, всѣмъ даже, я обязанъ, если живая, энергическая пылкая натура моя сохранилась еще до старости непомятая ни однимъ безчестнымъ поступкомъ, отъ котораго приходилось бы мнѣ краснѣть и скрывать отъ друга—жены моей—и столь близкихъ сердцу дѣтей моихъ.

На склонѣ жизни своей отцу пришлось испытать много горя, много разочарованій; къ тому же матеріальныя его дѣла совершенно разстроились и его мучила мысль оставить послѣ себя любимую имъ семью, привыкшую къ роскошной жизненной обстановкѣ, въ самомъ стѣснительномъ и затруднительномъ положеніи въ будущихъ средствахъ существованія. Всему, разумѣется, была причиною добрая, довѣрчивая натура отца моего. Я не встрѣчалъ человѣка болѣе расположеннаго помочь ближнему; это составляло какъ бы катехизисъ всей его жизни, и никто болѣе его не былъ свисходительнѣе, доброжелательнѣе къ человѣчеству, какъ онъ. Зато врядъ ли кто испытывалъ болѣе обмановъ, неблагодарности и разочарованій всякаго рода.—Но все это никакого не имѣло вліянія на чистую душу отца моего; онъ опять съ тѣмъ же сердечнымъ

увлеченієм поддавався новымъ предпріятіямъ, новымъ жертвамъ, чтобы одолжить ближняго.

Покуда нравственныя и фізическія силы не оставляли отца, онъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ наживалъ состояніе, принимая участіе въ разныхъ предпріятіяхъ, расходуя щедро и безотчетно, всегда въ пользу семьи и другихъ, нажитое. Но когда съ лѣтами силы его ослабли, обстоятельства измѣнились, излишнее довѣріе къ лицамъ, которымъ онъ такъ безопасно ввѣрялъ все свое достояніе, грозило ему окончательнымъ раззореніемъ. Въ этомъ положеніи засталъ я отца, пріѣхавъ къ нему въ отпускъ съ семействомъ моимъ осенью 1861 г. въ деревню Псковской губерніи, въ село Глубокое. Для меня отчаянное положеніе въ то время дѣлъ отца моего, которое онъ такъ тщательно скрывалъ отъ матери моей и семейства, чтобы не тревожить ихъ, не было тайною. Сколько разъ нѣжною любовью моею къ отцу въ разговорахъ съ нимъ старался я поднять павшій духъ его и вселить въ него надежды, которыхъ я самъ не имѣлъ, на благопріятный исходъ дѣла въ Государственномъ Совѣтѣ, отъ котораго зависѣло его спокойствіе и матеріальная будущность всего семейства. Моя постоянная веселость, мои доводы развлекали, оживляли бѣднаго отца, но тяжкая дума видимо и постоянно лежала у него на сердцѣ.

Разскажу обстоятельство, которое до сихъ поръ извѣстно только жевѣ моей, какъ вѣрнѣйшему другу моему. Разъ въ воскресный день были мы всѣ въ нашей Глубоковской церкви, построенной отцомъ моимъ. На клиросѣ, противоположномъ тому, на которомъ я стоялъ съ пѣвчими, стояло все семейство мое, въ то время удрученное еще другимъ семейнымъ горемъ, тяготѣвшимъ надъ всѣми нами. Мать молилась на колѣняхъ, сестры въ слезахъ окружали ее. Полная достоинства и христіанской покорности волѣ Провидѣнія, около нихъ стояла величественная фигура отца моего. Сѣдые густые волосы покрывали благородныя черты его, на которыхъ выражалось все, что въ эту минуту такъ тяжело лежало на сердцѣ его. Около клироса стояла жена, мой старшій 8-ми лѣтній сынъ и второй 3-хъ лѣтній ребенокъ на рукахъ у нянюшки. — Благословеніе Бога въ полномъ его милосердіи лежало на мнѣ

и семействѣ моемъ. Я вполнѣ и во всемъ былъ счастливъ, вся семейная жизнь моя, служба, дѣла—все улыбалось мнѣ. Во всемъ испытывалъ я радость, удачу и успѣхъ. Не могу объяснить, какое чувство овладѣло мною въ эту минуту; я помню, что я отвернулся къ стѣнѣ и сталъ со слезами горячо молиться, какъ я никогда не молился въ жизни. Я просилъ у Бога помочь отцу, просилъ искупить личными страданіями моими спокойствіе старика, любимаго отца моего, моля только пощадить жену и дѣтей моихъ. Я хорошо помню, какъ вдругъ мнѣ сдѣлалось легко и свѣтло на душѣ, какъ будто чувствовалъ, что молитва моя услышана и принята Богомъ. На другой день отправился я съ братомъ моимъ Алексѣемъ верхомъ прогуляться; на довольно далекомъ разстояніи отъ села, спокойная и здоровая лошадь моя на шагѣ вдругъ упала; я остался подъ нею и лошадь каталась на мнѣ, совершенно измѣла мнѣ всю внутренность, повредивъ ребра, кишки, печень, почки,—все было раздавлено. Когда меня братья высвободили изъ подъ лошади и привели въ чувство, я понималъ все свое положеніе; не бывъ въ состояніи переносить какое-либо движеніе въ экипажѣ и опасаясь испугать своихъ извѣстіемъ въ село, я, поддерживая руками всѣ раздавленные внутренности свои, имѣлъ однако сгоряча достаточно силы, чтобы при помощи брата дотащиться пѣшкомъ 6 верстъ до дому. Помню, какъ вошелъ я въ гостиную сказать о случившемся; но когда жена моя довела меня до спальни, то я потерялъ сознание.—Въ продолженіи 4-хъ мѣсяцевъ, сначала въ деревнѣ, а потомъ съ трудомъ перевезенный въ Петербургъ, я былъ постоянно между жизнью и смертью. Желѣзная натура моя и попеченіе и искусство доктора и домашняго друга нашего М. Н. Полякова спасли меня послѣ новыхъ различныхъ страданій. Созванные на консилиумъ первыя знаменитости Петербурга не допускали благопріятнаго исхода при страшныхъ поврежденіяхъ моихъ. Я вылечился и никакими послѣдствіями на организмѣ моемъ не отозвался этотъ ужасный случай. Можно себѣ представить положеніе семьи моей.—Во время самыхъ невыносимыхъ страданій моихъ узналъ я, что совершенно неожиданно разрѣшено въ пользу отца моего дѣло въ Государственномъ Совѣтѣ,—дѣло, отъ котораго зависѣло благосостояніе

семейства и спокойствіе старика моего. Я невольно тогда вспомнилъ о молитвѣ моей и тогда же сказалъ о томъ женѣ, прося хранить тайну моего ей признанія.—Невѣрующіе могутъ все это приписать случаю, стеченію обстоятельствъ,—можетъ быть оно и такъ, но на меня это произвело впечатлѣніе, которое сохраняю всю жизнь. Это укрѣпило во мнѣ полную, твердую вѣру въ силу молитвы, которую не поколеблятъ никакіе анализы философіи и теоріи новѣйшаго направленія.

Впослѣдствіи, когда я былъ въ отставкѣ, сначала жилъ въ деревнѣ, а потомъ переехалъ за границу съ семействомъ, чтобы провести зиму съ отцомъ въ По, въ Пиринеяхъ, мнѣ Богъ помогъ еще разъ быть полезнымъ ему и семейству. Отецъ, по довѣрію своему, ввѣрилъ, въ видѣ залоговъ, свидѣтельства на большую часть имѣній своихъ по подряду холста въ военномъ Министерствѣ. Но получаемъ телеграмму, что подрядчикъ обанкротился и что всѣ залоговѣ отца должны обезпечить подрядъ.—Новое угрожало раззореніе семейству; отецъ пораженный этою вѣстью, при преклонныхъ лѣтахъ его и болѣзни, не былъ въ состояніи поправить дѣло. Взявъ полную довѣренность отъ отца, я немедленно отправился въ Петербургъ, въ качествѣ залогодателя взялъ на себя подрядъ и при неимовѣрныхъ затратахъ и хлопотахъ мнѣ, послѣ годичныхъ заботъ, удалось освободить всѣ залоговѣ отца.—Какъ я счастливъ былъ, какъ благодарилъ я Бога, что могъ, хотя слабо, отплатить чѣмъ-либо отцу за нѣжную любовь его и заботы обо мнѣ въ молодости моей.

Я въ то время былъ въ отставкѣ, вслѣдствіе неудовольствій и столкновеній моихъ на Дону съ Военнымъ Министромъ. Милютинъ былъ въ то время въ самомъ разгарѣ своихъ реформъ, во главѣ всей либеральной партіи, тогда господствующей въ Управленіи. Всѣ утопическія стремленія находили въ то время мѣсто, говорили даже о „jugu“ въ войскахъ и дисциплинарныхъ судахъ арміи,—это было послѣднее слово на пути либеральнаго абсурда. Въ Петербургѣ я постоянно въ обществѣ забавлялъ всѣхъ своими сужденіями и остротами, безпощадно и часто пристрастно порицающа распоряженія Милютина, и онъ это хорошо зналъ. По случаю подряда моего я сказалъ: *Quel coup du sort—me voilà forcé*



de fournir des calçons a un Ministère sans culottes. Шутка эта быстро разнеслась по Петербургу и извѣстна была и при дворѣ. Къ чести Милютина, котораго воззрѣнія я никакъ не могу раздѣлять, я долженъ сказать, что за злой языкъ мой онъ мнѣ отплатилъ полнымъ участіемъ и содѣйствіемъ во всемъ, что отъ него зависѣло въ освобожденіи залоговъ отца моего, какъ совершенно невиннаго въ остротахъ и выходкахъ, присущихъ всегда веселому характеру моему, но весьма часто неудобныхъ и даже неприличныхъ.

Послѣдній разъ я видѣлъ отца моего въ Кіевѣ, гдѣ былъ уже Генералъ-Губернаторомъ Юго-Западнаго края. Онъ какъ будто предчувствовалъ кончину свою и весною 1869 г. объѣхалъ отсутствующихъ дѣтей своихъ, посѣтивъ, въ сопровожденіи сестры моей Ольги, меня въ Кіевѣ и брата Алексѣя, по мѣсту службы его, въ Смоленскѣ. Отецъ посѣщалъ меня также на Кавказѣ и въ Черкасскѣ, во время управленія моего на Дону. Какъ радовалъ его, помню, всякій успѣхъ въ служебной карьерѣ моей; онъ такъ счастливъ всегда былъ, посѣщая меня въ мѣстахъ моей административной дѣятельности, гдѣ интересовался и обстановкою моею и взглядомъ моимъ на дѣла, мнѣ порученныя. Онъ уже не былъ въ живыхъ, когда я былъ назначенъ Генералъ-Адъютантомъ—это было всегда его завѣтною мечтою и желаніемъ.

Потомъ, вернувшись въ любимое имъ Глубокое, онъ послѣ кратковременной болѣзни, посреди семейства, тихо, безъ особыхъ страданій, скончался 29-го Августа 1869 года, на 75-мъ году отъ рожденія. Чистая христіанская душа его покоится съ праведными, и я твердо вѣрю, что молитвы и любовь его отражаются во всемъ, что я здѣсь испытываю радостей и счастливаго въ жизни. По роковой телеграмѣ о болѣзни отца, я немедленно съ семействомъ выѣхалъ въ Глубокое, но мнѣ не суждено было застать этого друга всей жизни моей въ живыхъ. Я имѣлъ однакожь утѣшеніе отдать послѣдній долгъ покойному отцу и перевести прахъ его въ свою деревню, Порховскаго уѣзда, село Полоное, гдѣ онъ покоится въ устроенномъ мною склепѣ и надъ могилой его воздвигнута часовня. Горе, которое я испыталъ отъ этой потери, невыразимо; тутъ только я понялъ, насколько дорогъ мнѣ былъ отецъ, насколько

жизнь его связана была съ моею и насколько тяжела была понесенная мною утрата.

Время, по благодати Божіей, все изглаживая, ослабило тѣ впечатлѣнія и чувства, которыя были бы невыносимы чловѣческой природѣ, ежели бы сохраняли продолжительно свою первоначальную силу. Но ни теперь, ни впослѣдствіи, безъ слезъ и умиленія не могу вспомнить о дорогомъ отцѣ моемъ.

Это-то чувство и руководило, несмотря на молодость мою, моимъ рѣшеніемъ ѣхать на Кавказъ въ описываемый мною періодъ жизни моей. Я чувствовалъ, что необходимый исходъ въ моемъ тогдашнемъ настроеніи былъ только одинъ—разлука. Я ни въ чемъ не преступилъ долга совѣсти и чести и надѣялся, что на Кавказѣ, въ новой боевой обстановкѣ, выйду побѣдителемъ изъ борьбы съ чувствомъ, тогда овладѣвшимъ мною. Долго еще, постепенно ослабѣвая, сохранялись во мнѣ впечатлѣнія и увлеченія молодости моей, доколѣ всякое воспоминаніе пропало не уступило мѣста другому, болѣе серьезному чувству, которому я обязанъ нравственнымъ, скажу, обновленіемъ своимъ и скоро 25-лѣтнимъ неизмѣннымъ своимъ счастьемъ.

Возвращаюсь къ опредѣленію моему на Кавказъ. Я подалъ въ переводъ, и первый разъ Великій Князь Михаилъ Павловичъ съ негодованіемъ отказалъ мнѣ. Черезъ нѣсколько времени я возобновилъ свое ходатайство, при чемъ заявилъ полковому командиру, что въ случаѣ новаго отказа я рѣшился подать въ отставку. Наконецъ переводъ мой состоялся,—но съ отчисленіемъ по армейской кавалеріи. Этимъ я лишился чина штабсъ-ротмистра, который бы мнѣ скоро достался, еслибы я числился въ своемъ полку, состоя при ген. Нейдгартѣ, и я прослужилъ въ чинѣ поручика лишнихъ три года. Впрочемъ все такъ вознаградилось впослѣдствіи, что никакъ не смѣю на это жаловаться.

Характеристиченъ былъ въ то время взглядъ Михаила Павловича на тогдашнюю кавказскую службу. Онъ былъ чловѣкъ самой доброй и самой высокой души, о чемъ много и много можно указать примѣровъ, но понятія его были своеобразны. Напускною строгостью наводя страхъ на всѣхъ, онъ думалъ этимъ поддерживать дисциплину и со своей точки зрѣнія считалъ, что онъ довелъ

войска до высшей степени совершенства. Онъ безпредѣльно преданъ былъ Государю, самымъ добросовѣстнымъ образомъ занимался ввѣренными ему частями и желалъ, чтобы все неудовольствіе за строгости падало всегда на него, а не на Государя. Все почти состояніе свое онъ тратилъ на помощь офицерамъ и дѣлалъ добро съ особымъ чувствомъ деликатности, которою онъ такъ мало руководился въ другихъ случаяхъ. Мнѣ извѣстенъ слѣдующій фактъ: разъ онъ послалъ, какъ фельдцейхмейстеръ, состоящаго при немъ артиллерійскаго генерала Бибикова инспектировать нѣсколько батарей, расположенныхъ въ Твери, Москвѣ и окрестностяхъ. По возвращеніи, Бибиковъ донесъ ему, что все нашелъ въ порядкѣ, но въ сожалѣнію у одного батарейнаго командира не доставало довольно крупной суммы въ ящикѣ. Первый разъ въ жизни увлекшись карточной игрой, батарейный командиръ проигралъ эту сумму въ Москвѣ; съ отчаяніемъ онъ объявилъ самъ свой поступокъ и ждалъ рѣшенія своей участи. Великій Князь сказалъ: „не называй мнѣ его имени, скажи, хорошо ли онъ служилъ прежде и какое у него семейство“. Когда Бибиковъ отвѣтилъ, что это отличный во всѣхъ отношеніяхъ офицеръ, и что у него большое и весьма достойное семейство, то Михаилъ Павловичъ отдалъ свои деньги Бибикову, взявъ съ него слово, что онъ отошлетъ ихъ батарейному командиру, какъ свои собственныя, что никогда не будетъ называть Великому Князю фамиліи этого офицера и никогда никому не будетъ говорить объ этомъ дѣлѣ. Бибиковъ сдержалъ обѣщаніе и только послѣ смерти Михаила Павловича рассказалъ объ этой высокой чертѣ его добраго сердца.

Когда я явился Великому Князю откланиваться передъ отъѣздомъ на Кавказъ, въ пріемной залѣ, гдѣ обыкновенно собирались всѣ представляющіеся и почти всѣ гвардейскіе командиры, онъ обратился ко мнѣ съ гнѣвомъ, упрекая, что оставляю гвардію, что не хочу служить честно, а только „шалаберничать“, и когда я что-то возразилъ, онъ окончателно разругалъ меня. Сконфуженный вышелъ я отъ этого неожиданнаго пріема. Таковы были понятія Великаго Князя о Кавказской службѣ — идеаломъ его была гвардія. Онъ впоследствии доказалъ мнѣ свое участіе и постоянное благоволеніе, когда я пріѣзжалъ съ Кавказа и встрѣчался съ нимъ. Когда онъ

узналъ, что я раненъ въ 45 г., то даже посылалъ къ отцу моему, чтобы имѣть обо мнѣ извѣстія. Я навсегда сохраню о немъ память, какъ о несноснѣйшемъ, но въ высшей степени достойномъ и добромъ человѣкѣ.

Наконецъ, въ концѣ октября 1844 г. всѣ приготовленія мои къ отъѣзду на Кавказъ были окончены. Напутствуемый благословеніями родителей и самымъ трогательнымъ прощаніемъ съ семьей, я отправился въ путь на Москву въ дорожной коляскѣ съ двумя людьми прислуги. Очень тяжело, не скрою, было у меня на сердцѣ, выѣзжая изъ Петербурга; много передумалъ я и перечувствовалъ во время трехъ дней слѣдованія на почтовыхъ до Москвы. Вскорѣ дорога имѣла и на меня свое благотворное, развлекающее дѣйствіе, а главное, сила воли и извѣстная настойчивость моего характера вскорѣ взяли верхъ надъ тревожившими меня впечатлѣніями. Въ Москвѣ пробылъ я, кажется, два дня и посѣтилъ Ал. Петр. Ермолова, знаменитость тогдашняго времени, пользовавшуюся особымъ почетомъ Москвы. Я прежде еще былъ представленъ Ермолову отцомъ моимъ, который съ нимъ былъ въ лучшихъ отношеніяхъ съ отечественной войны и въ особенности съ Кульмскаго сраженія, гдѣ отецъ мой имѣлъ счастье служить подъ начальствомъ Ермолова, который всю жизнь очень къ нему благоволилъ. Старый ветеранъ обладалъ меня, принялъ какъ родного, много рассказывалъ о Кавказѣ и благословилъ меня на новое мое поприще. Впослѣдствіи Ермоловъ чрезвычайно полюбилъ меня, до самой смерти его я никогда не проѣзжалъ Москвы, не посѣтивши его. По нѣсколькимъ часамъ сряду просиживалъ я у старика въ разсказахъ о Кавказѣ. Я имѣлъ случай оцѣнить его пытливый, хитрый умъ, необычайную свѣжесть памяти, полнѣйшее его знаніе Кавказа и государственный взглядъ на дѣло. Ермоловъ находился тогда въ опалѣ, которая въ Москвѣ и даже въ Россіи едва ли не доставляла ему высшее положеніе въ обществѣ, чѣмъ какой бы то ни былъ высшій постъ на службѣ. Онъ замѣчательно былъ остроуменъ и чрезвычайно ѣдко и мѣтко отзывался объ лицахъ, занимавшихъ въ то время высшее служебное положеніе. Старикъ очень любилъ постоянно веселый мой нравъ и шуточные мои анекдоты о Кавказѣ. Я часто заставлялъ его писавшимъ свои записки, онъ даже иногда

читалъ мнѣ отрывки изъ нихъ. Наконецъ, разъ подарилъ онъ мнѣ маленькій гравированный портретъ съ собственноручною подписью: „на тебѣ, Александръ, — сказалъ онъ, — вспоминай старика, который тебя любитъ и цѣнитъ“.

Онъ съ княземъ Воронцовымъ былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ и въ постоянной перепискѣ, которую мнѣ же приходилось вести, писавши подъ диктовку Воронцова отвѣты на письма Ермолова. Онъ не иначе называлъ Воронцова, какъ „братъ Михайло“, не стѣснялся иногда колынуть и его весьма мѣткими сужденіями о его характерѣ и дѣйствіяхъ на Кавказѣ. Замѣчательно было для меня, зная многое изъ dessous des cartes, какъ Воронцовъ и Ермоловъ въ перепискѣ своей хитрили другъ передъ другомъ.

Въ самую ужасную распутицу, по невылазной то грязи, то полоти, слѣдовалъ я черезъ Воронежъ и Донъ на Ставрополь. По широкой, обильной, но неустроенной русской землѣ двигался я ужасно медленно, со всевозможными препятствіями и расходами, припрягая часто воловъ въ загрузнувшій экипажъ свой.

Въ землѣ войска Донского встрѣтился я на станціи со старымъ кавказцемъ, возвращающимся въ мѣсту служенія въ Ставрополь, — корпуса топографовъ полковникомъ Горшковымъ. Съ нижняго чина продолжая служить болѣе 20-ти уже лѣтъ на Кавказѣ, онъ былъ живымъ архивомъ того времени. Онъ боготворилъ Вельяминова, съ которымъ дѣлалъ всѣ походы, и много разсказами своими о событіяхъ и лицахъ помогъ мнѣ переносить скуку и монотонность длиннаго нашего пути. Черезъ Донъ въ Аксаѣ съ неимоверными затрудненіями удалось намъ переправиться съ экипажемъ на какихъ-то казачьихъ лодкахъ. Я мало въ то время обратилъ вниманія на этотъ край и на самый Черкасскъ, никакъ не подозревая, что черезъ 15 лѣтъ я призванъ буду управлять въ войскѣ Донскомъ.

Въ ноябрѣ прибылъ я, наконецъ, въ Ставрополь въ самое непривѣтливое осеннее время; шелъ свѣгъ хлопьями, покрывая улицы и дома и образуя непроходимую грязь на большей частью немощенныхъ улицахъ и площадяхъ города. Остановившись въ трактирѣ на большой улицѣ, я немедленно явился къ коменданту и начальнику штаба, генер. Норденштаму. Въ то время командуящимъ войсками Кавказской линіи былъ ген.-адъютантъ Гурко,

находившійся въ отсутствіи по дѣламъ службы въ Тифлисѣ. Городъ Ставрополь не отличался, повидимому, отъ прочихъ городовъ Россійскихъ губерній: тѣ же неизмѣримыя площади и пустыри, тѣ же непомерно широкія улицы, тощіе бульвары, огромный соборъ, нѣчто въ родѣ каменныхъ триумфальныхъ воротъ при въѣздѣ въ городъ, большое зданіе военнаго госпиталя, громадный тюремный замокъ, гостинный дворъ, большая улица съ вывѣсками, въ родѣ „Ивановъ—портной изъ Парижа“ и проч. Тѣмъ не менѣе, пріѣзжаго поражала въ городѣ нѣкоторая особенность, доказывающая, что перейденъ рубежъ обыкновенной провинціальной жизненной обстановки, съ обычными губернскими сплетнями, личными мелкими интересами, съ узкимъ взглядомъ на людей и событія.— Въ гостинницахъ и кофейняхъ большую часть посѣтителей составляли военные, пріѣзжіе офицеры изъ различныхъ отрядовъ, полковые пріемщики, прибывшіе изъ штабъ-квартиръ въ комиссаріатскую комиссію и проч. Разговоръ, при обыкновенномъ разгулѣ трактирной жизни, преимущественно касался совершившихся военныхъ дѣйствій или предполагаемыхъ въ томъ или другомъ пунктѣ обширнаго и незамиротвореннаго еще Кавказа. Самый костюмъ военныхъ отличался своею особенностью: широкіе шаровары верблюжьяго сукна, длинные сапоги, папахъ и непремѣнный спутникъ каждаго въ то время кавказскаго офицера—пистолетъ и кинжалъ—дополняли оригинальный видъ того новаго общества, съ которымъ суждено мнѣ было такъ тѣсно сродниться, такъ горячо полюбить.

Послѣ двухдневнаго пребыванія въ Ставрополѣ, съ тѣми же остановками и затрудненіями, по случаю ненастной погоды, я добрался до Владикавказа; но здѣсь уже видно было по всей дорогѣ, что находишься вблизи непріятеля и посреди военнаго населенія. Вездѣ по тракту казачьи посты, пикеты, укрѣпленныя станицы, всѣ жители вооружены, вездѣ слѣдуютъ съ осторожностью и на каждой станціи поражаютъ новопріѣзжаго рассказы о грабежахъ, набѣгахъ закубанцевъ, которые, по тамошнему выраженію, въ послѣднее время что-то очень стали „палить“.

Мнѣ на дорогѣ показывали извѣстную Базовую балку, въ 40 или 50-ти верстахъ отъ Ставрополя, гдѣ бѣдный поручикъ Глѣбовъ, адъютантъ корпуснаго командира, былъ взятъ въ плѣнъ.

Это случилось такъ. Глѣбовъ ѣхалъ на перекладныхъ курьеромъ изъ Тифлиса; по дорогѣ встрѣчаетъ онъ знакомаго ему линейнаго казачьяго офицера поручика Атарщикова, въ офицерской шинели съ нѣсколькими, какъ онъ, вооруженными наѣздниками. Атарщиковъ останавливаетъ Глѣбова и разговариваетъ съ нимъ; вдругъ шайка выхватываетъ пистолеты, убиваетъ почтовыхъ лошадей, связываетъ и увозитъ привязаннаго къ сѣдлу Глѣбова въ степь и далѣе, черезъ Кубань, къ непокорнымъ племенамъ Черкесовъ. Дѣло въ томъ, что Глѣбовъ не зналъ, какъ незадолго передъ тѣмъ Атарщиковъ совершилъ какое то преступленіе по службѣ, измѣнилъ своей присягѣ, бѣжалъ въ горы и, передавшись непріятелю, набралъ шайку, съ которою хотѣлъ отличиться передъ черкесами особымъ подвигомъ и удалю. Жертвою этого былъ бѣдный Глѣбовъ; онъ довольно долго томился въ плѣну, былъ закованъ въ цѣпи и испытывалъ всевозможныя лишенія и истязанія. Все это дѣлалось тогда горцами, чтобы разжалобленное начальство или родные представляли наибольшій выкупъ за плѣннаго.—Требованія ихъ относительно Глѣбова, какъ адъютанта корпуснаго командира, были невозможны; тогда, при содѣйствіи нѣкоторыхъ преданныхъ намъ мирныхъ закубанскихъ князей, Глѣбова выкрали изъ плѣна и измученнаго доставили на линію. Онъ вскорѣ оправился и храбро и честно продолжалъ свою славную службу на Кавказѣ до 1847 г., гдѣ и былъ убитъ въ чинѣ полковника при взятіи аула Салты. Это была милая, беззаботная, энергичная личность, всѣми очень любимая на Кавказѣ.

Отъ станціи Екатериноградской, по переправѣ черезъ рѣку Малку, почтовая дорога слѣдовала черезъ Кабарду по лѣвому берегу Терека до самаго Владикавказа. Здѣсь недавно только поселенъ былъ Владикавказскій линейный казачій полкъ, сформированный изъ двухъ малороссійскихъ казачьихъ полковъ; ими командовалъ тогда полковникъ Мих. Серг. Ильинскій. Казаки эти отличались отъ прочихъ своимъ чисто-малороссійскимъ нарѣчіемъ, типомъ и характеромъ; они не имѣли ловкости остальныхъ казаковъ, но отличались особенно хладнокровіемъ и стойкостью, въ дѣлѣ съ непріателемъ были „зли“, какъ они говорили. Станицы не были еще окончательно обстроены и кабардинцы, хотя счи-

тавшіеся мирными, постоянно тревожили населеніе грабежами и разнаго рода шалостями. На этомъ участкѣ дороги иначе не ходили транспорты и проѣзжающіе, какъ съ оказіями, подъ прикрытіемъ войскъ и даже артиллеріи. Съ поселеніемъ полка это отмѣнилось, но нельзя было ѣздить безъ довольно сильнаго казачьяго конвоя и только днемъ; какъ смеркалось, останавливали всѣхъ на постахъ и станицахъ до утра. Съ ночлега отпускали только тогда, когда на разсвѣтъ разѣздами былъ осмотрѣнъ и обезпеченъ путь.

Когда я прибылъ во Владикавказъ (первую видѣнную мною кавказскую крѣпость), начальникомъ округа былъ молодой еще генер. Петръ Петровичъ Нестеровъ, съ которымъ впоследствии я такъ сблизился и котораго сердечно полюбилъ. Это была замѣчательно симпатичная и образованная личность; веселая натура его, доброта и обходительность привлекали къ нему положительно всѣхъ; подчиненные и общество искренно къ нему были привязаны.—Онъ имѣлъ несчастье вступить, по его положенію и образованію, въ неравный бракъ съ дочерью какого-то кавказскаго коменданта или плацъ-маіора Курилова, чрезвычайно красивой женщиной, но далеко не соответствующей, ни по воспитанію, ни по уму и характеру, достоинствамъ Петра Петровича. Онъ видимо тяготился своимъ положеніемъ и всегда счастливъ былъ, въ кругу товарищей и добрыхъ знакомыхъ, выйти изъ той домашней сфѣры и обстановки, въ которую вовлеченъ былъ обстоятельствами. Не старыхъ еще лѣтъ (онъ былъ, кажется, адъютантомъ Вельяминова), онъ считался въ то время старымъ кавказцемъ. Своею любезностью, гостепріимствомъ онъ былъ положительно душою общества. Домъ его открытъ былъ для всѣхъ; дома ли или нѣтъ Петръ Петровичъ—у него останавливались, какъ на постояломъ дворѣ.

Онъ привыкъ, что всѣ офицеры обращались къ нему, занимая деньги при отѣздѣ или проѣздѣ черезъ Владикавказъ. Помню, какъ, будучи разъ проѣздомъ во Владикавказъ и имѣя сообщить нѣчто секретное Нестерову (въ ожиданіи прибытія курьерской тройки, за которой я послалъ на станцію), я вызвалъ его на пару словъ въ кабинетъ. Петръ Петровичъ весьма флегматически подошелъ къ бюро и, отомкнувъ оный, спрашиваетъ: „combien vous faut-il, mon cher?“ и крайне удивился,



когда узналъ, что я вызвалъ его не для того, чтобы просить денегъ—такъ онъ привыкъ, что подобный приѣмъ вызова въ кабинетъ обозначалъ извѣстную просьбу.

Впослѣдствіи Нестеровъ, очень цѣнимый княземъ Воронцовымъ, былъ назначенъ командующимъ войсками всего лѣваго крыла кавказской линіи. Въ 1849 г. въ страшно холодную зиму былъ я съ нимъ въ экспедиціи въ большой Чечнѣ. Лагерь нашъ стоялъ на Аргуни и, чрезвычайно чувствительный къ холоду, Нестеровъ, не совсѣмъ еще къ тому здоровый, почти не выходилъ изъ кухонной палатки своей. Онъ постоянно нагрѣвалъ ее днемъ и ночью спиртомъ, который зажигалъ въ большомъ мѣдномъ тазу. Ежедневно посѣщалъ я Петра Петровича и, когда только аванпостная служба, которую я отправлялъ, командуя казаками, позволяла это, проводилъ у него вечера; въ свободное же время я приходилъ къ нему и обѣдать и ужинать. Отъ спиртныхъ испареній воздухъ въ его палаткѣ былъ невыносимъ; сколько ни уговаривалъ его я и состоящій при немъ преданный ему маіоръ Черновъ измѣнить этотъ способъ согрѣванія палатки, Нестеровъ настоялъ на своемъ и вскорѣ тяжкія пагубныя послѣдствія отозвались на немъ. Одинъ вечеръ, когда мы пришли къ нему ужинать, Петръ Петровичъ, въ которомъ мы съ нѣкоторыхъ поръ замѣчали странности и необыкновенную возбужденность, вдругъ вскочилъ на приготовленный для ужина столъ; явные признаки пораженія мозга обнаружались, всѣми уважаемый начальникъ лишился разсудка. Его немедленно вывезли изъ отряда въ Грозную, а потомъ привезли въ Тифлисъ, гдѣ князь и княгиня Воронцовы съ трогательною заботливостью слѣдили за его лѣченіемъ. Нестерову была отведена квартира и съ нимъ поселился преданный ему Черновъ. Я всѣ дни почти проводилъ съ сумасшедшимъ и онъ особое ко мнѣ питалъ довѣріе. У него не было опредѣленнаго пункта помѣпнательства; онъ безъ умолку постоянно говорилъ всякій вздоръ, узнавалъ почти всѣхъ, но безсонныя ночи приводили его въ страшное нервное возбужденіе. Разъ онъ въ шутку бросилъ въ меня большой мѣдной чернильницей, и я едва избѣгъ удара въ голову, во время наклонившись. Когда я строго сказалъ Нестерову, что послѣ этого я къ нему ходить не буду, онъ страшно зарыдалъ, бросился на

колѣни, умолялъ меня простить его, какъ будто понявъ свой поступокъ, совершенный впрочемъ въ припадкѣ обыкновенной его неестественной веселости. Нестерова лѣчилъ Андреевскій самыми сильными средствами; въ него втирали ежедневно огромное количество Меркурія, кромѣ другихъ средствъ. — Разъ за обѣдомъ у Воронцова получаю записку Чернова: „пріѣзжай сейчасъ, Богъ возвратилъ разсудокъ Нестерову, онъ тебя немедленно требуетъ“. Я вскочилъ изъ-за стола и нашелъ Петра Петровича совершенно покойнымъ. Съ полнымъ сознаніемъ, что онъ былъ лишенъ разсудка, разсказалъ онъ мнѣ до мельчайшихъ подробностей все, что онъ дѣлалъ, даже говорилъ въ сумасшествіи, объясняя, что онъ все помнилъ и все сознавалъ, но не имѣлъ силы остановить себя. Проснувшись послѣ обильнаго пота въ этотъ вечеръ, онъ почувствовалъ себя совершенно здоровымъ и просилъ, чтобы никто болѣе не видалъ его, исключая князя и княгини, которыхъ хотѣлъ поблагодарить за сердечное попеченіе о немъ. Затѣмъ просилъ меня выхлопотать ему у Воронцова содержаніе съ тѣмъ, чтобы никто не зналъ объ отъѣздѣ его изъ Тифлиса и онъ могъ бы съ этими средствами поселиться и кончить жизнь свою на берегахъ Волги, откуда онъ былъ родомъ. — Я пораженъ былъ этимъ рѣдкимъ фізіологическимъ и психическимъ явленіемъ. Нестеровъ говорилъ совершенно разумно, съ достоинствомъ, перерывая постоянно рыданіями и слезами свои разсказы, говоря, что это за грѣхи его Богъ послалъ ему самую тяжкую кару, которую можетъ испытывать человѣкъ. Въ тотъ же вечеръ князь и княгиня посѣтили Нестерова, съ которыми онъ объяснился, поражая столь внезапною переменою и самого доктора Андреевскаго. — На другой день припадки вновь возобновились и больной впалъ въ прежнее состояніе, но черезъ недѣли двѣ онъ опять оправился; кажется, два года былъ здоровъ. — Онъ проживалъ въ Пятигорскѣ, постоянно былъ угрюмъ и задумчивъ, избѣгалъ разговоровъ о своей болѣзни и вообще потерялъ всю прежнюю свою веселость. Подъ конецъ онъ опять лишился разсудка и вскорѣ умеръ.

Тяжелое впечатлѣніе возбуждаетъ во мнѣ воспоминаніе о Нестеровѣ, которому предстояло, можетъ быть, еще много хорошаго и блестящаго въ служебной карьерѣ его.

Объ остальномъ обществѣ Владикавказа, съ которымъ тогда на короткое время познакомился, я упомяну въ своемъ мѣстѣ.

По Дарьяльскому ущелью сталъ я подниматься на Кавказскій хребетъ. Ларсѣ, Дарьяль и снѣжныя вершины Казбека поражали меня величественностью новой для меня картины. На перевалѣ, особенно въ чертовой долиנѣ, лежали глубокіе снѣга и въ ущельѣ случалось переѣзжать черезъ завалы, нестаявініе еще отъ прошлаго года.

Наконецъ отъ станціи Квишетъ дорога постепенно стала спускаться по долинѣ Арагвы къ Тифлису. Я былъ уже въ Грузіи; все вѣяло востокомъ и новыми для меня впечатлѣніями посреди живописной природы юга. Тутъ впервые увидѣлъ я безпечныхъ грузинъ, услышалъ зурну, видѣлъ на плоскихъ крышахъ проѣзжаемыхъ деревень веселые танцы грузинокъ, оцѣнилъ кахетинское вино и шашлыки въ грузинскихъ духанахъ и, наконецъ, восхищенный окружающей меня природой, пріѣхалъ вечеромъ въ Тифлисъ.

Я остановился въ единственной въ то время возможной гостинницѣ, на Эриванской площади, Василія Крылова, съ тою грязною и неудобною обстановкою, которою отличались всѣ гостиницы губернскихъ городовъ въ Россіи. Былъ относительно довольно порядочный столъ у Крылова, и обязательная личность хозяина привлекала къ нему всѣхъ пріѣзжихъ изъ столицы. Здѣсь квартировало много гвардейскихъ офицеровъ, прибывшихъ повеселиться въ Тифлисъ, послѣ неприведшей ни къ какой цѣли экспедиціи ген. Нейдгарта въ Солатавію, лѣтомъ 1844 г. Въ числѣ этихъ офицеровъ находился также поручикъ Кавалергардскаго полка А. Е. Тимашевъ. Я съ нимъ въ Тифлисъ познакомился, сблизился и добрыя отношенія наши сохранились постоянно съ того времени. Наконецъ, оба на время оставивши служебную дѣятельность въ 1867 г., мы вновь встрѣтились и провели зиму съ семействами нашими въ По въ Пиренеяхъ. Здѣсь я постоянно и ежедневно видѣлся съ Александромъ Егоровичемъ и вполне оцѣнилъ качества, его отличавшія. Съ назначеніемъ его Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ въ 1868 г., онъ уговорилъ меня вновь изъ отставки поступить на службу въ его вѣдомствѣ, и я былъ назначенъ Кіевскимъ генераль-губернаторомъ.

Тимашевъ провелъ часть зимы съ 44 г. на 45-й годъ въ Тифлисѣ; со своею ловкостью и свѣтскимъ обращеніемъ, при находчивости ума его, онъ положительно былъ львомъ тогдашняго Тифлискаго общества. Я никогда не забуду того восторга, того безпредѣльнаго счастья, съ которымъ Тимашевъ узналъ въ Тифлисѣ о назначеніи его флигель-адъютантомъ. Я сидѣлъ у него въ номерѣ въ гостинницѣ, когда онъ получилъ письмо отъ матери своей съ этимъ извѣстіемъ. Не думаю, чтобы кого-либо и когда либо Царская милость такъ порадовала, какъ молодого поручика Тимашева въ то время.

На другой день послѣ пріѣзда моего явился я начальнику своему, тогдашнему корпусному командиру Александру Ивановичу Нейдгарту, который принялъ меня со свойственною ему наружною холодною и начальническимъ обхожденіемъ, но представилъ меня семейству своему, приказавъ вмѣстѣ съ прочими поочередно при немъ дежурить.

А. И. Нейдгартъ былъ типъ, выработанный тогдашними условіями военной службы. Обладая несмѣтными теоретическими познаніями, замѣчательною добросовѣстностью и преданностью своему долгу, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ олицетвореніемъ того педанства (отчасти присущаго его нѣмецкой натурѣ), той мелочности и формализма, которыми обставлялись въ то время всѣ требованія службы. Направленіе это убивало въ людяхъ всякую самостоятельность, всякое живое проявленіе и отношеніе къ дѣлу, и рѣдко только нѣкоторыя исключительныя натуры находили въ себѣ достаточно нравственныхъ силъ, чтобы поставить себя независимыми передъ тяготѣвшимъ тогда надъ всѣми административнымъ гнетомъ. Нейдгартъ, съ честью пройдя многолѣтнюю карьеру свою, большею частью въ подначальственномъ положеніи, однако ознаменовавши себя военными дарованіями и примѣрами мужества при штурмѣ Варшавы, никогда не испытывалъ самостоятельной служебной независимости. Онъ былъ слѣпымъ исполнителемъ воли начальства, хотя благородная его натура сознавала всегда неумѣстность и даже вредъ многихъ правительственныхъ распоряженій.

Надобно сказать, что при назначеніи на Кавказъ, послѣ генерала Головина, онъ попалъ въ самую тяжелую и трудную эпоху

управленія. При немъ совершились всѣ наши потери въ Дагестанѣ, съ которыми утратили мы всю матеріальную и нравственную силу нашу въ этой части Кавказа. При немъ обнаруживались плоды несвоевременной пагубной реформы гражданскаго управленія, введенной сенаторомъ Гавомъ; онъ былъ искупителемъ и жертвою всѣхъ ошибокъ прошлаго. Весьма понятно, какъ наши петербургскіе кабинетные дѣятели того времени, во главѣ которыхъ стоялъ военный Министръ князь Чернышевъ <sup>1)</sup>, старались всю вину совершающихся событій сваливать на мѣстное начальство Кавказа, и какъ вводили въ заблужденіе Государя тѣми мѣрами и тѣми военными предположеніями, которыя создавали они въ кабинетахъ своихъ для исправленія ими же испорченнаго дѣла. Въ Петербургѣ же начертанъ былъ планъ экспедиціи 1844 г. въ Солатавію. Когда отрядъ подошелъ къ укрѣпленной позиціи при оврагѣ Толенгулъ, которую защищаль Шамиль со всѣми своими скопищами, Нейдгартъ имѣлъ достаточно мужества и храбрости, чтобы не предпринимать кровопролитнаго штурма позиціи, сознавая всю безцѣльность самаго успѣха при несомнѣнныхъ потеряхъ, которыми онъ долженъ былъ сопровождаться. Это еще больше возбудило противъ Нейдгарта петербургскихъ руководителей.

Я засталъ положеніе его, уже и дотолѣ зависимое, вполне невыносимымъ. Не было мелкихъ оскорбленій и канцелярскихъ придиорокъ, которыми бы военное министерство не осыпало этого почтеннаго и стараго слугу. Укажу одинъ примѣръ для характеристики существовавшаго направленія въ Петербургѣ. Нейдгартъ получилъ формальный запросъ отъ военнаго Министра, съ требованіемъ объясненій о неправильности отчета, въ которомъ было показано, между прочимъ, кажется 6 руб. израсходованными на полотеровъ дома корпуснаго командира. Нейдгартъ получилъ особую экстраординарную сумму для пріемовъ въ извѣстные торжественные дни; 6-го декабря, въ день именинъ Государя, при свуд-

---

<sup>1)</sup> Послѣ поѣздки своей въ 1842 г. на Кавказъ, со свойственною ему надменностью, самонадѣянностью и духомъ интриги, Чернышевъ выдавалъ себя за человека вполне знающаго Кавказъ, вполне изучившаго его, несмотря на краткое свое пребываніе въ краѣ, и поэтому единственнаго судью и распорядителъ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ.

ныхъ своихъ средствахъ, онъ приказалъ всѣ расходы по офіціальному балу, обыкновенно даваемому въ этотъ день, произвести на свой счетъ и въ отвѣтъ на бумагу о полотерахъ увѣдомилъ о сдѣланной имъ экономіи суммамъ министерства.

Онъ уже давно просилъ о своемъ увольненіи; разрѣшеніе тянулось и преемника ему не назначалось, хотя всѣмъ извѣстна была непрочность дальнѣйшаго пребыванія Нейдгарта въ управленіи края.

Александръ Ивановичъ былъ отличнымъ семьяниномъ, горячо любившимъ дѣтей своихъ, и вообще въ частной своей жизни давалъ примѣръ всѣхъ семейныхъ добродѣтелей, а по службѣ безотчетной преданности своему долгу. Но какъ въ семейной жизни, такъ и въ служебныхъ отношеніяхъ педанство его не знало предѣловъ. Обыкновенно онъ назначалъ часы съ минутами для пріема по дѣламъ извѣстныхъ лицъ; дежурному подавалась объ этомъ записка, и какъ только стрѣлка показывала указанный часъ, то слѣдовало докладывать Александру Ивановичу. Онъ тогда смотрѣлъ на свою записку и на множество часовъ имѣющихся у него въ кабинетѣ (у него была страсть къ часамъ) и приказывалъ впускать. Если кто хоть на нѣсколько минутъ опаздывалъ, то онъ отказывалъ въ пріемѣ и откладывалъ его на другой день.

Расскажу одинъ случай со мной. Мнѣ Нейдгартъ поручилъ произвести какое-то дознаніе по стачкѣ мясныхъ торговцевъ на Тифлисскихъ базарахъ. Зная требовательность Нейдгарта и вообще холодное и, хотя вѣжливое, но суровое, его обращеніе съ подчиненными, я совершенно тщательно исполнилъ порученіе, отчетливо и аккуратно переписалъ свой рапортъ на форменной бумагѣ и доложилъ Александру Ивановичу. Онъ остался очень доволенъ, расспрашивалъ о мельчайшихъ подробностяхъ и, наконецъ, даже любезно поблагодаривъ меня, отпустилъ. Мы всѣ очень боялись Нейдгарта, и я, въ восторгѣ, что окончилъ порученіе, вернулся домой и, сбросивъ мундиръ, съ товарищами началъ праздновать это счастливое событіе. Вдругъ прибѣгаетъ казакъ и требуетъ меня къ корпусному командиру; я наскоро одѣваюсь и являюсь. Нейдгартъ сидитъ въ кабинетѣ и, указывая на письменный столъ свой, съ неудовольствіемъ говоритъ: „это что вы надѣлали, поручикъ“.

Я въ недоумѣніи смотрю на столъ и не знаю, что отвѣчать. Наконецъ онъ говоритъ: „поправьте карандаши: уходя отъ меня, вы локтемъ ихъ всѣ спутали“. У старика была привычка имѣть на столѣ симметрически расположенные карандаши, которые я дѣйствительно по неосторожности сдвинулъ съ мѣста.

Но всѣ эти странности скрывали самое теплое сердце и самыя благородныя побужденія въ этомъ достойномъ человѣкѣ.

Когда пріѣхалъ гр. Воронцовъ въ Тифлисъ, Александръ Ивановичъ, отправившій заранее свое семейство въ Москву, былъ въ весьма непріятномъ и щекотливомъ положеніи. Человѣческая неблагодарность, подлость и влеченіе ко всему новому обнаружился въ полной своей отвратительной наготѣ въ отношеніи къ Нейдгарту. Положительно онъ былъ оставленъ всѣми; даже родной сынъ его Борисъ, бывшій при немъ, велъ себя въ отношеніи къ отцу крайне, по моему, неприлично. Въ Тифлисскомъ домѣ, предоставивъ всю главную часть Воронцову, Нейдгартъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней, которые онъ оставался по пріѣздѣ графа, помѣщался въ трехъ или четырехъ комнатахъ къ сторонѣ сада. Я и Глѣбовъ изъ военныхъ и Крузенштернъ изъ гражданскихъ безсмѣнно дежурили при немъ и исполняли его порученія. Наконецъ, когда Нейдгартъ уѣзжалъ, мы просили у гр. Воронцова разрѣшенія проводить нашего бывшего начальника, Крузенштернъ до первой отъ Тифлиса станціи, а я и Глѣбовъ на линію черезъ Кавказскій хребетъ. На первой станціи Горцыскаръ старикъ видимо былъ тронутъ нашимъ вниманіемъ, но нисколько не измѣнилъ холодныхъ и тяжелыхъ своихъ отношеній къ подчиненнымъ; онъ рѣзко приказалъ намъ скакать впередъ на тройкѣ для заготовленія лошадей и ожидать его пріѣзда на станцію, разговаривая съ нами только служебнымъ тономъ и въ видѣ приказанья. Такъ мы доѣхали до подножья горъ на станцію Квишетъ, гдѣ былъ назначенъ ночлегъ у управляющаго тогда Осетинскимъ округомъ полковника кн. Авалова. Послѣ поздняго обѣда, мы съ Глѣбовымъ удалились въ сосѣдній флигель, гдѣ въ маленькой комнатѣ на двухъ изломанныхъ кроватяхъ, лежа на принесенной соломѣ, совсѣмъ раздѣвшись, закурили трубки и потребовали изъ духана кахетинскаго вина. Комнату освѣщала сальная свѣча, воткнутая въ ка-

кую-то бутылку и мы дружески бесѣдовали между собой. Каково было наше удивленіе, когда черезъ нѣсколько времени отворяется дверь и входитъ Ал. Ив. Нейдгартъ въ сѣромъ штатскомъ пальто, съ фуляромъ на шеѣ, съ ермолкой на головѣ и съ сигаркой въ зубахъ. Мы вскочили, оторопѣвши отъ страха. Нейдгартъ, садясь на нашу койку, не позволилъ намъ одѣться и сказалъ: „теперь передъ вами не корпусной командиръ, а старикъ Нейдгартъ, который пришелъ благодарить васъ за участіе и за сыновнюю вашу къ нему заботливость, которую никогда онъ не забудетъ; я теперь, какъ частный человѣкъ, пришелъ посидѣть съ вами“. Затѣмъ приказалъ своему дворецкому принести отличнаго кахетинскаго вина и провелъ цѣлый часъ съ нами, веселый, добродушный, какимъ мы никогда его не подозрѣвали. Прощаясь, онъ обнималъ насъ, видимо разстроенный. Мнѣ эта сцена осталась весьма памятна. Отчего именно избралъ Нейдгартъ Квишетъ, чтобы изъ холоднаго начальника сдѣлаться тѣмъ истинно-добрымъ человѣкомъ, которымъ онъ былъ отъ природы? Послѣдующіе дни и въ Владикавказѣ Ал. Ив. не измѣнилъ въ отношеніи къ намъ новаго, столь непривычнаго для насъ, обхожденія. Его очень тронулъ, не доѣзжая до Владикавказа въ Ларсѣ, поступокъ Нестерова. Этотъ послѣдній имѣлъ весьма непріятныя служебныя отношенія съ Нейдгартомъ, который вообще не благоволилъ къ Петру Петровичу и зналъ, что онъ сильно порицаетъ его образъ дѣйствій и управленіе. Мы пріѣхали въ Ларсѣ, когда уже стемнѣло; до Владикавказа оставалось 20 верстъ по лѣвому берегу Терека, и дорога эта часто подвержена была покушеніямъ горцевъ съ противоположной стороны. Нестеровъ принялъ на этомъ пространствѣ всѣ мѣры военной предосторожности и въ полной парадной формѣ, съ двумя сотнями казаковъ въ конвоѣ, освѣщая факелами трудную дорогу, верхомъ у колеса кареты всю станцію провожалъ Нейдгарта. Передъ домомъ его, гдѣ на ночлегъ остановился бывшій корпусный командиръ, была выстроена рота въ почетномъ караулѣ; городъ и крѣпость иллюминованы и вообще оказанъ былъ такой почетъ Нейдгарту, котораго никогда онъ не встрѣчалъ отъ Нестерова, когда былъ его прямымъ начальникомъ. На другой день мы провожали Ал. Ив. до Екатеринограда, гдѣ я и Глѣбовъ простились навсегда



съ нашимъ достойнымъ начальникомъ. Я никогда не забуду, какъ онъ трогательно благодарилъ, благословлялъ и на память подарилъ мнѣ походную трубу свою, которую и теперь сохраняю въ имѣніи моемъ въ с. Полоной.

Ал. Ив. Нейдгартъ умеръ въ Москвѣ, не помню въ которомъ году, а о семействѣ его, претерпѣвшемъ, какъ я слышалъ, много горя и испытаній, не имѣю никакихъ свѣдѣній. Знаю, что старшій сынъ Борисъ служить, кажется, въ опекуномъ совѣтѣ; онъ никогда не былъ мнѣ симпатиченъ.

### ГЛАВА III.

Описаніе Тифлиса.—Церковь св. Давида.—Эриванская площадь.—Лавка M-me Labielle.—Армянскій базаръ.—Лѣвый берегъ Куры.—Духанъ слезъ.—Общественная жизнь въ Тифлисѣ.—Семейные вечера у Нейдгарта.—Его семейство.—Струтинскій.—Тифлисская молодежь.—Я командированъ на встрѣчу экзарху Исидору.—Извѣстіе о назначеніи гр. Воронцова Главнымъ командующимъ Кавказской арміи.—Его прибытіе въ Тифлисъ 25-го марта 1845 г.—Приготовленія къ походу.—Праздникъ въ честь Воронцова, данный городомъ.—Выѣздъ въ Червленную.

Теперь мѣсто сказать о впечатлѣніи, произведенномъ на меня Тифлисомъ и о тогдашнемъ обществѣ этого города.

Тифлисъ, съ его восточной оригинальной обстановкою и живописнымъ расположеніемъ по берегамъ Куры, произвелъ на меня то обаяніе, которое ощущалъ всякій, посѣщавшій впервые этотъ благословенный уголокъ нашего обширнаго отечества. Въ описываемое время Тифлисъ сохранялъ еще вполне азіатскій характеръ; та примѣсь европейскаго элемента, которая еще не успѣла вполне стереть обычаи и преданія страны, придавала, можно сказать, новую прелесть и разнообразіе тогдашнему очаровательному Тифлису.

На правомъ берегу Куры амфитеатромъ, прилегающимъ къ горамъ, расположена была главная часть города. Ближе къ Курѣ, къ банному мосту, сосредоточивалась торговая и промышленная жизнь Тифлиса. Выше, по теченію Куры, примыкала часть города, гдѣ обитала грузинская аристократія; тутъ былъ извѣстный рядъ домовъ и дворовъ, обыкновенно называемый Орбельяновскимъ ауломъ. Отсюда начинались уже зданія позднѣйшаго времени: домъ началь-

ника гражданскаго управленія, штабъ со своими казенными фашадами, и къ горамъ примыкала уже европейская, такъ сказать, часть города съ огромною Эриванскою площадью, составляющею центръ верхнихъ кварталовъ города. Здѣсь проходилъ широкій Головинскій проспектъ, на которомъ стоялъ домъ главнокомандующаго съ великолѣпнымъ садомъ, арсеналь и, далѣе къ выѣзду въ городъ, съ Петербургской заставы до комендантскаго дома уже строились, съ огромными промежуточными пустырями, нѣсколько домовъ на европейскій ладъ (здѣсь былъ уже тогда домъ кн. А. Г. Чавчавадзе). Вскорѣ пустыри эти застроились огромными двухъ и трехъ этажными зданіями, а пространство до Куры еще все занято было большею частью саклями, между которыми высились нѣсколько древнихъ церквей. Отъ Эриванской площади къ Салаланскому ущелью и около Аббасабадской площади были довольно уже правильныя улицы, гдѣ преимущественно въ двухъэтажныхъ домахъ жили богатые армяне. Отъ Ханской улицы, съ извѣстной аптекой Шмита на углу Эриванской площади, вверхъ по ущелью къ горамъ тянулись великолѣпныя Салаланскіе сады, впослѣдствіи вырубленные и уступившіе мѣсто новымъ кварталамъ и домамъ.

Почти въ центрѣ этихъ садовъ нанялъ я только что выстроенный одноэтажный домъ нѣкоего кн. Іосифа Аргутинскаго и почти до отъѣзда моего изъ Тифлиса прожилъ у этого добраго хозяина.

Надъ Тифлисомъ, на сватѣ скалистой мѣстности, окаймляющей его съ юга, находился извѣстный монастырь св. Давида, гдѣ похороненъ прахъ Грибоѣдова и куда по извилистой тропинкѣ по вечерамъ, какъ тѣни, тянулись въ бѣлыхъ своихъ чардахъ грузинки на поклоненіе иконѣ. Онѣ обращались въ горному источнику, вытекающему изъ скалы, съ повѣрьемъ, что бездѣтныя могутъ этимъ паломничествомъ пріобрѣсти потомство. Это дѣйствительно многимъ удавалось — но по другимъ причинамъ.

Эриванская площадь, впослѣдствіи застроенная при мнѣ громаднымъ караванъ-сараемъ Томамышева, посреди которой находился изящный Тифлисскій театръ (недавно сгорѣвшій), тогда представляла собою огромный, незамощенный пустырь, окаймленный домами Головинскаго проспекта съ одной стороны, полиціей — съ другой, зданіемъ Духовной семинаріи — съ третьей, и началомъ базара —

съ четвертой. На этой площади, въ центрѣ города, обыкновенно былъ складъ бревенъ для производящихся построекъ. Я помню, какъ безопасно собирались мы по вечерамъ, когда спадетъ солнечный жаръ, на эту площадь; какъ патріархально, въ домашнихъ костюмахъ нашихъ, располагались мы на складахъ бревенъ, призывали зурну, поощряли пляски грузинъ, угощались кахетинскимъ, куря трубки и производили большое „веселейство“, какъ говорили грузины, собравшіеся въ толпы.

Эриванская площадь была нашимъ сборнымъ пунктомъ; на углу ея, по улицѣ, ведущей къ Эриванскому базару, въ маленькомъ домѣ была извѣстная въ то время лавка француженки вдовы M-me Labielle, гдѣ можно было получать отличный швейцарскій сыръ и настоящее шампанское. Эта добрая, пожилая уже, женщина была нашимъ общимъ другомъ и смѣшила насъ своими оригинальными выходками. У нее было двѣ, тогда еще очень молоденькія, дочери, вышедшія впоследствии замужъ за очень порядочныхъ чиновниковъ, изъ которыхъ одинъ сдѣлалъ даже служебную карьеру. Она очень любила болтать и балагурить съ нами и, когда разговоръ заходилъ слишкомъ далеко, выпроваживала изъ лавки дочерей, говоря: „sortez, mes demoiselles, je veux me dilater la râte avec ces polissons“. M-me Labielle, родомъ изъ южной Франціи, была замѣчательно хорошая старуха. Она меня до крайности любила за постоянное мое къ ней вниманіе и вѣжливость, и я упоминаю о ней, чтобы рассказать, какъ разъ, узнавши, что я, нуждаясь въ деньгахъ, у кого-то занялъ, она обиженная пришла ко мнѣ, говоря, что никогда не забудетъ моего къ ней недовѣрія. Она вообще всѣмъ намъ предлагала безъ всякихъ процентовъ деньги, когда нужно было.

Въ 1852 г., когда, опасно заболѣвъ, я почти безнадежно лежалъ въ Тифлисѣ, до пріѣзда ко мнѣ отца моего и сестры, она въ продолженіи около мѣсяца трогательно ухаживала за мною и, расположась на полу на тюфякѣ около моей комнаты, при малѣйшемъ моемъ движеніи вскакивала, чтобы помочь и услужить мнѣ. Я съ благодарностью вспоминаю всегда объ этой простой, но истинно доброй женщинѣ.

Отъ Эриванской площади тянулся къ Курѣ армянскій базаръ.

На немъ постоянно толпились черводарскіе караваны верблюдовъ и лошадей, привозившихъ товары въ Тифлисъ съ разныхъ мѣстъ Персіи и Закавказья. Узкая улица Эриванскаго базара, пролегающая отъ площади къ банному мосту черезъ Куру, а съ другой стороны къ Эриванской заставѣ и таможенѣ, представляла свой особенный типъ. На этой же улицѣ, на берегу Куры, находился знаменитый своею древностью Сіонскій кафедральный соборъ и помѣщеніе эказарха Грузіи. Въ открытыхъ на улицу лавкахъ встречались всѣ производства отъ серебряныхъ дѣлъ до портняжничества и т. д. Всѣ мастерскія плавки выходили на улицу и были открыты проходящимъ; здѣсь въ зеленыхъ рядахъ продавались фрукты и вся живность; узкая улица оглашалась криками продавцовъ, муши (носильщики—преимущественно имеретины разинскаго округа) съ огромными ношами на мускулистыхъ плечахъ своихъ безпрестанно сбивали съ ногъ проходящихъ; тулугджи (торговцы водой) на мулахъ и лошадяхъ доставляли изъ Куры въ огромныхъ бѣрюкахъ на выюкахъ воду во всѣ дома города. Въ крытыхъ базарахъ производилась торговля коврами, шелковыми матеріями и другими болѣе цѣнными предметами. Персидскій и другіе каравансарай каждый имѣли свой особенный типъ; страшный запахъ черемши (дикій чеснокъ) нагонялъ воздухъ; все это кипѣло движеніемъ и жизнью, на крышахъ каравансараявъ и лавокъ раздавался звукъ зурны, пѣли и плясали лезгинку; все это имѣло свою особенную прелесть, вся эта разнохарактерная масса составляла картину, привлекающую и своею новизною, и своимъ разнообразіемъ всякаго, вновь прибывшаго въ Тифлисъ.

Все это постепенно въ глазахъ моихъ, за время пребыванія моего на Кавказѣ, измѣнилось, теряло свою привлекательную особенность и врядъ ли Тифлисъ, который я оставилъ уже болѣе пятнадцати лѣтъ, въ настоящее время, кромѣ живописнаго своего расположенія, чѣмъ либо отличается отъ общаго типа всѣхъ городовъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что наружный видъ, удобства жизни отъ этого улучшились, воздухъ города, особенно армянскаго базара, очистился,—но врядъ ли отъ того выиграла нравственность и патріархальность нравовъ столь дорогой намъ Грузіи, не подготовленной

еще къ столь рѣзкому переходу и къ насильственному и искусственному привитію къ ея обществу европейскихъ обычаевъ и не свойственнаго склада жизни.

За баннымъ мостомъ, на лѣвомъ берегу Куры, на крутой скалѣ высился Метехскій замокъ, составляющій какъ бы настоящую цитадель, посреди которой красовалась великолѣпная древней архитектуры церковь. На противоположномъ берегу, т.-е. со стороны города, примыкалъ крутой гребень, отдѣляющій Салаланское ущелье отъ другого не менѣе живописнаго оврага. На южномъ скатѣ этой мѣстности расположенъ былъ террасами, такъ называемый, ботаническій садъ, постоянное мѣсто нашихъ пикниковъ. Къ Курѣ упомянутый гребень оканчивался развалинами прежней Тифлисской крѣпости, съ сохранившимися башнями эпохи царей грузинскихъ; у самаго же берега Куры находились знаменитыя тифлисскія бани съ ихъ сѣрными минеральными водами. На лѣвомъ берегу рѣки—отъ Метехскаго замка, вверхъ по теченію, до нѣмецкой колоніи—тянулись предмѣстья Авлабаръ и Куки, въ то время представлявшія группы живописно разбросанныхъ сакель и духановъ, гдѣ широко въ то время кипѣла грузинская жизнь. Ниже отъ Куры, въ одной верстѣ отъ Метехъ, было отдѣльное поселеніе, гдѣ помѣщались огромные провіантскіе и комиссаріатскіе склады Закавказья и все интендантское управленіе. На правомъ берегу рѣки таможня и тюремный замокъ составляли предѣлъ города къ Эриванской заставѣ. Эта мѣстность покрыта была садами съ нѣкоторыми дачами и рѣдкими грузинскими домами. За то выѣзды изъ города отличались несмѣтнымъ количествомъ духановъ, гдѣ обыкновенно производились всѣ встрѣчи и проводы. Между нами установился этотъ обычай, и всѣмъ тогдашнимъ сослуживцамъ моимъ памятенъ на выѣздѣ изъ города къ Владикавказу, на рѣкѣ Верѣ, духанъ, который мы прозвали духаномъ слезъ. Сколько забавныхъ и веселыхъ сценъ происходило на этомъ духанѣ. Я помню, какъ разъ при проводахъ съ Кавказа датской службы капитана Дютла <sup>1)</sup>, участвовавшего съ нами въ экспедиціи 1847 г. и котораго искренно мы всѣ полюбили, Васильчиковъ, уже не зная, чѣмъ почтить това-

<sup>1)</sup> Дютла въ чинѣ генерала съ честью палъ въ послѣдней войнѣ Даніи съ Пруссіей, при защитѣ Альзена.

рища, купилъ бурдюкъ вина въ этомъ духанѣ и совершенно бѣлыхъ почтовыхъ лошадей, затѣмъ положили мы въ повозку разстроганнаго Дютла и простились навсегда съ этимъ истинно хорошимъ человѣкомъ.

Общество Тифлиса того времени сосредоточивалось не исключительно въ домѣ главнаго начальника; такъ какъ условія жизни и требованія того времени отличались особенной простотой и невзыскательностью, то почти всѣ немного достаточныя семейства имѣли возможность принимать у себя. Былъ даже между нами обычай вечеромъ, когда мы были свободны, ходить или ѣздить верхомъ, какъ выражались мы, на свѣчки, и ежели знакомый намъ домъ освѣщенъ—значить хозяева дома, и безцеремонно шли мы на вечеръ. Насъ всегда встрѣчало самое гостепріимное радушье, играли въ карты, иногда устраивали подъ фортепьяно танцы; наконецъ хозяева, при видѣ собравшихся гостей, заказывали незатѣйливый ужинъ, подавалось кахетинское вино, и всѣ веселились естественно, безъ всякаго стѣсненія. Были и званые вечера, гдѣ, разумѣется, хотя всегда скромная, но требовалась другая обстановка. Такъ мы собирались въ домѣ генерала Гурки, начальника дивизіи Ренненкампа, кн. Чавчавадзе, ген. Козлянинова, стараго кавказскаго ген. Коханова, полковника Ефимовича и во многихъ другихъ домахъ. Иногда также посѣщали интендантскіе вечера въ Навтлугѣ, гдѣ производили своего рода эффектъ, какъ пріѣзжіе изъ столицы (Тифлиса). Обыкновенно на эти вечера ѣздили мы верхомъ; иногда они были очень оживленны, — общество живущее въ Навтлугѣ было довольно значительно.

У генерала Нейдгарта были еженедѣльные танцевальныя вечера, кромѣ большихъ офиціальныхъ баловъ, гдѣ всегда бывало очень весело. Семейство Нейдгарта состояло изъ жены его Анны Борисовны и трехъ очень милыхъ дочерей; при Александрѣ Ивановичѣ состоялъ такъ же сынъ его Борисъ, Измайловскаго полка поручикъ; прочіе меньшіе дѣти воспитывались въ Петербургѣ. Это было очень милое, доброе и патріархальное семейство, о которомъ сохраняю постоянно самую лучшую память. Въ то время въ кругу нашей молодежи въ Тифлисъ проводилъ зиму пріѣхавшій изъ Кіева адъютантъ Бобикова, какой-то графъ Струтинскій, на видъ чрезвычайно

ловкій, любезный и образованный молодой человекъ. Онъ сумѣлъ очень хорошо себя поставить въ домѣ Нейдгарта и совершенно обворожилъ Анну Борисовну; онъ очень ухаживалъ за одной изъ дочерей и она считалась почти уже его невѣстой. Въ одну изъ обыкновенныхъ нашихъ прогулокъ верхомъ, въ которой участвовали Струтинскій и сынъ Нейдгарта, бывшій такъ же съ нами немолодой уже капитанъ Нижегородскаго драгунскаго полка Арсеньевъ (прокутившійся гвардейскій офицеръ, только что пріѣхавшій изъ Петербурга) совершенно наивно обратился къ Струтинскому со словами: „*j'ai vu, mon cher, votre femme à Pétersbourg, elle va parfaitement bien*“. Можно себѣ представить, какое на всѣхъ произвели впечатлѣніе эти слова. Мы немедленно вернулись въ городъ и потребовали объясненія отъ Струтинскаго. Оказалось, что онъ женатъ, оставилъ жену свою, и вообще—наглый типъ польскаго проходимца, хотя графа, такъ мѣтко схваченный Кобылинымъ въ свадьбѣ Кречинскаго. Струтинскій на другой же день оставилъ Тифлисъ, но это событіе глубоко огорчило почтеннаго Александра Ивановича и все его семейство, которое вслѣдъ за тѣмъ вскорѣ выѣхало въ Россію, по полученіи извѣстія о назначеніи гр. Воронцова.

Послѣ того я разъ встрѣтилъ Струтинскаго въ Торжкѣ въ томъ же капитанскомъ чинѣ командиромъ инвалидной этапной роты, въ крайне трудномъ положеніи, но прежнее нахальство и ложь не оставляли его—онъ при этомъ занялъ у меня нѣсколько денегъ. Затѣмъ въ 70-хъ годахъ, удрученный старостью и болѣзнями, въ полнѣйшей нищетѣ, явился ко мнѣ въ Петербургѣ Струтинскій, прося о пособіи. Онъ жилъ гдѣ-то въ Екатерингофѣ и свискивалъ себѣ пропитаніе переводами романовъ. Я узналъ потомъ, что Струтинскій, потерявъ первую жену, за извѣстную плату рѣшился продать свое имя и титулъ, женившись на любовницѣ богатаго человека; обвинявшись и получивъ деньги, онъ немедленно былъ выгнанъ изъ дома. Когда я его видѣлъ, онъ кончалъ въ нищетѣ свою позорную жизнь.

Изъ молодыхъ людей въ то время, составлявшихъ наше общество, назову изъ штаба Нейдгарта: Глѣбова, вн. Козловскаго, Трубецкаго, Девьера, Дружинина, полковника Россильона, Володскаго; изъ пріѣзжихъ: Тимашева, Минявица, Абазу (нынѣшняго члена

Государственнаго Совѣта), Вревскаго, Клементія Россетъ и упомяну о кавказцахъ братьяхъ Мезенцовыхъ и поручикѣ Слѣпцовѣ (адъютантѣ генерала Траскина), впослѣдствіи пріобрѣвшемъ такую известность. Изъ гражданскихъ ближе всего сошлись мы съ добрымъ Крузенштерномъ, Голицынымъ (такъ плачевно кончившимъ) и французскимъ консуломъ Моно, весьма милымъ человѣкомъ. Мы почти ежедневно видѣлись, проводили все время вмѣстѣ и жили чрезвычайно дружно и беззаботно; педантизмъ Нейдгарта касался только служебныхъ отношеній и нисколько не стѣснялъ нашей товарищеской обыденной жизни.

Во время кратковременной моей службы при тогдашнемъ корпусномъ командирѣ я былъ командированъ для пріивѣтствія и пріема вновь назначеннаго на Кавказъ экзарха Грузіи Исидора, впослѣдствіи С.-Петербургскаго митрополита. Я встрѣтилъ Его Высокопреосвященство на станціи въ гор. Душетѣ и проводилъ его до Тифлиса. На пути экзархъ останавливался въ замѣчательномъ храмѣ Мцхетахъ, самой древнѣйшей столицѣ Грузіи. Онъ произвелъ на меня самое пріятное впечатлѣніе простотою своего обхожденія и, главное, тѣмъ осмысленнымъ участіемъ, съ которымъ онъ относился къ древнимъ церковнымъ памятникамъ Кавказскаго края. Во все время пребыванія Исидора въ Грузіи я сохранилъ съ нимъ лучшія отношенія, довольно часто навѣщалъ его въ городѣ и въ его лѣтней резиденціи около Тифлиса.

Онъ съ интересомъ слѣдилъ за современными событіями и я постоянно посылалъ къ нему отъ князя иностранные и другіе журналы. Во время пребыванія его въ 1850, кажется, году на водахъ въ Боржомѣ, я всегда сопутствовалъ ему въ его прогулкахъ верхомъ въ горы и лѣса, окружавшіе эту мѣстность, и гдѣ часто встрѣчались развалины древнихъ православныхъ храмовъ, которыми такъ изобилуетъ вся Грузія, съ очень хорошо сохранившимися фресками. Исидоръ особенно любилъ ѣздить верхомъ и былъ отличнымъ и смѣлымъ наѣздникомъ; въ прогулкахъ нашихъ я всегда любилъ слушать его просвѣщенный взглядъ на вещи и пользоваться его свѣдѣніями о древнемъ христіанскомъ бытѣ въ Грузіи. Экзархъ, при сочувственномъ содѣйствіи князя Воронцова, много сдѣлалъ для края по части возобновленія древнихъ храмовъ,



поддержки остатковъ древности и вообще оставилъ по себѣ весьма хорошую память въ Грузіи, гдѣ всѣ его любили за простоту въ обхожденіи и христіанскія его добродѣтели.

Предмѣстникомъ его въ экзархатѣ былъ Евгеній, котораго я еще засталъ, необыкновенно грубый, своеправный и вполнѣ необразованный человѣкъ. При немъ состоялъ архитекторомъ нѣкій французъ Риннаръ, отвергавшій и Бога и всякую святыню. Расскажу примѣръ вандальскаго обращенія и Евгенія и Риннара съ тогдашними церковными остатками древности. Всѣ стѣны Мцхетскаго собора разукрашены были фресками, сколько помнится, VIII и IX столѣтій; требовалась ремонтировка церкви, и Риннаръ, назначенный на эти работы съ согласія экзарха, изъ пренебреженія ко всякой святынѣ, забѣлилъ густою бѣлою краскою всю замѣчательную своею древностью живопись собора. Я помню, сколько трудовъ впослѣдствіи стоило, при участіи, кажется, кн. Гагарина, открыть и возобновить хотя часть этихъ замѣчательныхъ фресокъ.

Мнѣ случалось впослѣдствіи встрѣчаться съ Исидоромъ въ Петербургѣ, когда онъ былъ уже митрополитомъ; удрученный старостью и болѣзнями, онъ всегда восторженно припоминалъ о пребываніи своемъ въ Грузіи, какъ самой свѣтлой эпохѣ своей пастырской дѣятельности и говорилъ мнѣ, насколько невозможность ѣздить верхомъ въ Петербургѣ вліяетъ на здоровье его. Это былъ вообще весьма пріятный и общительный человѣкъ, чуждый обыкновенныхъ понятій и характера, присущихъ духовной кастѣ.

Между тѣмъ, южная весна была въ полномъ разгарѣ. Съ начала февраля во всѣхъ садахъ Тифлиса уже распустились миндальныя деревья, а къ концу мѣсяца вся природа Закавказья обновилась свѣжею зеленью.

Съ начала марта, а особенно по отъѣздѣ семейства Нейдгарта въ Россію, всѣмъ было извѣстно, что ожидается новый корпусной командиръ. Можно себѣ представить, какъ новое назначеніе интересовало всѣхъ, и какъ жадно жители Тифлиса ждали экстра-почты и извѣстій изъ Петербурга. Какъ нарочно, въ то время снѣжные завалы прекратили сообщеніе съ линіей и мы были безъ всякихъ извѣстій. Наконецъ, путь былъ очищенъ и получено извѣстіе о назначеніи гр. Воронцова уже не корпуснымъ

командиромъ, а Главноначальствующимъ Кавказской арміей, съ новыми и обширными полномочіями отъ Государя. Имя Воронцова извѣстно было всей Россіи и Кавказу, въ особенности по сношенію этого края съ Новороссійскимъ, гдѣ управленіе графа ознаменовано было его просвѣщенною и, по тогдашнимъ понятіямъ, либеральною дѣятельностью. Все въ Тифлисѣ засуетилось, все только и говорило о новомъ начальникѣ; составлялись всевозможныя предположенія и соображенія о будущемъ направленіи дѣлъ, — о жданіямъ и надеждамъ не было конца. Тяжело было видѣть, какъ Нейдгартъ, истинно достойный уваженія по правиламъ и характеру своему, совершенно былъ забытъ. Но такова судьба каждаго начальника при смѣнѣ, таково естественное проявленіе человѣческой природы и общества, вообще склоннаго ко всякой перемѣнѣ, дающей просторъ надеждамъ и интригамъ многихъ. Александръ Ивановичъ, распорядившись о сдачѣ всѣхъ дѣлъ, съ нетерпѣніемъ ожидалъ пріѣзда гр. Воронцова, чтобы сложить съ себя не по силамъ и давно тяготѣвшее надъ нимъ бремя управленія Кавказа.

Графъ Воронцовъ, оставивъ Одессу, черезъ Керчь и Анапу, осмотрѣвъ тогдашнюю черноморскую береговую линію, высадился въ Редутъ-Кале и черезъ Мингрелію и Имеретію прибылъ въ Тифлисъ 28 марта 1845 г., довольно поздно вечеромъ. Городъ былъ иллюминированъ и толпы народа и любопытныхъ наполняли улицы Тифлиса, встрѣчая громкими привѣтствіями новаго начальника отъ самаго вѣзда въ городъ до дворца Главногокомандующаго. Здѣсь встрѣтилъ графа Нейдгартъ, при почетномъ караулѣ, и они вмѣстѣ вошли въ домъ.

Хочу сказать о впечатлѣніи, которое произвелъ на меня въ то время новый Главногокомандующій, которому въ тотъ же вечеръ Нейдгартъ представилъ насъ, какъ лицъ своего штаба. Графъ чрезвычайно мило и обходительно обошелся съ нами и объявилъ намъ, что оставляетъ при себѣ въ тѣхъ званіяхъ и должностяхъ всѣхъ тѣхъ, которые желаютъ продолжать службу на Кавказѣ. Я смутно помнилъ гр. Воронцова съ 1834 или 35 г., когда я былъ съ отцомъ въ Крыму еще молодымъ мальчикомъ и, хотя часто бывалъ въ Алушкѣ, только что тогда начинавшей строиться, но мало помнилъ

графа. Теперь меня вполне поразила величественная наружность будущаго моего начальника. Высокаго роста, съ густыми сѣдыми волосами, безъ усовъ и бакенбардовъ, при отсутствіи всякой военной вытяжки, къ которой въ то время такъ привыкъ глазъ; необыкновенное достоинство и простота въ рѣчахъ и манерахъ, при обаятельномъ обхожденіи, составляли въ гр. Воронцовѣ рѣзкое исключеніе изъ всѣхъ военныхъ сановниковъ той эпохи. Въ графѣ видны были во всемъ слѣды англійскаго воспитанія его и того высокаго положенія, которое онъ занималъ въ обществѣ, и по рожденію своему, и по заслугамъ, ознаменовавшимъ долготѣе служеніе его. Все это поразило меня, но скажу откровенно, на первыхъ порахъ не особенно увлекало; съ какимъ-то чувствомъ неопредѣленнаго и неизвѣстнаго смотрѣлъ я на будущую службу мою, при новой обстановкѣ и новыхъ условіяхъ, столь, повидимому, различныхъ отъ тѣхъ, къ которымъ до сихъ поръ привыкъ и съ которыми сроднился. Необыкновенная привѣтливость и вѣжливость графа насъ всѣхъ на первыхъ порахъ какъ бы озадачила и казалась чѣмъ-то неестественнымъ въ начальникѣ.

Четыре или пять дней оставался еще Нейдгартъ въ Тифлисѣ, обсуждая съ графомъ тогдашнія кавказскія дѣла. Наконецъ, Александръ Ивановичъ выѣхалъ изъ Тифлиса и, какъ выше описано, проводивши его на линію, я съ Глѣбовымъ вернулся обратно къ новому своему начальнику.

По благороднымъ понятіямъ и правиламъ графа Воронцова, изъявленіе преданности нашему старому начальнику не могло не понравиться ему, но иначе, кажется, смотрѣли на это окружающіе его и видѣли въ этомъ какую-то демонстрацію, по крайней мѣрѣ мнѣ это съ Глѣбовымъ такъ показалось. Вообще отношенія наши съ вновь прибывшей свитой Воронцова были первое время весьма натянуты. Съ своей стороны, мы также держали себя какъ-то особнякомъ и скорѣе склонны были порицать все во вновь пріѣзжихъ; но вскорѣ начались приготовленія къ предстоящему походу; мысли и стремленія наши должны были принять другое направленіе.

Я наскоро сдѣлалъ всѣ нужныя тогда приготовленія; они были весьма не сложны: купилъ вьючное сѣдло и сундуки, долженствовавшіе мнѣ служить такъ же кроватью, переметныя сумы, приготовилъ

самое ограниченное число бѣлья и одежды. Верблюжьи шаровары, большіе сапоги и черкесскій костюмъ, при исправномъ оружіи, составляли все мое походное достояніе. Вьючныхъ и верховыхъ лошадей я купилъ по прибытіи въ Червленную и съ собою взялъ одного только человѣка Петра Толстого.

За двѣ недѣли до выѣзда въ походъ, со мной былъ случай, чуть не лишившій меня чести участвовать въ Даргинской экспедиціи. Я поѣхалъ верхомъ на очень бѣшеной арабской лошади, принадлежавшей англичанину Сеймуру, за городъ въ Навтлугъ проститься со своими знакомыми. Поднимаясь по крутой скалистой тропинкѣ къ Мехетскому замку, лошадь моя чего-то вдругъ испугалась, и я вмѣстѣ съ нею оборвался съ кручи и со значительной высоты катился до самаго берега Куры. У лошади ободрана была вся кожа на головѣ, груди и переднихъ ногахъ, мнѣ же врѣзался маленькій камень въ лѣвое колѣно; меня подняли грузины и отнесли въ ближайшую часть, гдѣ полицейскій докторъ вынулъ камень и сдѣлалъ мнѣ перевязку. Къ счастью, чашка въ колѣнѣ не была разбита, но воспаленіе и опухоль были чрезвычайно сильны; я не могъ дѣлать никакого движенія, потому ходилъ только съ помощью костылей и въ такомъ видѣ прибылъ въ Червленную, гдѣ скоро бросилъ костыли и скоро оправился. Черезъ три мѣсяца пришлось опять въ ту же Червленную прибыть на костыляхъ, но уже вслѣдствіе полученной мною раны въ Дарго.

Хочу упомянуть здѣсь о замѣчательномъ праздникѣ, данномъ графу Воронцову городомъ и обществомъ Тифлиса передъ отправленіемъ въ походъ. Дѣйствительно, это было нѣчто волшебное, фантастическое, совершенно въ восточномъ вкусѣ, со всею своеобразною и оригинальною обстановкою, отличавшею Тифлисъ того времени.

Весь городъ, особенно армянскій базаръ, былъ ярко иллюминованъ разноцвѣтными фонарями; всѣ окрестныя горы Тифлиса освѣщены нефтяными бочками; берегъ Куры и мосты покрыты были сплошными огнями. Въ каравансараяхъ изъ всѣхъ лавокъ и оконъ висѣли богатые золотыя парчи и восточныя ткани, крыши домовъ всѣ покрыты были пестрою толпою, вездѣ гремѣла зурна и музыка. Изъ устроенныхъ въ каравансараяхъ и базарахъ фонтановъ лилось

кахетинское вино. Народъ толпами тѣснился за графомъ и графиней, обходившихъ улицы и каравансарай, устланные богатыми коврами; вездѣ съ восторгомъ привѣтствовали ихъ, и широко выражалось народное простодушное веселье грузинъ и сочувствіе ихъ къ новому Главнокомандующему. Я помню, что графъ и графиня были въ восторгъ отъ сдѣланнаго имъ приема и того великолѣпнаго зрѣлища, которое представлялъ живописный Тифлисъ въ этотъ вечеръ.

Кажется, въ самыхъ послѣднихъ числахъ апрѣля я выѣхалъ изъ Тифлиса и началъ свое военное поприще въ предстоящемъ походѣ.

---

## ДѢЙСТВІЯ НА ЛѢВОМЪ ФЛАНГѢ ПРИ СРАЖЕНІИ У КЮРЮКЪ-ДАРА.

24-го Іюля 1854 года.

(Изъ воспоминаній князя Дондукова-Корсакова).

---

По отданной въ ночь съ 23 на 24 число диспозиціи, снявшись въ полночь съ лагернаго расположенія, войска въ безмолвной тишинѣ двигались по направленію къ Мелеко. Пѣхота съ ея артиллерією, имѣя впереди сотни охотниковъ полковника Лориса-Меликова и сборныя линейныя полковника Скобелева сотни, слѣдовала двумя эшелонами; въ интервалѣ шелъ фербантъ и запасной паркъ, подъ прикрытіемъ 2-хъ баталіоновъ (Ряжскихъ). За симъ слѣдовали: Драгунскій № 9 полкъ, Донская 7 Динатина батарея, 8 Драгунскій полкъ, 6 Донская батарея, 4 Драгунскій полкъ, дивизіонъ 15 батареи Веревкина, и Донской № 20 полкъ.—Въ прикрытіе всей колонны слѣва слѣдовала мусульманская конная бригада, справа линейный полковника Каткова полкъ. Войска прошли около 4 верстъ въ сказанномъ направленіи, какъ съ первыми лучами восходящаго солнца показалась непріятельская конница на высотахъ Караяла, и впереди всей колонны, около горы большой Ягны, чернѣлись толпы конницы, какъ въ туманѣ видна была непріятельская пѣхота, подоспѣвшая изъ лагеря.

Когда мы еще прошли немного и выдвинулись изъ лощины, скрывавшей волнистую мѣстность Кюрюкъ-Дара, открылась вскорѣ и вся

линія непріятельской арміи, представляющая дугообразное расположеніе отъ горы Караялъ по направленію къ горѣ Ягны. На вершинѣ первой горы обрисовалась пѣхота съ 2 горными орудіями; у подошвы ея расположена была кавалерія; къ ней примыкала батарея; лѣвѣе—колонны пѣхоты, раздѣленныя сильною батареею, составляли правый флангъ непріятеля; центръ примыкалъ къ правому флангу огромными массами пѣхоты, расположенной въ двѣ линіи, съ резервомъ и выдвинутою на позицію артиллеріею. Ясно видно было, что виднѣвшіяся войска, впереди нашей колонны, назначены были составлять лѣвый флангъ непріятеля и, по препятствіямъ мѣстности или темнотѣ ночи, не могли съ прочими частями занять предположенныя мѣста; въ самомъ центрѣ непріятеля видно было, что войска не окончательно устроены; правый флангъ, состоявшій изъ отборныхъ Турецкихъ войскъ и примыкавшій къ сильной позиціи Караяла, представлялъ совершенно устроенную боевую массу.

Здѣсь представлялось два плана дѣйствія: или немедленно атаковать флангъ непріятеля, или перемѣнить фронтъ по направленію Турецкихъ войскъ, осмотрѣвъ позицію. Наша боевая линія, протянувшись къ Мелеко, могла, подавшись немного впередъ и остановивъ свой лѣвый флангъ, повернуть во фронтъ и зайти правымъ плечомъ къ непріятельской линіи. Лѣвая оконечность непріятельскаго центра, не прикрытая отставшими около Ягновъ войсками, не могла бы, въ этомъ положеніи, принять боя. Турецкой арміи предстояла перемѣна фронта подъ наступательнымъ огнемъ нашей линіи. Оконечность Караяла должна была остаться въ тылу ихъ праваго фланга; войска-же, назначенныя для составленія ихъ лѣваго фланга, не могли бы вступить въ линію и составили бы какъ бы отдѣльный, отрѣзанный отъ главныхъ силъ, отрядъ.

Смѣлымъ и рискованнымъ движеніемъ этимъ войска наши перемѣняли весь планъ непріятеля; отступление къ Карсу дѣлалось невозможнымъ; быстрый и дружный натискъ всей линіи могъ даровать намъ побѣду, результатами коей было бы совершенное истребленіе непріятеля, отрѣзаннаго отъ Карса и долженствующаго въ такомъ случаѣ отступить къ с. Огузлы и полямъ Кадыкъ-Ляра. При преслѣдованіи, лагерь Турецкій со всею добычею оставался

вправо, а потомъ въ тылу нашемъ; путь къ Карсу совершенно былъ бы очищенъ.

Въ опроверженіе означеннаго предположенія можно возразить, что силы, собиравшіяся на лѣвомъ флангѣ непріятеля, могли обойти нашъ правый флангъ и даже ударить намъ въ тылъ; что, при отступленіи, Турки могли бы найти сильный опорный пунктъ въ оконечности Караяла, что войска, остававшіяся въ лагерѣ, свѣжими силами могли бы, при нашемъ преслѣдованіи, сильно дѣйствовать на нашъ правый флангъ и, наконецъ, что такимъ движеніемъ совершенно открывался нашъ вагенбургъ.

Движеніе это, какъ сказано, болѣе чѣмъ смѣлое, предоставило бы судьбу всего отряда минутной случайности боя; отступленія намъ уже не было; оставалось или уничтожить совершенно Турецкую армію, или всѣмъ со славою лечь на полѣ битвы. Опытъ доказалъ однакожь, что не такъ неосновательны могли бы оказаться и надежды на успѣхъ. Турецкая армія, несмотря на европейское свое образованіе и необыкновенную стойкость, въ дѣлѣ при Кюрюкъ-Дара осталась однако вѣрна преданіямъ предковъ и руководящему ея фатализму; упорно выдерживая первый натискъ, переднія войска, при отступленіи, влекутъ за собой и заднія линіи; рѣдко послѣднія принимаютъ участіе въ боѣ и, при разстройствѣ одной части, остальные приходятъ въ смущеніе и малодушно отступаютъ, забывая о дѣйствительной своей силѣ и превосходствѣ въ людности. Въ дѣлѣ 24 числа можно было рассчитывать на внезапность нашего удара противъ непріятеля, смущеннаго неожиданнымъ появленіемъ на своемъ флангѣ нашихъ войскъ, на затрудненія, предстоящія Туркамъ при перемѣнѣ фронта на огромномъ протяженіи линіи, наконецъ—на испытанное мужество нашихъ войскъ.

Непріятеля, находящагося вправо отъ насъ, можно было удержать отдѣльною колонною изъ резерва и, при разбитіи главныхъ силъ, нѣтъ сомнѣнія, что какъ тѣ, такъ и войска, остававшіяся въ лагерѣ, уклоняясь отъ дальнѣйшаго боя, искали бы спасенія въ бѣгствѣ по направленію къ Карсу, черезъ высоты, ограждающія тылъ непріятельскаго лагеря. Разстроенному и бѣгущему непріятелю Караялъ, по отдаленію отъ его центра, не могъ бы служить



опорою, и поля Бешъ-Кадыкъ-Ляра и Огузлова содѣлались бы снова могилою разъединеннымъ толпамъ бѣгущаго Турецкаго корпуса. Вагенбургъ же нашъ, достаточно укрѣпленный противъ баннйбузуковъ, не могъ бы сдѣлаться, по отдаленію отъ Караяла, цѣлью покушенія регулярныхъ войскъ; бой не могъ быть продолжительнымъ, минута должна была рѣшить побѣду.

Командующій корпусомъ немедленно сдѣлалъ распоряженіе, соображаясь съ расположеніемъ Турецкой арміи, о перемѣнѣ фронта параллельно непріятельскому, и войска, зайдя правымъ плечомъ, стройно двинулись на назначенныя имъ мѣста. Огромное протяженіе непріятельской линіи, еще болѣе растянутое въ послѣдствіи прибытіемъ отставшаго лѣваго ихъ фланга, влекло за собою протяженіе и нашего фронта. При малочисленности войскъ отряда, значительныя должны были составиться интервалы, и вотъ почему бой 24 числа представляетъ три совершенно отдѣльныя битвы, гдѣ мужество и самоотверженіе замѣняли численность, гдѣ общою связью было священное чувство чести и долга, воодушевляющее cadaго; отступленія никто не допускалъ, всякій чувствовалъ необходимость умереть или побѣдить. Чувства эти служили залогомъ побѣды; побѣда не измѣнила вѣрнымъ сынамъ своимъ.

На лѣвый флангъ нашей линіи назначены были сборныя казачьи полковника Скобелева сотни, за нимъ слѣдовалъ 9 Драгунскій, Донская № 7 батарея, 8 Драгунскій и Донской № 20 полкъ съ ракетными командами; пѣхота бѣглымъ шагомъ слѣдовала сзади, въ составѣ 4-хъ баталіоновъ Бѣлевскаго егерскаго полка, съ Кавказскимъ стрѣлковымъ баталіономъ и легкою № 7 батареею, а вскорѣ и 2 баталіона Тульскаго егерскаго полка. Поровнявшись съ центромъ непріятельскимъ, раздались первые выстрѣлы съ Турецкихъ батарей, первые предвѣщатели достославной битвы, покрывшей новою славою Русское оружіе.

Огонь непріятельскій, по отдаленію, не причинялъ намъ еще вреда, и колонны двигались впередъ. Подходя къ Караялу, нашихъ встрѣтилъ мѣткій огонь штурпернаго Турецкаго баталіона, разсыпаннаго въ стрѣлкахъ по скалистой покатости горы, и гранаты двухъ горныхъ единороговъ удачно рвались посреди Драгунскаго Н. П. Виртенбергскаго полка, шедшаго въ колоннахъ къ

атакѣ. Пятый дивизіонъ былъ впереди, за нимъ 4 и 3 дивизіоны. Въ этотъ моментъ получено было приказаніе подоспѣвшей пѣхотѣ не штурмовать гору, а оставивъ ее позади себя, податься впередъ противъ праваго непріятельскаго фланга. Для удержанія непріятеля со стороны горы, выдвинуты были 2 баталіона: 1 Тульскаго, 1 Бѣлевскаго егерскихъ полковъ, съ легкою № 7 батареею. Остальная пѣхота зашла лѣвымъ плечомъ и подалась колоннами впередъ, къ возвышенности, заслонявшей намъ непріятеля. Драгуны (№ 9 полкъ) подивизіонно, захавъ лѣвымъ плечомъ, выстроились правѣе и позади пѣхоты, лицомъ къ непріятельскому фронту. Двѣ роты Кавказскаго стрѣлковаго баталіона разсыпались на лѣвомъ флангѣ Бѣлевцевъ и завели перестрѣлку съ Турецкими штуцерными. Линейныя казачьи полковника Скобелева сотни были переведены на правый нашъ флангъ.

Покуда сіе происходило на самой оконечности нашего лѣваго фланга, 8 Драгунскій полкъ, шедшій позади и правѣе Виртенбергцевъ, поровнявшись съ непріятельскою линіею и встрѣченный сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ съ батареей, получилъ приказаніе сбить непріятеля съ занимаемой имъ позиціи. Три дивизіона этого полка—1, 2 и 5, имѣя впереди командира сводной Драгунской бригады, г.-м. графа Нирода, стяжавшаго въ этотъ день своею рыцарскою храбростію единодушное уваженіе всего отряда, и предводимые полковымъ своимъ командиромъ, полковникомъ Кукилевскимъ, быстро и смѣло понеслись впередъ на главную батарею. Вскакавъ посреди орудій, драгуны, перерубивъ прислугу, овладѣли 4-мя непріятельскими пушками; но здѣсь встрѣтили ихъ 4 Турецкихъ баталіона прикрытія и, подъ убійственнымъ батальнымъ огнемъ пѣхоты, имѣя еще справа отъ себя сильную батарею непріятеля, драгуны принуждены были еще отбивать атаки регулярной Турецкой кавалеріи, бросившейся изъ-за Караяла на подкрѣпленіе своей артиллеріи.

Рукопашный бой, явившій столько примѣровъ личной храбрости и самоотверженія, какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ этого полка, не могъ быть продолжителенъ. Уступая превосходству силъ, драгуны быстро отступили мимо подошвы Караяла, подъ огнемъ штуцерной стрѣлковой цѣпи, и пройдя лѣвѣе Бѣлевцевъ и

драгунъ 9 полка, пристроились позади боевой линіи къ остальнымъ дивизіонамъ полка. Вскорѣ 3 дивизіонъ, вмѣстѣ съ Донскимъ № 20 полкомъ и ракетною командою, былъ направленъ на правый флангъ и принялъ блистательное участіе въ дѣйствіяхъ нашей кавалеріи на этомъ пунктѣ. Во время описанной атаки раненъ командиръ полка, полковникъ Кукилевскій, саблею въ руку, но до окончанія дѣла не оставлялъ своего мѣста. Къ общему сожалѣнію, убитъ достойный командиръ 5 дивизіона, полковникъ Спицынъ, и командиръ 9 эскадрона, ш.-капитанъ Савичъ. Тяжело ранены капитанъ Дренякинъ, ш.-капитанъ Жиленковъ, поручикъ Батезапуло.

Смѣлая атака драгунъ 8 полка, скрытая отъ части войскъ нашего лѣваго фланга возвышеніемъ, занятымъ Бѣлевцами, была какъ отдѣльный эпизодъ кровавой драмы, долженствовавшей разыграться на этомъ пунктѣ нашей боевой линіи. Густая облака дыма, сильный ружейный огонь, прерываемый гуломъ орудій, возвѣщали бой упорный, съ трепетомъ сжимались сердца при мысли о товарищахъ, съ нетерпѣніемъ ждали закаленные въ бою Виртенбергцы своей очереди. Минута приближалась, имъ сужденъ былъ подвигъ славный, смерть ждала многихъ, слава всѣхъ. Съ отступленіемъ 8 полка, непріятельскія колонны двинулись впередъ; отборные три баталіона штуцеровъ шли въ первой линіи. Передъ сильнымъ перекрестнымъ огнемъ пѣхоты и артиллеріи, Бѣлевцы отодвинулись съ позиціи, и съ гикомъ непріятельскіе стрѣлки показались на возвышенности.

Минута была рѣшительная, торжественная. Мгновенная удача непріятеля была несомнѣнна; баталіоны, стоявшіе на горѣ, съ жадностью ждали случая, чтобы ринуться на насъ; еще минута,—Турки, огибая нашъ флангъ, отбрасывали насъ къ нашему центру и перемѣняли весь ходъ сраженія.

Но тутъ стоялъ полкъ, свято хранящій свою вѣковую славу; побѣдителямъ Кадыкъ-Ляра судьба готовила новый подвигъ. Виртенбергцы, по приказанію своего полкового командира, г.-м. князя Чавчавадзе, двинулись впередъ. Дивизіонъ Донской № 7 батареи, неразлучной сподвижницы подвиговъ драгунъ на Кавказѣ, былъ отдѣленъ отъ остальной части своей, дѣйствовавшей вправо отъ нашей линіи, пристроился къ дивизіонамъ, и храбрый эсауль

Кульгачевъ, сдѣлавъ предварительно нѣсколько выстрѣловъ гранатами, быстро понесся впередъ, въ 60 шагахъ отъ непріятеля снялъ съ передковъ и открылъ картечный огонь. Отважная запальчивость Кульгачева, воспоминаніе удачи подъ Кадыкъ-Ляромъ занесли слишкомъ далеко смѣлыхъ Донцевъ; убійственный огонь непріятельскихъ штуцеровъ въ столь близкомъ разстояніи въ мгновеніе уничтожилъ почти всю прислугу орудія средняго завода, 34 человекъ были выбиты изъ строя. Командиръ взвода, эсаулъ Резановъ раненъ въ голову, вся упряжь перебита. Кульгачевъ, видя невозможность вывезти орудія, съ трудомъ вытащилъ передки и остальные 2 орудія своего дивизіона за фронтъ драгунъ и пристроился вправо къ остальной части батареи. Раненые три артиллериста, лежа подъ лафетомъ, зарядили въ послѣдній разъ пушку, и сдѣлавъ выстрѣлъ, пали героями.

Остались 2 орудія безъ передковъ, безъ прислуги, нѣмыми свидѣтелями кроваваго подвига Драгунъ, коихъ честь и слава сопряжены были съ пораненіемъ вѣранныхъ прикрытію ихъ пушекъ. Вмѣстѣ съ артиллерією справа двинулся и 5 дивизіонъ Виртенбергцевъ, подъ начальствомъ испытаннаго въ бояхъ полковника Тихотскаго; быстро понеслись драгуны на выстроившійся турецкій каре, смѣло врѣзались передніе всадники въ ряды непріятеля, умирая на острыхъ штыкахъ его штуцеровъ. Напрасна была отвага, напрасны жертвы! Съ упорствомъ смыкались ряды, стальная стѣна была непоколебима. Отведя назадъ дивизіонъ, полковникъ Тихотскій, подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, снова началъ стронуть его въ 50 шагахъ отъ оставшихся орудій. Въ этой жестокой схваткѣ тяжело раненъ храбрый ш.-капитанъ графъ Менгденъ, впереди вѣреннаго ему 9 эскадрона; убитъ прапорщикъ Босниъ; ранены прапорщики Суриковъ и Готовецкій.

Непріятельскіе стрѣлки ринулись впередъ, а турецкій офицеръ, махая пашкой, уже старался сдвинуть трофеи; крѣпко билось сердце каждаго. Третій и четвертый дивизіоны, подъ начальствомъ полковника, князя Дондукова-Корсакова, быстро несутся впередъ, вправо отъ орудій; при началѣ движенія, достойный командиръ 4 дивизіона, полковникъ Шульцъ, уже заплатилъ дань чести, постоянно руководившей храброй его службой, и раненый пулею въ високъ былъ вывезенъ за боевую линію. Во главѣ, подъ командой

маіора Петрова, шелъ 3 дивизіонъ, за нимъ слѣдовалъ 4; не долго непріятель владѣлъ орудіями: драгуны опрокинули немедленно отъ важныхъ и, въ пылу своего ожесточенія, бросились на баталіонъ, составившій сплошную кучку; переднія шеренги встрѣтили нашихъ штыками, стоя на колѣняхъ, заднія въ упоръ пускали свои выстрѣлы; справа отъ дивизіоновъ батальный огонь другого баталіона выносилъ цѣлые ряды изъ строя. Драгуны отодвинулись назадъ и, не сводя глазъ со спорныхъ орудій, упорно строились подъ тѣмъ же огнемъ. Въ рядахъ слышны были слова: „умремъ, ребята, но покуда живы, орудій не сдадимъ“. Долго оставаться въ этомъ положеніи было невозможно; кромѣ неумолкаемаго огня штуцеровъ, сильная непріятельская батарея громила съ фронта драгунъ въ интервалы баталіоновъ. Третій дивизіонъ снова бросился въ отчаянную схватку; снова рѣдѣвшая кучка непріятели встрѣтила его штыками, а съ фланга батальный огонь открылъ свое убійственное дѣйствіе; храбрые командиры эскадроновъ, капитаны Резановъ и Батіевскій пали героями на турецкихъ штыкахъ. Полковникъ, князь Дондуковъ-Корсаковъ тяжело раненъ въ руку, подъ неустрашимымъ маіоромъ Петровымъ убита лошадь, ш.-капитаны Кузьминъ, Караваевъ, Петровъ 2, Машуновъ и прапорщикъ Драгилевъ сильно ранены, въ 4 дивизіонѣ ш.-капитанъ Григоровичъ смертельно пораженъ пулею.

Драгуны снова принуждены отойти къ безмолвнымъ орудіямъ, поглотившимъ уже столько жертвъ. Мѣсто боя на пространствѣ 150 шаговъ покрыто было болѣе 200 труповъ лошадей, въ кровавыхъ схваткахъ болѣе половины драгунъ выбыло уже изъ строя, изъ 37 офицеровъ 23 убито, ранено или контужено.

Но спорныя орудія передъ глазами, и оставшаяся горсть храбрыхъ, малая числомъ, но твердая въ своемъ упорствѣ умереть, но не уступить мѣста, грозно удерживаетъ непріятельскія массы. Въ эту опасную минуту полковникъ Тихотскій, съ свойственною ему энергіею и военнымъ взглядомъ, выводитъ изъ бездѣйствія стоявшую позади пѣхоту, опасавшуюся за свой тылъ и флангъ отъ баталіоновъ, стоявшихъ на Караялѣ, и атаки кавалеріи, стоявшей влѣво. Съ барабаннымъ боемъ и крикомъ ура, влѣво отъ его дивизіона бросаются колонны Бѣлевцевъ; разстроенный потерями не-

пріятель начинаетъ отступленіе. Тихотскій ловить благопріятную минуту, смѣло ударяетъ въ пики съ остатками дивизіона и вырываетъ шесть орудій у непріятельской батареи, громившей съ фронта драгунъ; орудія эти, въ присутствіе Г. Бѣлявскаго, сданы пѣхотнымъ баталіонамъ, слѣдовавшимъ за кавалерією. Справа отъ него атакуютъ вновь горсть 3 дивизіона, за нимъ слѣдуетъ 4, и правѣе выдвигаются сформировавшіеся дивизіоны 8 Драгунскаго полка. Ожесточеніе было всеобщее, единодушный натискъ непреодолимъ. Кровь товарищей просила крови, и непріятельская пѣхота мгновенно смята, отступленіе превратилось въ совершенное бѣгство, и чувство пощады исчезло, его замѣнила жадность кровавой мести. Драгуны рубили и кололи бѣгущихъ; каждый Турокъ дорого разставался съ жизнью; раненые въ упоръ пускали свои послѣднія пули, но никто не въ силахъ былъ охладить всеобщаго воодушевленія. Правый непріятельскій флангъ, окончательно опровернутый, даетъ возможность рѣшительному наступленію нашего центра, побѣда не подлежала уже сомнѣнію.

Разбирая съ критической точки зрѣнія дѣйствія нашего лѣваго фланга, должно сознаться, что первая отдѣльная атака 8 Драгунскаго полка, неподдержанная пѣхотою, была несвоевременна и начата на слишкомъ дальнемъ разстояніи отъ непріятеля; подвиги самоотверженія и храбрости противъ превосходныхъ турецкихъ силъ и неразстроенныхъ баталіоновъ не могли остановить необходимости отступленія, которое совершалось въ безпорядкѣ. Отступленіе Бѣлевскихъ баталіоновъ съ занятой ими позиціи было ошибкою; бездѣйствіе ихъ во время боя драгунъ Н. П. Виртенбергскаго полка было губительно для послѣднихъ; опасаться за тылъ и флангъ свой имъ было нечего; противъ Турецкой кавалеріи могли дѣйствовать, сформировавшись, дивизіоны 8 полка; натискъ войскъ, стоявшихъ на Караялѣ, могли удержать оставленные противъ горы 2 баталіона съ артиллерією.

Отдѣленіе къ этому пункту всей легкой № 7 батареи было распоряженіемъ самымъ пагубнымъ для драгунъ, лишенныхъ, послѣ перебитія прислуги Донскаго дивизіона, артиллеріи во все время боя.

Обращаясь къ дѣйствіямъ Н. П. Виртенбергскаго полка, ежели можно упрекнуть запальчивость Кульгачева, выдвинувшаго свои

орудія на слишкомъ близкое разстояніе отъ Турецкихъ баталіоновъ на невыгодную въ дощинѣ позицію, то нельзя порицать чувство драгунъ, кровью своею въ неравномъ бою защищавшихъ ввѣренныя охраненію ихъ пушки. Весь напоръ непріятельскаго праваго фланга, громадныя массы пѣхоты и убійственный огонь перекрестныхъ батарей не могли сдвинуть съ позиціи 6 эскадронъ полка, подъ конецъ часового кроваваго боя представляющій незначительную горсть храбрыхъ остатковъ славнаго войска.

Драгуны могли оставить орудія и отступить къ пѣхотѣ, потеря ихъ уменьшилась бы втрое, но въ эту рѣшительную минуту шагъ назадъ могъ бы повлечь за собой отступленіе дальнѣйшей пѣхоты и несовершенно выстроившихся дивизіоновъ 8 Драгунскаго полка. Лѣвый флангъ былъ бы обойденъ и побѣда можетъ быть измѣнила бы знаменамъ нашимъ. Жертва драгунъ была необходима.

Едва ли не важнѣе ошибки при окончательномъ преслѣдованіи непріятеля. Большая часть войскъ и вся оставшаяся кавалерія лѣваго фланга была притянута къ центру; баталіоны непріятеля, стоявшіе на Караялѣ, считали свою гибель неизбѣжною; удивленные удаленіемъ нашихъ войскъ, они робко спустились по восточной покатости горы и безнаказанно отступили по направленію къ селенію Огузлы. Оставивъ часть кавалеріи и пѣхоты противъ отрѣзаннаго отъ своихъ непріятеля, баталіоны съ 2 орудіями принуждены были положить оружіе и украсили бы новыми трофеями сію досто-славную побѣду, гдѣ 18-тысячная армія Русскихъ на голову разбила 60-тысячный Анатолійскій корпусъ, составленный изъ отборныхъ Турецкихъ войскъ. Но побѣдителей не судятъ.

## У Т у р о к ъ.

На правомъ флангѣ:

42 бат.

9—10 батарей.

6 штуцеровъ,

2 баталіона, 4 полка кавалеріи.

16 п. кавалеріи,

Въ центрѣ:

84 орудія,

18—20 бат.

14 тыс. башибузуковъ.

2 батареи, одна 18 ор.

8 полковъ кавалеріи.

На лѣв. флангѣ:

14—16 батарей.

3 баталіона, 4 полка кавалеріи и башибузуковъ.

П о т е р и н а ш и.

|                    | Ген. | Ш.-оф. | Об.-оф. | н. ч. |
|--------------------|------|--------|---------|-------|
| Убито . . . . .    | —    | 4      | 17      | 568   |
| Ранено. . . . .    | 1    | 9      | 70      | 1831  |
| Контужено. . . . . | 1    | 9      | 29      | 444   |
|                    | 2    | 22     | 116     | 2843  |

У т у р о к ъ.

Убито . . . . . 2870.

|           |        |         |       |
|-----------|--------|---------|-------|
| Въ плѣну: | Ш.-оф. | Об.-оф. | н. ч. |
|           | 2      | 84      | 1932  |

Выпущено снарядовъ:

| Изъ единороговъ: |         |         | Изъ пушекъ: |         | Итого. |
|------------------|---------|---------|-------------|---------|--------|
| ракетъ           | гранатъ | картечи | ядеръ       | картечи |        |
| 128              | 958     | 160     | 1467        | 759     | 3344   |



## МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

1845—1846 гг.

Князя А. М. Довдукова-Корсакова.

ЧАСТЬ II \*).

---

Въ началѣ Мая мѣсяца 1845 года главная квартира собралась въ станицѣ Червленной на Терекѣ; вскорѣ прибылъ и Главнокомандующій для предстоящихъ военныхъ дѣйствій Дагестанскаго и Чеченскаго отрядовъ въ большой Чечнѣ. Предполагалось проникнуть въ самое убѣжище Шамиля, въ селеніе Дарго, куда доселѣ никогда не доходили русскія войска, и тѣмъ окончательно, какъ ошибочно предполагали, поколебать вліяніе Имама и Мюридизма, охватившаго большую часть непокорныхъ намъ племенъ Кавказа.

Предъ описаніемъ военныхъ дѣйствій умѣстно сказать нѣсколько словъ вообще о характерѣ войны того времени, или такъ называемыхъ „экспедицій“,—указать также на составъ дѣйствующихъ войскъ духъ ихъ, особенности Кавказской арміи, а также и главной квартиры и штаба Главнокомандующаго, только, что прибывшаго на Кавказъ и окруженнаго обаяніемъ прежней его военной славы и административной послѣдней дѣятельности въ Одессѣ и Новороссійскомъ краѣ. Не лишнее также бу-

---

\*) Часть I напечатана въ V кн. „Старины и Новизны“.

детъ упомянуть о ст. Червленной и казачьемъ населеніи лѣваго фланга Кавказской линіи, гдѣ впервые мнѣ пришлось столкнуться со всѣми особенностями боевой кавказской службы и со всѣми лицами, съ которыми такъ долго впоследствии пришлось мнѣ дѣлать какъ свѣтлыя, такъ и грустныя впечатлѣнія моей продолжительной кавказской службы.

Я съ намѣреніемъ хочу въ началѣ записокъ этихъ коснуться всѣхъ этихъ подробностей, чтобы не возвращаться впоследствии къ отступленіямъ, могущимъ повредить цѣльности моего разсказа.

---

## ГЛАВА I.

Отношенія присылаемыхъ на Кавказъ гвардейскихъ офицеровъ къ Кавказцамъ. — Мѣры, принятыя противъ этого Гр. Воронцовымъ. — Веденіе войны на Кавказѣ. — Экспедиціи. — Приѣздъ Государя Николая Павловича на Кавказъ. — Введеніе административной реформы и пагубныя ея послѣдствія. — Даніиль Султанъ Елисуійскій. — Составленіе плановъ экспедицій въ С.-Петербургѣ. — Образъ дѣйствій на лѣвомъ и на правомъ флангахъ.

Въ то время Кавказъ еще считался для большей части русскаго общества „terra incognita“; объ немъ только знали по разговорамъ гвардейскихъ офицеровъ, командируемыхъ ежегодно для участванія въ экспедиціяхъ, и изъ официальныхъ реляцій Кавказскаго Начальства и свѣдѣній военнаго Министерства. Кавказъ считался мѣстомъ ссылки всѣхъ почему-бы то ни было провинившихся не только офицеровъ, но даже нижнихъ чиновъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, для центрального управленія военнаго Министерства представлялъ широкое поприще къ проявленію стратегическихъ, тактическихъ и военныхъ соображеній его. Для гвардейскихъ офицеровъ, которые посылались съ каждаго полка по одному, а также по одному изъ армейскихъ бригадъ, Кавказъ служилъ самымъ удобнымъ средствомъ для полученія повышеній, наградъ, большею частью въ ущербъ старымъ и постояннымъ кавказскимъ служилымъ. Тогда награды за экспедиціи раздавались весьма скудно и были достояніемъ только весьма немногихъ счастливцевъ; гвардейскіе офицеры, прибывающіе ежегодно на Кавказъ, при рекомендаціяхъ и протекціяхъ вліятельныхъ лицъ, а также по обще-

ственному положенію своему, обыкновенно при выступленіи отрядовъ, какъ старшіе въ чинахъ, получали въ командованіе отдѣльныя части, какъ-то: сотни, роты и даже баталіоны, которые отнимались у настоящихъ кавказскихъ заслуженныхъ начальниковъ частей. Это не мало возбуждало ропота и неудовольствія между Кавказскими офицерами, такъ какъ этимъ самымъ они устранялись и отъ представленій къ наградамъ. Одно изъ первыхъ дѣйствій графа Воронцова — послѣ экспедиціи 65-го года, когда онъ ознакомился съ духомъ и съ составомъ кавказскихъ войскъ, было испрошеніе Высочайшаго повелѣнія на отѣну присылки гвардейскихъ и другихъ офицеровъ на Кавказъ, какъ это дѣлалось доселѣ. Графъ Воронцовъ предлагалъ принимать всѣхъ желающихъ поступить изъ Гвардіи на Кавказъ только при переводѣ ихъ въ составъ полковъ Кавказскаго Корпуса. Мѣрой этой, съ одной стороны, кавказскія войска освѣжились новымъ прочнымъ элементомъ офицеровъ, которые смотрѣли на кавказскую службу не какъ на спекуляцію, а какъ на осуществленіе своихъ благородныхъ боевыхъ стремленій, а съ другой стороны мѣра эта пріобрѣла Главнокомандующему огромную популярность между Кавказцами. Его стали считать съ этой минуты своимъ роднымъ Кавказцемъ, чуждымъ вліянія Петербургской сферы, и самостоятельнымъ защитникомъ интересовъ Кавказскихъ войскъ.

Нужно отдать полную справедливость самоотверженію и храбрости въ дѣлахъ гвардейскихъ офицеровъ. Въ тяжелую эпоху 1843 года, когда мы лишились всѣхъ нашихъ укрѣпленныхъ позицій въ Аваріи, большая часть гвардейскихъ офицеровъ, подавая собою примѣръ неустрашимости, пали при исполненіи своего долга. Какъ въ этомъ году, такъ и во всѣхъ прочихъ экспедиціяхъ, процентъ убыли гвардейскихъ офицеровъ явно свидѣтельствовалъ о ихъ самоотверженіи. Но при незнаніи мѣстности, духа войска и характера непріятеля, вѣрѣямыя имъ части несли ничѣмъ не оправданныя потери, и частію были совершенно уничтожены, вслѣдствіе неопытности и излишней запальчивости своихъ временныхъ начальниковъ. Но храбростью на Кавказѣ въ то время никого нельзя было удивить, а была другая сторона дѣла крайне несочувственная Кавказцамъ. Гвардейскіе офицеры мало сближались

со старыми Кавказцами, которые смотрѣли на нихъ всегда враждебно; во-первыхъ, потому, что видѣли въ нихъ людей, отнимающихъ отъ нихъ заслуженныя награды, а во-вторыхъ, гвардейцы по понятіямъ своимъ никакъ не подходили къ тогдашнимъ правамъ Кавказа. Но едва-ли не болѣйшій вредъ и неудобство отъ гвардейскихъ офицеровъ ощущало въ то время и само Кавказское начальство.

Петербургъ и военное Министерство распоряжались всѣми военными дѣйствіями, и составлялось понятіе объ этихъ дѣйствіяхъ и начальствующихъ въ нихъ лицахъ не столько по донесеніямъ главныхъ начальниковъ, сколько по рассказамъ юныхъ героев и флигель-адъютантовъ, возвращающихся въ С.-Петербургъ послѣ непродолжительнаго пребыванія въ отрядахъ. Такимъ образомъ составлялись репутаціи начальниковъ, офицеровъ и самая оцѣнка военныхъ дѣйствій. Весьма понятно, съ одной стороны, какую роль играли въ этихъ случаяхъ поставленные своими связями въ исключительное положеніе молодые люди изъ С.-Петербурга, а съ другой стороны, какъ и Кавказскіе начальники старались задобривать эти личности для поддержки о себѣ выгоднаго мнѣнія въ Петербургѣ. Ненормальное это положеніе тяжело отзывалось на всѣ отношенія какъ на Кавказѣ, такъ и въ Петербургѣ, и весьма понятно почему прозорливыя и самостоятельныя настоянія графа Воронцова объ отмѣнѣ существовавшаго до него порядка такъ восторженно были приняты на Кавказѣ.

Теперь слѣдуетъ сказать о способѣ въ то время веденія войны на Кавказѣ и характерѣ тогдашней экспедиціи. Прежнее веденіе войны на Кавказѣ, не говоря уже о временахъ Циціанова, Ртищева, но и во время командованія Кавказскимъ корпусомъ Ермолова и Розена, было почти исполнѣ предоставлено на мѣстѣ самостоятельности начальствующихъ главныхъ лицъ, которыми вообще, въ виду болѣе серьезныхъ войнъ и заботъ правительства, мало интересовались. Кавказъ былъ для Петербурга докучливымъ бременемъ, для военныхъ мѣстомъ ссылки, — естественно сложилась особая жизнь, особый бытъ этихъ оторванныхъ отъ общей русской семьи тружениковъ на славу русскаго оружія и пользу отечества. Лишь нѣкоторые отдѣльныя событія, какъ, на примѣръ, взятіе въ

1831 г. барономъ Розеномъ аула Гимри и смерть перваго Дагестанскаго имама Кази-Мулы, а также взятіе въ 1839 году Ахульго, временно обратили вниманіе на Кавказъ.

Развитіе мюридизма, дальнѣйшіе успѣхи Шамиля, наконецъ, лишенія, нужды Кавказцевъ — все это было чуждо интересамъ С.-Петербурга, и общественное мнѣніе весьма мало заботилось о странѣ и участи заброшенныхъ на Кавказѣ войскъ, долженствующихъ впослѣдствіи обратить на себя такое усиленное и напряженное вниманіе правительства и общества. Пріѣздъ покойнаго Государя Николая Павловича на Кавказъ можно считать эрою новаго взгляда на эту страну. Событіе это ознаменовалось собственными характеру Государя рѣзкими и рѣшительными мѣрами, разжалованіемъ за безпорядки по полку флигель-адъютанта князя Дадьяна, зятя тогдашняго корпуснаго Командира барона Розена, въ скоромъ времени и смѣною послѣдняго. Но вмѣстѣ съ тѣмъ пріѣздъ Государя открылъ всю важность упроченія нашего владѣчества на этой окраинѣ государства и необходимость болѣе серьезнаго вниманія правительства къ дѣламъ Кавказа и благоустройству страны.

Полное незнаніе, при введеніи реформы, какъ военныхъ условій стороны, характера непріятеля, такъ и бытовыхъ потребностей населенія имѣло для Кавказа и свои дурныя послѣдствія, искупленныя тяжкими ошибками и кровью нашихъ войскъ. — На Кавказъ назначенъ былъ корпуснымъ командиромъ Генералъ Головинъ, а въ 1840 году коммиссія, подъ предсѣдательствомъ сенатора Гана, была послана для введенія новой гражданской реформы по управленію краемъ.

Прежнее военное управленіе со своимъ произволомъ и суровостью, должно сказать и злоупотребленіями, но вполне подходящее въ то время къ нравамъ и преданіямъ страны и, во всякомъ случаѣ, болѣе честное и добросовѣстное, чѣмъ управленіе хановъ, бековъ и грузинскихъ правителей, было замѣнено гражданскимъ устройствомъ, съ подраздѣленіемъ края на губерніи, уѣзды, участки и тому подобное. — Хотя большая часть Начальниковъ остались и военными, но престижъ военной власти и силы, столь необходимой въ то время въ сношеніяхъ съ азіатцами, былъ поколебленъ

гражданскими формами веденія дѣла и присущей этой формѣ, столь ненавистной для азіатцевъ, медленности.

Не входя въ подробности этой несвоевременной реформы и того пагубнаго впечатлѣнія, которое она произвела въ краѣ, укажу только на одинъ примѣръ несообразности Петербургскихъ кабинетныхъ воззрѣній съ живыми понятіями азіатскаго населенія на Кавказѣ.

На Лезгинской линіи Даніиль Султанъ Елисуйскій, въ чинѣ Генераль-Маіора Гродненскаго Гусарскаго полка, состоя на нашей службѣ, былъ полнымъ, почти неограниченнымъ, властелиномъ потомственныхъ своихъ владѣній, расположенныхъ на южномъ склонѣ Кавказскихъ горъ между Нухинской провинціей и Джарскимъ округомъ. Вліяніе его на населеніе было огромное, не только на своихъ подвластныхъ, но и на сосѣднія непокорныя намъ горскія племена. Онъ съ полною преданностію служилъ нашему правительству, исполняя всѣ его требованія, гордился своимъ чиномъ и особенно дорожилъ тѣмъ почетомъ и вниманіемъ, которымъ окружали его русскія власти, когда онъ пріѣзжалъ въ Тифлисъ. Личность его служила вѣрнымъ оплотомъ противъ вторженія горцевъ въ наши предѣлы и онъ замѣнялъ своею личностью и туземною милиціей цѣлыя отряды нашихъ войскъ. Какъ онъ управлялъ краемъ, — это другое дѣло, но народъ покорялся ему, какъ потомственному своему властелину и въ высшей степени былъ преданъ самому принципу управленія. Впрочемъ едва-ли впослѣдствіи не болѣе страдалъ народъ, можетъ быть и теперь страдаетъ, отъ управленія какого-нибудь военнаго начальника или гражданского чиновника, при чемъ оскорбляются его религіозные обычаи и вѣковыя преданія. Даніиль Султанъ Елисуйскій, при новомъ преобразованіи сенатора Гана, взамѣнъ султанскихъ своихъ правъ, получилъ права участковаго засѣдателя своего уѣзда и подчиненъ былъ начальству Русскаго Штабъ-Офицера. Штабъ-Офицеръ этотъ былъ Маіоръ Плацъ-Бекъ-Какунъ, который своею безтактностью, незнаніемъ характера жителей, заносчивостью и другими качествами до того оскорблялъ достоинство Султана въ глазахъ ему подвластныхъ и раздражалъ его самолюбіе, что въ 1844 г. Даніиль Султанъ, со-

бравъ въ Джуму \*) населеніе въ мечети, сорвалъ съ себя Генеральскіе эполеты и русскій мундиръ и поднялъ знамя возстанія, проповѣдая *Казаватъ* \*\*). Все Султанство Елисуйское, даже сосѣдніе съ нимъ жители, примкнули къ нему, и намъ пришлось потоками крови русскихъ солдатъ вновь завоевывать и удерживать за собой прежде покорное намъ населеніе. — Даніилъ Султанъ бѣжалъ въ горы къ Шамилю и до своей смерти былъ злѣйшимъ нашимъ врагомъ, и постоянно волновалъ своими набѣгами Лезгинскую кордонную линію, гдѣ, вслѣдствіе того, мы постоянно должны были держать значительное число войскъ и милиціи.

Но едва-ли не болѣе существенный вредъ дѣламъ Кавказа принесло открытіе этой страны Петербургомъ послѣ посѣщенія Грузіи и Кавказа покойнымъ Императоромъ.

Тогда явилась цѣлая система проектовъ военныхъ дѣйствій для завоеванія и покоренія Кавказа; все это разрабатывалось въ канцеляріяхъ военнаго Министерства, представляя обширное поле соображеній офицеровъ Генеральнаго Штаба, налетомъ бывшихъ на Кавказѣ. Наконецъ, составленный планъ военныхъ дѣйствій на каждый годъ, соображаясь со свѣдѣніями отъ мѣстнаго Кавказскаго Начальства, утверждался въ кабинетѣ Государя, и предписывался къ исполненію на мѣстѣ. Покойный Государь, при своей прозорливости и высокихъ дарованіяхъ, имѣлъ тоже слабость думать, что, разъ окинувъ своимъ орлинымъ взоромъ страну или какое либо дѣло, онъ проникалъ во всѣ подробности онаго и лучшимъ былъ судьей при рѣшеніи обсуждаемыхъ вопросовъ: при характерѣ Николая Павловича трудна была борьба съ его убѣжденіями. Такимъ образомъ составлялись ежегодно программы военныхъ дѣйствій на Кавказѣ, гдѣ до мельчайшихъ подробностей даже назначались части войскъ въ составъ отрядовъ, имѣвшихъ принимать участіе въ экспедиціяхъ. Тогдашніе Корпусные Командиры, какъ Головинъ, а впослѣдствіи и достойный Александръ Ивановичъ Нейдгартъ, лишенные самостоятельности, подъ гнетомъ все-сильнаго въ то время военнаго Министра Александра Ивановича

\*) Пятница. Магометанскій сжеведѣльный праздникъ, соотвѣтствующій нашему Воскресенью.

\*\*) Война противъ невѣрныхъ по законамъ юридикзма.

Чернышева, должны были слѣпо исполнять заданную программу. Рѣдко когда возраженія ихъ противъ того или другого неправильнаго дѣйствія были принимаемы въ уваженіе. На Кавказъ въ Главную Квартіру и въ отряды, во время экспедиціи, посылались облеченныя довѣріемъ Министерства лица, которыя столько же стѣсняли какъ корпуснаго Командира, такъ и Начальниковъ отрядовъ, сколько содѣйствовали ложнымъ взглядамъ военного Министерства на положеніе дѣлъ на Кавказѣ. Масса молодыхъ офицеровъ изъ Гвардіи, ежегодно участвующихъ въ экспедиціи, съ самопадѣянностью молодости судили, по возвращеніи въ Петербургъ, о положеніи края и дѣйствіяхъ начальниковъ, и на основаніи подобныхъ непрочныхъ данныхъ составлялись опять планы будущихъ дѣйствій. Главною руководящею мыслью въ Петербургѣ было мнѣніе, что при распространеніи юридикзма между горцами слѣдовало проникать въ укрѣпленные притоны горцевъ, разорять ихъ и тѣмъ наносить рѣшительные удары непріятелю. Затѣмъ строго наказывать прежде мирныхъ, а потомъ приставшихъ къ Шамилю жителей Кавказа и тѣмъ доказать имъ, что мнимая неприступность ихъ убѣжищъ не можетъ укрыть ихъ отъ побѣдоноснаго штыка нашихъ войскъ. — Все рассчитывалось на нравственное вліяніе нашихъ дѣйствій на горцевъ, и зато какъ щедро злоупотребляли этими выраженіями въ офіціальныхъ реляціяхъ Кавказа того времени. — Всѣ эти предположенія должны были весьма естественно страдать отсутствіемъ всякой послѣдовательности и системы. Центры возстанія мѣнялись, войска наши, исполнивъ съ огромными потерями предписанную программу, возвращались обратно съ большимъ урономъ, преслѣдуемая непріятелемъ. Бѣжавшіе, при наступленіи нашихъ войскъ, жители вновь возвращались на прежнія мѣста подъ власть того же Шамиля, которую онъ умѣлъ поддерживать возбужденіемъ религіознаго фанатизма и строгими наказаніями, а наши кратковременныя движенія во внутрь страны никакъ не могли поколебать впечатлѣнія подобныхъ дѣйствій Имама.

Къ подобнымъ безцѣльнымъ, отчасти и пагубнымъ для нашего оружія и даже вліянія, экспедиціямъ можно отнести штурмъ Ахульго 1839 г., экспедицію Генерала Галафѣева въ Чечнѣ, бой при Валерикѣ въ 1841 г., неудачную экспедицію въ Ичкерію Генерала



Граббе въ 1842 г. и, наконецъ, ознаменованную столь тяжкими потерями и отсутствіемъ всякихъ результатовъ экспедицію графа Воронцова въ Дарго, предпринятую имъ по прежде составленному плану, въ исполненіе непреклонной воли Государя Николая Павловича, при незнаніи графомъ настоящаго положенія дѣлъ на Кавказѣ. Во всѣхъ этихъ экспедиціяхъ въ Чечнѣ и части Дагестана все рассчитывалось на нравственное вліяніе и на безсиліе Шамиля къ защитѣ горцевъ, признавшихъ его власть, но не могли понять того, что невозможность наша держаться въ пройденной нами странѣ и отступление (сопряженное обыкновенно съ значительными потерями нашими) возвышало духъ горцевъ и значеніе самого Шамиля. Оставленные нами мѣста немедленно занимались непріятелемъ, а раззореніе жителей возбуждало ихъ фанатизмъ, чѣмъ пользовался Шамиль. Это вызывало смѣлые набѣги горцевъ на наши линіи, которыя они постоянно держали въ тревогѣ, утомляя войска наши необходимыми передвиженіями. вмѣстѣ съ тѣмъ, Шамиль строго наказывалъ хотя временно покорныя намъ племена, которыхъ мы, по недостатку войскъ и отсутствію передовыхъ опорныхъ пунктовъ, не въ состояніи были защищать отъ раззоренія и казней Шамиля.

Другой образъ дѣйствій на Кавказѣ и, именпо, въ Дагестанѣ, болѣе впрочемъ раціональный, состоялъ въ занятіи нѣкоторыхъ частей страны укрѣпленіями съ постоянными гарнизонами — такъ было въ Аваріи. Разбросанные форты въ этой пересѣченной горной мѣстности были построены изъ находящагося подъ руками камня, связаннаго глиной, въ расчетѣ на недостатокъ артиллеріи у непріятели. Отсутствіе всякаго правильнаго обезпеченнаго сообщенія ничтожныхъ командъ этихъ фортовъ съ нашими резервами и операціоннымъ базисомъ были причиною, при общемъ возстаніи горцевъ въ 1843 г., гибели всѣхъ нашихъ Аварскихъ гарнизоновъ. Геройское мужество Кавказскихъ войскъ во время тяжкихъ испытаній 1843 г. не могло удержать за нами Аваріи — мы должны были отступить въ Мехшулинское ханство, и во власть Шамиля, кромѣ взятыхъ орудій, значительнаго числа снарядовъ и боевыхъ припасовъ въ укрѣпленіяхъ, досталось на долго и обладаніе всѣмъ

горнымъ Дагестаномъ, чѣмъ значительно поколебалось наше вліяніе и на всю восточную часть Кавказа до самаго Каспія.

Болѣе послѣдовательный образъ дѣйствія былъ предпринятъ на восточномъ берегу Чернаго моря. При генералѣ Раевскомъ началось систематическое занятіе Черноморской береговой линіи фортами, и крейсерскія эскадры нашего Черноморскаго флота поддерживали нашу власть въ этой части Кавказа прекращеніемъ сношеній Черкесовъ съ Турціей. — Но здѣсь военныя цѣли были второстепенныя; слабые наши гарнизоны, изнуренные болѣзнями, лишены были всякой подвижности, и при страшныхъ лишеніяхъ и страданіяхъ охраняли только занимаемые ими пункты. Главною цѣлью нашихъ дѣйствій было прекращеніе торгова невольничества съ Турціей и воспрепятствованіе доставленія Черкесамъ боевыхъ снарядовъ и соли. Надобно также сказать, что населеніе праваго фланга, отдѣленнаго нашими владѣніями и Кабардой отъ восточнаго Кавказа, было совершенно чуждо вліянію мюридизма, который къ нему нисколько не прививался; общей главы и руководителя между населеніемъ праваго фланга не было, отдѣльныя племена между собой не имѣли никакой солидарности. Образъ правленія въ этихъ обществахъ былъ совершенно различный: отъ аристократической формы правленія у Абазеховъ до республиканской Бжедуховъ. Со всѣми возможными оттѣнками всѣ образы правленія встрѣчались между горцами праваго фланга, безъ всякаго между ними единства. О военномъ положеніи этой части Кавказа, какъ и о прежнихъ экспедиціяхъ на правомъ флангѣ генерала Вельяминова, я не намѣренъ упоминать.

## ГЛАВА II.

Характеристика Кавказскаго войска. — Отношеніе къ „Россійскимъ“. — Солдатское хозяйство. — Типъ Кавказскаго офицера. — Разжалованные. — Кавказскій солдатъ. — Отношенія между офицерами и солдатами. — Дисциплина. — Отношенія къ туземцамъ. — Положеніе семейныхъ офицеровъ. — Общественная жизнь. — Владикавказъ и Темиръ-Ханъ-Шура.

Въ экспедиціи 1845 г. въ первый разъ пришлось мнѣ столкнуться съ Кавказскимъ солдатомъ и офицеромъ, ознакомиться съ

понятіями и бытомъ этого славнаго типа Русскаго воина, со всѣми его доблестями и недостатками, и съ особенностями Кавказской жизни, съ которой я такъ сроднился, которую такъ полюбилъ и которая, несомнѣнно, составляетъ самую свѣтлую и дорогую воспоминаніями сторону моей военной служебной дѣятельности.

Особенный типъ Кавказскаго солдата и офицера былъ выработавъ тѣми условіями, въ которыхъ находился въ то время Кавказъ. Самыя темныя и даже предосудительныя стороны этого типа имѣли свою неизбѣжную причину въ обособленіи Кавказа, въ томъ отчужденіи, въ которомъ находились славные Кавказцы того времени отъ прочей военной русской семьи. Всѣ подвиги самоотверженія, всѣ лишенія, которымъ подвергались Кавказскія войска, неизвѣстны были Россіи. Скудныя награды за совершенные подвиги не могли служить поощреніемъ военныхъ доблестей: награды эти получались спустя годъ и даже болѣе послѣ представленія къ онымъ и весьма часто не заставляли уже въ живыхъ лицъ удостоиваемыхъ. — Что же могло поддерживать ту доблесть, тѣ чувства Кавказскаго корпуса, которыя составляли изъ Кавказскаго солдата положительно лучшее войско въ мірѣ, если не чувство той дружбы, той боевой связи, которыя соединяли Кавказскую армію въ одну сплоченную семью, гдѣ одобреніе товарищей и чувство исполненія священнаго долга передъ отечествомъ и мундиромъ, который считалъ каждый за счастье и особую честь носить, было единственнымъ побужденіемъ къ совершенію подвиговъ. Эти понятія были даже традиціонны въ Кавказской арміи: во времена Ермолова никакая награда не считалась выше благодарности любимаго и достойнаго этого начальника, изъясненной въ приказѣ по корпусу. Впрочемъ, въ то время рѣдко получались и награды; ежели въ послѣдствіи, при князѣ Паскевичѣ, щедрою рукою разсыпались награды за Турецкую и Персидскую войны, то съ отъѣздомъ его это вновь прекратилось, и только въ послѣдующія времена сдѣлалось явленіемъ обыкновеннымъ. Награды и повышенія въ мирное время получили теперь характеръ какого-то бюрократическаго, какъ-бы законнаго права, за военныя же дѣйствія награды, бывшія одно время исключительно почти достояніемъ командируемыхъ изъ Пе-

тербурга лицъ, въ послѣдствіи, при щедрости раздачи, потеряли прежнее свое значеніе въ глазахъ арміи, а въ послѣднее время открыли обширное, безконтрольное поприще интригажъ, гдѣ число наградъ означало не дѣйствительные подвиги или успѣхъ, а желаніе главнаго начальника дать большее или меньшее значеніе тому дѣлу, по которому дѣлалось представленіе.

Обращаюсь къ 1845 г. То обособленіе, въ которомъ находилась тогда Кавказская армія, заставляло Кавказцевъ, совершенно неосновательно и частью несправедливо, съ презрѣніемъ смотрѣть на всѣ войска, приходящія изъ Россіи, и на всѣхъ лицъ, не принадлежащихъ къ Кавказской семьѣ и пріѣзжавшихъ временно въ Кавказскія экспедиціи. Неопытность войскъ, пришедшихъ изъ Россіи (въ то время командированъ былъ на усиленіе 5 корпусъ), незнаніе ими условій тогдашней войны и хозяйственнаго быта полковъ, а также характера туземцевъ, ставили войска эти въ самыя неблагопріятныя условія, подвергавшія ихъ несравненно большимъ лишеніямъ, чѣмъ обжившихся въ этомъ краѣ Кавказцевъ. Въ дѣлахъ военныхъ весьма понятная неопытность этихъ войскъ подвергала ихъ также потерямъ и неудачамъ, которыхъ Кавказскіе полки умѣли осторожно и ловко избѣгать. Все это обращалось къ несправедливому мнѣнію Кавказцевъ о достоинствахъ пришедшихъ войскъ. На мѣсто должнаго сочувствія, „россійскія войска“, какъ ихъ тогда называли, принимаемы были, ежели не враждебно, то во всякомъ случаѣ равнодушно и безучастно. Я былъ свидѣтелемъ во время Даргинской экспедиціи возмутительнаго факта. Раненный я пробирался по чащѣ лѣса 16 Іюля, при слѣдованіи изъ Дарго въ Герзель-ауль нашего отряда, и видѣлъ, какъ одна рота Кабардинскаго полка бросилась въ чащу лѣса на выручку Куринской цѣпи, предполагаемой въ этомъ мѣстѣ, на которую въ то время бросились въ пашки Чеченцы, и какъ Кабардинскій унтеръ-офицеръ, вскочивши на заваленное дерево въ лѣсу, закричалъ бѣжавшимъ въ гору утомленнымъ товарищамъ: „легче шагъ, ребята, это не наши родные Куринцы, а російскіе“. Въ то время въ цѣпи находилась случайно рота Замостваго Егерскаго полка (5 корпуса), которую, впрочемъ, тутъ-же съ одушевленіемъ

выручили Кабардинцы. Весьма ясно, насколько это отчасти понятное, по никакъ не могущее быть оправданнымъ, отношеніе Кавказцевъ къ пришедшему изъ Россіи 5-му корпусу дѣйствовало на духъ этихъ войскъ, и насколько глубоко этимъ огорчился достойный командиръ 5 корпуса Генералъ-адъютантъ А. Н. Лидерсъ. Большая часть 5 корпуса въ 1846 году осталась на Кавказѣ и составила новыя дивизіи и полки Кавказскаго корпуса, одни кадры возвратились въ Россію.

Странно, что съ той минуты, какъ тѣ же люди и тѣ же офицеры надѣли Кавказскій мундиръ, они немедленно сошлись съ Кавказской военной семьей и пользовались, скажу, даже особою заботливостью и сочувствіемъ старыхъ Кавказцевъ, какъ старшихъ братьевъ своихъ. Надобно также сказать, что нѣкоторые начальники въ 5 корпусѣ, пропитанные ремесловымъ духомъ того времени въ Россіи, и корыстнымъ направленіемъ своимъ много способствовали лишеніямъ и даже упадку духа ввѣренныхъ имъ частей и дѣйствіями своими вліяли на то мнѣніе, которое сложилось между Кавказцами о русскійскихъ начальникахъ. Мнѣ памятенъ рапортъ Кавказскаго Генерала Лабинцова, временно начальствовавшаго въ Темиръ-Ханъ-Шуръ въ 1846 году, къ Главнокомандующему князю Воронцову о двухъ командирахъ—Брестскаго и Бѣлостокскаго полковъ. Онъ писалъ въ официальной бумагѣ съ обычною ему рѣзкостью: „полковники Владиміровъ и Фонъ-Лейнъ <sup>1)</sup>, опасаясь скорого производства въ Генералъ-Маіоры, не отпускаютъ ни положеннаго провіанта, ни вещевого довольствія чинамъ своихъ полковъ, пришедшихъ въ положительную нищету“ и т. д. въ этомъ смыслѣ. По производствѣ дознанія, оба полковые командиры были отрѣшены кн. Воронцовымъ отъ командованія, что крайне непріятно отозвалось на отношеніяхъ его съ Генераломъ Лидерсомъ.

Для характеристики тогдашняго хозяйства Кавказскихъ солдатъ приведу слышанный мною оригинальный разговоръ въ Ташки-чу на квартирѣ, отведенной мнѣ у фельдфебеля. Мы сидѣли вечеромъ за ужиномъ съ хозяевами фельдфебелемъ и фельдфебельшей; вхо-

<sup>1)</sup> Старые полковники, ожидавшіе производства въ генералы и послѣдствія онаго—сдачи командуемыхъ ими полковъ.

дять въ сосѣдную компану нѣсколько солдатъ, а съ ними армянинъ. Къ нимъ выходитъ за перегородку фельдфебель, и разговоръ идетъ о продажѣ ротнаго провіанта армянскому прикащику какого-то подрядчика. Сдѣлка совершается, только фельдфебель объявляетъ, что прежде надо доложить ротному командиру и спросить его согласія. Количество провіанта, сколько мнѣ помнится, было довольно значительно. По возвращеніи фельдфебеля къ ужину, спрашиваю я, какой это солдатскій провіантъ можетъ продаваться въ такомъ количествѣ, и чѣмъ же будутъ продовольствоваться солдаты?— „Это, Ваше Благородіе, провіантъ каноническій“,—отвѣчаетъ онъ.— „Какой каноническій?“,—спрашиваю я въ недоумѣніи, и получаю въ отвѣтъ: „Хульгинскій“. Дѣло въ томъ, что этотъ провіантъ требовался въ часть съ 1839 года на людей, убитыхъ въ Ахульго, и составлялъ экономическій запасъ роты, которая на вырученныя деньги улучшала свое продовольствіе и удовлетворяла своимъ другимъ хозяйственнымъ потребностямъ.

Какъ ни кажется безобразнымъ въ настоящее время подобное злоупотребленіе, но въ тѣ времена это явленіе вполне объяснялось. Скудное содержаніе, отпускаемое солдатамъ, неправильность и несвоевременность доставки, а иногда и недоброкачественность отпускаемаго провіанта съ одной стороны, а съ другой—непредвидѣнные расходы, сопряженные съ постоянными передвиженіями войскъ, необходимость держать большое количество ротныхъ лошадей, иногда и воловъ, для обработки ротныхъ огородовъ, возки дровъ и другихъ тяжестей, по необходимости заставляли пріискивать особья, не положенныя закономъ, средства для удовлетворенія этихъ неотложныхъ потребностей. Благодаря этимъ незаконнымъ мѣрамъ, хозяйственный бытъ кавказскихъ солдатъ положительно былъ несравненно лучше положенія солдатъ въ Россіи. Роты имѣли отличные огороды, всѣ хозяйственныя принадлежности, строили обыкновенно себѣ бани на свой счетъ, держали свиней—все это доставляло имъ возможность имѣть на мѣстѣ отличную пищу, улучшаемую, по-правдѣ сказать, иногда и мародерствомъ. Въ походахъ, особенно когда часть становилась лагеремъ на продолжительное время, при постройкѣ укрѣпленій, постовъ и станицъ,

роты изъ штабъ-квартиръ своими средствами привозили свѣжія овощи, сало, солонину, свиней и проч. „Каноническій“ провіантъ въ этихъ случаяхъ и служилъ главнымъ подспорьемъ солдатскаго хозяйства.

Страдала, разумѣется, казна, но странныя въ то время были понятія у кавказцевъ, какъ солдатъ, такъ и офицеровъ. Надуть казну, а особенно интендантское и провіантское управленіе, такъ постоянно надувающихся войска, считалось дѣломъ обыкновеннымъ, когда особенно это дѣлалось въ пользу солдата.

Вообще надобно сказать, что начальники частей и полковые командиры имѣли въ то время большіе доходы отъ полковъ; пріобрѣталось это неправильнымъ требованіемъ аммуниціи и провіанта, представленіемъ, по возможности, въ каждомъ дѣлѣ свидѣтельствъ на убитыхъ лошадей, пропавшую аммуницію, которыя въ сущности находились налицо. По такимъ свидѣтельствамъ и получались, сдѣлкою съ комиссаріатомъ, деньги на мнимо утерянныя вещи. Какъ часто, напримѣръ, получались квитанціи на утраченные въ дѣлѣ ранцы или папахи, между тѣмъ какъ всѣмъ извѣстно было, что въ походахъ ни ранцевъ, ни папахъ солдаты никогда не носили. Но по большей части всѣ получаемые полковыми командирами такими неправильными продѣлками доходы оставались въ полку; много шло на улучшеніе быта солдатскаго, жилось безпечно, широко, со дня на день, гостепріимство было на самую широкую ногу. Полковой командиръ обыкновенно держалъ у себя столъ для возможно большаго числа офицеровъ. Считалось обычаемъ угощать проходившія черезъ штабъ-квартиры части другихъ полковъ; всѣ проѣзжіе по Кавказу, за немѣнѣемъ гостинницъ, останавливались въ домѣ старшаго Начальника укрѣпленія, никогда не спрашивая дома или пѣтъ хозяинъ.—Солдатамъ своимъ для зимнихъ экспедицій полковые командиры шили на свой счетъ полушубки, не говоря о другихъ болѣе мелкихъ пожертвованіяхъ къ улучшенію быта солдата.—Самыя же части, роты одного полка, вели дружбу (куначество) съ другимъ полкомъ, и ежели часть кунаковъ проходила черезъ расположеніе другого полка, то обыкновенно каждая рота или эскадронъ угощали соотвѣтственную имъ часть: вы-

тапливали бани, кормили на свой счет артельных лошадей, иногда даже снабжали кунаковъ капустой, саломъ, лукомъ для предстоящаго похода. Эта отличительная черта обычаевъ кавказскихъ войскъ того времени долго еще сохранялась. Такъ, напримѣръ, Нижегородскіе драгуны имѣли кунаками Кабардинцевъ, Апшеронцевъ, Эриванцевъ, Ширванцевъ, а впослѣдствіи и Самурцевъ. Это куначество имѣло основаніемъ поддержку и услуги, оказанныя этими полками драгунамъ въ извѣстныхъ дѣлахъ и битвахъ. Такое боевое братство существовало и въ другихъ полкахъ и поддерживалось не только между нижними чинами, но и между офицерами этихъ полковъ; отношенія эти составляли одну изъ самыхъ дорогихъ и теплыхъ связей прежнихъ Кавказцевъ.

Въ продолженіе долголѣтней моей Кавказской службы во всѣхъ родахъ войскъ я имѣлъ случай ближе ознакомиться, сродниться даже, со многими кавказскими понятіями и вполне оцѣнить, несмотря на нѣкоторые недостатки, этотъ славный, особенный, въ настоящее время исчезающій, типъ Кавказскаго офицера. Постараюсь описать его въ настоящей главѣ, чтобы не возвращаться къ нему впослѣдствіи. Общій духъ, общій интересъ связывали между собою офицеровъ Кавказскаго корпуса; разнородныя понятія, воспитаніе—все это сглаживалось походною боевою жизнью, одинаковыми лишеніями, опасностями, которыя каждый испытывалъ наравнѣ съ прочими товарищами. Являлось чувство собственнаго довольства, сознанія достоинства при исполненіи труднаго долга во всевозможныхъ случаяхъ, гдѣ приходилось офицеру выказать свою смѣлость, свое самоотверженіе. Самый характеръ войны съ горцами, дѣйствія партизанскими командами, безпрестанныя стычки мелкихъ отрядовъ почти на каждомъ шагѣ, за предѣлами укрѣпленій, съ неувимымъ непріателемъ,—все это заставляло мыслить, соображать, распоряжаться и вмѣстѣ съ тѣмъ развивало извѣстную удалъ въ офицерахъ, нерѣдко переходящую границы благоразумія. Особенно молодые офицеры заражались этимъ духомъ предпримчивости, пренебреженія опасности; дальнѣйшая служба, сознаніе отвѣтственности при командованіи частями, умѣряла потомъ эти порывы молодости, и старые офицеры Кавказа отличались особымъ



хладнокровіємъ и осторожностью въ дѣлахъ, не предаваясь запальчивости, которая такъ часто вредила успѣху.

Опытъ боевой, ознакомивъ ихъ съ военными приѣмами хитраго и неуловимаго непріятеля, указывалъ, именно, когда слѣдовало жертвовать, и иногда цѣлою частью, для спасенія остальныхъ, и когда, не увлекаясь мнимымъ пораженіемъ непріятеля, избѣгать ловко устроенныхъ засадъ чеченцевъ. Вся обстановка, обуславливающая жизнь Кавказскихъ офицеровъ, не могла не налагать особую печать на ихъ нравы и новятія. Рѣзкость и грубость соединялись съ непритворнымъ гостепріимствомъ, добродушіемъ, чувство товарищества сильно развито было между офицерами, и являлась какая-то солидарность между военными всѣхъ оружій, при неумѣстномъ пренебреженіи ко всему, что не имѣло чести, принадлежать къ составу Кавказскаго корпуса.

Кавказъ, какъ мѣсто ссылки, былъ постоянно наводняемъ разжалованными изъ арміи офицерами. Количество таковыхъ было очень значительно; вообще къ нимъ относились чрезвычайно сочувственно, гуманно, помогали имъ въ пущахъ; офицеры ихъ принимали во время походовъ и стоянокъ въ свои палатки, а начальники всегда старались давать этимъ лицамъ случай отличія и представляли къ возвращенію утраченнаго. Многія славныя личности выработались на Кавказѣ изъ разряда разжалованныхъ и именами ихъ съ справедливостью можетъ гордиться Кавказъ. Другія, болѣе безвѣстныя личности, дослужившись до офицерскаго чина, оставляли при первой возможности службу. Наконецъ, третьи, и такихъ было много, совершенно теряя свое достоинство, спивались съ кругу, впадали въ новыя преступленія и кончали свою жалкую жизнь, не пользуясь ни сочувствіемъ, ни даже сожалѣніемъ. Всѣ эти типы, вѣроятно, встрѣтятся въ разсказахъ моихъ и я упомяну о нѣкоторыхъ въ свое время.

Къ сказанному слѣдуетъ прибавить нѣсколько словъ о своеобразномъ и почтенномъ особенномъ типѣ Кавказскаго солдата того времени. Срокъ солдатской службы былъ 25-лѣтній вообще, а на Кавказѣ врядъ-ли кто раньше 28 лѣтъ получалъ отставку. Разставшись съ родиной и заброшенный службой на окраину Россіи

въ Азію—„Буссурманію“, какъ солдаты говорили, среди боевыхъ лишній, въ новой для себя обстановкѣ, безъ всякихъ извѣстій съ родины, солдатъ скоро забывалъ свою деревню и семью. Всѣ чувства сосредоточивались въ родной военной семьѣ,—полкъ, батальонъ, интересы, честь, боевая репутація части, къ которой онъ принадлежалъ, составляли гордость солдата; соревнованіе между полками было огромное, даже между частями одного и того же полка, доходившее иногда до непріязненныхъ отношеній. Часто слышны были попреки одной части другой въ томъ, что тогда-то 10, 15 лѣтъ назадъ не поддерживали въ время товарищей. Всѣ эти преданія, традиціи боевыхъ подвиговъ какъ частей, такъ и отдѣльныхъ личностей, передавались солдатамъ отъ старыхъ служивыхъ.

Въ каждомъ полку, въ каждой части были такіе живые памятники прежнихъ доблестей. Стариковъ этихъ можно было бы уподобить съ типомъ „vieux grognards“ Наполеоновской арміи, разумѣется съ особенностями русской натуры. Они пользовались особымъ уваженіемъ солдатъ и офицеровъ, которые берегли ихъ, относились къ нимъ съ почтеніемъ, старались облегчить часто непосильные, по ихъ лѣтамъ, труды походной жизни. Смерть такого солдата составляла истинное горе части. Я помню, какъ въ Андіи гр. Воронцовъ, гуляя по лагерю, подошелъ къ котлу Кабардинской роты, около котораго толпились солдаты, и ласково разговаривая съ однимъ изъ стариковъ о прежнихъ его походахъ, спросилъ, какъ его зовутъ. Солдатъ отвѣчалъ графу (только что прибывшему на Кавказъ): „какъ же Вы меня не знаете? Весь полкъ и весь Кавказъ знаютъ Бандуру“. Этотъ гордый отвѣтъ крайне понравился Воронцову, столь высоко цѣнившему военную доблесть и проявленіе военнаго духа въ арміи. Кавказская война своими особенностями естественно развивала въ солдатахъ смѣтливость, самостоятельность, чувство собственного достоинства, которое не забивалось фронтовыми, ремесловыми требованіями, и это также поддерживалось относительной свободой солдата по возвращеніи въ штабъ-квартиры, а главное тѣми семейными, товарищескими отношеніями, которыя созданы были постоянною опасностью и боевою солидарностію между офицерами и солдатами. Очень много солдатъ, по

полученіи отставки или за увѣчьями, ранами, не возвращались на родину, оставаясь навсегда на Кавказѣ, и составляли населеніе форштатовъ и слободокъ при укрѣпленіяхъ и штабъ-квартирахъ. Такому ветерану офицеры и рота помогали выстроить домъ, завести хозяйство и такимъ образомъ старики, не разлучаясь со своими частями, продолжали своими разказами поддерживать духъ славнаго родного своего полка.

При послѣдующемъ изложеніи моихъ воспоминаній постараюсь въ своемъ мѣстѣ упомянуть о типахъ, болѣе характеризующихъ сказанное мною о Кавказскомъ солдатѣ того времени.

Отношенія между солдатами и офицерами выработались постоянною боевою службою, лишеніями, которыя всегда офицеры гордились раздѣлять съ солдатами, сочувствіемъ ихъ радостямъ и горю. Солдаты съ своей стороны любили и берегли большую часть своихъ офицеровъ и крайне ими гордились; всѣ недостатки, пороки даже многихъ изъ нихъ, прощались въ уваженіе храбрости, простоты въ обращеніи и какого-то задухшевнаго товарищества съ солдатомъ при извѣстныхъ случаяхъ. Такъ, напримѣръ, на полковыхъ праздникахъ, кутежахъ, офицеры, обнявшись съ солдатами, раздѣляли общій разгулъ, пѣли въ хорахъ, плясали вмѣстѣ съ солдатами; даже старшіе начальники въ этомъ случаѣ подражали молодежи, и нравы эти должны были сильно поражать воспитанныхъ на ремешковой дисциплинѣ Петербургскихъ посѣтителей. Замѣчательно, что отношенія эти нисколько не вредили дисциплинѣ и смѣло можно сказать, что собственно въ смыслѣ строгой боевой дисциплины Кавказское войско представляло собой разительный примѣръ въ сравненіи съ остальною арміею въ Россіи. Никогда почти не было случая неисполненія приказанія и неисправности въ отправленіи службы; въ караулѣ, на пикетахъ стояли въ рубахахъ, офицеры иногда въ фантастическихъ костюмахъ, солдатъ говорилъ съ офицеромъ, иногда не вынимая трубки изъ зубовъ, но всѣ проникнуты были чувствомъ долга и исполняли осмысленно, усердно и безпрекословно службу, довѣряя вполнѣ распоряженіямъ начальниковъ, заслуживавшихъ ихъ уваженія.

Разъ, помню я, при штурмѣ Дарго, когда мы подходили къ

завалу, въ нѣсколько рядовъ амфитеатромъ преграждавшему намъ дорогу и переполненному горцами, съ приготовленными противъ насъ ружьями, Генераль Лабинцовъ остановилъ на ружейный выстрѣлъ, сколько мнѣ помнится, 2-й баталіонъ Кабардинскаго полка, шедшій во главѣ колонны, и вызвалъ взводъ этого баталіона. Какъ теперь вижу молоденькаго офицера, имъ командовавшаго. Генераль приказалъ взводу, состоящему изъ нѣсколькихъ десятковъ чело-вѣкъ, штурмовать заваль. Офицеръ съ удивленіемъ выслушалъ это приказаніе. Лабинцевъ тогда сказалъ: „прохвость (любимое его выраженіе), молокососъ, у тебя молоко на губахъ не обсохло, ты здѣшной войны не знаешь. Вы броситесь въ штыки штурмовать, эти дураки на васъ всѣ свои ружья разрядятъ, мы будемъ кричать ура и бросимся за вами, покуда они не успѣютъ вновь зарядить ружья—вся потеря одного только взвода“. Какъ офицеры, такъ и вся эта колонна, состоявшая изъ старыхъ кабардинцевъ, вполне одобрили это распоряженіе. Солдаты говорили: „старый песъ знаетъ свое дѣло“. Со словами: „съ Богомъ, маршъ“—бросился взводъ на завалы... Большая часть людей выбыла изъ строя, офицеръ убитъ, а вся колонна прошла безъ потери, какъ предполагалъ опытный Лабинцевъ.

Въ Кавказскихъ войскахъ того времени мало или почти не употреблялось тѣлесное наказаніе, столь щедро разсыпавое въ то время въ Россіи на солдатскихъ спинахъ. Наказывали жестоко, но когда наказывали, то болѣе за воровство именно у товарищей. Снисходительно смотрѣли на мародерство, даже, къ сожалѣнію, на воровство въ другихъ не купатскихъ частяхъ войскъ. За фронтъ и на ученіяхъ никогда не наказывали.

Помнится поручикъ Эссенъ Куринскаго полка, въ этомъ чинѣ нѣсколько разъ разжалованный (онъ былъ поручикомъ въ 1814 году въ Парижѣ); въ описываемое время онъ командовалъ ротой и просилъ, стоя на позиціи въ Мичикалѣ въ 1845 г., у командовавшаго баталіономъ полковника Флигель-адъютанта гр. Бенкендорфа (прибывшаго изъ С.-Петербурга) поставить засаду къ роднику въ оврагѣ, пользуясь весьма туманной ночью. Когда графъ спросилъ, съ какою цѣлью, то Эссенъ отвѣтилъ, что къ этому род-

нику ходять Апшеронцы, стоявшіе лагеремъ въ одномъ отрядѣ, и что въ прошломъ году они украли и съѣли быка его роты, и что за это слѣдуетъ ихъ проучить нѣсколькими пулями. Можно себѣ представить удивленіе Бенкендорфа. Таковы были нравы, таковы понятія этого времени.

Кулачная расправа дѣйствительно встрѣчалась, но и то скорѣе во время жаркаго дѣла, или при нетрезвомъ состояніи офицеровъ; но часто мнѣ случалось видѣть, что офицеръ, несправедливо ударившій солдата, тутъ же при всѣхъ обнималъ его, говоря: „виновать, заслужу тебѣ это въ первомъ дѣлѣ“, — такъ что этимъ никто не обижался. Ежели гдѣ тѣлесныя взысканія встрѣчались, то это въ новыхъ полкахъ, сформированныхъ изъ 5 корпуса, и офицеры, вновь переведенные изъ Россіи или долго служившіе внѣ Кавказа, позволяли себѣ пользоваться этимъ гнуснымъ правомъ.

Солдаты ихъ не любили; особенно они ненавидѣли манеру попрекать послѣ наказанія припоминаніемъ проступка и, вообще, мелочное, придирчивое къ нимъ отношеніе начальства. Болѣе всего офицеры изъ нѣмцевъ держались этой, столь ненавистой русскому духу, системы.

Бывали примѣры, что во время дѣла, въ цѣпи, въ лѣсахъ чеченскихъ, ожесточенные солдаты пускали пулю въ такихъ офицеровъ; никто, разумѣется, этого не могъ доказать, — но всѣ знали, что эти случаи бывали.

Но все это было исключеніе, — общая связь офицеровъ съ солдатами была самая теплая, самая трогательная даже. Упомяну объ одномъ примѣрѣ, такъ какъ примѣрами можно лучше всего характеризовать это время. — Я зналъ хорошо въ Мингрельскомъ полку извѣстнаго капитана Ветчея, командира I-й карабинерной роты. Это былъ старый уланскій офицеръ съ 1828 года, оставшійся отъ прежняго своего полка на Кавказѣ, не сдѣлавшій, какъ видно, карьеры, но любимый всѣми за свою удачу, замѣчательную храбрость и добрѣйшее сердце; онъ вмѣстѣ съ тѣмъ любилъ выпить и страшный былъ картежникъ. Во время упоминаемаго событія, онъ находился съ ротою въ штабъ-квартирѣ полка — въ Карабахѣ въ урочищѣ Ханкенды; онъ имѣлъ тамъ домъ, гдѣ номѣщалось довольно многочисленное семейство его, обыкновенное офицерское

хозяйство, и жилъ при тогдашнихъ условіяхъ въ достаткѣ. Въ то время стояла также въ Ханкендѣ батарея артиллеріи и между офицерами велась сильная картежная игра. Ветчей въ одинъ вечеръ проигралъ свой домъ и свое достояніе; наконецъ, взялъ ротный ящикъ и проигралъ всѣ солдатскія деньги. Затѣмъ около 2-хъ часовъ ночи онъ пошелъ прямо въ казармы, поднялъ на ноги обожавшую его роту и разсказалъ о всемъ случившемся. „Утромъ, говорилъ онъ, отправлюсь къ командиру полка и предамъ себя суду, но прежде всего хочу покаяться передъ вами. Простите меня, ребята, я съ вами всегда дѣлилъ горе и радость, не откажите мнѣ въ милости, которую со слезами прошу у васъ: когда буду разжалованъ, не откажите меня принять въ ваши ряды солдатомъ, честною смертію предъ вами искуплю свой грѣхъ“. Солдаты, рыдая, бросились обнимать капитана, который, разстроганный этой сценой, въ волненіи вернулся домой и началъ уже писать рапортъ полковому командиру. Черезъ нѣсколько времени стучатся въ его дверь: входитъ фельдфебель. „Ваше благородіе, пришелъ отъ роты; больно жаль Васъ, собрали, что было у насъ, денегъ (при этомъ онъ даетъ мѣшокъ съ пятаками и мелочью), идите опять играть—Богъ поможетъ отыграться“. Тутъ непростительный поступокъ Ветчея: онъ бѣжитъ опять играть, отыгрываетъ все и, сколько мнѣ помнится, до 700 руб. чистаго выигрыша; на разсвѣтъ бѣжитъ опять въ казармы, гдѣ вся рота, не спавши, съ волненіемъ спрашиваетъ: „что, Ваше благородіе, помогъ-ли Богъ? А мы за Васъ все время молились“. Ветчей, обвиняясь съ солдатами, разсказываетъ о происшествіи, отдаетъ ротѣ выигранные 700 руб., и тутъ же рѣшено торжествовать это событіе. Неимоверный кутежъ и разгулъ продолжался, кажется, около двухъ дней, въ продолженіе которыхъ капитанъ не выходилъ изъ казармы, вслѣдствіе чего у Ветчея временно была отнята рота и онъ посаженъ былъ на гауптвахту.

Много, очень много могъ бы я привести подобныхъ случаевъ для характеристики тогдашнихъ отношеній офицеровъ съ солдатами.

Между Кавказскими солдатами и казаками существовалъ еще обычай, заимствованный изъ горскихъ нравовъ: считать самымъ большимъ позоромъ оставлять въ рукахъ горцевъ тѣла убитыхъ

товарищей (я не говорю уже о начальникахъ и офицерахъ). Благодаря этому обычаю, въ дѣлахъ нашихъ, въ лѣсахъ чеченскихъ и въ горахъ Дагестана, мы теряли всегда значительное число лишнихъ людей. Для того, чтобы вынести раненаго или трупъ убитаго, которыхъ оспаривали горцы, мы всегда теряли безъ нужды нѣсколько своихъ. Выходя изъ дѣла при значительной потерѣ, солдаты говорили: „зато ни одного изъ своихъ ему (Шамилю) не оставили“. И съ какимъ укоромъ встрѣчали они части, не выручившія своихъ убитыхъ или раненыхъ. Я помню, какъ молоденькій офицеръ Масловъ, первый разъ бывшій въ дѣлѣ, прикомандированный къ линейнымъ казакамъ, спросилъ у стараго урядника передъ атакой, что тутъ дѣлать? Урядникъ отвѣчалъ: „только смѣло идите съ нами, Ваше благородіе, а насчетъ того будьте покойны: коли убьютъ, тѣло приставимъ маменькѣ, куда прикажете; такого примѣра въ сотнѣ нашей не было, чтобы оставляли тѣла у горцевъ“. Дѣло однакожъ обошлось совершенно благополучно для Маслова.

Въ 1850 г. въ зимней экспедиціи, подъ начальствомъ князя Барятинскаго, въ Малой Чечнѣ, въ верховьяхъ рѣчки Урусъ-Мартана и Рошни, атаманъ линейныхъ казаковъ, достойнѣйшій Генералъ Феликсъ Антоновичъ Крюковскій съ незначительною командою казаковъ своего конвоя неосторожно занесся въ лѣсъ при атакѣ какого-то аула. Онъ былъ окруженъ непріятелемъ и послѣ упорнаго боя раненъ и изрубленъ Чеченцами. При первомъ извѣстіи объ этомъ истинномъ несчастіи для Кавказской арміи, драгуны и пѣхота бросились къ мѣсту происшествія, завязался самый жаркій бой для обладанія остатками храбраго Крюковского и его казаковъ (весь конвой былъ изрубленъ, прикрывая тѣло своего любимаго начальника). При отступленіи съ значительною потерей кавказцы выносили всѣ трупы падшихъ товарищей. Двоюродный братъ мой Мстиславъ Корсаковъ, юноша, тоже палъ жертвой этого обычая: отступая съ ротою изъ лѣса въ 1851 г., кто-то закричалъ, что осталось тѣло убитаго или раненаго солдата. Рота немедленно бросилась въ штыки въ лѣсъ, выручила тѣло солдата, потерявъ нѣсколько своихъ и вынеся новую жертву—смертельно раненаго пулю въ грудь брата моего.

Вся эта исключительная жизнь Кавказцевъ, развивая военныя доблести и душевныя качества сердца, порождала также своего рода недостатки и пороки. Разгульная жизнь, кутежи и пьянство, картежная игра были послѣдствіемъ однообразныхъ стоянокъ въ лагерѣ и скучной жизни въ крѣпостяхъ, отдѣленныхъ отъ всего остального міра. Но опять таки надо замѣтить, что во время боя, или готовясь къ оному, никогда почти не видно было пьянаго: между кавказцами считалось срамомъ выпить передъ дѣломъ съ цѣлю возбудить въ себѣ храбрость.

Извѣстнаго рода между Кавказскими офицерами (особенно молодыми) ухарство, излишнее хвастовство, а иногда, нужно сказать, и шарлатанство встрѣчались нерѣдко, но послѣ нѣкотораго времени службы эти недостатки изглаживались, и истинно храбрые офицеры всегда отличались необыкновенною скромностью въ отношеніи себя. Зато гордость полка не имѣла предѣла, и каждый считалъ свой полкъ и свою часть лучшими на Кавказѣ. Это, впрочемъ, образовало и тотъ духъ, которымъ такъ отличались Кавказскіе полки.

Извѣстнаго рода грубость нравовъ вырабатывала такъ же эта Кавказская жизнь. Дуэли на Кавказѣ не были очень частымъ явленіемъ, но зато въ запальчивости раны, даже убійства товарища, случались часто. Впрочемъ, всѣ постоянно носили оружіе, азіатскіе кинжалы и пистолеты, за поясомъ. Какой-то офицеръ, возвращаясь изъ экспедиціи, пріѣхалъ вечеромъ въ Кизляръ и попалъ прямо на балъ; онъ тутъ же пригласилъ даму и сталъ танцовать кадрили. Его vis-a-vis, мѣстный засѣдатель суда, возбудилъ, не помню уже чѣмъ, его гнѣвъ, и офицеръ, не долго думая, схватилъ кинжалъ и распоролъ ему животъ. Засѣдателя убрали, пятно крови засыпали пескомъ и балъ продолжался, какъ ни въ чемъ не бывало, но офицера пришлось арестовать и предать суду. Комендантъ Кизляра, который мнѣ рассказывалъ этотъ случай, былъ собственно возмущенъ не самимъ фактомъ, а лишь запальчивостью молодого офицера, который вѣдь могъ же вызвать засѣдателя на улицу и тамъ кольнуть его, и дѣло кануло бы въ воду.

Ежели такъ дешево цѣнилась жизнь русскаго, то можно себѣ представить какую цѣну придавали жизни татарина.



Въ крѣпости Грозной сохранилось преданіе Ермоловскихъ временъ объ одномъ извѣстномъ и любимомъ имъ штабъ-офицерѣ, фамилію котораго я забылъ. Офицеръ этотъ былъ посланъ съ колонною для рубки лѣса въ Хонкальское ущелье; при этомъ случаѣ обыкновенно жители Грозной и всѣ мирные Чеченцы, подѣ прикрѣтіемъ войскъ, запасались дровами. Непріятель сильно атаковалъ наши войска и Алексѣй Петровичъ, слыша перестрѣлку, стоя на бастіонѣ крѣпости, очень беспокоился объ участи колонны. Наконецъ получилъ онъ отъ начальника опой чрезъ латутчика записку, что все благополучно, непріятель отбитъ съ урономъ и оставилъ въ рукахъ нашихъ семь тѣлъ (въ то время былъ обычай приносить головы непріятеля, какъ трофеи). Наконецъ колонна показалась въ виду Грозной. Ермоловъ послалъ благодарить начальника, съ приказаніемъ немедленно къ нему явиться и принести трофеи. Но штабъ-офицеръ совралъ: было всего 4 головы, а соврать Ермолову было преступленіе, которое лишило бы виновнаго всего. Штабъ-офицеръ, не долго думая, велѣлъ сейчасъ же отрубить три недостающія головы у мирныхъ Ногайцевъ, ѣхавшихъ на арбахъ съ казенными дровами; никто противъ этого не протестовалъ, и Алексѣй Петровичъ узнать объ этомъ обстоятельствѣ, какъ онъ мнѣ самъ говорилъ, впоследствии, когда уже былъ въ отставкѣ.

Другой примѣръ распорядительности въ этомъ родѣ Эссена, о которомъ было упомянуто выше. Въ 1847 году, въ чинѣ капитана, по старости лѣтъ онъ былъ назначенъ военнымъ начальникомъ въ укрѣпленіе Умаханъ-юртъ на правомъ берегу Сунжи; на лѣвомъ берегу находился большой мирный чеченскій аулъ Брагунны. По распоряженію начальника лѣваго крыла Кавказской линіи въ то время извѣстнаго Генерала Фрейтага, предписано было Эсену распорядиться о скорѣйшей перевозкѣ казеннаго провіанта въ склады Умаханъ-юртъ.

Перевозку эту взяли на себя мирные Брагунцы и на паромѣ переправляли въ укрѣпленіе чрезъ Сунжу провіантъ. Эссенъ, куря трубку, сидѣлъ на батарее, командующей переправою, и все ругался за медленность доставки и, наконецъ, раздосадованный на паромщиковъ и чеченцевъ, приказалъ зарядить орудіе картечью и выстрѣлить на паромъ въ толпу Брагунцевъ. Нѣсколько человѣкъ

было ранено, трое убито, но зато провіантъ былъ переправленъ съ неимовѣрною скоростью. Эссенъ доносилъ Фрейтагу о происшествіи въ слѣдующихъ словахъ: „переправа и доставка провіанта производилась крайне медленно, но благодаря благоразумнымъ мѣрамъ кротости, я побудилъ Брагунцевъ скорѣе исполнить распоряженіе Вашего Превосходительства, и весь провіантъ доставленъ въ укрѣплѣніе въ цѣлости“.

Никто бы не думалъ жаловаться, если бы Эссенъ не приказалъ взять въ укрѣплѣніе тѣла убитыхъ и запретилъ ихъ выдавать родственникамъ. Робертъ Карловичъ Фрейтагъ похвалилъ Эссена за распорядительность, ничего не подозревая, какъ вдругъ явилась депутація старшинъ Брагунцевъ въ Грозную съ просьбой разрѣшить выдачу тѣлъ родственникамъ. Тутъ все открылось. Эссенъ былъ смѣненъ и потомъ подалъ въ отставку. Разсказъ слышалъ я отъ самого Фрейтага, прибывъ въ Грозную вскорѣ, послѣ означеннаго происшествія.

Тѣмъ не менѣе славная тогда была жизнь на Кавказѣ; невольно увлекаешься тѣми впечатлѣніями, которыя, быть можетъ, поэтизировала наша тогдашняя безпечность и молодость, не прошедшая еще чрезъ испытанія жизни. Никто, я думаю, въ нынѣшнемъ умиротворенномъ Кавказѣ не найдетъ и слѣдовъ того прошлаго, которое я описываю. Интересы цивилизаціи человѣчества въ томъ много выиграли, но врядъ ли теперешній Кавказъ можетъ вырабатывать тѣ характеры и тѣ личности, которыми, благодаря Кавказу того времени, такъ справедливо гордилась наша армія.

Для дополненія очерка тогдашняго быта Кавказской арміи, слѣдуетъ упомянуть о томъ печальномъ и безотрадномъ положеніи, въ которомъ находились семейства тогдашнихъ Кавказскихъ офицеровъ, и о тѣхъ особенностяхъ семейной Кавказской обстановки, встрѣчающихся преимущественно въ штабъ-квартирахъ полковъ и укрѣпленіяхъ, съ ихъ мелкими гарнизонами. Съ пособіемъ, разумѣется, солдатскаго труда, семейный офицеръ въ штабъ-квартирѣ обстраивался обыкновенно на форштатѣ, смотря по средствамъ, болѣе или менѣе приличнымъ домикомъ, подъ крѣпостью имѣлъ свой огородъ и свою долю на полковыхъ покосахъ. Этими скудными средствами содержалось иногда большое семейство, доколѣ

вражеская пуля, поражая главу семьи, не лишала несчастных своей опоры и послѣднихъ средствъ къ существованію.

Въ отдѣльныхъ передовыхъ фортахъ семейства офицеровъ обыкновенно помѣщались въ тѣсныхъ и неудобныхъ, выстроенныхъ изъ камня, глины или турлука, такъ называемыхъ, офицерскихъ флигеляхъ. Постоянно тревожимыя нападеніями непріятеля въ отдѣльныхъ фортахъ, а въ штабъ-квартирахъ, кромѣ того, неизвѣстностью о судьбѣ главы семьи во время продолжительныхъ и отдаленныхъ походовъ, Кавказскія военныя женщины представляли собою самобытный особенный типъ, имѣвшій свои прискорныя стороны, но вмѣстѣ съ тѣмъ выказавшій много доблестей, имъ однимъ свойственныхъ.

Семейными офицерами обыкновенно были лица уже въ извѣстномъ, относительно болѣе обезпеченномъ, положеніемъ, т.-е. не говоря о командирахъ полковъ, командиры батарей и ротъ, и преимущественно штабные, затѣмъ обыкновенно военныя инженеры, комиссаріатскіе чиновники и смотрители провіантныхъ магазиновъ. Это составляло дамское общество штабъ-квартиръ того времени. Наборъ офицерскихъ женъ представлялъ тоже свою своеобразность. Между дамами часто встрѣчались старыя прежнія любовницы офицеровъ изъ солдатскихъ дѣтей форштадтскихъ слободокъ, часть контингента невѣстъ доставлялась дѣтьми офицеровъ, родившимися и выросшими въ укрѣпленіяхъ и штабъ-квартирахъ Кавказа. Затѣмъ, когда дѣйствительно ощущалась военными тружениками Кавказа потребность семейной обстановки, такъ мало сознаваемой при боевомъ разгулѣ тогдашней молодостью, то многіе офицеры отправлялись въ ближайшія, такъ называемыя, образованныя мѣста для пріисканія невѣстъ. Такимъ являлся отчасти городъ Ставрополь, какъ столица Кавказской линіи, а въ особенности городъ Астрахань, гдѣ существовалъ институтъ благородныхъ дѣвицъ. Оригинально было обыкновеніе офицеровъ, испросившихъ отпускъ въ одинъ изъ этихъ городовъ, обращаться къ своимъ непосредственнымъ начальникамъ съ просьбою снабдить формальнымъ разрѣшеніемъ на вступленіе въ бракъ, такъ называемымъ бланкомъ, гдѣ оставлялся пробѣлъ для неизвѣстнаго еще имени невѣсты. Обыкновенно возвращались офицеры уже женатыми изъ подобныхъ отпу-

сковъ, вводя повый элементъ въ монотонную жизнь штабъ-квартиры и укрѣпленій. Офицеры изъ грузинъ и армянъ, которыхъ такъ много было въ полкахъ — особенно Дагестана и Закавказья, отыскивали обыкновенно невѣсть въ Тифлисъ и Закавказскихъ городахъ между своими единоплеменниками. Затѣмъ являлись, какъ исключеніе, образованныя дамы, пріѣхавшія съ мужьями своими, обыкновенно назначаемыми изъ Россіи на болѣе самостоятельныя должности въ полкахъ. Онѣ, по необходимости, должны были подчиняться, а многія и совершенно свыкались съ общею особенностью тогдашней обстановки.

Самое жалкое было положеніе семействъ офицеровъ вновь произведенныхъ изъ Кавказскихъ юнкеровъ. Въ то время юнкера, выслужившіе срокъ въ офицеры, изъ Кавказскихъ полковъ, ежели не были произведены за военныя дѣйствія Главнокомандующимъ, обыкновенно посылались на испытанія и экзаменъ въ резервную Кавказскую дивизію, расположенную въ Таганрогѣ и окрестностяхъ. Здѣсь безъ всякихъ средствъ, отчужденные отъ родныхъ полковъ, подвергались они всевозможнымъ лишеніямъ. Несчастные молодые люди должны были прибѣгать къ долгамъ и, эксплуатируемые кредиторами, обыкновенно домохозяевами, у которыхъ квартировали, они для расчета съ долгами, при производствѣ, общались жениться на дочеряхъ и родственницахъ кредиторовъ. Эксплоатація подобнаго рода была довольно обыкновенна въ Таганрогѣ и Ростовѣ, и можно себѣ представить безвыходное положеніе произведеннаго прапорщика, возвращающагося въ полкъ съ нелюбимой имъ и большею частью старой женой, а иногда и съ дѣтьми. Эти браки назывались на Кавказѣ „женитьба по роспискѣ“.

Изъ всего сказапнаго можно представить себѣ, какой разнородный, пестрый элементъ составляло Кавказское женское общество штабъ-квартиръ. Но безотрадиѣ еще было положеніе несчастныхъ дѣтей тогдашнихъ Кавказскихъ офицеровъ, особенно дѣвушекъ, подверженныхъ всѣмъ случайностямъ отчасти грубой и своеобразной среды, въ которой приходилось имъ жить. Мальчики обыкновенно учились въ полковыхъ канцеляріяхъ, у ротнаго фельдфебеля или подъ руководствомъ кого-либо изъ разжалованныхъ (и это были положительно лучшія въ то время учебныя силы полка). Усвоивши

себѣ съ раннихъ лѣтъ всѣ взгляды тогдашней Кавказской жизни, они поступали въ полки рядовыми или юнкерами, и много выработалось изъ подобныхъ личностей замѣчательныхъ офицеровъ, со всѣми доблестями, а иногда и пороками, кавказцевъ, какъ послѣдствіе окружающей съ рожденія ихъ обстановки.

Незабвенную оставила по себѣ память на Кавказѣ княгиня Елизавета Ксаверьевна Воронцова, жена Главнокомандующаго, обративъ вниманіе на безвыходное положеніе дочерей Кавказскихъ офицеровъ. Попеченіями и пожертвованіями ея устроено было въ Тифлисѣ воспитательное заведеніе Св. Нины, также въ Ставрополѣ и, наконецъ, въ Эривани для дочерей служащихъ на Кавказѣ, и этимъ упрочилась судьба и будущность сотенъ сиротъ и заброшенныхъ на Кавказѣ дѣтей офицеровъ.

Въ нѣкоторыхъ военныхъ центрахъ, какъ Владикавказъ особенно, затѣмъ Шура и Грозная, благодаря большому числу семейныхъ, была въ извѣстной степени развита общественная жизнь. Я никогда не забуду, съ какимъ восторгомъ послѣ продолжительнаго похода приближались мы къ такимъ вождѣльнымъ центрамъ общественной жизни; при звукѣ скрипокъ на балѣ во Владикавказѣ или Шурѣ, мы какъ будто вновь вступали въ цивилизованный относительно міръ, — какое впечатлѣніе производилъ видъ дамскихъ туалетовъ, выписанныхъ изъ какого-нибудь „парижскаго магазина“ Ставрополя или Таганрога, — какъ въ то время было все безыскусственно, весело, радушно, просто! Въ офицерскихъ семьяхъ встрѣчали всѣхъ пріѣзжихъ, какъ родныхъ, и отличительною чертою того общества было то, что не существовало того провинціального типа, встрѣчающагося во всѣхъ городахъ Россіи, не было той отвратительной закваски, сплетенъ и мелкихъ самолюбіи, которыя такъ безобразятъ наши провинціальныя общества. Оно и понятно: интересы всѣхъ сосредоточивались на военныхъ дѣйствіяхъ, будущихъ экспедиціяхъ, настоящихъ вопросахъ, съ которыми было связано не одно благосостояніе, но и самое существованіе населенія. Горизонтъ взглядовъ, идей, былъ шире и не давалъ мѣста тѣмъ мелкимъ побужденіямъ и интересамъ, которые по мѣрѣ умиротворенія края подвели, весьма естественно, Кавказъ и тогдашніе своеобразные его нравы подъ общій уровень провинціального быта прочихъ частей

Имперіи. Нѣсколько разсказовъ объ этомъ времени лучше всего характеризуютъ описываемое общество.

Въ 1847 году, послѣ продолжительной экспедиціи нашей въ Дагестанѣ, Владикавказскіе друзья мои, услышавъ, что я убитъ подъ Салтами (меня тогда смѣшали съ адъютантомъ Глѣбовымъ), уже успѣли въ соборѣ отслужить по мнѣ двѣ панихиды. Я помню, когда я пріѣхалъ вмѣстѣ съ прочими товарищами, съ какою непритворною радостью насъ встрѣчали, какъ насъ чествовали и праздновали. Мы, съ своей стороны, хотѣли сдѣлать что-либо особенное для дорогихъ намъ Владикавказскихъ дамъ и устроили вечеромъ пикникъ съ танцами въ общественномъ саду, прилегающемъ въ укрѣпленіи къ правому берегу Терека. Садъ иллюминировали бумажными фонарями, сдѣланными нѣсколькими въ мастерскихъ Тенгинскаго полка, устроили палатку для танцевъ, и все Владикавказское общество прибыло на праздникъ. Но такъ какъ при освѣщеніи сада съ противоположнаго берега Терека легко могли подкрадываться горцы, то мы просили для безопасности танцующихъ общаго друга нашего, командира Навагинскаго полка Ипполита Александровича Вревскаго принять должныя мѣры; онъ распорядился выслать двѣ роты навагинцевъ на лѣвый берегъ рѣки, занявъ оный резервомъ, цѣпью и секретомъ. Въ самый разгаръ бала въ саду открылась перестрѣлка за Терекомъ, нѣсколько пуль просвистѣли даже надъ головами танцующихъ; никто этимъ нисколько не потревожился, всѣ смѣялись и веселились до разсвѣта, гдѣ съ хоромъ музыки и пѣсенниковъ мы проводили всѣхъ дамъ къ своимъ квартирамъ. Только сотня изъ Владикавказской станицы, расположенной на лѣвомъ берегу, вышла на тревогу и на другой день узнали, что два навагинца ранены въ секретѣ. Разумѣется, сейчасъ имъ по подпискѣ собрали порядочный кушъ денегъ, который мы отнесли въ лазаретъ раненымъ; всѣ остались совершенно довольны и черезъ день никто объ этомъ не говорилъ, какъ объ обстоятельстве совершенно обычномъ.

Еще помню, какъ товарищъ мой, князь Васильчиковъ, въ 1846 году уѣзжая въ Россію въ отпускъ, ангажировалъ во Владикавказѣ на мазурку на Варваринъ день 4-го декабря всѣми нами любимую, уважаемую жену тогдашняго батарейнаго командира

Барвару Яковлевну Опочинину. Я былъ въ то время въ Владикавказѣ, балъ давался въ такъ называемомъ домѣ клуба, на покрытой невылазной грязью городской площади. Васильчикова не было, и я замѣнилъ его при первыхъ звукахъ приглашающихъ къ мазуркѣ. Въ это время раздается гулъ и колокольчики курьерской тройки: въ залу входитъ въ дорожномъ костюмѣ, покрытый съ ногъ до головы грязью, Васильчиковъ, отнимаетъ у меня даму и, при общемъ восторгѣ всѣхъ присутствующихъ, въ этомъ дорожномъ видѣ съ увлеченіемъ танцуетъ до утра.

Въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ были другіе нравы: здѣсь было болѣе распушенности и буйства—можетъ быть потому, что крѣпость эта ближе лежала къ непріятелю и постоянно находилась въ тревогѣ. Говоря о Шурѣ, нельзя не упомянуть о женѣ генерала Клюгенау, въ тѣ времена командовавшего войсками той мѣстности. Анна Ефимовна была чуть-ли не Кавказская уроженка, по крайней мѣрѣ, сколько мнѣ помнится, была дочь комиссаріатскаго чиновника Виноградскаго; на ней на Кавказѣ же женился генераль Клюгенау. Въ 1843 году во время несчастныхъ событій въ Аваріи, гдѣ потеряли мы всѣ наши укрѣпленія и гдѣ такъ тяжело пострадали малочисленные гарнизоны, Клюгенау съ находящимися подъ руками силами выступалъ изъ Шуры на выручку укрѣпленія Зырани, гдѣ храбрый Пассекъ съ доблестнымъ гарнизономъ, питаясь кониною, давно уже отстаивалъ честь русскаго оружія противъ окружающихъ его огромныхъ скопищъ Шамиля. Въ это время одинъ изъ дѣтей Клюгенау былъ опасно боленъ и умеръ ночью, предъ выступленіемъ отца его, истинно добраго и чадолюбиваго семьянина. Анна Ефимовна, опасаясь, чтобы горе не повліяло на духъ мужа при предстоящихъ ему бояхъ, скрыла смерть ребенка, со спокойнымъ духомъ просила Клюгенау предъ выступленіемъ благословить спавшаго, по ея словамъ, но на самомъ дѣлѣ мертваго ребенка. Карлъ Францовичъ, ничего не подозрѣвая, выступилъ въ походъ; жена проводила его за укрѣпленіе, и только по возвращеніи домой силы ее оставили. Анна Ефимовна Клюгенау была провидѣніемъ бѣдныхъ офицеровъ въ Шурѣ, трогательно ухаживала за ранеными въ это несчастное время и вмѣстѣ съ мужемъ никогда не отказы-

вала, при скудныхъ своихъ средствахъ, въ помощи семействамъ и сиротамъ павшихъ офицеровъ.

Гораздо позже, кажется въ 47 или 48 годахъ, мнѣ случилось видѣть примѣръ того безвыходнаго положенія, въ которомъ находились эти несчастныя. Главнокомандующій былъ въ Шурѣ, мнѣ отвели квартиру въ какомъ-то флигелѣ, гдѣ лазаретная койка, столъ и нѣсколько табуретовъ составляли всю мебелировку комнаты.

Поздно вечеромъ, вернувшись домой, я занимался пересмотромъ переданныхъ мнѣ гр. Воронцовымъ прошеній; входитъ ко мнѣ молодая, замѣчательной красоты, женщина <sup>1)</sup> и объясняетъ, что мужъ ея нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ убитъ, и она съ двумя малолѣтними дѣтьми приючена въ землянкѣ денщикомъ покойнаго, который, изъ привязанности къ мужу, прокармливаетъ этихъ несчастныхъ. Отчаяніе бѣдной матери было безпредѣльно; то была женщина не лишенная нѣкотораго образованія, по крайней мѣрѣ мнѣ такъ показалось. Въ своемъ отчаяніи она даже позволила себѣ оскорбить меня слѣдующими словами: рыдая и садясь на мою койку, она сказала: „попросите Главнокомандующаго, обезпечьте кускомъ хлѣба дѣтей и дѣлайте тогда со мной, что хотите“. Я никогда не забуду того впечатлѣнія, которое произвела на меня эта сцена. Давъ отъ себя посильное пособіе на первый случай, я съ трудомъ успокоилъ несчастную мать и высказалъ, насколько чувствовалъ незаслуженнымъ и оскорбительнымъ для себя подобное обо мнѣ мнѣніе. Она, растерянная, горько рыдая, извинилась, говоря, что не помнитъ, что говоритъ и дѣлаетъ: денщикъ лежитъ больной, а она съ дѣтьми болѣе сутокъ не ѣвши. Все сказанное Л—вой вполне подтвердилось, всѣ въ Шурѣ съ уваженіемъ отзывались объ этой женщинѣ. Мнѣ удалось выхлопотать ей щедрое пособіе отъ гр. Воронцова, а въ послѣдствіи добрая княгиня пристроила ее въ Ставрополѣ и взяла на воспитаніе ея дѣтей. Съ тѣхъ поръ я Л—вой никогда не встрѣчалъ.

Шура въ то время постоянно была подвергнута смѣлымъ набѣгамъ горцевъ. Укрѣпленія были земляныя, самыя ничтожныя, такъ что даже разъ извѣстный Хаджи-Муратъ, ночью, съ партіей

---

<sup>1)</sup> Вдова штабсъ-капитана Апшеронскаго полка Л—ва.



паѣздниковъ перескочилъ ровъ укрѣпленія, порубилъ больныхъ въ лазаретѣ и поранилъ кинжаломъ командира коннаго иррегулярнаго Дагестанскаго полка, полковника Джиморджиза, на его квартирѣ, въ то время, какъ онъ, лежа въ постели, читалъ книгу.

Тревоги были постоянныя, всѣ жили со дня на день.

Въ то время въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ была также извѣстная дама, жена капитана Б—за, полька отъ рожденія, слышная львицей Темиръ-Ханъ-Шуры и кружившая всѣмъ головы. О ней мнѣ случилось слышать отзывъ простаго Кавказскаго офицера Ливейнаго баталіона въ укрѣпленіи Кази-Юртъ, гдѣ я остановился. Я ѣхалъ въ Шуру и старый поручикъ мнѣ сказалъ: „Какъ вы счастливы, что попадете въ такой славный городъ; я уже три года какъ гнію здѣсь въ Кази-Юртѣ; разъ случилось быть въ Шурѣ на балу. Тамъ вы увидите капитаншу Б—за: о ней можно прямо сказать, что это истинная бельфама, не потому только, что она такъ собой хороша, но потому, что она и души отличной“. Я дѣйствительно зналъ эту капитаншу, которая, впрочемъ, ознаменовала себя въ послѣдствіи трагическимъ происшествіемъ: ревнуя одного изъ многочисленныхъ своихъ поклонниковъ, Дагестанскаго полка маіора Д—го, и зная, что въ квартиру его пришла другая, она ночью ворвалась къ нему и ранила его пистолетомъ, такъ что лишила его возможности когда-либо быть ей невѣрнымъ. Объ этой исторіи поговорили дня два въ Шурѣ, а потомъ о ней больше не заботились.

Чтобы показать разнохарактерность тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ Кавказское провинціальное общество тогда состояло и вмѣстѣ съ тѣмъ соединялось, въ виду общихъ нуждъ и интересовъ, упомяну здѣсь о стоянкѣ моей съ полкомъ въ городѣ Елизаветполѣ (Ганжѣ), по возвращеніи на зимовыя квартиры изъ Азіатской Турціи, съ 1855 по 1856 годъ. Несчастный этотъ уѣздный городъ Закавказья никогда не видалъ такого блестящаго сезона; офицеры мои устроили еженедѣльные балы въ зданіи уѣзднаго училища, гдѣ была единственная немного приличная зала. По настоянію моему, всѣ ученики были отпущены по домамъ на всю зиму, залу убрали арматурою, флюгерами, люстру сдѣлали изъ штыковъ и тому подобное. Драгунская музыка гремѣла, все обще-

ство Елизаветполя веселилось, восхищаясь ловкости молодых людей, которые въ свою очередь иногда позволяли себѣ школьничать непомѣрно, такъ что мнѣ съ женой приходилось всегда первыми прїѣзжать на балъ и уѣзжать послѣдними, и разъ пришлось съ балу отправить двухъ офицеровъ на гауптвахту. Нельзя себѣ представить ничего оригинальнѣе тогдашняго Елизаветпольскаго общества. Жена коменданта, такъ называемой, крѣпости (разрушившееся глиняное старое персидское укрѣпленіе), инвалидной Команды капитана Евстрапова, съ ожесточеніемъ танцующая, несмотря на свои лѣта и подверженная слабости къ крѣпкимъ напиткамъ (разъ замѣтили офицеры, какъ она выпила о'де-колонъ, поставленный въ дамской уборной). Другая дама, жена засѣдателя, во второй фигурѣ кадрили, толкая разсѣяннаго своего кавалера, говорила ему: „Вамъ начинать, ваше благородіе“. Еще одна дама, только что вставшая отъ родовъ, желая воспользоваться невиданными въ Елизаветполѣ блестящими балами, принесла новорожденнаго въ уборную и отлучилась во время танцевъ для кормленія его грудью. Помню еще одно школьничество своихъ офицеровъ. На балахъ этихъ обыкновенно было угощенье: чай, фрукты, мороженое и холодный ужинъ. Разъ послѣ кадрили дамы просили подать лимонаду. Прапорщикъ Салтыковъ бросился исполнять это желаніе, и когда показались подносы съ прохладительнымъ, каково было всѣхъ удивленіе, когда, по приказанію Салтыкова, хоръ трубачей заигралъ сигналъ „на водопой“. Гости, все больше изъ гражданскаго званія уѣзднаго города, ничего въ этомъ не поняли, но Салтыковъ былъ наряженъ мною на лишнее дежурство, а за послѣдующія безобразія ему и вовсе было запрещено являться на балы.

Много можно было бы привести примѣровъ изъ воспоминаній моихъ о Кавказскомъ обществѣ, но сказаннаго довольно, чтобы дать понятіе о темной и свѣтлой сторонѣ тогдашнихъ нравовъ Кавказскихъ дамъ. Придется, впрочемъ, не разъ еще въ продолженіе моего разсказа вспоминать многія подобныя черты прошлаго.

## ГЛАВА III.

Составъ главной квартиры гр. Воронцова въ Червленной.—Штабъ.—Очеркъ колонизаціи Терека, военное положеніе станицъ и постовъ.—Гребенскій казачій полкъ.—Станица Червленная и ея нравы.—Полковникъ Сусловъ.—Прибытіе въ Ташки-чу.—Очеркъ Кумыцкой плоскости.—Кумыцкіе князья.—Мусса-Хассай.—Уцмievъ.—Моя поѣздка съ Глѣбовымъ въ Червленную.—Прибытіе гр. Воронцова въ Ташки-чу.—Кишинскій и Лобановъ.—Выступленіе въ походъ.

Изложивъ въ предыдущихъ главахъ очеркъ Кавказской жизни и Кавказскихъ обычаевъ, перехожу къ разсказу о пребываніи главной квартиры графа Воронцова въ станицѣ Червленной и укрѣпленіи Ташки-чу, въ ожиданіи Жаргинской экспедиціи.

Въ составѣ главной квартиры въ Червленной сосредоточивались, большею частью, всѣ прибывшіе изъ С.-Петербурга гвардейскіе офицеры <sup>1)</sup>. Въ виду особенно важныхъ предстоящихъ дѣйствій, подъ личнымъ начальствомъ гр. Воронцова, съѣхалась изъ С.-Петербурга масса флигель-адъютантовъ, въ числѣ которыхъ упомяну о графѣ Константинѣ Бенкендорфѣ <sup>2)</sup>, графѣ Строгановѣ <sup>3)</sup>, князѣ Паскевичѣ <sup>4)</sup>, князѣ Барятинскомъ <sup>5)</sup>, флигель-адъютантѣ Сколковѣ <sup>6)</sup>, полковникѣ Николаѣ Ивановичѣ Вольфѣ, долго впоследствии служившемъ на Кавказѣ помощникомъ Начальника Штаба, и другихъ; кромѣ того прибылъ для участія въ отрядѣ Принцъ Александръ Гессенскій <sup>7)</sup> съ своей свитой. Съ графомъ Воронцовымъ изъ Одессы прибыли состоящіе еще при немъ въ Одессѣ адъютанты: кн. Александръ Ивановичъ Гагаринъ <sup>8)</sup>, графъ Галатерси <sup>9)</sup>, полковникъ Алекс. Голицынъ (Куликъ); гражданскіе

<sup>1)</sup> Прикомандированные впоследствии къ полкамъ и штабамъ разныхъ отрядовъ.

<sup>2)</sup> Впоследствии нашъ военный агентъ въ Берлинѣ, умеръ.

<sup>3)</sup> Поручикъ гр. Александръ Сергѣевичъ, умеръ.

<sup>4)</sup> Капитанъ князь Федоръ Ивановичъ, сынъ фельдмаршала.

<sup>5)</sup> Кн. Александръ Ивановичъ, адъютантъ Наслѣдника, впоследствии фельдмаршалъ, умеръ.

<sup>6)</sup> Иванъ Григорьевичъ, впоследствии адмиралъ и генералъ-адъютантъ.

<sup>7)</sup> При немъ полковникъ Самсоновъ.

<sup>8)</sup> Впоследствии Кутаисскій генералъ-губернаторъ, наѣмнически убитый Сванетскимъ Кн. Дыдышъ-Калыномъ.

<sup>9)</sup> Умеръ въ Тифлисѣ генераломъ.

чиновники: Щербининъ <sup>1)</sup>, баронъ Александръ Павловичъ Николанъ <sup>2)</sup> и докторъ Андріевскій <sup>3)</sup>. (Я говорю только о лицахъ изъ Одесскихъ, какъ ихъ пазывали, принимавшихъ участіе въ экспедиціи 1845 года).

Затѣмъ прибыли въ Штабъ вновь избранные гр. Воронцовымъ адъютанты изъ С.-Петербурга: кн. Васильчиковъ <sup>4)</sup>, кн. Андрониковъ <sup>5)</sup>, Нечаевъ <sup>6)</sup>, Давыдовъ <sup>7)</sup>, Масловъ <sup>8)</sup>, Лисоневичъ <sup>9)</sup>, Лонгиновъ <sup>10)</sup> и прикомандированъ поручикъ Австрійской службы Едминскій <sup>11)</sup>, и затѣмъ въ Штабъ были зачислены лица, состоявшія при бывшемъ корпусномъ командирѣ генералѣ Нейдгартѣ: Глѣбовъ <sup>12)</sup>, кн. Козловскій <sup>13)</sup>, я и кн. Трубецкой; полковники: Дружининъ <sup>14)</sup>, Веревкинъ <sup>15)</sup> и баронъ Микквичъ <sup>16)</sup> (временно бывший при Нейдгартѣ и назначенный адъютантомъ къ кн. Воронцову) и весьма много другихъ изъ старыхъ Кавказцевъ. Отношенія наши съ Штабомъ, говорю о Кавказцахъ служившихъ до пріѣзда поваго Главнокомандующаго, были первое время довольно натянуты, вслѣдствіе многихъ неловкостей и безтактностей пріѣзжей свиты. Все это скоро изгладилось, и дѣйствительно дружелюбныя товарищескія отношенія наши впослѣдствіи (за исключеніемъ нѣкоторыхъ личностей) составляютъ одно изъ лучшихъ и дорогихъ моихъ воспо-

1) Михаилъ Павловичъ—впослѣдствіи дѣйствительный тайный совѣтникъ и сенаторъ.

2) Александръ Павловичъ, дѣйствит. тайный совѣтникъ, управляющій гражданскою частью на Кавказѣ.

3) Эрастъ Степановичъ, умершій въ отставку въ Одессѣ въ 1872 году.

4) Впослѣдствіи командиръ Ширванскаго полка, Сергій Илларионовичъ, умеръ въ 60-хъ годахъ за границей.

5) Кн. Ревасъ Ивановичъ—впослѣдствіи генер.-лейтенантъ на Кавказѣ.

6) Въ 1847 г. умеръ чахоткой.

7) Ростиславъ, умершій.

8) Михаилъ.

9) Генералъ-маіоръ въ отставкѣ, умеръ.

10) Александръ Николаевичъ, убитъ въ 1845 г. въ Даргинской экспедиціи.

11) Альбертъ Артуровичъ, впослѣдствіи генералъ, помощникъ командующаго Кавказской дивизіи на Кавказѣ.

12) Убитъ въ 47 году подъ Салтами.

13) Умеръ въ Тифлисѣ.

14) Въ отставкѣ генераломъ умеръ.

15) Александръ Николаевичъ умеръ въ Тифлисѣ въ 1850-мъ году.

16) Умеръ въ Тифлисѣ генералъ-лейтенантомъ и начальникомъ жандармскаго управленія.

минаній. Кромѣ поименованныхъ лицъ, прибыли еще въ главную квартиру изъ С.-Петербурга и Тифлиса, въ ожиданіи великихъ и богатыхъ милостей, много лицъ, состоящихъ при Кавказскомъ корпусѣ и не имѣющихъ никакого оффиціального положенія въ отрядѣ. Изъ нихъ назову кп. Лобанова при гр. Воронцовѣ, игравшаго извѣстную роль и о которомъ будетъ сказано впоследствии, жандармскаго генерала Викторова, генерала Фокъ, убитыхъ въ 45 году, и многихъ другихъ дилетантовъ; даже были офицеры изъ Крымскихъ татаръ, прибывшихъ съ княземъ. Обо многихъ, можетъ быть, придется вспомнить впоследствии.

Понятно, что такое огромное и доселѣ небывалое скопленіе на Кавказъ различныхъ элементовъ при главной квартирѣ должно было порождать не мало мелкихъ столкновеній, гдѣ самолюбіе, интриги, честолюбіе, а главное незнаніе вновь прибывшими условій Кавказскаго быта, играли немаловажную и часто непріятную роль. Всѣ эти положенія впоследствии разобрались и опредѣлились во время похода подъ выстрѣлами непріятели. Мнѣніе какъ самого гр. Воронцова, такъ и всѣхъ участвовавшихъ ясно опредѣлилось, по окончаніи испытаній нашихъ въ Герзель-Аулѣ, о каждой личности, какъ говорятъ французы: „on s'est débrouillé“.

Но въ началѣ похода все это имѣло большое вліяніе на первыя впечатлѣнія Кавказцевъ; огромные обозы штаба, безпримѣрный расходъ людей и казаковъ въ прислугу—все это справедливо заставляло опасаться опытныхъ Кавказцевъ за исходъ движенія нашего во внутрь страны, гдѣ еще не бывала русская нога и гдѣ возможны были переходы отрядовъ только съ самымъ ограниченнымъ числомъ тяжестей. Гр. Воронцовъ вовсе не зналъ предстоящаго театра войны, по необходимости долженъ былъ покориться утвержденному въ С.-Петербургѣ плану дѣйствій, но при первомъ нашемъ движеніи въ Андіи, а въ особенности по прибытіи въ Дарго, вполне созналъ всѣ неудобства такого порядка, справедливо возбуждавшаго въ то время опасенія, и постепенно уничтожалъ лишніе обозы для облегченія нашего движенія.

Никогда еще станица Червленая, считавшаяся по многимъ причинамъ Капудей кавказской линіи, не представляла такого оживленія. Не было ни одного почти дома, который бы не былъ за-

нять приїзжимъ постояльцемъ, все кипѣло жизнью, все вполне наслаждалось новизною впечатлѣній и ощущеній. Громадныя средства приїзжихъ тратились въ станицѣ, всѣ обзаводились лошадьми, оружіемъ, азіатскими костюмами и съ безпечною молодости тратили свои силы и деньги въ ожиданіи скорого выступленія, — разгулъ былъ полный — Кавказскій!

Между тѣмъ Главнокомандующій совѣщался съ отдѣльными начальниками и съ опытнымъ старымъ кавказцемъ Робертомъ Карловичемъ Фрейтагомъ, прибывшимъ изъ Грозной, и дѣлалъ всѣ приготовления къ выступленію и походу.

Здѣсь мѣсто сказать нѣсколько словъ о станицѣ Червленной и ея населеніи и бросить бѣглый очеркъ на исторію колонизаціи Терека.

Первые русскіе, появившіеся въ этой мѣстности Кавказа, были опальные стрѣльцы, затѣмъ бѣглые яцкіе казаки, скрывавшіеся отъ казни во время смуты тогдашняго времени. Первоначально поселились они на Кочкалыковскомъ хребтѣ, отъ Черныхъ горъ Чечни перпендикулярно оканчивающихся у Сунжи и отдѣляющихъ пынѣпнюю Казыкумыкскую плоскость отъ большой Чечни; отсюда и названіе ихъ „Гребенцы“, такъ какъ они первоначально поселились на гребнѣ Кочкалыковскихъ высотъ. Придя на Кавказъ одинокими, они занимались грабежомъ сосѣдняго населенія, откуда выкрадывали женъ и тѣмъ образовали тотъ особенный типъ Гребенскихъ Казаковъ, столь рѣзко чертами и образомъ жизни отличающійся отъ прочихъ казачьихъ полковъ Кавказской линіи. Впослѣдствіи, тѣснимые со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, они обратились къ Правительству съ просьбой о помилованіи. Императрицей Екатериною оно имъ было даровано, разрѣшено переселиться на лѣвый берегъ Терека, пожалованный Гребенскому войску, — бунчукъ, булава, по саблѣ на человѣка и по пяти рублей денегъ. Гребенцы поселились на Терекѣ четырьмя городками: Червленной, которая считалась столицей войскъ, Щедринской, Староглидовской и Новоглидовской, а впослѣдствіи Шелковый. Это было начало нашихъ поселеній на Кавказской линіи. Затѣмъ ниже по теченію Терека, до впаденія его въ Каспійское море, около крѣпости Кизляра (построенной еще Петромъ Великимъ, при походѣ его въ Персію, и вновь укрѣпленной и доконченной въ царствованіе Импе-

ратрицы Анны Іоанновны инженеромъ Клаузеномъ) поселились новыя станицы, образовавшія Семейно-Кизлярскій полкъ. Населеніе составлялось только частію изъ казаковъ, преимущественно же переселялись семейства грузинъ и армянъ, бѣжавшихъ по причинѣ смутъ изъ своего края и, сколько мнѣ извѣстно, во время похода гр. Зубова на Кавказъ водворившихся въ нашихъ предѣлахъ. Кизлярскій полкъ, впрочемъ, и впослѣдствіи увеличивался постоянно новыми переселенцами.

Вверхъ по Тереку къ Гребенскому, полку во второй половинѣ прошлаго столѣтія, начали примыкать новыя казачьи переселенцы съ ихъ семьями, образовавшіе Моздокскій казачій полкъ, столицей котораго былъ городъ Моздокъ, а впослѣдствіи станица Науръ.

Исторія дальнѣйшаго заселенія центра и праваго фланга Кавказской линіи не входитъ въ программу описываемыхъ событій, и потому умалчивая объ этомъ, перехожу къ описанію военного положенія въ то время нашихъ станицъ и постовъ по Тереку въ Чечнѣ и на Кумыкской плоскости, а затѣмъ къ характеру и особенностямъ Гребенскаго казачьяго полка и станицы Червленной.

Казачьи станицы на Терекѣ составляли въ то время нашу передовую заселенную линію. Горскій, Моздокскій, Гребенскій и Кизлярскій полки занимали эту линію. Станицы, находясь одна отъ другой, въ разстояніи отъ 15—25 верстъ, соединялись между собою укрѣпленіями и постами въ разстояніи отъ 5 — 7 верстъ. По этой линіи проходила большая почтовая дорога, параллельно и въ самомъ близкомъ разстояніи отъ Терека, по болѣе возвышенной мѣстности, за которой къ Сѣверу уже тянулась необозримая, безлѣсная, солонцоватая степь къ Ногайскимъ кочевьямъ и границѣ Астраханской губерніи. Низменная мѣстность отъ описанной кордонной линіи къ берегу Терека занята была или садами станицъ и огородами, или покрыта мелкимъ лѣсомъ и частью камышами, залитыми водой во время разлива Терека. Отъ каждой станицы и промежуточнаго поста выставлялись еще депные пикеты на дорогу, а впереди постовъ къ берегу рѣки паряжались тоже часовые, обыкновенно располагающіеся на отдѣльно растущихъ деревьяхъ, на которыхъ устраивали вышки, откуда можно было обозрѣвать окружающую мѣстность. Депные пикеты снимались ночью, и взаимнѣ

ихъ располагались въ скрытыхъ мѣстахъ у берега рѣки, и особенно на бродахъ, казачьи секреты, которые при покушеніи хищническихъ партій къ переправѣ или проходу въ наши предѣлы давали знать постамъ и резервамъ и, по общей тревогѣ, весь кордонный участокъ скакалъ для отысканія и преслѣдованія партій по слѣдамъ, или караулилъ ихъ при обратной переправѣ и отбивалъ награбленную добычу. Чеченцы обыкновенно дѣлали набѣги малыми партіями для отбитія станичнаго или хуторскаго скота или взятія въ плѣнъ неосторожныхъ казаковъ во время ихъ работъ въ поляхъ или садахъ. Иногда для мелкаго воровства или убійства чеченцы переправлялись по два, по три человѣка, пѣшіе, на турлукахъ (бурдюкахъ) переплывая Терекъ, скрывались въ камышахъ и уводили въ плѣнъ обезоруженныхъ женщинъ и дѣтей, которыхъ передавали ожидавшимъ ихъ сообщникамъ на непріятельскомъ берегу. Большими партіями, въ 100 и до 300 человѣкъ, чеченцы дѣлали набѣгъ преимущественно на Ногайскія кочевья, для отбитія скота, или на отдѣльные хутора въ станицахъ.

Станицы имѣли населеніе до 1000 и гораздо болѣе душъ, смотря по величинѣ ихъ. Станица была обыкновенно окружена неглубокимъ ровомъ и валомъ, огороженнымъ палисадникомъ или набросаннымъ колючимъ хворостомъ (дерезою). На углахъ этихъ укрѣпленій выдавались земляныя батареи, съ такими же валами, вооруженныя орудіями для обстрѣливанія фасовъ. Обыкновенно въ станицѣ было до четырехъ воротъ, по закатѣ солнца постоянно запираемыхъ и охраняемыхъ часовыми, какъ равно и батареи. Посреди станицы была большая площадь, на которой помѣщалась церковь (исключая старообрядческихъ станицъ) и колокольня, съ которой набатный звукъ колокола призывалъ, по тревогѣ, всю станицу къ оружію, какъ днемъ, такъ и ночью. На площади обыкновенно располагались: домъ полковаго командира, станичное Правленіе, лазаретъ и базарныя лавки, преимущественно занятыя армянами. Чрезвычайно широкія улицы отъ площади тянулись къ воротамъ, и всѣ эти кварталы, перерѣзанные такими же широкими улицами, застроены были казачьими домами съ дворами и базами, для загона на ночь скота, который, впрочемъ, ночью располагался и на улицахъ станицы.



Посты, промежуточные между станицами, устраивались на курганахъ или болѣе возвышенныхъ мѣстахъ; они состояли изъ довольно высокаго плетня, обмазаннаго глиной, съ бойницами; посреди двора была казарма для казаковъ и навѣсъ для лошадей. Подъ воротами поста, обыкновенно на высокихъ столбахъ, расположена была крытая вышка для часового; иногда посты были окопаны рвомъ, а иногда для обстрѣливанія фасовъ по угламъ выдвигались такіе же плетневые обороны. Около постовъ, равно какъ и на пикетахъ, обыкновенно ставили для ночныхъ сигналовъ длинные шесты, обвитые соломой, иногда смазанные и смолой. Пикеты состояли изъ плетневой будки или сарайчика для лошадей и людей и, около онаго, вышки для часового.

На постахъ находились, смотря по его важности, отъ 15 до 30 казаковъ, подъ начальствомъ урядника или офицера; на пикеты, или въ ночные секреты, высылалось обыкновенно не болѣе трехъ человекъ, въ ночные же засады къ берегу рѣки иногда и болѣе. При появленіи непріятеля и переправѣ его, немедленно дѣлалась тревога, зажигались шесты съ соломой и, по значительности партій, требующей обыкновеннаго или усиленнаго резерва, зажигались два или три шеста, изъ станицъ производилось известное число выстрѣловъ; секреты и пикеты стягивались поспѣшно къ посту, изъ станицъ выскакивала къ мѣсту тревоги дежурная сотня, — всѣ остальные, въ полной готовности къ выступленію, собирались на площади. Старики, женщины и дѣти бѣжали съ оружіемъ на валы, смотря по важности тревоги. Особенную поэтическую прелесть представляли гребенцы во время тревогъ, которыя въ то время повторялись такъ часто, что не проходило почти ни одной ночи, чтобы населеніе не вызывалось къ оружію. Сколько разъ случалось мнѣ видѣть, какъ при первомъ звукѣ колокола или выстрѣла орудія казачки бросались сѣдлать и выводить лошадей, покуда мужъ или братъ одѣвался въ избѣ; дѣти подавали оружія, старики накладывали въ торбу сухари, привязывали ее къ сѣdlу, и никто не думалъ объ опасности — дѣло было слишкомъ обычное. Думали только, какъ бы застигнуть и истребить хищническую партію или отбить угнанный скотъ. Выпроводивши казака, казачки и старики брали оружіе и бѣжали на валъ въ ожиданіи возвращенія стани-

никовъ, которыхъ встрѣчали почетно, съ похвалами, въ случаѣ удачи, или съ бранью и насмѣшками въ случаѣ неудачи. Затѣмъ все успокоивалось, всѣ шли на обыденныя работы, какъ будто въ самомъ мирномъ краю, до перваго новаго призыва колокола.

Весьма понятно, какъ эта новая жизнь, эта своеобразная обстановка дѣйствовала на молодое наше воображеніе, и какую прелесть въ нашихъ глазахъ имѣли нравы и станичный бытъ гребенцевъ.

Гребенскіе казаки составляютъ совершенно особый типъ на Кавказѣ; лица какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, носятъ отпечатокъ смѣшенія части русскаго великороссійскаго типа съ азіатскимъ типомъ Кавказскихъ горцевъ; мужчины чрезвычайно ловки, стройны, смѣтливы и храбры; женщины отличаются или, лучше сказать, отличались необыкновенною красотою и стройностью, которая еще больше выдавалась особеннымъ костюмомъ гребенскихъ казачекъ: сверхъ длинной рубашки онѣ носили азіатскій архалукъ, стянутый на талии и груди серебряными кованными застѣжками; головной уборъ состоялъ изъ шелковаго платка въ видѣ повязки, а голова и лицо покрывались, на азіатскій манеръ, кисейной чадрой, оставляя свободными глаза; обувь состояла изъ сафьянныхъ сапогъ. Обычай носить богатыя ожерелья изъ янтаря, коралловъ и монетъ и серебряные кованные наборы архалука, при стройности ихъ стана, придавали особенно привлекательный характеръ червленскимъ казачкамъ.

Постоянно находясь на передовой нашей линіи, подвергаясь почти ежедневно нападеніямъ непріятеля, гребенцы отличались особенной смѣлостью и храбростью; сами казачки, когда ходили въ поле и на уборку винограда въ садахъ, расположенныхъ на берегу Терека, всегда носили съ собой винтовки за плечами. Нерѣдко были случаи, гдѣ, совместно съ мужчинами, а иногда сами, онѣ отражали покушенія чеченцевъ въ виноградныхъ садахъ; часто случалось видѣть раненыхъ казачекъ съ рукою на перевязкѣ, продолжающихъ заниматься, еще не вылечившись отъ ранъ, своими обычными работами <sup>1)</sup>).

<sup>1)</sup> Была, какъ помнится, всѣмъ извѣстная Васенка Алпатова, раненая въ руку. Во время работы бабъ въ виноградникахъ, на нихъ напали горцы. Васенка,

У гребенскихъ казаковъ былъ обычай, составлявшій особенность этого населенія. Когда сотня или часть полка выступала въ походъ, то вся станица выходила на поляну въ степь, за станицу, на проводы, принося за собою обильное угощеніе.

Походные казаки, выстроенные во фронтъ, спѣшивались и начинался общій разгулъ; ведра, чепурки съ чихиремъ переходили изъ рукъ въ руки, и при этомъ былъ обычай, что казакъ, которому казачка подноситъ чашку съ виномъ, имѣетъ право три раза поцѣловать ее. Все это обыкновенно кончалось джигитовкой, гдѣ казаки, проскакивая черезъ толпу, хватывали казачекъ, взбрасывали къ себѣ на сѣдло и увозили въ ближайшую рощу. Наконецъ, звукъ трубы собиралъ казаковъ и полагалъ конецъ этому разгулу; сотня выступала, и станичники съ музыкой и пѣснями возвращались по домамъ. Таковы были нравы, таковъ былъ бытъ этого особеннаго населенія, не лишенный своей поэтической прелести.

Во время нашего пребыванія въ Червленной, полкомъ командовалъ полковникъ Сусловъ, извѣстный впоследствии по дѣлу съ горцами, гдѣ, выскочивъ на тревогу съ 80-ю казаками, былъ окруженъ партией въ 1000 человекъ горцевъ и, не согласившись на сдачу, сбатовалъ лошадей и, спѣшивъ казаковъ, подъ прикрытіемъ этого живого укрѣпленія, отстрѣливался, потерявъ болѣе  $\frac{2}{3}$  лошадей и людей; наконецъ, подоспѣвшее подкрѣпленіе выручило

---

сидя на вышнѣ, стрѣляла по нимъ и затѣмъ выѣстѣ съ прочими женщинами отступила, отстрѣливаясь, и была ранена. Мужъ ея, опасаясь суда за свои поступки въ полку, бѣжалъ къ горцамъ, впоследствии былъ схваченъ и приговоренъ къ разстрѣливаю. Алпатова привела своихъ дѣтей на мѣсто казни и сказала имъ: „Отецъ вашъ измѣнилъ полку, за то и умретъ, какъ собака, а вы должны вашей будущей службой смыть пятно на честномъ казацкомъ имени“. Приведу еще одинъ анекдотъ для характеристики и взглядовъ и понятій тогдашнихъ гребенцевъ. Сидѣлъ я какъ то вечеромъ у полкового командира барона Розена въ 1848 г. Входитъ станичный атаманъ, извѣстный 70-лѣтній старикъ Василій Ивановичъ Арнаутъ съ вечернимъ рапортомъ. Розенъ ему предлагаетъ отвѣдать чихирю, но Арнаутъ, къ немалому нашему удивленію, отказывается и знаками указываетъ на дверь. Розенъ, думая, что что-нибудь случилось въ полку, уходитъ съ нимъ въ сосѣднюю комнату: „Что такое случилось, Вас. Ивановичъ?“—„Да вотъ пріѣхалъ лазутчикъ чеченецъ и рассказываетъ, что французы забунтовались и прогнали своего короля,—мы только что усмирили Абазеховъ на Кубани, такъ придется, пожалуй, опять выступать, чтобы усмирить французовъ“.

эту горсть храбрецовъ. Всѣ участвовавшіе были награждены георгіевскими крестами. Полковникъ Сусловъ въ то время, какъ и впоследствии, уже генераломъ, при штурмѣ Шеляги и въ Койтахъ, въ Дагестанѣ, являлъ себя настолько же смѣлымъ, сколько храбрымъ начальникомъ. Эти достоинства вполне измѣнили ему во время войны въ Азіатской Турціи, гдѣ, командуя въ 55 году Баязетскимъ отрядомъ на Ефратѣ, потомъ въ дѣлѣ при Керпикіей, своею необъяснимою осторожностью и нерѣшительностью лишилъ наше оружіе двухъ славныхъ и несомнѣнныхъ побѣдъ надъ турецкимъ отрядомъ Вели-паши.

Сусловъ, впрочемъ, не пользовался любовью казаковъ, несмотря на всѣ старанія заслужить ихъ довѣріе. Такъ, напримѣръ, когда не было начальства, онъ сидѣлъ дома въ черной суконной старообрядческой рясѣ, крестился въ присутствіи казаковъ по старообрядчески, не входилъ никогда въ домъ, не постучавъ въ дверь и не сказавъ „Господи Іисусе Христе, помилуй насъ“.

Постоянное почти отсутствіе казаковъ изъ дому въ походахъ и на тревогахъ, съ другой стороны частые сборы разныхъ отрядовъ въ станицѣ и зимнія квартиры войскъ, а особенно пребываніе штабовъ, не могли не имѣть вліянія на нравственность гребенцевъ. Всѣ они старообрядческаго Федосѣевского толка, весьма склонны къ разгулу и пьянству, и нисколько не дорожатъ семейными отношеніями; каждый почти казакъ явно даже гордился своею „побочною“, а казачки не стѣснялись своимъ „побочнымъ“. Эти нравы такъ вкоренились въ населеніе станицъ Червленной и Щедринской, что ставили гребенцевъ въ совершенно исключительное положеніе среди прочаго казачьяго населенія по линіи. При этомъ казаки отличались особенной дисциплиной въ отношеніи къ старшимъ: несмотря на весь разгулъ, въ которомъ они участвовали вмѣстѣ съ офицерами, почти не было примѣра, чтобы гребенской казакъ когда-либо забылся передъ старшимъ,—что нисколько не вредило совершенно откровенному обращенію съ офицерами, какъ только они были подъ гостепріимнымъ кровомъ ихъ хатъ постояльцами или гостями; но разъ вышедши на улицу, все измѣнялось къ строгой подчиненности. Эта отличительная черта гребенцевъ крайне меня поразила. Казачки, напротивъ, въ высшей степени были незастѣнчивы, даже

дерзки со всѣми старшими и нѣкоторыя даже циничны въ своихъ выраженіяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ весьма простодушны въ обращеніи. Я очень помню, какъ одна, весьма извѣстная въ Червленной казачка, показывая при многихъ офицерахъ своихъ дѣтей, сказала, указывая на маленькаго сына: „посмотрите, родные, какъ мой Ваня похожъ на Куринскій полкъ, а вотъ Саша — такъ вылитая 21-я пѣхотная дивизія“. Были, разумѣется, достойныя исключенія изъ общихъ правовъ казачекъ и особенно замѣчательная вѣрность этихъ женщинъ, весьма, впрочемъ, кратковременная, къ своимъ любовникамъ. Съ отѣздомъ или отлучкою казака, казачка переходила къ другому, считая переходъ этотъ весьма естественнымъ.

Понятно, какъ мы, при нашей неопытности и молодости, въ первый разъ столкнувшись съ этими нравами и наканунѣ тяжелаго и неизвѣстнаго послѣдствіями похода, предавались всѣмъ впечатлѣніямъ этой новой для насъ обстановки. Чихирь (туземное вино) лился потоками, каждый вечеръ хоробы, музыка не переставала далеко за полночь гремѣть во всѣхъ углахъ станицы; днемъ скачка на полянѣ за станицей; поѣздки въ сосѣднюю рощу, гдѣ находились старообрядческіе скиты, и въ сосѣдніе съ нею, на берегу Терека, виноградные сады составляли обычное препровожденіе времени всей молодежи нашей. Всѣ предавались настоящему, никто не думалъ о будущемъ, и еслибы у насъ былъ не гр. Воронцовъ, а Аннибалъ главнокомандующимъ, то для главной квартиры, и штаба въ особенности, Червленная сдѣлалась бы настоящей Капудей. Главнокомандующій, послѣ осмотра крѣпости Грозной и Воздвиженскаго на Аргунѣ, отправился для обзрѣнія сѣвернаго Дагестана и личныхъ сношеній съ командовавшимъ въ то время въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ княземъ Бебутовымъ, назначивъ къ 28 мая сборнымъ пунктотъ для войскъ чеченскаго отряда крѣпость Внезапную. Главной квартирѣ назначенъ былъ сборъ на Кумыцкой плоскости въ укрѣпленіи Ташки-чу, куда гр. Воронцовъ и прибылъ дней за пять до выступленія нашего въ Внезапное. Во время этихъ поѣздокъ главнокомандующаго, мы оставались въ Червленной и, наконецъ, отправились къ сборному пункту чрезъ станицу Щедринскую и переправу въ укрѣпленіе Адмиралжуртъ на Терекъ и прибыли въ Ташки-чу, гдѣ мнѣ была отведена квартира вмѣстѣ съ другимъ

и товарищем моимъ С. И. Васильчиковымъ въ слободѣ, громко именуемой форштатомъ, у фельдфебеля роты линейнаго баталіона. Въ ожиданіи прибытія главнокомандующаго въ Ташки-чу и наступленія его въ походъ, мы пробыли, помнится, около двухъ недѣль въ этомъ укрѣпленіи.

Укрѣпленіе Ташки-чу, расположенное на рѣкѣ Аксаѣ, почти въ центрѣ Кумыкской плоскости, служило промежуточнымъ военнымъ пунктомъ между крѣпостью Внезапной и Адмиралъюртской переправой на сообщеніи съ линіей пашей на Терекѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпленіе это, охраняя мирное населеніе значительнаго аула Кумыковъ, расположеннаго подъ выстрѣлами крѣпости, служило сборнымъ пунктомъ резервовъ при отраженіи хищныхъ горскихъ партій, часто вторгавшихся для грабежа въ Кумыцкую плоскость. На Качкалымскомъ хребтѣ, отдѣлявшемъ покорныхъ намъ кумыковъ отъ враждебныхъ горскихъ племенъ, находилось укрѣпленіе Куринское <sup>1)</sup> на Истису, ближе къ Сунжѣ, съ одной стороны, и укрѣпленіе Герзель-аулъ <sup>2)</sup> на Аксаѣ, при выходѣ этой рѣки изъ ущелій горъ на плоскость. Эти два укрѣпленія составляли какъ бы передовую охранную линію съ западной стороны; съ юга на окраинѣ плоскости, у подошвы горъ, на р. Ахташѣ находилась еще заложенная при Ермоловѣ крѣпость Внезапная, гдѣ находился штабъ славнаго Кабардинскаго полка. Другихъ укрѣпленій въ 45 году въ этой части Кавказа не было; число войскъ для охраны плоскости ограничивалось Кабардинскимъ полкомъ, линейнымъ баталіономъ, нѣсколькими сотнями донскихъ казаковъ и милиціей. Начальство этого военного отдѣла было поручено командиру Кабардинскаго полка, въ то время полковнику Викентію Михайловичу Козловскому.

Населеніе плоскости состояло изъ Кумыцкаго племени, имѣющаго особня отличія отъ сосѣднихъ ему чеченцевъ и шамхальцевъ. Этотъ народъ, несомнѣнно болѣе образованный среди своихъ сосѣдей, съ давнихъ временъ былъ съ нами въ сношеніяхъ и искалъ покровительства русскихъ для обезпеченія торговыхъ и мирныхъ земле-

---

<sup>1)</sup> Построено въ 1841 году.

<sup>2)</sup> Построено въ 1840 году.

дѣльческихъ занятій, къ которымъ имѣлъ склонность и въ которыхъ находилъ большую для себя выгоду отъ присутствія въ краѣ нашихъ войскъ. Кумыки, болѣе богатые и привыкшіе къ болѣе образованной обстановкѣ домашняго своего быта, нуждались въ мирѣ и по необходимости только брались за оружіе при помощи нашихъ войскъ для своей защиты. По мѣрѣ умиротворенія края вся искусственная воинственность этого племени исчезла, и врядъ ли въ настоящее время на Кумыцкой плоскости можно набрать и сотню вооруженныхъ людей, когда въ то время на тревогу стекались тысячи всадниковъ. Аулы кумыковъ расположены были по большей части около нашихъ укрѣпленій въ Герзель-аулѣ, Внезапной (аулъ Андреевскій), Ташки-чу, Истису, по Сулаку, въ Султанъ-юртѣ и Кази-юртѣ, и нѣкоторые по берегу Терека и протекающихъ чрезъ Кумыцкую плоскость рѣкъ. Особенность всѣхъ рѣкъ, орошающихъ Кумыцкую плоскость съ окружающихъ горъ, есть та, что всѣ онѣ, протекая по плоскости, пропадаютъ въ почвѣ или образуютъ низменные болотныя мѣстности, не доходя до Каспійскаго моря. Таковъ характеръ всей Кумыцкой плоскости между рѣками Сулакъ и Терекъ, при впаденіи ихъ въ море. Верхняя же часть рѣкъ представляетъ самую удобную и богатую почву для хлѣбопашества и разведенія марены. Все управленіе этимъ племенемъ въ 45 году сосредоточивалось въ рукахъ пристава, имѣвшаго пребываніе въ Ташки-чу (въ то время майоръ Николай Семеновичъ Кишинскій).

Въ каждомъ большомъ аулѣ обитали Кумыцкіе князья, изъ которыхъ нѣкоторые имѣли извѣстное политическое значеніе и вліяніе въ краѣ. Они дѣлились на отдѣльные роды, обладали обширными пространствами земель, на которыхъ и поселены были ихъ подвластные; таковы были Андреевскіе князья у Внезапной, Алисултанъ на Сулакѣ и, кромѣ другихъ, родъ Уцмиевыхъ въ Ташки-чу. Представителемъ этого послѣдняго рода въ то время въ Ташки-чу былъ полковникъ Мусса-Хассай-Уцмиевъ, котораго я хорошо зналъ еще въ Петербургѣ, во время его служенія въ азіатскомъ конвоѣ Государя. Онъ лично былъ очень образованъ, благодаря своимъ природнымъ дарованіямъ и стараньямъ, во время бытности въ Петербургѣ, сдѣлаться европейцемъ. Онъ очень свободно говорилъ по-французски, имѣлъ всѣ привычки образованнаго челоуѣка и въ

вышемъ кругу Петербургскаго общества имѣлъ въ свое время успѣхъ. Онъ постоянно продолжалъ образовывать себя, много занимался и читалъ и только-что недавно возвратился къ себѣ на родину въ аулъ Ташки-чу, гдѣ имѣлъ наслѣдственный свой домъ, съ обширнымъ огороженнымъ дворомъ, какъ у всѣхъ кумыковъ, отличающійся отъ другихъ только большими размѣрами.

Я очень былъ друженъ съ Хассаемъ во все время моего пребывания на Кавказѣ и имѣлъ возможность наблюдать на немъ дѣйствіе цивилизаціи на горцевъ, отторгнутыхъ въ молодости отъ своего родного края и возвращавшихся впоследствии съ европейскими идеями на родину. Обыкновенно сильныя и убѣжденные натуры не выдерживали соприкосновенія съ дѣйствительностью и чувствовали себя безсильными бороться съ предрасудками и обычаями своихъ единоплеменниковъ; видя совершенное отчужденіе отъ своихъ, окруженные недоверіемъ, они обыкновенно искали службы посреди русскихъ, въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ ихъ родного племени. Другіе же, по безхарактерности, или въ силу особыхъ обстоятельствъ, обреченные жить посреди своихъ единоплеменниковъ, (и это была самая большая часть) скоро очень теряли пріобрѣтенный ими лоскъ цивилизаціи, и въ понятіяхъ и обычаяхъ своей жизни старались подойти подъ нравственный уровень окружающей ихъ среды.

Тѣмъ не менѣе, рѣдко кто изъ нихъ пользовался и доверіемъ, и вліаніемъ между своими; подозрѣніями ихъ окружали со всѣхъ сторонъ; они старались въ сношеніяхъ съ русскими выставить себя образованными людьми, между единоплеменными же, несмотря на всѣ старанія сблизиться, всегда окружены были недоверіемъ. Въ такомъ положеніи былъ и Хассай Удмиевъ, необладавшій энергіей, а главное лишенный одного изъ качествъ, всего болѣе цѣнимаго горцами—храбрости.

Я часто посѣщалъ Хассая въ его домѣ въ Ташки-чу; онъ представилъ меня даже женѣ своей (вопреки обычаю страны), простой, но довольно красивой татаркѣ, которая принимала меня безъ покрывала и ничѣмъ не отличалась отъ прочихъ женщинъ этого края, гдѣ, по мусульманскому закону, такъ низко стояла женщина, не составляя того теплаго звена семейной жизни, какъ



у христіанъ. Сакля Хассая была убрана съ нѣкоторою роскошью и съ европейскимъ комфортомъ, по крайней мѣрѣ та часть дома, которую я видѣлъ.

Къ азіатскому убранству коврами и оружіемъ присоединялись европейская мебель, туалетные сесеры, шкафы съ книгами, на столѣ лежали альбомы, газеты и имъ получались *Revue des deux mondes* и *Journal des Débats*. Вскорѣ все это утратилось: Хассай не могъ выдержать грустной обстановки между своими соотечественниками въ Ташки-чу и переѣхалъ въ Тифлисъ; при своей страшной скупости и жадности къ деньгамъ, развелся съ своей первой женой и искалъ руки единственной дочери извѣстнаго Карабахскаго Мехти-Кули-Хана. При содѣйствіи князя Воронцова, мечты Хассая осуществились и въ 48 или 49 гг. я былъ у него въ Карабахѣ въ гор. Шушѣ и видѣлъ красивую, но весьма малую ростомъ, жену его. Онъ совершенно сдѣлался полуперсіаниномъ, перемѣнивъ черкеску на чуху, а папаху на длинную остроконечную шапку и видимо чувствовалъ неловкость своего передо мною положенія. Когда онъ являлся въ Тифлисъ, онъ, впрочемъ, обыкновенно одѣвалъ мундиръ Гвардейскаго конвоя и старался по возможности поддерживать мнѣніе о своей образованности и европейскихъ взглядахъ. Но ежегодно онъ утрачивалъ все искусственное, привитое къ нему образованіемъ и, вѣроятно, въ настоящее время, если живъ, ничѣмъ не отличается отъ изнѣженныхъ, съ огрубѣлыми азіатскими понятіями, татарскихъ и карабахскихъ хановъ и бековъ.

Въ ожиданіи пріѣзда главнокомандующаго въ Ташки-чу, здѣсь мѣсто рассказать о непростительной неосторожности и глупости, которую я сдѣлалъ тогда съ товарищемъ своимъ Глѣбовымъ и которую объяснить можно только нашей молодостью.

Въ одинъ вечеръ, взявъ трехъ или четырехъ татаръ, одѣтые въ черкески, мы рѣшились, не сказавъ никому изъ начальства, ѣхать на нѣсколько часовъ въ Червленную. Разстояніе было верстъ 70, но отъ Ташки-чу до Терека слѣдовало проѣхать чрезъ мѣста далеко не безопасныя, особенно по берегу Терека, гдѣ тянулся довольно большой лѣсъ, и гдѣ постоянно скрывались мелкія хищническія партіи. Переодѣтые азіатцами, въ полномъ вооруженіи,

съ нашими проводниками пустились мы въ темную ночь въ путь; передъ разсвѣтомъ мы были на переправѣ, гдѣ нашли только одинъ весьма маленькій выдолбленный челнокъ, на которомъ помѣстился одинъ проводникъ, забравъ наши сѣдла, платья и оружіе; мы же бросились въ переправу вплавъ на лошадахъ. Терекъ былъ въ сильномъ разливѣ: посредникъ рѣки мы должны были спуститься съ лошадей, чтобы облегчить ихъ и, держась за гриву, переправились, наконецъ, благополучно на лѣвый берегъ къ станицѣ Шелковой, снесенные быстротой воды версты на двѣ ниже переправы. Здѣсь нашли мы пріютъ у оригинальной личности того времени. Около Шелковой жилъ отставной гвардіи полковникъ Акимъ Акимовичъ Хасташовъ, маленький домъ котораго подлѣ самой станицы былъ укрѣпленъ на манеръ казачьихъ постовъ воротами, вышками и малымъ орудіемъ. Самъ Хасташовъ (на визитныхъ карточкахъ своихъ на мѣсто званія печатавшій: „передовой помѣщикъ Россійской Имперіи“) по выходѣ въ отставку поселился въ этомъ родовомъ имѣніи, гдѣ занимался винодѣліемъ и земледѣліемъ. вмѣстѣ съ тѣмъ разѣзжалъ по линіи; онъ выѣзжалъ съ казаками на всѣ тревоги, одѣтый обыкновенно въ холщевый пиджакъ съ розою въ петлицѣ и безъ всякаго оружія, кромѣ нагайки. Онъ былъ извѣстенъ по всей линіи своими эксцентрическими выходками и несомнѣнною храбростью. Я съ нимъ былъ очень друженъ въ послѣдствіи, и многими очень хорошими качествами онъ искупалъ свои странности и напускную эксцентричность. Придется, можетъ быть, еще въ теченіи этого разсказа возвратиться къ этой оригинальной личности. На курьерской тройкѣ проскакали мы съ Глѣбовымъ разстояніе 50 верстъ, отдѣлявшее насъ отъ Червленной, и пробывъ тамъ менѣе сутокъ, тѣмъ же путемъ вернулись въ Шелковую, откуда опять верхомъ на оставленныхъ у Хасташова нашихъ лошадахъ, къ счастью, благополучно прибыли въ Ташки-чу. Никто, кромѣ близкихъ нашихъ товарищей, не зналъ о нашемъ похожденіи, за которое положительно слѣдовало примѣрно взыскать съ насъ, такъ какъ, не говоря о томъ, что мы могли быть убиты и еще легче ранены, могли бы попасться въ плѣнъ въ руки бродящихъ въ то время около Ташки-чу непріятельскихъ шаекъ; подобныя глупыя выходки были въ то время

въ обычаяхъ Кавказской молодежи; была какъ бы мода безцѣльно и глупо бравировать опасностью.

Вскорѣ прибылъ въ Ташки-чу главнокомандующій гр. Воронцовъ съ сопровождавшими его лицами изъ Дагестана, и Ташки-чу оживилось во всѣхъ отношеніяхъ. Графъ дѣлалъ всѣ распоряженія къ предстоящему походу, постоянно совѣщался съ прибывающими въ Ташки-чу начальниками частей, въ особенности съ генер. Фрейтагомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ старался ознакомиться съ потребностями и духомъ управленія покорныхъ намъ кумыковъ. Князь Лобановъ Ростовскій, пользуясь знаніемъ своимъ кумыцкаго языка, обладая несомнѣнными способностями, игралъ передъ гр. Воронцовымъ роль человѣка вполне знакомаго съ Кавказомъ и пользующагося довѣріемъ горцевъ. Первое время гр. Воронцовъ вѣрилъ ему и даже поддавался отчасти его вліянію, но вскорѣ одно обстоятельство уронило его въ глазахъ главнокомандующаго, такъ высоко цѣнившаго личную храбрость. Разъ князь Лобановъ, переводя словесно принесенную кумыками жалобу на дѣйствія управлявшаго ими пристава, позволилъ себѣ прибавить нѣкоторые намеки, бросавшіе тѣнь на тогдашнее управленіе этими племенами; главнымъ приставомъ кумыцкимъ былъ въ то время маіоръ Кабардинскаго полка Ник. Семен. Кишинскій <sup>1)</sup>. Старый лихой Кавказскій офицеръ, пользующійся заслуженнымъ уваженіемъ между кавказцами, Кишинскій объяснился съ главнокомандующимъ, доказавъ несправедливость сообщеній Лобанова и, оскорбленный его клеветой, вызвалъ его на дуэль. Кн. Лобановъ-Ростовскій, не отличавшійся храбростью, прибѣгъ къ посредничеству гр. Бенкендорфа, въ высшей степени достойной рыцарской личности, но въ то время подавшеяся дѣйствительно обаятельному вліянію Лобанова, замѣшалъ даже главнокомандующаго въ это совершенно частное дѣло, чѣмъ и отклонилъ поединокъ. Это дѣло въ то время насъ всѣхъ кавказцевъ сильно волновало и еще болѣе охладило къ Лобанову, который вообще между нами не пользовался ни любовью, ни особымъ уваженіемъ.

---

<sup>1)</sup> Впослѣдствіи командиръ Апшеронскаго полка, прославившій себя въ дѣлѣ подъ Мискинджи, при освобожденіи Ахтова, и умершій въ 1870 г. начальникомъ дивизіи въ Кишиневѣ.

Высказавъ тѣ условія, въ которыя былъ поставленъ только что прибывшій на Кавказъ главнокомандующій гр. Воронцовъ, вслѣдствіе Высочайше утвержденной программы военныхъ дѣйствій, приступаю къ Даргинской экспедиціи, описанію тѣхъ событій, которыхъ былъ свидѣтелемъ, и тѣхъ впечатлѣній, которыя испыталъ въ этомъ походѣ.

#### ГЛАВА IV.

Выступление 28-го мая изъ Тамки-чу. — Чеченскій отрядъ. — Крѣпость Внезапная. — Вик. Мих. Козловскій. — Выступление въ походъ 31 мая. — Соединеніе съ Дагестанскимъ отрядомъ 3-го іюня въ Гертмѣ. — Переходъ Теренгузъ. — Дневка 4-го числа. — Рекогносцировка. — Перевалъ Кырки. — Взятіе Анчимера. — Холодная гора. — Буцуръ и Андійскія ворота. — Вступленіе 14-го числа въ Андію. — Взятіе Ацала. — Лагерь въ Андіи. — L'armée de Xerxès. — Нашъ товарищескій кружокъ. — Рекогносцировка 20-го іюня къ перевалу Регель. — Прибытіе провіанта 4-го іюля и приготовленія къ выступленію въ Дарго. — Я откомандированъ къ 1-му баталіону Литовскаго Егерскаго полка.

Для военныхъ дѣйствій въ Андіи назначены были, въ исполненіе Высочайшей воли, 2 отряда: *Чеченскій*, подъ начальствомъ командира 5-го пѣхотнаго корпуса генералъ отъ инфантеріи Лидерса, изъ 13-ти баталіоновъ, кромѣ милиціи, 28 орудій и 13 сотенъ конницы, и *Дагестанскій*, подъ начальствомъ командующаго войсками въ сѣверномъ нагорномъ Дагестанѣ генералъ-лейтенанта кн. Бебутова, изъ 10 баталіоновъ, 18 орудій и 3-хъ сотенъ конницы. Какъ важнѣйшія въ этой экспедиціи дѣйствія предстояли соединеннымъ Чеченскому и Дагестанскому отрядамъ, то главнокомандующій принялъ надъ ними лично главное начальство.

Наконецъ, 28-го мая, главная квартира съ ея тяжестями, безчисленными штабами и громадною, поражающею разнообразіемъ элементовъ, свитою тронулась въ походъ въ крѣпость Внезапную, гдѣ назначена была дневка. Переходъ этотъ совершился безъ особыхъ затрудненій, и непріятель нигдѣ насъ не тревожилъ. Передъ вечеромъ 29-го мая вступили мы въ крѣпость Внезапную. Здѣсь встрѣтилъ насъ командиръ Кабардинскаго полка, штабъ котораго

былъ расположенъ въ этой крѣпости, полковникъ Викентій Михайловичъ Козловскій. Главнокомандующій и главныя лица свиты расположились въ крѣпости, памъ же были отведены квартиры на форштатѣ и въ Андреевскомъ аулѣ, подъ крѣпостью. За ауломъ, въ долину рѣки Ахташъ, расположены были лагеремъ всѣ войска Чеченскаго отряда<sup>1)</sup>. Крѣпость Внезапная построена еще Ермоловымъ, на рѣкѣ Ахташѣ, при выходѣ изъ Аухавскаго ущелья. съ цѣлю оградить съ этой стороны Кумыцкую плоскость отъ хищническихъ вторженій непріятеля, а съ другой стороны, чтобы служить опорнымъ пунктомъ нашимъ войскамъ, при экспедиціяхъ въ Аухъ и далѣе. Подъ защитой крѣпости располагался огромный Андреевскій аулъ (Эндери) покорныхъ намъ кумыковъ, гдѣ проживали вліятельнѣйшіе князья этого племени. Крѣпость Внезапная въ то время по силѣ своей обороны могла считаться одной изъ лучшихъ на Кавказѣ; глубокіе рвы, каменные ворота, довольно удобныя помѣщенія, оборонительная башня на рѣкѣ, все это давало Внезапной довольно грозный видъ въ глазахъ горцевъ.

Говоря о моемъ пребываніи въ 45-мъ году въ этой крѣпости, не могу не остановиться на личности полковника Козловскаго, одного изъ тѣхъ честныхъ типовъ, выработанныхъ Кавказомъ, со всѣми недостатками, странностями и даже смѣшными сторонами,

<sup>1)</sup> Составъ отряда:

Пѣхоты: 13-ой пѣхотной дивизіи 1-й бат. Литовскаго Егерскаго полка. 15-й пѣхотной дивизіи: 1-й и 3-й бат. Пражскаго пѣх. полка, 1-й и 3-й бат. Люблинскаго Егерскаго полка, 2-й бат. Замостскаго Егерскаго полка. 20-й пѣхотной дивизіи: 3-й и 4-й бат. Навагинскаго пѣх. полка, 1-й, 2-ой и 3-й бат. Курлинскаго Егерскаго полка, 3-й бат. Кабардинскаго кн. Чернышева полка, 2 роты 5-го Сапернаго бат., 1 рота Кавказскаго стрѣлковаго бат. Двѣ дружины Грузинской пѣшей милиціи въ 1000 чел. Итого: 12 бат., 3 роты саперъ и стрѣлковъ, 1000 чел. милиціи.

Конницы: Кавказскихъ линейныхъ казачьихъ полковъ: Кавказскаго 2 сотни; Кубанскаго—1; Ставропольскаго—1; Моздокскаго—2; милиціи Кабардинской и Дигорской—2; Грузинской—5; итого 13 сотенъ.

Артиллеріи: Кавказской гренадерской артиллерійской бригады: горной № 1 батарен-6 орудій и 4 мортирки; 14-й артиллерійской бригады: легкой № 5 батарен 4 орудія; 20-й артиллерійской бригады: горной № 4 батарен 6 орудій, легкой № 7 бат.—4 орудія, Донской конной № 1 бат.—4 орудія. Итого 28 орудій.

Перевозочныя средства:

Черводарскій транспортъ—1000 вьючныхъ лошадей; запасного парка 14 арт. бригады—20 ящиковъ; 200 вьюковъ.

порожденными средой и нравами, въ которыхъ провелъ почти всю свою жизнь Викентій Михайловичъ. Въ 1845 году это былъ одинъ изъ старѣйшихъ офицеровъ Кавказа; солдаты безпредѣльно любили его и довѣряли ему, офицеры смѣялись надъ его выходками, но глубоко уважали его за радушіе, доброту, примѣрное самоотверженіе въ бою и преданность своему долгу. Уроженецъ, кажется, Бѣлоруссіи, получивши весьма поверхностное воспитаніе (въ шутку говорили, что онъ воспитывался въ Моздокскомъ университетѣ), съ самыхъ юныхъ лѣтъ Козловскій попалъ на Кавказъ, съ бытомъ котораго совершенно сроднился и выработалъ изъ себя тотъ особый типъ, о которомъ будетъ говорить. Викентій Михайловичъ, никогда не выдавъ обстановки высшаго свѣта, имѣлъ однако претензіи, особенно при пріѣзжихъ изъ Петербурга, выказывать, по мнѣнію его, свѣтское свое обхожденіе и вѣжливость. Между кавказцами же, напротивъ, онъ былъ весь налицо: радушный, любившій покутить и сердечно преданный солдату. Онъ не пропускалъ ни одного солдата, не поздоровавшись съ нимъ; обыкновенно въ отрядахъ подъѣзжалъ онъ къ каждой группѣ со словами: „здорово, ребята, здорово милые, здорово родные“, прибавляя къ каждому слову „какъ“: „здорово какъ“ п т. д. Я помню, въ зимнюю экспедицію 1850 года, поздоровавшись послѣ дѣла со всѣми частями, онъ видитъ подъ деревомъ группу солдатъ, спрашиваетъ: „что это“? Ему отвѣчаютъ: „тутъ сложены убитые и раненые“, и онъ подъѣзжаетъ къ нимъ, говоря: „здорово, какъ, убитые и раненые“. Въ той же экспедиціи въ Большой Чечнѣ, подъ начальствомъ Козловскаго, назначенъ былъ отрядъ для рубки просѣки. Переправившись черезъ Аргунъ у Воздвиженскаго, мы предполагали стать на вочлегъ лагеремъ около кургана Белготай; шли мы по довольно глубокому снѣгу по обширной полянѣ; я командовалъ авангардомъ въ составѣ трехъ сотенъ линейныхъ казаковъ. Вправо, и совершенно въ сторонѣ отъ нашего пути, па разстояніи 2-хъ или 3-хъ пудечныхъ выстрѣловъ, на опушкѣ лѣса показалось нѣсколько всадниковъ, и ясно было, что лѣсъ занятъ чеченцами. Козловскій, бывшій тогда уже генераломъ и начальникомъ нашего отряда, подъѣзжаетъ ко мнѣ и приказываетъ идти полуоборотъ направо. Вся колонна принимаетъ это направленіе; мы подходимъ

къ лѣсу, высылаются цѣпи моихъ казаковъ и пѣхоты, начинается перестрѣлка. Горцы за завалами въ лѣсу, мы на открытой полянѣ. Сіяющій Козловскій, на бѣлой лошади, ѣздитъ подъ выстрѣлами по цѣпи и поздравляетъ солдатъ съ боемъ, говоря съ самодовольствомъ: „а вотъ и раненные, какъ“. Послѣ добраго часу перестрѣлки, гдѣ мы потеряли, сколько помнится, человекъ 10 убитыми и ранеными, между прочими одного офицера Курипскаго полка, Козловскій наконецъ опять подъѣзжаетъ ко мнѣ и говорить: „командуйте, какъ, полуоборотъ налѣво: пора, какъ, на ночлегъ“. Голодные и изнуренные пришли мы, нѣсколько часовъ спустя, къ мѣсту лагеря. Козловскій очень любилъ меня въ продолженіе всей своей жизни, и я глубоко уважалъ эту честную, добрую кавказскую натуру; въ палаткѣ его за ужиномъ, который обыкновенно состоялъ изъ луку, водки, соленой кабанины, кизлярскаго вина и портера, которымъ онъ всегда насъ такъ усиленно угощалъ, подавая собою примѣръ, я рѣшился въ шутку сказать ему: „я отъ Васъ все учусь Кавказской войнѣ, Википтіѣ Михайловичъ, но никакъ не могу понять сегодняшняго нашего движенія, гдѣ мы потеряли людей, кажется, даромъ“. Старикъ, весь красный, вскочилъ: „странные, какъ, вы, господа! И этого не понимаете. Насъ, какъ, побьютъ, мы, какъ, побьемъ, за то бой, какъ. А за что же, какъ, Государь намъ жалованье даетъ?“ Противъ такой логики нечего было спорить: улыбаясь, всѣ мы согласились, выпивши за здоровье Козловскаго.

Другой случай. На низовьяхъ Сунжи онъ съ отрядомъ сдѣлалъ набѣгъ и взялъ аулъ; при отступленіи на нашу сторону, на лѣвый берегъ, горцы сильно насѣли на насъ и аррьергардъ понесъ большія потери. Колонна, забравъ убитыхъ и раненыхъ, уже успѣла отступить, какъ вдругъ показалось 2 баталіона кабардинцевъ, прибѣжавшихъ на тревогу изъ Умахалъ-юрта. Козловскій, увидѣвъ своихъ старыхъ однополчанъ, бросился къ нимъ, говоря: „опоздали, какъ, родные! Надобно и васъ потѣшить, чтобы не завидовали, какъ, курипцамъ“ и переправилъ эти баталіоны опять въ аулъ безъ всякой цѣли. Отступленіе сопряжено было съ новыми потерями, но всѣ вернулись довольные. Зато „былъ, какъ, бой“. Но самый оригинальный изъ числа нескончаемыхъ анекдотовъ о

Козловскомъ былъ рапортъ его въ 1846 году къ генералу Фрейтагу, которому онъ былъ подчиненъ, какъ начальнику лѣваго фланга. Полковой адъютантъ капитанъ Козинцовъ, который занимался его перепиской, былъ въ отсутствіи, и Викентій Михайловичъ собственноручно послалъ генералу Фрейтагу нижеслѣдующій рапортъ, который сей послѣдній всегда хранилъ у себя и показывалъ добрымъ своимъ знакомымъ и Козловскаго пріятелямъ. Рапортъ слѣдующій: „Хотя рѣдко, но весьма часто случаются прорывы непріятельскихъ партій на вѣренную мнѣ Кумыцкую плоскость. Тотъ же самый лазутчикъ (Козловскій, вѣроятно, разумѣлъ того горца, котораго видѣлъ наканунѣ, но котораго не зналъ Фрейтагъ) доноситъ мнѣ, что партія въ 2000 человекъ намѣрена такого-то числа напасть на низовья Сунжи, почему прошу Ваше Превосходительство прислать мнѣ моментально, т.-е. недѣли па двѣ, въ подкрѣпленіе 2 роты изъ Грозной“. Еще оригинальнѣе письмо его къ старому кавказскому ветерану—генералу Каханову въ Тифлисъ. Наслышавшись отъ пріѣзжей въ отряды молодежи о любезности и красотѣ дочери Каханова, только что прибывшей въ Тифлисъ по окончаніи воспитанія въ Петербургѣ, Козловскій, постоянно озабоченный необходимостью жениться, написалъ Каханову слѣдующее письмо: „Командиръ Кабардинскаго егерскаго полка, полковникъ и кавалеръ Козловскій, свидѣтельствуя свое почтеніе Его Превосходительству (такому-то) и Ея Превосходительству супругѣ его, проситъ покорнѣйше руки дочери ихъ дѣвицы Лизы. Буде воспослѣдуетъ благопріятный отвѣтъ, проситъ адресовать въ крѣпость Внезапную, въ штабъ вышеозначеннаго полка“. Отвѣта, разумѣется, не послѣдовало, и годъ спустя Козловскій, все еще ожидая отвѣта, жаловался па неисправность почтъ. Посылая также однажды Козинцова изъ Внезапной въ Астрахань для покупки сыромятныхъ кожъ для полка, онъ поручилъ ему разузнать—нѣтъ ли въ этомъ городѣ подходящей дѣвицы для вступленія въ бракъ. Наконецъ, уже бывши генераломъ, кажется въ 1849 году, на водахъ въ Пятигорскѣ онъ познакомился съ семействомъ помѣщика Вельяминова, пріѣхавшимъ на воды изъ Россіи; изъ трехъ, уже не молодыхъ, сестеръ, онъ сдѣлалъ предложеніе старшей, Аннѣ Васильевнѣ, въ высшей степени доброй и достойной женщинѣ,



всѣми внослѣдствіи уважаемой на Кавказѣ, и предложеніе его было принято. Оригинально также, какъ Викентій Михайловичъ разсказывалъ, какъ онъ сдѣлалъ предложеніе. Заставъ ее за пальцами въ комнатѣ и предварительно намекнувъ о своемъ намѣреніи, онъ сказалъ: „я въ будущей подругѣ, какъ, не ищу ни молодости, ни красоты, а доброй души; въ васъ все я нашелъ“. Затѣмъ, быстро вынувъ изъ челюсти всѣ свои вставные зубы, онъ показалъ ихъ Аннѣ Васильевнѣ, сказавъ: „фальши, какъ, не люблю: берите, какъ есть“. Онъ вполне былъ съ женою счастливъ и прижилъ дѣтей. Къ сожалѣнію, Анна Васильевна совершенно вскорѣ оглохла. Когда онъ командовалъ въ Грозной и имѣлъ гражданское управленіе горцами, онъ говорилъ: „говорятъ, какъ, трудно управлять; не нахожу: принесутъ, какъ, бумаги, ну и подпишешь. Вотъ, правда, одолѣваютъ, какъ, дѣла азіатовъ. Ну, что-жъ? Прійдутъ, скажешь имъ: „маршалъ“ (по-чеченски: „здравствуй“), потомъ пошутимъ, какъ, и скажемъ: „придите завтра“. Они и уйдутъ“.

Въ 1850 году, при проѣздѣ Государя (еще наслѣдникомъ престола) черезъ Грозную, принимая Его Высочество со всей свитой у себя въ домѣ, какъ командующій войсками, за обѣдомъ, на вопросъ Государя Наслѣдника женатъ ли онъ, Козловскій, отвѣчая утвердительно, прибавилъ: „такого-то числа проводилъ Анну Васильевну, какъ, до станицы Николаевской и возвратился обратно въ Грозную“. Это возбудило невольную улыбку всѣхъ присутствующихъ, но каково же было положеніе Великаго Князя и насъ всѣхъ, когда спустя довольно времени послѣ этого разговора, вставая изъ-за стола, Викентій Михайловичъ подошелъ къ Наслѣднику и чрезвычайно громко сказалъ ему на ухо: „и беременна, какъ“. Всѣ не могли удержаться отъ смѣху. Государь Наслѣдникъ поспѣшно вышелъ черезъ гостинную въ спальню, чтобы скрыть свой смѣхъ. Козловскій же ничего не замѣтилъ. Черезъ нѣсколько минутъ Государь Наслѣдникъ, оправившись и войдя въ гостиную, объявилъ Козловскому, что онъ желаетъ непремѣнно быть воспріемникомъ будущаго новорожденнаго. Козловскій былъ въ восторгѣ. Много, очень много можно было бы разсказать подобныхъ характеристическихъ анекдотовъ о достойной личности Викентія Михайловича, по сказаннаго достаточно, чтобы обрисовать простоту его обхо-

жденія и своеобразность его понятій. Нельзя было не любить и не уважать этого типичнаго кавказскаго ветерана, которому вполне довѣряли и солдаты, цѣня, кромѣ его съ ними добраго обхожденія и заботъ, еще и особенное счастье, которое Козловскій имѣлъ въ дѣлахъ во всю свою службу на Кавказѣ. Почти никогда не испытывая неудачъ, онъ совершалъ подвиги, передъ которыми оставились бы самые смѣлые кавказцы. Въ началѣ сороковыхъ годовъ, окруженный огромными скопищами Шамиля въ крѣпости Внезапной, при ненадежности Кумыцкаго населенія села Андреевки, перешедшаго на сторону Шамиля, онъ, выложивъ на валу крѣпости всѣхъ больныхъ изъ госпиталя и давъ имъ изъ цейхгауза ружья, съ двумя или тремя ротами кабардинцевъ пробился штыками черезъ деревню, атаковалъ, разбилъ наголову и прогналъ Шамиля, и тѣмъ спасъ весь ввѣренный его охранѣ край.

Впослѣдствіи Викентій Михайловичъ былъ начальникомъ лѣваго фланга Кавказской линіи, потомъ командующимъ войсками всей Кавказской линіи и, наконецъ, умеръ въ Петербургѣ полнымъ генераломъ, 80-ти лѣтъ, членомъ военнаго совѣта и кавалеромъ Александра Невскаго съ брилліантами, въ семидесятихъ годахъ. Онъ постоянно до смерти предсѣдательствовалъ на обѣдахъ кавказцевъ въ Петербургѣ, гдѣ любилъ припоминать старое.

Разказы и воспоминанія о Кавказѣ и выдающихся личностей того времени отвлекаютъ меня отъ прямого изложенія нашихъ военныхъ дѣйствій; увлекаясь невольно прошлымъ, я считаю не лишнимъ при встрѣчѣ съ извѣстнымъ или дорогимъ мнѣ именемъ войти въ подробности и анекдоты, лучше всего характеризующіе понятія, обычаи и нравы описываемаго давно прошедшаго времени.

31-го мая, въ 5 часовъ утра, главнокомандующій подъѣхалъ къ собранному за крѣпостью отряду, и послѣ обычнаго молебствія выступили мы въ давно ожидаемый походъ. Въ этотъ день мы сдѣлали незначительный переходъ къ урочищу Балтугай, по направленію къ Сулаку, и расположились на ночлегъ въ садахъ раззореннаго аула Зурма-Кентъ, около Метлинской переправы. Предварительно съ ночлега были посланы авангардъ и саперы для разработки дороги по Сулаку. Весьма узкая тропинка вела по скату горы, подъ нею ревѣлъ Сулакъ, а на противоположномъ берегу тянулись

высоты отъ Чиръ-юрта по направленію къ Метламъ. Дорога была испорчена горцами почти па половинѣ пути, около сѣрныхъ источниковъ; не мало стоило трудовъ, чтобъ возстановить сообщеніе. Цѣлыя сутки лилъ дождь, и переходъ этотъ былъ весьма затруднительный для артиллеріи и нашего вьючнаго обоза. Въ Зурма-Кентъ пришли мы довольно рано, погода разъяснилась; на противоположномъ берегу рѣки возвышалась гора Ходумъ-Батъ, у подошвы которой изъ узкаго, скалистаго, ущелья съ ревомъ вырывался Сулакъ. Картина была великолѣпная, и мы вполне находились подъ столь новымъ для насъ впечатлѣніемъ походной жизни. Всѣ описываемыя мѣста, въ то время совершенно дикія, были заброшены ушедшими въ горы жителями; тринадцать лѣтъ спустя, они сдѣлались мнѣ столь извѣстными и близкими при возвращеніи съ полкомъ изъ Турціи въ штабъ-квартиру Чиръ-юртъ. Я командовалъ въ то время войсками Сулакской линіи и управлялъ вновь возвратившимися на старое пепелище жителями. Напротивъ этого же самаго Зурма-Кента, въ 1857 году, пришлось мнѣ строить новое укрѣпленіе на Метлахъ и постоянную переправу, съ оборонительною башнею для движенія нашихъ войскъ въ Салатавію.

На другой день, 2-го іюля, отрядъ нашъ тронулся по довольно удобной сначала дорогѣ по направленію къ Хубарали. Цѣпи слѣдовали и отрядъ, пройдя верстѣ 6, началъ подыматься въ Сори. Довольно небольшой лѣсъ, перерѣзанный полянами, а главное, какъ надо думать, присутствіе Дагестанскаго отряда впереди насъ, на позиціи при Гертмѣ, воспрепятствовали непріятелю предпринять противъ насъ какія бы то ни было враждебныя дѣйствія на этомъ переходѣ. Въ аррьергардѣ, правда, была незначительная перестрѣлка, окончившаяся, кажется, однимъ или двумя ранеными съ нашей стороны. Мы ночевали въ брошенномъ аулѣ Хубарали, и всю ночь проливной дождь мочилъ насъ до костей.

3-го числа мы соединились въ селѣ Гертмѣ съ Дагестанскимъ отрядомъ<sup>1)</sup>, вышедшимъ подъ начальствомъ кн. Бебутова на соединеніе къ намъ.

<sup>1)</sup> Составъ Дагестанскаго отряда:

Пѣхоты: 14-ой пѣхотной дивизіи

1-й и 2-й бат. Минскаго пѣхотнаго полка.

1-й и 3-й бат. Житомирскаго Егерскаго полка.

Немедленно двинулись мы впередъ по направленію къ селенію Бартунай. Насъ отдѣлялъ отъ Бартунай глубокій, лѣсистый Теренгульскій оврагъ, хорошо извѣстный кавказцамъ съ 44-го года. Здѣсь отрядъ генерала Нейдгардта, въ виду сильно укрѣпленной и занятой горцами Теренгульской позиціи, не рѣшился атаковать оную. Неудача эта послужила однимъ изъ несправедливѣйшихъ поводовъ военному министру, кн. Чернышеву, къ обвиненію въ глазахъ Государя достойнаго Нейдгардта, и способствовала къ удаленію его въ 45-мъ году съ Кавказа. Сидя въ С.-Петербургѣ, въ кабинетѣ, передъ топографическими картами, судили и цѣнили дѣйствія на Кавказѣ, не понимая тѣхъ препятствій, которыя могли въ данномъ случаѣ вліять на рѣшеніе начальниковъ къ неиспол-

19-ой пѣхотной дивизіи:

1-й, 2-й и 3 бат. Апшеронскаго пѣх. полка.

2-й пѣхотной дивизіи:

1-й и 2-й бат. Кабардинскаго кн. Чернышева полка.

Двѣ роты 5-го Сапернаго баталіона.

Двѣ роты Кавкасскаго Стрѣлковаго баталіона.

Итого 9 баталіоновъ, 4 роты саперъ и стрѣлковъ.

Копицы:

Кавказскихъ линейныхъ казачьихъ полковъ:

Гребенскаго . . . . . 1 сотня.

Кизлярскаго. . . . . 1/2 сотни.

Донскаго Казачьяго № 47 . . . 1/2 „

Дагестанскихъ всадниковъ . . . 126 человекъ.

Итого . . . 3 сотни.

Артиллеріи:

14-й артиллерійской бригады:

Батареи № 3 батареи . . . 4 легкихъ орудій.

Легкой № 3 батареи . . . 4 „ „

19-й артиллерійской бригады:

Легкой № 3 батареи . . . 2 горныхъ орудій.

Горной № 3 батареи . . . 8 орудій и ракетъ.

Итого . . . 18 орудій и ракетъ.

Перевозочныя средства;

Черводарскій транспортъ—1000 вьючн. лошадей, полубригада Конно-полевнаго магазина—380 вьючн. лошадей.

Дабы еще, сколько возможно, облегчить движеніе войскъ, было приказано устроить на позиціи, занятой Дагестанскимъ отрядомъ, вагенбургъ, подъ прикрытіемъ 3-хъ баталіоновъ, 2-хъ сотенъ казаковъ и 10 полевыхъ орудій; вѣсь оставлены еще нѣкоторые, менѣе необходимыя, тяжести, парковыя повозки и Черводарскія лошади.

ненію предписанной изъ Петербурга программы. На Красносельскихъ же маневрахъ ничего подобного не допускалось, и поэтому того же требовали отъ начальниковъ на Кавказѣ.

Когда мы подходили рано утромъ къ Теренгулу, то на противоположной сторонѣ виднѣлись толпы непріятеля въ числѣ 300—400 человекъ (даже были, кажется, орудія), но посланный авангардъ съ кавалеріей для перехода оврага, въ верховьяхъ онаго, въ обходъ непріятеля, вскорѣ заставилъ горцевъ оставить крѣпкую позицію свою и поспѣшно скрыться за селеніемъ старый Бартунай, который, при незначительной перестрѣлкѣ и почти безъ боя, занятъ былъ нашимъ авангардомъ. Я помню хорошо, какое чувство досады овладѣло мною при видѣ отдѣленія авангарда: я предполагалъ, что будетъ горячее дѣло, тяготился положеніемъ при штабѣ и рѣшился при первой возможности просить князя Воронцова прикомандировать меня къ строевымъ войскамъ. Все это было весьма глупо, потому что въ этомъ походѣ, какъ и въ другихъ, всѣмъ искренно желающимъ быть въ огнѣ всегда представлялась къ тому возможность. Но это объяснялось моей неопытностью и желаніемъ, какъ можно скорѣе испытать себя въ дѣлѣ.

Отрядъ нашъ цѣлый день и ночь переправлялся черезъ Теренгулъ по крутымъ обрывамъ, совершенно испорченнымъ предшествующими дождями. Только 4-го числа стянулся весь отрядъ и была дана дневка, по случаю изнуренія людей и лошадей отъ послѣднихъ двухъ переходовъ. Эту ночь мы весело провели съ товарищами безъ палатокъ и нашихъ вьюковъ, пріютившись отъ проливного дождя подъ деревьями. Во время дневки 4-го числа главнокомандующій сдѣлалъ рекогносцировку черезъ Бартунай по направленію къ Аймаку и ущелью Мичикалъ, по которому полагали двинуться на слѣдующій день въ Гумбетъ. Я былъ на этой рекогносцировкѣ, восхищаясь великолѣпною мѣстностью Салатавіи. Незначительная перестрѣлка милиціонеровъ и казаковъ напоминала только, что мы въ непріятельской странѣ, хотя совершенно оставленной жителями. Салатавія составляетъ довольно возвышенное горное плато, граничащее съ запада долиною Ахташъ, съ сѣвера—Кумыцкою плокостью, съ востока—Сулакомъ, а съ юга обрывистымъ хребтомъ, отдѣляющимъ Салатавію отъ Гумбета. Страна

эта, представляя слѣды довольно густого населенія, изобиловала самыми тучными пастбищами въ горахъ, на возвышенной плоскости; овраги же и скаты горъ покрыты были роскошнымъ вѣковымъ лѣсомъ; около опустѣвшихъ ауловъ вездѣ виднѣлись слѣды папентъ.

Произведенная рекогносцировка измѣнила намѣреніе главнокомандующаго идти въ Гумбетъ черезъ Бартунай, и на другой день, 5-го числа, съ разсвѣтомъ, при сильномъ туманѣ, мы двинулись къ перевалу Кыркъ, взявъ съ собой налегкѣ первые баталіоны 6-ти полковъ пѣхоты, одну дружину пѣшей Грузинской милиціи, 8 горныхъ орудій, 3 сотни казаковъ и 6 сотенъ конной Грузинской и Осетинской милиціи. Командованіе этими войсками было поручено генералъ-майору Пассеку.

Тутъ слѣдуетъ упомянуть о комическомъ эпизодѣ, потѣшившемъ насъ. Впереди отряда находился авангардъ, направленный изъ Бартуная къ перевалу; въ немъ находился полковникъ Генеральнаго Штаба Н..... Воронцовъ послалъ Д..... съ нѣсколькими казаками впередъ — узнать, гдѣ находится авангардъ; въ это время Н....., тоже съ нѣсколькими казаками, ѣхалъ къ главному отряду. Оба эти офицера, не отличавшіеся особыми военными доблестями, завидя другъ друга въ густомъ туманѣ, вообразили себѣ, что имѣютъ дѣло съ непріателемъ. Д..... прискакалъ назадъ, донося, что онъ наткнулся на непріятельскую партію и разсѣялъ оную. Н....., съ своей стороны, поспѣшилъ вернуться къ авангарду и, когда мы съ нимъ соединились, не замедлил донести главнокомандующему также о своихъ мнимыхъ подвигахъ; тогда Воронцовъ позвалъ Д..... и познакомилъ при всѣхъ двухъ героевъ. Это обстоятельство совершенно основательно и навсегда упрочило въ главнокомандующемъ заслуженное мнѣніе объ этихъ личностяхъ, отличавшихся кромѣ того непомѣрнымъ хвастовствомъ.

Знойное іюньское солнце разсѣяло туманъ, и къ полдню мы подошли къ перевалу Кыркъ; передъ нами открылась отвѣсная скалистая тропинка съ гранитными уступами, спускающаяся въ долину Мичикалъ. На противоположныхъ высотахъ ущелья виднѣлась гора Анчимеръ, сильно занятая непріателемъ, и высокій хребетъ по направленію къ Андійскому Кой-су. Въ разсѣлинахъ

горъ открывался видъ на Кой-су, и виднѣлась часть мѣстности около извѣстнаго по 39-му году Ахульго. Немедленно, подъ начальствомъ Пассека, были двинуты войска для выбитія непріятеля изъ занимаемой имъ позиціи. Грузинская милиція, подъ начальствомъ поручика князя Левана Меликова <sup>1)</sup>, Куринскій баталіонъ, подъ начальствомъ храбраго Бенкендорфа, бросились съ горы, перескакивая съ камня на камень, и вскорѣ явились на противоположной сторонѣ ущелья, выбивая непріятеля съ каждаго уступа крѣпко занятой имъ позиціи. Картина была великолѣпная: все дѣлалось такъ воодушевленно, такъ живо, войска брали штыками непріятельскіе завалы съ такой лихостью и удалью, что тутъ въ первый разъ понялъ я, что кавказскій солдатъ того времени былъ положительно первымъ солдатомъ въ мірѣ. Черезъ два часа гора Анчимеръ была занята нашими, и непріятель поспѣшно отступилъ, увезя свое орудіе, которымъ безвредно стрѣлялъ по штурмующимъ войскамъ. Уронъ съ нашей стороны былъ весьма малый и не превышалъ 17-ти человекъ ранеными. Шамиль долженъ былъ отказаться отъ удержанія своей позиціи въ Мичикалѣ, обойденный съ тылу смѣлымъ движеніемъ Пассека. Къ 6-му іюня стянулись всѣ войска Чеченскаго отряда, оставшіяся въ лагерѣ при Теренгулѣ, Дагестанскій же отрядъ выступилъ далѣе на позицію Мичикалѣ. Авангардъ между тѣмъ продолжалъ движеніе по высотамъ до горы Зунумеръ, сбивъ съ этой позиціи непріятеля. Здѣсь въ продолженіе 6-ти сутокъ, до соединенія 12-го числа съ главными силами, отрядъ этотъ долженъ былъ вынести страшныя лишенія отъ наступившаго вдругъ ненастья, давшаго позиціи этой между солдатами названіе холодной горы. Съ 6-го числа начались дожди; сильный, сѣверный вѣтеръ вскорѣ поднялъ страшныя мятели на высотахъ, покрывшихся довольно глубокимъ снѣгомъ. Люди были на-легкѣ, съ одними сухарями, доставать что-либо бѣдствующимъ было невозможно. Сѣдла, пики сжигались для того, чтобы отогрѣвать заковенѣлые члены или, у нѣкоторыхъ счастливыхъ, нагрѣть самовары. Вырывая ямы въ снѣгу, солдаты наши скрывались въ нихъ отъ стужи; человекъ до 200 оказались съ болѣе

---

<sup>1)</sup> Впослѣдствіи полный генералъ—генералъ-адъютантъ, командующій войсками въ Дагестанѣ.

или менѣе отмороженными членами, и это въ іюнѣ мѣсяцѣ,—но чего ни выдерживалъ кавказскій солдатъ! Когда мы соединились съ нашими молодцами, то съ обычными пѣснями, бодрые и веселые, они спустились къ намъ съ своей негостепріимной холодной горы.

По занятіи горы Анчимеръ весь отрядъ спустился въ ущелье, гдѣ пришлось также нѣсколько дней выдержать свирѣпствующее ненастье. Съ 6-го числа вся позиція и весь нашъ лагерь покрылись снѣгомъ. Вслѣдствіе стужи и всякихъ лишеній, число больныхъ возросло значительно; 12 человѣкъ замерзло или умерло отъ холода, и много было съ отмороженными членами; отъ недостатка же подножнаго корма пало нѣсколько сотъ лошадей.

Главкомандующій, убѣдившись въ невозможности двигаться далѣе съ нашими тяжестями и, въ особенности, съ полевыми орудіями и видя необходимость въ этой горной мѣстности обезпечить наше сообщеніе съ операціонной линіей и запасами въ Шурѣ, приказалъ устроить на перевалѣ Кыркъ земляной временный редутъ на 150—200 человѣкъ и на 2 орудія, сложить въ ономъ лишнія тяжести и легкія орудія и, при первой возможности, отправить на ливію и въ Дагестанъ. Маленькое укрѣпленіе названо Удачнымъ и служило этапомъ при слѣдованіи нашихъ войскъ и транспортовъ въ Андію, отправляемыхъ изъ Шуры чрезъ Евгеніевское укрѣпленіе.

8-го или 9-го числа, какъ мнѣ помнится, призвалъ меня главкомандующій, далъ письма къ князю Бебутову и словесное приказаніе, поручивъ доставить ихъ въ Мичикалъ. Эго было вечеромъ, вьюга стихла, но все ущелье было покрыто мягкимъ, рыхлымъ снѣгомъ. Глинистая почва совершенно растворилась, дороги не было и слѣдовъ. Взявъ двухъ проводниковъ изъ татаръ и воспользовавшись темнотою ночи, чтобы не попасться въ руки неприятелямъ, я выѣхалъ изъ отряда. Нельзя себѣ представить, что испыталъ я въ эту ночь: лошади наши вязли по брюхо въ снѣгу и грязи, ощупью отыскивали мы слѣды тропинки, проваливались сами или обрывались вмѣстѣ съ лошадьми въ кручу по скользкой мокрой землѣ. Сколько стоило усилій, помогая другъ другу, взбираться вновь на отыскиваемую тропинку! Наконецъ, большею частью пѣшкомъ, частью верхомъ, изнуренные и обезсиленные,



при густомъ туманѣ, наткнулись мы къ утру на передовой пикетъ отряда, который доставилъ насъ къ Бебутову. Князь Василій Осиповичъ не могъ безъ смѣха смотрѣть на оборванную и испачканную фигуру мою. Исполнивъ порученіе, я приютился въ палаткѣ добраго Бенкендорфа, который отогрѣлъ меня и одѣлъ въ свое бѣлье и платье, покуда сушились бранные остатки моей одежды около разведенныхъ въ лагерь костровъ. Пройденная мною дорога была въ тотъ же день, по возможности, разработана войсками и 10-го числа прибылъ въ Мичикалъ съ отрядомъ и главнокомандующій.

11-го числа всѣ отряды двинулись далѣе къ перевалу Буцуръ или, такъ называемымъ, Андійскимъ воротамъ. Дорога шла по скалистымъ горамъ, совершенно безлѣснымъ, при крутыхъ и затруднительныхъ подъемахъ. Саперы безпрестанно впереди должны были расчищать путь, густой туманъ непроницаемой завѣсой покрывалъ всю мѣстность. Здѣсь былъ случай, доказывающій всѣ неожиданныя опасности, которымъ подвергались неопытные въ этой войнѣ отъ дерзкихъ и смѣлыхъ покушеній знакомаго съ мѣстностью непріятеля. Командиръ 5-го Сапернаго баталіона, полковникъ Завальевскій, пришедшій съ 5-мъ корпусомъ на Кавказъ, вѣроятно, безъ должной предосторожности, во время тумана, осматривалъ работы своей части на дорогѣ, и былъ взятъ въ плѣнъ или убитъ горцами. Когда мы пришли на ночлегъ, его въ отрядѣ не оказалось, и участь его осталась навсегда неизвѣстною.

Спустившись съ высокой горы, мы, наконецъ, пришли въ долину, недалеко отъ селенія Цилитль, гдѣ соединился съ нами отрядъ Пассека. Шель проливной дождь и къ вечеру разразилась такая буря, что рвало и уносило палатки и всю ночь не было возможности развести огня. Солдаты и мы питались холодною пищею, и провели далеко непокойную ночь. Къ утру 13-го числа вѣтеръ стихъ и предположено было съ бою занять сильно укрѣпленные, по словамъ лазутчиковъ, и занятые непріателемъ Андійскія ворота (глубокую расщелину горы Буцуръ), единственный съ этой стороны доступъ въ Андію. Уже впослѣдствіи узнали мы отъ лазутчиковъ, что Шамиль, при приближеніи нашемъ къ Андіи, рѣшился упорно защищать Буцуръ, но продолжительное ненастье и холодъ побудили его бросить эту позицію, предавъ пламени

аулы Андій. Рекогносцировка открыла, что непріятель бросилъ Андійскія ворота; проходъ немедленно былъ занятъ частью войскъ, и рѣшено было здѣсь построить другой, промежуточный, редутъ по линіи нашихъ сообщеній.

Во все это время веселость не оставляла насъ, и вечеромъ, за кахетинскимъ бурдюкомъ, постоянно пѣли мы и забавлялись. Въ то время была въ модѣ извѣстная пѣснь „messieurs les étudiants, s'en vont à la chaumière“; на этотъ голосъ сочинялись куплеты о событіяхъ каждаго дня въ продолженіе всего похода и составлялась предлинная пѣснь, которую теперь я, разумѣется, забылъ, но помню нѣкоторые куплеты. Такъ, по случаю оставленія непріателемъ Буцура и несбывшихся надеждъ на штурмъ:

„Les portes de l'Andie  
„Sont comme des portes-cochères,  
„En haut il est écrit:  
„Vous entrerez sans faire  
„La guerre toujours,  
„La nuit et comme le jour!“

Были, я помню, очень остроумные куплеты, задѣвающіе многія личности въ отрядѣ, которые Воронцову не совсѣмъ нравились, хотя онъ любилъ прислушиваться, когда мы пѣли. Я самъ, по окончаніи экспедиціи, когда, освобожденные отрядомъ Фрейтага, мы вышли въ Герзель-аулъ, прибавилъ заключительный куплетъ этой пѣсни:

„Enfin Gherzel-haul  
„Nous rend à la lumière  
„Mais ce n'est pas toujours  
„Qu'on sort de cette manière,  
„La guerre etc...“

А на сухарную экспедицію пѣли:

„Le général Klouxa <sup>1)</sup>  
„Dans l'affaire des biscuits  
„Ne nous rapporta  
„Que des blessés et lui  
„La guerre etc...“

---

<sup>1)</sup> Такъ звали солдаты генерала Ключенау.

14-го іюня, въ 6 часовъ утра, поднялись мы на Будуръ и вступили въ Андію. Свирѣпствовавшія въ послѣднее время непогоды прекратились и разсѣявшійся туманъ открылъ намъ восхитительный видъ всей котловины, составляющей Андію. Влѣво, за Апдійскимъ Кой-су, виднѣлись на правомъ берегу рѣки богатые аулы Конхидатль и Тлохъ съ ихъ садами, а у ногъ нашихъ 4 или 5 деревень, составлявшихъ собственно Андійское общество. Аулы эти были оставлены, по приказанію Шамиля, жителями и преданы пламени. Дымящіеся ихъ остатки дополняли великолѣпную картину, которая открылась намъ съ Бупурскихъ высотъ.

Весело и бодро вступилъ нашъ отрядъ въ Андію, куда долѣ никогда не проникала русская нога. Мы направились къ главному селенію Гоготль и Анди. Первое изъ нихъ, послѣ незначительной перестрѣлки, было занято авангардомъ и грузинской дворянской дружиной, при ничтожной потерѣ. Непріятель расположенъ былъ за рѣчку Годаръ, на крутыхъ возвышенностяхъ. Горная тропа вела на эти высоты; она была перерѣзана завалами, и самъ Шамиль находился здѣсь со своими скопичами при трехъ орудіяхъ. Милиціонеры, педшіе въ авангардѣ, были встрѣчены въ селеніи Анди довольно сильнымъ сопротивленіемъ горцевъ, зашѣвшихъ въ развалинахъ сакель. Въ подкрѣпленіе былъ посланъ 3-й баталіонъ Кабардинскаго полка, которымъ на время экспедиціи командовалъ прибывшій изъ Петербурга полковникъ, князь Барятинскій (нынѣ фельдмаршалъ). Егеря опрокинули горцевъ, переправились черезъ рѣчку и бросились на непріятельскую позицію, выбивая штыками изъ заваловъ горцевъ. Остальные баталіоны Кабардинскаго полка подоспѣли къ товарищамъ, несмотря на сильный ружейный и артиллерійскій огонь, крутизну подъёмовъ и на огромные камни, скатываемые горцами съ высотъ. Войска наши и спѣшленные милиціонеры вытѣснили непріятеля и запыли горы. Шамиль поспѣшно бѣжалъ и во все время пребыванія нашего въ Андіи почти не беспокоилъ насъ. Потеря наша въ этомъ дѣлѣ, извѣстномъ подъ названіемъ—„дѣло при Адалѣ“ (такъ называли гору, гдѣ оно происходило), была незначительна <sup>1)</sup>). Раненъ былъ

<sup>1)</sup> Убитыми: 1 оберъ-офицеръ и 5 нижнихъ чиновъ; ранеными: 1 штабъ-офицеръ, 9 оберъ-офицеровъ и 54 нижнихъ чиновъ; контужено: 5 оберъ-офицеровъ и 57 нижнихъ чиновъ.

полковникъ князь Бяратипскій легко пулей въ ногу и довольно тяжело въ ногу командиръ одной изъ ротъ Кабардинцевъ, штабсъ-капитанъ Нейманъ <sup>1)</sup>). Когда на мѣстѣ сраженія, при сильныхъ страданіяхъ, вынимали у Неймана пулю изъ ноги, то онъ, увидѣвъ подѣзжавшаго къ нему князя Воронцова, закричалъ ему: „теперь видите, ваше сіятельство, каковы Кабардинцы, — ужъ не хуже Куринцевъ!“ (Князь очень хвалилъ Куринцевъ за взятіе позиціи Анчи-меръ 6-го числа). Я привожу этотъ фактъ, какъ примѣръ того духа, который господствовалъ въ то время между войсками.

Затѣмъ весь отрядъ расположился съ главной квартирой около селенія Гоготля; передовыя войска заняли селеніе Анди и позицію впереди нашего лагеря, по дорогѣ въ Будуръ. Здѣсь мы простояли до 6-го іюля, т.-е. до занятія Дарго, и потому не лишнимъ будетъ сказать нѣсколько словъ о мѣстности, въ которой мы расположились лагерной стоянкой, и о личныхъ моихъ отношеніяхъ и впечатлѣніяхъ.

Андія, расположенная на одномъ изъ возвышенныхъ плато Дагестана, окаймленная горами, отдѣляющими ее отъ Гумбета, Салатавіи и Ичкеріи съ востока, сѣвера и запада, съ юга отдѣлена была Андійскимъ Кой-су отъ Аваріи (бывшее Аварское ханство). Жители Андіи, населявшіе 5 деревень (такъ называемое Андійское общество), подчиненные силою власти Шамиля и мюридизму, были однимъ изъ менѣ воинственныхъ и фанатическихъ племенъ воинственнаго и фанатическаго Дагестана. Они занимались земледѣліемъ на искусственныхъ террасахъ, по отрогамъ и скатамъ горъ, около ауловъ, по съ огромнымъ трудомъ обработанныя поля щедро вознаграждали обильнымъ урожаемъ усиленныя ихъ работы, производимыя, какъ и во всемъ Дагестанѣ, преимущественно женщинами. Горныя, тучныя пастбища сосѣднихъ обществъ доставляли возможность андійцамъ вести довольно обширное скотоводство. Андія извѣстна была выдѣльваніемъ бурокъ, распространенныхъ по всему Дагестану и Закавказью, и вообще населеніе, благодаря торговой своей предприимчивости, пользовалось относительнымъ благосостояніемъ и богатствомъ, въ сравненіи съ своими сосѣдями. Дес-

---

<sup>1)</sup> Умеръ плацъ-маіоровъ Шлиссельбургской крѣпости.

политическая власть Шамиля, принявшая начало въ духовномъ фанатическомъ ученіи мюридизма при его предшественникахъ, при послѣднемъ имамѣ обратилась въ чисто политическую силу, сплотившую и покорившую всѣ вольныя горскія племена этой части Кавказа непреклонной волѣ своего властелина. Андійцы, при появленіи нашихъ войскъ, должны были удалиться въ сосѣднія горы, и Шамиль оставилъ намъ раззоренную страну съ дымящимися селеніями, сожженными его приверженцами. Страна эта совершенно безлѣсная, какъ выше сказано, и по времени года съ несозрѣвшими своими полями не могла предоставить намъ какихъ бы то ни было удобствъ. Одиѣ только уцѣлѣвшія отъ пожара сакли доставляли во время стоянки пашей дрова для отряда.

Князь Воронцовъ, со свойственнымъ вельможѣ его закала гостепріимствомъ, держалъ для всего громаднaго штаба своего и командированныхъ изъ Петербурга лицъ постоянный столъ въ главной квартирѣ. Столъ этотъ отличался тою походною простотою, которою окружалъ себя князь во всѣхъ экспедиціяхъ, гдѣ онъ принималъ участіе. Пріятельность его, вниманіе и учтивость привлекали къ нему дѣйствительно общее сочувствіе. Этотъ европейскій взглядъ на отношенія начальника къ подчиненнымъ поражалъ многихъ, привыкшихъ поддерживать свое начальническое значеніе и достоинство суровостью обращенія съ подчиненными. Тѣмъ не менѣе старые кавказцы не довѣряли еще вполне князю и, опытные въ Кавказской войнѣ, не предвѣщали ничего добраго отъ предстоящихъ дѣйствій. Послѣдствія оправдали эти опасенія, по въ этомъ случаѣ князь Воронцовъ былъ только искупительною жертвою того безобразнаго и несостоятельнаго образа военныхъ дѣйствій, которымъ руководилъ Петербургъ, и который послѣ Даргинской экспедиціи, по энергическимъ настояніямъ князя, былъ измененъ и далъ такіе блистательные результаты за время его управленія краемъ. Старые кавказцы видѣли въ огромной свитѣ, окружавшей князя, въ сопровождающемъ оную вьючномъ обозѣ („*armée de Xerxès*“, какъ ее вазывали) важное препятствіе для движенія нашего въ трудной и лѣсистой мѣстности Ичкеріи. Отдаленіе паше отъ операціоннаго базиса Темиръ-Ханъ-Шуры и необходимость содержать укрѣпленные этапы на пути слѣдованія нашихъ транспор-

товъ, раздробляя силы отряда въ этой пересѣченной мѣстности, представляли также не малыя опасенія за будущее продовольствіе войскъ. Весьма рѣзкія сужденія слышались по этому поводу. Съ другой стороны, разнохарактерность войскъ и начальствующихъ не внушали вообще особаго довѣрія кавказцамъ. Начальникомъ штаба у Воронцова былъ достойный генералъ Владиміръ Осиповичъ Гурко, бывшій командующимъ войсками Кавказской линіи. Онъ дѣйствительно былъ образованный, храбрый, достойный уваженія чловѣкъ, но ничѣмъ особенно не отличался на Кавказѣ и нѣсколько театральныя и высокопарныя его выраженія вредили ему во мнѣніи старыхъ кавказцевъ. Къ тому же, прежнее самостоятельное его положеніе измѣнилось къ прямому подчиненію его новому главнокомандующему и, какъ кажется, вліяло и на личныя ихъ отношенія. Генералъ Лидерсъ, съ частію войскъ своего корпуса, находился также въ нашемъ отрядѣ; російскія войска, совершенно неосновательно, считались какъ бы пасынками въ семьѣ кавказцевъ, и Лидерсъ не могъ не страдать отъ этого паправленія и, къ тому же, роль его теряла самостоятельность, къ которой онъ привыкъ; затѣмъ присутствіе принца Гессенскаго и всѣхъ лицъ, прибывшихъ изъ Петербурга и изъ Тифлиса стяжать лавры въ предполагаемыхъ военныхъ дѣйствіяхъ, вносили новый и несродный кавказцамъ элементъ въ главную квартиру князя Воронцова. Покуда не было настоящихъ серьезныхъ дѣлъ и опасностей, все это интриговало, судило, рядило, съ полнымъ незнаніемъ дѣла, и возбуждало неудовольствія между прежними, коренными, кавказскими представителями. Весьма естественно, что это настроеніе образовало въ главной квартирѣ особые кружки; упомяну о томъ, къ которому я принадлежалъ. Онъ состоялъ преимущественно изъ прежняго штаба-генерала Нейдгарта и прежнихъ кавказцевъ. Товарищами моими были: князь Козловскій, Глѣбовъ и съ нами сдружились съ перваго же раза адъютанты Воронцова: товарищъ мой по университету—Лонгиновъ, Сергѣй Илларионовичъ Васильчиковъ, Нечаевъ, князь Ревасъ Андронниковъ, а также присталъ къ нашей компаніи добрѣйшій Михаилъ Павловичъ Щербининъ, гражданскій чиновникъ, сопровождавшій князя, и нѣкоторые другіе. Изъ прежнихъ кавказцевъ: генеральнаго штаба капитанъ Александръ Ни-

колаевичъ Веревкинъ, Николай Яковлевичъ Дружининъ, назначенный комендантомъ главной квартиры, генераль Безобразовъ, нашъ университетскій товарищъ юнкеръ Куринскаго полка Мельниковъ и многіе другіе составляли дружескій товарищескій кружокъ, постоянно собиравшійся то у одного, то у другого, около палатки, гдѣ вечеромъ пѣли пѣсни и угощались шашлыкомъ и кахетинскимъ виномъ, покуда оно было. Остальныя лица штаба держали себя отдѣльно, хотя перѣдко, возбужденные нашимъ весельемъ и беззаботною молодостью, приходили повеселиться съ нами. Князь Воронцовъ въ это время вообще относился къ намъ довольно безразлично и, думаю, даже ему не совсѣмъ нравились иногда толки нашего общества, но онъ любилъ молодость и ему было пріятно отчасти видѣть тотъ веселый духъ, который мы вселяли въ главной квартирѣ.

Несмотря на устроенные промежуточные пункты, по трудности мѣстности, транспорты изъ Шуры приходили къ намъ, въ Андію, весьма неисправно; провіантъ иногда разлагался на два, на три лишнихъ дня, и маркитанты частей не имѣли, за недостаткомъ подвоза, даже необходимаго для офицеровъ. Одно время не было у насъ сахару, и я припоминаю забавный случай со мною. Почтенный генераль Безобразовъ, палатка котораго была около моей, имѣлъ привычку постоянно пить чай, который онъ очень любилъ; сахару уже у него не было; онъ разъ видѣлъ, какъ я спряталъ подъ подушку своей койки небольшой обломокъ сахара, который, не помню, гдѣ-то досталъ. Когда я заснулъ, Безобразовъ, подкравшись, вытащилъ этотъ сахаръ; я поймалъ его на мѣстѣ преступленія, разумѣется, отдалъ ему сахаръ, но, при общемъ хохотѣ, мы потребовали отъ него дать намъ ужинъ и угостить бурдюкомъ кахетинскаго, который весь у него и роспили въ этотъ же вечеръ. Лѣтъ двадцать спустя, въ Петербургѣ, удрученный болѣзнью и старостью, часто припоминалъ онъ мнѣ и смѣялся надъ этимъ событіемъ. Во время стоянки въ Андіи происходили слѣдующія незначительныя военныя дѣйствія и дѣлались слѣдующія распоряженія. У селенія Гоготля возводился временный редутъ, примѣрно на батальонъ и 4 орудія, для склада провіанта на предстоящую намъ экспедицію въ Ичкерію, на нашемъ главномъ сообщеніи съ Дагестаномъ. Когда мы двинулись къ Дарго, въ этомъ редутѣ былъ

оставленъ храбрый полковникъ Бельгардъ, командиръ Пражскаго пѣхотнаго полка. Бельгардъ, хотя въ то время служилъ въ 5-мъ корпусѣ, былъ извѣстенъ Кавказу по храбрости своей и ранамъ, полученнымъ въ Дагестанѣ, когда онъ отъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка былъ командированъ для участія въ экспедиціи.

Затѣмъ мелкія перестрѣлки и преслѣдованія нашихъ транспортовъ разнообразили иногда довольно монотонную нашу лагерную жизнь.

Наконецъ, 20-го числа назначено было произвести усиленную рекогносцировку, по направленію къ Дарго, на перевалъ Регель и въ горное общество Телнуцалъ, къ чему особенно побудило появленіе Шамиля на высотахъ Азалъ, куда со скопищами своими онъ прибылъ для наблюденія за нашими дѣйствіями. Легкій отрядъ нашъ состоялъ изъ 7-ми баталіоновъ, роты саперъ, роты стрѣлковъ, 2-хъ дружинъ грузинской пѣшей милиціи, 9-ти сотенъ конницы и 8 горныхъ орудій. Мы тронулись по направленію къ Дарго и, когда поднялись на Регельскій перевалъ, передъ нами открылась одна изъ великолѣпнѣйшихъ картинъ, впечатлѣніе которой я до сихъ поръ сохраняю въ памяти своей. У ногъ нашихъ, къ востоку, открылся лѣсистый спускъ въ Дарго, вскорѣ обгаренный кровью нашихъ солдатъ; далѣе виднѣлась вся лѣсистая Ичкерія со своими долинами и хребтами. Къ сѣверу тянулась вся большая Чечня, открывалась Сунжа и, по равнинѣ, вьющійся Терекъ; наконецъ, слабой полосой на горизонтѣ величественную эту картину окаймляло Каспійское море. День былъ совершенно ясный, небо безоблачно, мы находились на высотѣ нѣсколькихъ тысячъ футовъ, передъ нами открывался горизонтъ болѣе чѣмъ на 150 верстъ. Съ восторгомъ насладились мы неописанной величественностью представившейся картины; никто не подозрѣвалъ тѣхъ испытаній и страданій, которыя суждено было скоро переносить намъ въ мѣстности, которую въ то время такъ восхищались.

Отрядъ нашъ повернулъ влѣво, по безлѣсной возвышенности, по направленію къ скопищу Шамиля; быстрой атаки нашей кавалеріи непріятель не дождался и, бросивъ позицію, поспѣшно отступилъ за Андійскій Кой-су. Я помню, что приблизительно на мѣстѣ, гдѣ красовался зеленый зонтикъ Шамиля, подъ которымъ



онъ сидѣлъ, казаки или милиціонеры наши нашли маленькую переплетенную книжку корана, которая была подана главнокомандующему. Слѣдуя далѣе, отрядъ нашъ дошелъ до обрывистыхъ утесовъ, которые прорѣзалъ Андійскій Кой-су. Внизъ по теченію рѣки, на противоположномъ берегу, передъ нами виднѣлся построенный террасами на обрывѣ скалъ обширный аулъ Конхидатль, гдѣ, какъ говорили, у Шамиля находилось производство пороха. Конхидатль окруженъ садами, придающими ему чрезвычайно живописный видъ. Мѣстность, въ которой мы находились, составляла общество Технуцаль, оставленное жителями. По трудности мѣстности и по отсутствію всякихъ переправъ черезъ Кой-су, мы не пошли дальше, что, впрочемъ, отвлекло бы насъ отъ прямой цѣли экспедиціи. Мы расположились лагеремъ или, лучше сказать, бивакомъ, передъ вечеромъ, около большого озера на этомъ возвышенномъ плато. Покуда солдаты варили кашу, а намъ готовился походный обѣдъ, прозрачность воды озера, при жарѣ, которую мы испытывали во время всего перехода, невольно манила насъ купаться. Наши солдатики и мы съ жадностью бросились въ воду, но каково же было общее удивленіе, когда мы нашли это озеро, у береговъ даже не очень глубокое, до того наполненнымъ рыбою, что мѣстами было трудно плавать. Рыба эта была форель особой породы, съ совершенно черной кожей, покрытой красными правильными пятнами; нѣкоторые изъ нихъ попадались величиною въ  $1\frac{1}{2}$  аршина и болѣе. Судя по обилію ихъ, надо полагать, что горцы ея не пользовались. Ловкіе наши солдатики, связывая штаны и рубашки, наловили ее такую массу, что угощались всю ночь и оставили множество рыбы на берегу. Князь Воронцовъ былъ очень заинтересованъ этимъ явленіемъ и приходилъ неоднократно къ озеру. Всѣ были крайне довольны во время этой занимательной рекогносцировки. 21-го числа всѣ мы вернулись въ прежній нашъ лагерь въ Анди, ожидая съ нетерпѣніемъ транспорта провіанта, и всѣ готовились къ движенію въ Дарго. Наконецъ, 4-го іюля транспортъ пришелъ, провіантъ розданъ и сдѣлана диспозиція для наступательнаго движенія.

Отношенія мои къ князю Воронцову, какъ выше сказано, были далеко не близкія и не тѣ, которыхъ я удостоился впослед-

ствіи. Меня крайне тяготила штабная обстановка и всё присущія тому разнообразному обществу отношенія, которыя существовали при главной квартирѣ. Я рѣшился просить князя прикомандировать меня на все время экспедиціи во фронтъ, къ одному изъ баталіоновъ отряда, назначенныхъ въ авангардъ. Князь Воронцовъ уважилъ мою просьбу, и я былъ откомандированъ къ 1-му баталіону Литовскаго Егерскаго полка (5-го корпуса). Батальонъ этотъ при какомъ-то несчастномъ дѣлѣ, въ польскую кампанію 30-го года, потерялъ свои знамена, и князю Воронцову Государемъ было предписано при первой возможности дать ему случай отличія и возвращенія знамени. Батальонъ, вслѣдствіе этого, и былъ назначенъ передовымъ въ авангардъ, при движеніи въ Дарго. Я былъ, какъ понятно, крайне восхищенъ своимъ назначеніемъ и возбужденъ до крайности мыслью объ отличіи. 5-го числа собравшіеся товарищи въ моей палаткѣ провели, по обыкновенію, вечеръ за дружеской бесѣдой, съ пѣснями и ужиномъ. Во всемъ отрядѣ гремѣла музыка, слышались пѣсни, всё радовались предстоящему дѣлу. Я не забуду, какъ въ этотъ вечеръ товарищъ нашъ Мельниковъ, отличнымъ своимъ голосомъ возбуждая насъ старыми студенческими пѣснями, вдругъ остановился, задумался и рассказалъ намъ о страданіяхъ и смерти Куринскаго же полка юнкера, князя Голицына, которой онъ былъ свидѣтелемъ. Въ предшествующемъ году, во время экспедиціи въ Чечнѣ, въ Гойтинскомъ лѣсу Голицынъ былъ раненъ пулею въ животъ, и изъ раны вышелъ сальникъ, который, при несвоевременной операціи, былъ причиною смерти Голицына послѣ страшныхъ страданій. Павлуша (Мельниковъ), какъ всё его звали, говорилъ: „пускай бы, куда хотятъ, только не въ животъ; а кто знаетъ: можетъ быть, именно, туда и попадутъ“. Лонгиновъ, всегда веселый, также насъ поразилъ своей угрюмостью, какъ будто предчувствуя свой близкій конецъ. На это въ то время никто не обратилъ вниманія и за первымъ стаканомъ вина и съ первою хоровою пѣснью все было забыто. Но это обстоятельство врѣзалось въ моей памяти послѣ скорой потери этихъ двухъ университетскихъ товарищей и друзей моихъ.

---

## ГЛАВА V.

Выступленіе 6-го іюля въ Дарго.—Завалы.—Я раневъ въ ногу.—Мельниковъ.—Генераль Фокъ.—Амосовъ.—Взятіе Дарго.—Дѣло 7-го іюля при Цонтери.—Сухарная экспедиція 10-го и 11-го числа.—Смерть Викторова, Пассека и Ранжевскаго.—Беклемишевъ.—Приготовленія къ выступленію изъ Дарго.—Уничтоженіе лишнихъ тяжестей.—Маршъ и бой 13-го іюля.—Цонтери.—Иванъ Михайловичъ Лабинцевъ.

Со свѣтомъ 6-го іюля войска, по составленной диспозиціи <sup>1)</sup>, бодро и стройно выступили въ походъ. Проходя мимо новаго укрѣпленія въ Гогатлѣ, мы простились съ добрымъ Бельгардомъ и оставленнымъ на этомъ пунктѣ гарнизономъ и постепенно поднимались по безлѣснымъ высотамъ этой мѣстности до перевала Регель, откуда начали спускаться въ долину Аксая. Пройдя верстъ 14, передъ самымъ входомъ въ лѣсъ, на довольно обширной полянѣ, авангардъ остановился и отрядъ началъ стягиваться. Впереди всѣхъ

<sup>1)</sup> Авангардъ подъ начальствомъ генераль-маіора Бѣлявскаго: 1-й батал. литовскаго Егерскаго полка, 2-й бат. Егерскаго кн. Чернышева полка, 4 орудія горной № 4 батареи, рота 5-го сапернаго баталіона и сотня Кавказскаго казачьяго Линейнаго полка.

Правая обходная колонна (составлявшая въ лѣсу правую цѣпь) подъ начальствомъ командующаго баталіонами Куринскаго полка, полковника, барона Меллера-Закомельскаго: 6 ротъ этого полка, взводъ Кавказскаго стрѣлковаго бат., 2-я дружина грузинской пѣшей милиціи.

Лѣвая обходная колонна (потомъ лѣвая цѣпь) подъ начальствомъ полковн. Козловскаго: 1-й бат. Люблинскаго егерскаго полка, 1-й бат. Кабардинскаго полка, взводъ Кавказскаго стрѣлковаго бат., 1-я дружина грузинской пѣш. милиціи.

Главныя силы подъ командою генерала Клугенау: всѣ вышки и тяжести отряда, 3 роты 5-го сапернаго баталіона, 2 роты кавказск. стрѣлковаго бат., 3-й и 4-й бат. Навагинскаго пѣх. полка, 3-й бат. Люблинскаго егерскаго полка, 2 орудія легкой № 7 батареи 20-й артиллерійской бригады, 6 орудій горныхъ № 1-й, 3-й и 4-й батарей.

Арьергардъ подъ командой ген.-маіора Лабинцева: 2-й бат. Замостскаго егерскаго полка, 3-й бат. Апшеронскаго пѣхотнаго полка, 4 орудія горной № 3 батареи. Казаки линейныхъ полковъ: Гребенскаго, Моздовскаго и Кубанскаго. Конныя милиціи: Грузинская, Осетинская, Кабардинская, Дагорская и Эрнеминская, слѣдовавшія съ авангардомъ, должны были, подъ начальствомъ ген.-маіора Безобразова, занять мѣсто влѣво отъ отряда съ той цѣлью, чтобы, если мѣстность будетъ благоприятствовать, воспользоваться ею для быстраго преслѣдованія непріятеля.

Всего при наступленіи на Дарго находилось: 10½ баталіоновъ, 4 роты саперъ, 3 роты стрѣлковъ, 2 дружины Грузинской пѣш. милиціи, 4 сотни казаковъ, 9 сотенъ конной милиціи, 2 легкихъ орудій, 14 горныхъ орудій.

Всего было въ строю пѣхоты (со включеніемъ пѣшей милиціи) 7490 и конницы 1218 человекъ и 342 артиллериста.

былъ Литовскій Егерскій баталіонъ, къ которому я былъ прикомандированъ; имъ командовалъ майоръ Степановъ (убитый при штурмѣ Дарго), а первой Карабинерной ротой, въ которой я состоялъ — капитанъ Макаровъ <sup>1)</sup>. Покуда авангардъ дѣлалъ двухчасовой привалъ, лежа на травѣ, къ намъ подъѣзжали многіе изъ штабныхъ (въ томъ числѣ сотникъ Едлинскій), которые приняли, безъ опредѣленнаго назначенія, участіе въ дѣлѣ авангарда. День былъ жаркій; около часу пополудни ударили подъемъ и мы тронулись; впереди Кавказскіе офицеры, по принятому обычаю, были верхомъ, что вообще въ Кавказской войнѣ, въ пѣхотѣ, было причиною большой убыли офицеровъ. Войдя въ лѣсъ и пройдя незначительное пространство, мы встрѣтили первый непріятельскій завалъ. Нѣсколько выстрѣловъ картечью изъ горныхъ орудій, находящихся при авангардѣ, очистили это первое препятствіе. При происшедшей перестрѣлкѣ мы имѣли нѣсколько раненыхъ, и между прочими убитъ пулею генеральнаго штаба полковникъ Левисонъ 5-го корпуса.

Спускаясь далѣе, лѣсъ все болѣе и болѣе сгущался, дорога все сѣуживалась; наконецъ, мы увидѣли передъ собой весьма узкій лѣсистый хребетъ, гдѣ дорога, мѣстами шириною не болѣе двухъ или трехъ сажень, едва позволяла проходить одному орудію. Съ обѣихъ сторонъ дороги спускались отвѣсныя, лѣсистыя кручи; за образующей дорогу лощиной представлялся довольно крутой подъемъ, окаймленный непроходимымъ лѣсомъ и перерѣзанный, расположенными амфитеатромъ, огромными непріятельскими завалами. Завалы эти составлены были изъ вѣковыхъ деревьевъ, переплетенныхъ сучьями и укрѣпленныхъ насыпной землей и камнями. Весь этотъ путь представлялъ непрерывную ткань огромныхъ брусевъ и густыхъ вѣтвей.

Первый крѣпкій завалъ находился еще на спускѣ, затѣмъ упомянутая котловина отдѣляла эту защиту отъ послѣдующихъ заваловъ, расположенныхъ на подъемѣ дороги. Всѣ завалы заняты были значительнымъ числомъ непріятеля; папахъ горцевъ виднѣ-

---

<sup>1)</sup> Впослѣдствіи служившій въ Кубанскомъ егерскомъ полку на Кавказѣ. Я встрѣтился съ Макаровымъ впослѣдствіи въ Кіевѣ, бывши генераль-губернаторомъ, съ особеннымъ чувствомъ удовольствія видѣть стараго начальника.

лись изъ-за листьевъ и безмолвные стволы ихъ винтовокъ блистали между сучьями, ожидая нашего приближенія. Литовскіе егеря бросились въ штыки, всѣ мы имѣли глупость, не слѣзая съ лошадей, съ обнаженными шашками, скакать на заваль впереди, какъ будто можно было перескочить эту преграду, — впрочемъ нѣкоторые и перескочили. По насъ, кромѣ убійственнаго, почти въ упоръ, огня изъ атакуемаго завала, направлены были выстрѣлы непріятеля и изъ прочихъ заваловъ, господствующихъ надъ этой позиціей. Егеря, при огромной потерѣ, выбили скоро непріятеля изъ засады, и онъ бросился въ послѣдующіе завалы.

Здѣсь я былъ раненъ. Это случилось при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Когда мы подскакали къ завалу и пѣхота бѣглымъ шагомъ подоспѣвала къ намъ, ѣхавшій вправо, и недалеко отъ меня, Мельниковъ покачнулся и сталъ валиться съ лошади, упершейся въ сучья завала. Онъ кричалъ мнѣ: „кончено, братъ Александръ, въ животь!“ Быстро соскочивъ съ сѣдла и оставивъ лошадь свою, я бросился, чтобы стащить съ сѣдла Мельникова, нога котораго запуталась въ стремени. Въ это время я почувствовалъ какъ будто сильный ударъ въ лѣвую ногу и упалъ, но тѣмъ не менѣе съ помощью молодого князя Ираклія Грузинскаго, находящагося въ авангардѣ съ милиціею, мы успѣли стащить Мельникова съ лошади и милиціонеры вынесли его изъ огня. Я остался въ завалѣ, уже занятомъ нашими и, чтобы прикрыть себя хоть немного отъ пуль, долетавшихъ изъ прочихъ заваловъ, подползъ подъ сваленное дерево, снялъ сапогъ и началъ осматривать рану. Оказалось, что пуля пробила лѣвую икру, перерѣзавъ, какъ впоследствии я узналъ, сухія жилы, легко задѣвши кость, но не вышла наружу. Я ощупалъ ее подъ кожей и помощью сначала ногтя, а потомъ перочиннаго ножа, который былъ у меня въ карманѣ, самъ вырѣзалъ и вынулъ пулю, которую сохранилъ и подарилъ отцу, при первомъ свиданіи съ нимъ; онъ же отдалъ ее при свадьбѣ моей женѣ. Кровь обильно лилась изъ раны и я затруднялся, чѣмъ перевязать, когда пробѣжавшій мимо, чрезъ заваль къ авангарду, князь Федоръ Паскевичъ бросилъ мнѣ свой батистовый платокъ, которымъ я туго перевязалъ ногу.

Въ это время авангардъ нашъ съ генераломъ Бѣлявскимъ,

въ виду сильнаго огня изъ послѣдующихъ заваловъ, остановился весьма неосновательно подъ огнемъ горцевъ и выдвинулъ, на дорогу къ котловинѣ, горныя орудія для обстрѣливанія непріятельскихъ позицій. Нужно сказать, что, по крутизнѣ лѣсистыхъ обрывовъ, въ этомъ мѣстѣ цѣпи наши не могли быть спущены въ овраги и столпились на дорогѣ. Горцы стрѣляли снизу изъ овраговъ и съ фронта изъ заваловъ, и войска находились подъ жестокимъ перекрестнымъ огнемъ. Въ нѣсколько минутъ вся прислуга орудій была перебита и молодой артиллерійскій офицеръ, командовавшій взводомъ (къ сожалѣнію фамиліи не могу припомнить) былъ раненъ двумя пулями въ шею съ перебитіемъ позвоночнаго столба <sup>1)</sup>. Видя орудія безъ прикрытія и опасаясь, что горцы возьмутъ ихъ, генералъ Фокъ (не командуяцій никакою частью и находящійся въ числѣ диллетантовъ, при главной квартирѣ) бросился съ нѣсколькими людьми къ этимъ орудіямъ. Въ минуту всѣ были перебиты, а Фокъ, пораженный двумя пулями въ грудь, два или три раза повернулся на мѣстѣ и упалъ замертво. Я лежалъ раненный въ завалѣ, въ самомъ близкомъ разстояніи отъ этого мѣста: все это происходило на моихъ глазахъ.

Въ это время подошли, сколько мнѣ помнится, кабардинцы и Бѣлявскій съ авангардомъ бросился въ штыки въ гору, выбивая непріятеля изъ заваловъ, расположенныхъ амфитеатромъ по дорогѣ. Все это сдѣлано было чрезвычайно быстро и искупило то несомнѣнное замѣшательство, которое было передъ тѣмъ.

Вскорѣ авангардъ былъ уже на горѣ и саперы приступили къ расчисткѣ дороги. Между тѣмъ, меня подобрали милиціонеры и отнесли назадъ, къ большому дереву, гдѣ производилась перевязка раненыхъ. Тутъ увидѣлъ я бѣднаго Мельникова, которому отрѣзали часть сальника, вышедшаго изъ раны. Онъ былъ довольно бодръ и рана обѣщала благопріятный исходъ; пуля была вынута,

---

<sup>1)</sup> Здѣсь въ первый разъ я видѣлъ то, что называется tetanos (столбнякъ): офицеръ этотъ остался на ногахъ въ безсознательномъ состояніи, всѣ члены какъ бы окоченѣли, и въ этомъ видѣ былъ отнесенъ въ завалъ; потомъ онъ отошелъ. Я видѣлъ его еще при отступленіи изъ Дарго: его несли на носилкахъ, въ родѣ креселъ, такъ какъ голову онъ не могъ наклонить, вслѣдствіе раны, но онъ потерялъ всякую память, находился въ идіотизмѣ и умеръ, кажется, на одномъ изъ переходовъ въ Герзель-аулѣ.

но его преслѣдовала мысль о Голицынѣ и онъ положительно убѣжденъ былъ въ своей смерти. Во время труднаго послѣдующаго похода, намъ удалось благополучно, на носилкахъ, донести этого товарища до самаго Герзель-аула, гдѣ онъ при мнѣ и скончался въ госпиталѣ, несмотря на полную надежду на выздоровленіе. Странно, какъ въ этомъ случаѣ сильно дѣйствовало воображеніе на упадокъ его силъ.

Помню еще, какъ на перевязку привели молоденькаго, чрезвычайно красиваго собой юнкера Амосова, состоявшаго на ординарцахъ при генералѣ Лидерсѣ. Пуля, на излетѣ, попала ему ниже глаза, легко была вырѣзана, и рана была пустая, но Амосовъ плакалъ отъ мысли, что на вѣкъ изуродованъ <sup>1)</sup>. Никогда не забуду я того возбужденнаго и восторженнаго состоянія, въ которомъ я находился: я былъ счастливъ до нельзя своей раной; мнѣ казалось, что я сразу сдѣлался старымъ кавказцемъ — однимъ словомъ, чувствовалъ все то, что могъ чувствовать въ подобномъ случаѣ 24-лѣтній неопытный юноша, въ первый разъ окрещенный въ боевомъ, серьезномъ дѣлѣ. Въ это время подѣхалъ къ раненымъ князь Воронцовъ, подаль мнѣ руку, съ свойственной ему лаской и привѣтливостью обошелся со всѣми нами и впослѣдствіи часто, смѣясь, напоминалъ мнѣ о восторгѣ моемъ отъ полученной тогда раны. Послѣ перевязки посадили меня на лошадь, обвязавъ кускомъ бурки ногу, которую и укрѣпили на ремнѣ, привѣшенномъ къ лукъ моего черкесскаго сѣдла, такъ какъ стременемъ я не могъ уже никакъ пользоваться. Я вскорѣ догналъ свиту князя и оставался при ней до вступленія въ Дарго. Главная колонна начала двигаться по очищенному пути; цѣпи вели довольно усиленную перестрѣлку въ оврагахъ съ непріателемъ. Авангардъ быстро очищалъ встрѣчающіеся завалы, которыхъ до Дарго пришлось штурмовать болѣе 20-ти, и остановился только вечеромъ на

---

<sup>1)</sup> Амосовъ вскорѣ поправился и впослѣдствіи, въ чинѣ полковника, былъ адъютантомъ у генерала Лидерса. Это былъ чрезвычайно милый, веселый и острый собесѣдникъ, обладающій замѣчательнымъ даромъ импровизировать стихи. Я помню, какъ на одномъ прощальномъ обѣдѣ, въ 1853 году, въ Одессѣ, даваемомъ отѣзжавшему Дружинину, мы заказали Амосову, на голосъ тройки, стихи въ 6 куплетовъ и дали ему сроку 15 минутъ. Часы лежали на столѣ и онъ подарилъ насъ чрезвычайно милой и острой импровизаціей.

первой довольно большой полянѣ, у послѣдняго обрывистаго лѣснаго спуска къ долиנѣ Аксая и Дарго.

Съ перевязочнаго пункта, ѣхавъ въ свитѣ князя Воронцова, я на пути имѣлъ случай видѣть вблизи дѣйствія горцевъ въ этой своеобразной войнѣ. Непріятельскія пули летали, несмотря на цѣпи, со всѣхъ сторонъ на проходящіе по дорогѣ войска и व्यюки. Въ этой, перерѣзанной оврагами, мѣстности, въ этомъ сплошномъ лѣсу, густо опушонномъ листьями, перевитыми व्यущимися растеніями, кустарниками, горцы по одиночкѣ, скрываясь въ ямахъ, кустахъ, между цѣпью и колонною, поражали насъ. Выстрѣлы раздавались какъ изъ земли, и вмѣстѣ съ тѣмъ пули летѣли съ высоты деревьевъ въ нашихъ солдатъ: непріятель былъ невидимъ, но присутствіе его чувствовали повсюду. Отряду нашему, при такихъ условіяхъ, приходилось проходить по узкой горной тропинкѣ лѣсомъ отъ 4 до 5-ти верстъ, слѣдуя всю ночь, а главная колонна и арьергардъ пришли въ Дарго, съ постоянною перестрѣлкою, только утромъ слѣдующаго дня.

Проѣзжая по дорогѣ, я увидѣлъ лежащаго раненнаго пріятеля своего, лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка поручика Владиміра Врангеля. Онъ былъ прежде моимъ товарищемъ въ Кирасирскомъ полку, гдѣ я началъ службу, всѣ его очень любили за смѣлость и веселость. Какъ отличный стрѣлокъ, онъ на эту экспедицію былъ прикомандированъ къ кавказскому стрѣлковому баталіону, и въ описываемое время находился со своей ротой на позиціи. Пущенная снизу пуля разбила ему щиколку ноги, стрѣлки сутились около него, чтобы сдѣлать нѣчто въ родѣ носилокъ. Въ это время, покуда я разговаривалъ съ Врангелемъ, одинъ изъ стрѣлковъ упалъ, пораженный въ темя. Всѣ бросились смотрѣть на вершину вѣковаго чинара, подъ которымъ мы стояли, но рѣшительно, за густотою зелени, не могли высмотрѣть непріятеля. Черезъ нѣсколько минутъ другой выстрѣлъ опять ранилъ стрѣлка, и тутъ, по направленію дыма, солдатикъ, прислонившись къ стволу дерева, успѣлъ высмотрѣть на самой почти вершинѣ дерева, между вѣтками, горца. Мѣткій штуцерной выстрѣлъ — и къ общей радости, цѣпляясь за вѣтки, повалился посреди насъ едва дышашій, оборванный чеченецъ, котораго тутъ же доканали штыками. Такого рода приемы



непріятеля встрѣчались постоянно, при движеніи отрядовъ по лѣсамъ Ичкеріи въ лѣтнее время.

Почти стемнѣло и луна начинала показываться изъ-за высотъ противоположнаго берега Аксая. Я засталъ главнокомандующаго съ авангардомъ на полянѣ передъ обрывистымъ, весьма крутымъ, спускомъ къ Аксаю; далѣе на правомъ берегу этой рѣки виднѣлся пылающій аулъ Дарго, сожженный, по приказанію Шамиля, при приближеніи нашихъ войскъ. Мы простояли болѣе часу на этомъ мѣстѣ, чтобы дать возможность стянуться разбросаннымъ по пути слѣдовавія частямъ и обезпечить движеніе тяжестей и выюковъ по пройденной нами мѣстности. Картина была великолѣпная: вскорѣ луна ярко освѣтила всю мѣстность, передъ нами пылалъ Дарго—цѣль нашего похода. Но несмотря на впечатлѣнія, ощущаемыя при этой первой нашей удачѣ, на трудности, которыя мы преодолѣли,—сплошные лѣса, грозно чернѣющіе вдали, черезъ которые мы должны были проходить, еще невольно заставляли думать о той неизвѣстной будущности, которая ожидала насъ въ этомъ дикомъ, неизслѣдованномъ и почти недоступномъ краѣ. Самъ главнокомандующій, хотя не показывалъ этого, по впослѣдствіи говорилъ мнѣ, что тогда только онъ понялъ всю важность отвѣтственности и трудность предпріятія, навязаннаго ему Петербургской стратегіей. Князь могъ, по первому опыту при Дарго, оцѣнить также неуловимаго непріятеля, съ которымъ мы имѣли дѣло въ родныхъ ему лѣсахъ Ичкеріи. Можетъ быть въ эту минуту въ свѣтлой головѣ Воронцова и созрѣла мысль о будущей системѣ дѣйствія, которой онъ слѣдовалъ впослѣдствіи, и которая такъ способствовала окончательному покоренію Кавказа.

Авангардъ нашъ быстро двинулся по почти отвѣсному спуску къ Аксаю, для занятія пылающаго Дарго. Селеніе это оставлено было жителями, и только перестрѣлка съ удалявшимися на противоположный берегъ Аксая скопищами Шамиля свидѣтельствовала о присутствіи непріятеля. Вскорѣ главнокомандующій со всей своей свитой, подъ прикрытіемъ милиціи и незначительной части пѣхоты, послѣдовалъ за авангардомъ. Луна ярко освѣщала въ то время всю долину; когда мы слѣдовали по спуску, непріятельскія пули свистѣли около насъ и перелетали черезъ наши головы;

раненныхъ, кажется, не было, развѣ между милиціонерами. Я помню тутъ одно обстоятельство, которое врѣзалось въ памяти моей. Одинъ изъ крымскихъ татарскихъ офицеровъ, прибывшій на Кавказъ для стяжанія лавровъ, и одинъ штабъ-офицеръ изъ Одесскаго штаба князя, при этой незначительной перестрѣлкѣ, соскочили съ лошадей и подъ прикрытіемъ выюковъ скрывались отъ долетавшихъ пуль, полагая, что ночью трусость ихъ не будетъ замѣчена. Товарищъ мой, адъютантъ Глѣбовъ, съ которымъ я ѣхалъ рядомъ, возмущенный этимъ поступкомъ, бросился посреди выюковъ и страшнымъ образомъ билъ этихъ господъ нагайкой, умышленно называя ихъ именами конвойныхъ казаковъ князя, которыхъ онъ упрекалъ въ недостойной линейнаго казака трусости. Битые охотно приняли навязанную имъ роль и вскорѣ скрылись между выюками отъ побоевъ Глѣбова, никогда разумѣется не вспоминая объ этомъ обстоятельстве, которое очень потѣшило нашъ кружокъ.

Было около полночи, когда мы пришли въ Дарго; на уступѣ, выше селенія, на мѣстѣ, гдѣ мы расположились, была разбита какая то палатка заботами товарищей моихъ, въ которой меня положили, накормивъ чѣмъ попало. Я начиналъ уже страдать довольно сильно отъ раны, вслѣдствіе перенесеннаго утомленія въ теченіи почти сутокъ. Все то, что происходило во время стоянки нашей въ Дарго, я зналъ изъ разсказовъ товарищей и отчасти только видѣлъ, выползая изъ палатки въ теченіи дня. Дарго былъ занятъ авангардомъ, и только къ 8-ми часамъ утра 7-го числа стянулся весь отрядъ и аррьергардъ и расположился лагеремъ около главной квартиры. Такимъ образомъ заняли мы мѣстопробываніе Шамиля.

Въ этотъ, славный для русскаго оружія, день отрядъ, выступивъ изъ лагеря при Гогатлѣ въ 4 часа утра, пройдя около 20 верстъ по самой трудной, гористой, обрывистой и покрытой мрачнымъ лѣсомъ мѣстности, выдержавъ сряду около 8-ми часовъ упорнаго боя и преодолевши почти невѣроятныя препятствія, опрокинулъ враговъ на всѣхъ пунктахъ и въ исполненіе воли Государя взялъ Дарго <sup>1)</sup>). Мы здѣсь простояли отъ 6-го до 13-го іюля.

<sup>1)</sup> Мы потеряли въ этотъ день: 1 генерала, 1 штабъ и 2-хъ оберъ-офицеровъ, 24 нижнихъ чиповъ и 4 милиціонера убитыми; 9 штабъ и оберъ-офицеровъ, 98 нижнихъ чиновъ и 30 милиціонеровъ ранеными; контужено 32 человека.

Утромъ 7-го числа довольно сильная колонна кавалеріи и пѣхоты <sup>1)</sup>, подъ начальствомъ командующаго дивизіей генерала Лабинцева, была переправлена черезъ Аксай, чтобы сбить непріятеля съ высотъ лѣваго берега, гдѣ Шамиль, занявъ довольно сильную позицію у ауловъ Цонтери и Белготай, тревожилъ насъ своими скопищами и стрѣлялъ въ лагерь изъ трехъ или четырехъ имѣющихся у него орудій. Изъ палатки моей мнѣ ясно видно было столь интересующее меня движеніе колоннъ нашихъ. Мѣстность, занимаемая непріателемъ, была перерыта оврагами, частью покрытыхъ лѣсомъ, и самые аулы составляли довольно крѣпкую позицію, особенно кладбище аула Цонтери.

Пѣхота наша быстро и смѣло выбивала штыками упорно защищавшагося непріятеля, артиллерія дѣйствовала отлично мѣткимъ огнемъ своимъ. Кавалерія же ловко преслѣдовала непріятеля, какъ только тому представлялась возможность, въ открытыхъ мѣстахъ. Бой былъ вообще упорный, но потеря наша не была значительна, несмотря на то, что при отступленіи мы не могли отдѣлить особаго отряда для занятія высотъ лѣваго берега <sup>2)</sup>. Здѣсь, какъ всегда въ войнѣ съ горцами, приходилось отступать шагъ за шагомъ эшелонами и перекатными цѣпами, выдерживая атаки непріятеля. Тутъ погибъ, къ сожалѣнію всѣхъ, во главѣ своего баталіона достойный полковникъ Апшеронскаго полка Познанскій, всѣми уважаемый кавказскій офицеръ. Наконецъ, колонна наша передъ сумерками возвратилась въ лагерь, а непріятель, хотя и занялъ прежіи мѣста, но болѣе насъ серьезно не тревожилъ. Шамиль постоянно находился при своихъ скопищахъ, наблюдая за тѣмъ, что у насъ дѣлалось въ Дарго.

Все дѣло 7-го числа подъ Белготаемъ и Цонтери ясно видно было изъ нашего лагеря. Князь Воронцовъ могъ оцѣнить всѣ труд-

---

<sup>1)</sup> 1-й бат. Люблинскаго егерскаго полка, 2-й бат. Замостскаго егерскаго полка, 3-й бат. Апшеронскаго пѣхотнаго полка, 3-й и 4-й бат. Навагинскаго пѣхотнаго полка, двѣ роты Курпискаго полка, рота 5-го Салернаго баталіона, двѣ роты Кавказскаго стрѣлк. бат. (Эти 3 роты составляли сводный баталіонъ), 4 сотни линейныхъ казаковъ, 2 сотни грузинской конной милиціи, 6 горныхъ орудій.

<sup>2)</sup> Мы потеряли убитыми: штабъ и оберъ-офицеровъ 2, нижнихъ чиновъ 28; большею частью легко ранеными: штабъ и оберъ-офицеровъ 9, нижнихъ чиновъ 178.

ности дѣйствія, особенно при отступленіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ и не отдать полной справедливости распорядительности столь опытнаго въ Кавказской войнѣ генерала Лабинцева.

Покуда происходилъ бой подъ Белготаемъ, въ самомъ селеніи Дарго происходила другая, весьма тяжелая, церемонія. Какъ выше сказано, Шамиль предалъ пламени все селеніе, свой двухъэтажный деревянный домъ, свой арсеналъ, мечеть и всѣ другія постройки, въ томъ числѣ и тюрьмы, если можно таковыми назвать сырые, душные, подвалы или ямы подъ саклями, въ коихъ содержались преступники и плѣнные. Въ числѣ послѣднихъ находилось, кажется, 12 или 13 нашихъ офицеровъ, разновременно плѣненныхъ, особенно въ 1843 году, при несчастныхъ событіяхъ въ Аваріи. Вся артиллерія, боевые снаряды и припасы Шамиля, которыми онъ теперь громилъ насъ, были его трофеями и добычей 1843 года, гдѣ слабые наши гарнизоны и ничтожныя укрѣпленія — башни, сложенные изъ глины и камня, всѣ были уничтожены Шамилемъ, вслѣдствіе отсутствія всякой системы въ военныхъ дѣйствіяхъ въ то время и непредусмотрительности начальства.

Несчастные плѣнные офицеры наши, доставшіеся непріятелю, большею частью раненные въ Аваріи, около двухъ лѣтъ томились въ оковахъ, подвергаемые самому безчеловѣчному и дикому съ ними обращенію. Горцы поддерживали ихъ жалкое существованіе только въ надеждѣ получить за нихъ значительный выкупъ; когда же войска наши показались 6-го іюля на высотахъ Регеля, для движенія въ Дарго, то разъяренный Шамиль вывелъ изъ ямъ плѣнныхъ и отдалъ ихъ на истязаніе народу. Трупы истерзанныхъ мучениковъ нашли въ развалинахъ пылающаго Дарго, и собранныя войска, послѣ благодарственнаго молебствія, похоронили въ одной ямѣ прежнихъ боевыхъ товарищей своихъ, и отслужена была панихида надъ убиенными.

Это звѣрское распоряженіе страшно возбудило всѣхъ противъ Шамиля; князь Воропцовъ никогда не могъ простить ему этого дикаго поступка, вспоминалъ о немъ съ ожесточеніемъ и омерзевіемъ и никогда не соглашался войти въ какія бы то ни было прямыя сношенія съ Шамилемъ послѣ этого обстоятельства, несмотря на всѣ попытки и предложенія съ этою цѣлью.

Во время стоянки въ Дарго намъ, рапенымъ, дѣлалась довольно правильная перевязка. Нога моя была совершенно сведена, боль была довольно сильная, но сносная, и ходъ раны былъ вообще благопріятный.

Не могу навѣрное сказать, было ли предположеніе серьезное; но въ лагерьъ распространился слухъ, что въ Дарго намѣрены воздвигнуть грозное укрѣпленіе, въ самомъ центрѣ непріятельской страны. Полковые плотники заготовляли рогатки, палисады и прочее. Старые кавказцы, помню, очень надъ этимъ смѣялись, не допуская возможности гарнизону держаться въ этой мѣстности безъ обезпеченнаго пути сообщенія съ нашими операціонными линіями. Пройденный нами путь по Дагестану съ октября мѣсяца дѣлался уже недоступнымъ, вслѣдствіе снѣжныхъ заносовъ и суровости зимы. Доступъ же изъ Дарго на Кавказскія линіи къ Грозной или къ Кумыцкой плоскости, къ укрѣпленію Герзель-ауль, не былъ обезпеченъ никакими просьбами чрезъ непреступные лѣса Ичкеріи. Никто не допускалъ мысли, чтобы декоративныя наши приготовленія рогатокъ могли хоть на минуту обмануть прозорливаго нашего врага. Всѣ ожидали, для разрѣшенія сомнѣнія о будущихъ дѣйствіяхъ, прибытія огромнаго выючнаго транспорта съ провіантомъ и сухарями, отправленнаго къ нашему отряду изъ Темиръ-Ханъ-Шуры. Наконецъ, съ разсвѣтомъ 10-го іюля показалась на голомъ перевалѣ Регель колонна съ транспортомъ. Здѣсь предстоитъ рассказать о неудачѣ или, лучше сказать, катастрофѣ, постигшей этотъ отрядъ въ бояхъ 10-го и 11-го іюля, извѣстной подъ названіемъ сухарной экспедиціи.

Сильная колонна, подъ начальствомъ генерала Клюки-фонъ-Клугенау, была отправлена изъ Дарго на встрѣчу транспорта, по пройденному нами 6-го числа пути. Генералу Клугенау были назначены въ помощь генералъ Викторовъ и Пассекъ; отрядъ состоялъ изъ 6-ти баталіоновъ, 4-хъ горныхъ орудій и командъ казачковъ и милиціи. Едва хвостъ колонны, послѣ перваго подъема, скрылся въ лѣсу, какъ послышались первые выстрѣлы, затѣмъ грохотъ орудій, и все усиливающаяся, нескончаемая перестрѣлка отправленной колонны не умолкала до самой ночи. Всѣ мы находились въ тревожномъ ожиданіи извѣстій, чувствуя недоброе. Старые кав-

казскіе офицеры и солдаты предсказывали еще болѣе упорный бой на другой день, когда двинется транспортъ, и предвѣщали пагубный исходъ. Сильно замирало сердце при мысли о товарищахъ и друзьяхъ, участвующихъ въ этой рѣзни. Дѣло въ томъ, что Клугенау, вступивъ въ лѣсъ, нашелъ всѣ разбросанные нами завалы еще въ большемъ числѣ возстановленными и усиленными боковыми завалами, откуда непріятель поражалъ насъ перекрестнымъ огнемъ. Весь лѣсъ былъ занятъ отчаяннымъ непріятелемъ, подкрѣпленнымъ партіями, прибывшими изъ Чечни. Каждый шагъ нужно было прокладывать штыками, непріятель насаждалъ со всѣхъ сторонъ, перерѣзывая наши колонны, дѣйствуя кинжалами на наши цѣпи, бросаясь въ пашки на орудія и постоянно отрѣзая всякое сообщеніе частей между собой. Съ наступленіемъ же сумерекъ часть колонны уже пробилась на соединеніе съ транспортомъ, устѣявъ весь путь трупами нашихъ храбрыхъ солдатъ, потерявъ при этомъ 3 горныхъ орудія, завязшихъ въ грязи и, по истребленіи прикрытія горцами, сброшенныхъ въ кручу <sup>1)</sup>. (Съ утра 10-го числа, въ продолженіе двухъ дней, лилъ непрерывный дождь, растворившій землю и испортившій окончательно путь). Тогда арьергарду пришлось въ темнотѣ ночи выдерживать самый сильный рукопашный бой съ горцами. Но храбрые кабардинцы стойко исполняли свое дѣло, прикрывая колонны и удерживая на штыкахъ непріятеля, и около 11-ти часовъ ночи присоединились къ прочимъ войскамъ. Кромѣ многихъ достойныхъ офицеровъ, въ этотъ день палъ генералъ-маіоръ Викторъ и былъ раненъ командиръ 2-го баталіона Кабардинскаго полка, извѣстный полковникъ Ранжевскій, обожаемый солдатами.

Соединившіяся колонны употребили всю ночь съ 10-го на 11-е число на приведеніе въ порядокъ разстроенныхъ боемъ частей, на отправленіе уцѣлѣвшихъ раненныхъ въ Андію съ обратною колонною, доставившею транспортъ, на раздачу провіанта войскамъ и распоряженія къ обратному слѣдованію въ Дарго. Непріятель,

---

<sup>1)</sup> При этомъ рассказывали о подвигѣ артиллерійскаго юнкера Баумгартена: уцѣлѣвъ почти одинъ изъ всей прислуги горныхъ орудій, онъ не хотѣлъ разстаться съ ввѣренной ему пушкой и, когда чеченцы завладѣли орудіемъ, то онъ бросился на него, обхватилъ руками и былъ въ мелкіе куски изрубленъ непріятелемъ.

между тѣмъ, не терялъ времени: въ эту ночь онъ еще сильнѣе укрѣпилъ и занялъ прежніе завалы, готовясь встрѣтить нашу колонну.

Когда войска съ транспортомъ, 11-го числа утромъ, подъ сильнымъ дождемъ, тронулись опять въ путь <sup>1)</sup>, то начался съ перваго же шага тотъ же усиленный бой. Движеніе еще болѣе было затруднено громаднымъ числомъ черводарскихъ व्यюковъ; убитыя лошади по узкой тропинкѣ, пролегающей почти все время по лѣсистому гребню, вмѣстѣ съ ранеными и убитыми солдатами, составляли новыя преграды къ движенію. Говорятъ, что буквально приходилось по колѣна въ крови и грязи перелѣзать черезъ трупы людей и лошадей. Всякое правильное распоряженіе дѣлалось невозможнымъ, воцарился общій безпорядокъ: масса черводаровъ (наемные погонщики изъ персіянъ при транспортѣ), армяне, маркитанты со всѣмъ ихъ скарбомъ, милиціонеры—все это въ ужасѣ и смятеніи смѣшалось съ войсками; многихъ изъ нихъ, говорятъ, солдаты въ досадѣ кололи. Покуда авангардъ выбивалъ изъ заваловъ непріятеля, горцы разъединяли нестройныя колонны обоза, бросаясь въ кинжалы и шашки и грабя व्यюки. Между тѣмъ аррьергардъ безмолвно ожидалъ, на позиціи, своей кровавой очереди.

При взятіи первыхъ заваловъ палъ извѣстный всему Кавказу генералъ Діомидъ Васильевичъ Пассекъ, а въ аррьергардѣ—полковникъ Ранжевскій. Говорятъ, что смертельно раненный двумя пулями, онъ велѣлъ кабардинцамъ поднять себя на носилкахъ и продолжалъ распоряжаться, покуда не испустилъ духъ.

Старые кавказскіе солдаты и офицеры раздражены были до крайности этимъ страшнымъ безпорядкомъ, но ожесточеніе ихъ дошло до послѣднихъ предѣловъ, когда, входя дальше въ лѣсъ, они увидѣли изувѣрски изуродованные трупы товарищей, павшихъ на-

---

<sup>1)</sup> Порядокъ этого обратнаго марша былъ слѣдующій: въ авангардѣ, подъ начальствомъ генерала Пассека, баталіоны Люблинскій и Навагинскій, рота сапѣръ, часть Грузинской милиціи и два горныя орудія; въ правой цѣпи: три роты Куринскаго полка; въ лѣвой: баталіонъ, составленный изъ ротъ Литовскаго и Замостскаго Егерскихъ полковъ; въ аррьергардѣ, подъ начальствомъ полковника Ранжевскаго, командовавшаго, несмотря на полученную имъ наканунѣ рану: баталіонъ Кабардинскаго полка, 2 роты Апшеронскаго и рота сапѣръ. Стрѣлки были распределены по всему протяженію правой и лѣвой цѣпи.

канунѣ, развѣшанные по всѣмъ деревьямъ проходимаго ими пути. Бой или, лучше сказать, рѣзня, при общемъ безпорядкѣ, начавшаяся въ 8 часовъ утра 11-го числа, не прекращалась почти до слѣдующаго дня. Нельзя, по словамъ очевидцевъ, описать всѣхъ ужасовъ, испытанныхъ въ продолженіе этихъ двухъ дней, гдѣ геройское мужество нашихъ солдатъ и офицеровъ было безсильно противъ такъ несчастно сложившихся обстоятельствъ, и гдѣ всякое распоряженіе начальника дѣлалось невозможнымъ при описанной обстановкѣ.

Можно себѣ представить все то, что мы испытывали въ лагерѣ при Дарго. Ясно долеталъ до насъ гулъ каждаго выстрѣла, но кровавая драма, разыгрывавшаяся въ продолженіе двухъ дней, была скрыта отъ насъ непроницаемостью вѣковыхъ лѣсовъ Чечни. Всякій понималъ катастрофу и не находилъ возможности спасти отъ гибели дорогихъ товарищей. Въ продолженіе 11-го числа, покуда кипѣлъ бой въ нашей колоннѣ, съ утра начали приползати къ намъ раненные солдаты и нѣсколько офицеровъ, брошенныхъ въ лѣсу 10-го числа и уцѣлѣвшихъ отъ чеченцевъ. Они сообщили въ отрядѣ всѣ ужасы, которыхъ были свидѣтелями; нѣкоторые изъ нихъ страшно были изувѣчены и непонятно, какъ еще были живы. Я видѣлъ одного солдата, котораго притащили къ моей палаткѣ: онъ рассказывалъ, что когда 10-го числа прошелъ нашъ отрядъ, то, празднуя побѣду, весь вечеръ и ночь горцы съ крикомъ и пѣснями доканчивали и мучили нашихъ раненныхъ. Самъ онъ, скатившись въ оврагъ и увидя двухъ подходящихъ горцевъ, притворился мертвымъ; горцы, желая въ томъ удостовѣриться, нанесли ему еще нѣсколько рапъ пашками. Онъ имѣлъ достаточно присутствія духа, чтобы не измѣнить себѣ, и когда они его оставили, то, истекая кровью, онъ болѣе полусутокъ употребилъ, чтобы проползти пять верстъ, отдѣлявшихъ его отъ нашего отряда.

Что долженъ былъ выстрадать князь Воронцовъ, получая подобныя свѣдѣнія? Наконецъ, онъ рѣшился составить колонну <sup>1)</sup> изъ свѣжихъ войскъ и отправить изъ нашего лагеря на первую поляну въ лѣсу, на встрѣчу и выручку товарищей. Когда несчаст-

---

<sup>1)</sup> Двѣ роты пѣхоты, подъ начальствомъ генерала Лидерса, и одну роту и часть конницы, подъ начальствомъ генерала Гурко.



ные остатки транспорта и колонны стянулись къ полянѣ, то свѣжія войска смѣнили арьергардъ и, наконецъ, только 12-го числа къ утру всѣ собрались въ лагерѣ. Авангардъ пришелъ еще 11-го вечеромъ. Съ нимъ явился въ лагерь участвовавшій въ сухарной экспедиціи и находившійся при Клугенау адъютантъ князя Паскевича, ротмистръ Николай Беклемишевъ; онъ первый сообщилъ главнокомандующему подробно и дѣльно о всемъ происходившемъ. Я очень друженъ былъ съ Беклемишевымъ и прямо отъ Воронцова онъ забѣжалъ навѣстить меня, и я почти со словъ его составляю настоящій рассказъ. Беклемишевъ въ эти дни своею храбростью и распорядительностью, самовольно принимая начальство надъ разстроенными частями, лишившимися своихъ начальниковъ, заслужилъ общее уваженіе всѣхъ видѣвшихъ его въ этомъ дѣлѣ. Я никогда не забуду того вида, въ которомъ явился ко мнѣ Беклемишевъ: онъ былъ совершенно безъ голоса, сюртукъ его и фуражка, пробитые нѣсколькими пулями, кромѣ того, были разорваны въ клочки колючками въ лѣсу и покрыты, равно какъ и лицо и руки, запекшеюся кровью. На немъ были широкія шаровары верблюжьяго пуха и положительно выше колѣнъ они были покрыты кровью. Онъ мнѣ сказалъ, что это, вѣроятно, случилось, когда онъ перелѣзалъ черезъ цѣлые завалы убитыхъ и раненыхъ, загородившихъ дорогу. Беклемишевъ, какъ всѣ истинно храбрые люди, при хладнокровіи своемъ, отличался замѣчательною скромностью: онъ ничего не говорилъ про себя и только впослѣдствіи, по возвращеніи колонны, мы узнали о подвигахъ его самоотверженія въ этомъ дѣлѣ <sup>1)</sup>).

Несчастный исходъ такъ называемой сухарной экспедиціи ясно обрисовалъ все затруднительное наше положеніе въ Дарго. Мысль о страшныхъ препятствіяхъ лѣсистой, овражной мѣстности, которою предстояло отряду пройти черезъ Ичкерію до нашей границы, справедливо внушала самая серьезная опасенія всѣмъ, испытаннымъ въ Кавказской войнѣ. Отрѣзаннымъ отъ всѣхъ нашихъ сообщеній, намъ немислимо было оставаться въ Дарго; недостатокъ провіанта, громадное количество раненыхъ съ каждымъ

---

<sup>1)</sup> Потеря наша въ эти два дня состояла убитыми: 2 генерала, 3 штаб-офицера, 14 оберъ-офицеровъ и 537 нижнихъ чиновъ; ранеными: 32 оберъ-офицера и 738 нижнихъ чиновъ. 3 горныхъ орудія потеряны.

днемъ должны было ухудшать и безъ того отчаянное положеніе отряда, окруженнаго со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, воодушевленнымъ недавними успѣхами своими. Здѣсь впервые предстояло новому главнокомандующему принять энергическое рѣшеніе и спасти отрядъ; здѣсь же проявился тотъ опытный взглядъ князя Воронцова въ военномъ дѣлѣ, то личное самоотверженіе въ эти трудныя минуты, которые, заставивъ замолкнуть прежнихъ недоброжелателей его, приобрѣли ему навсегда на Кавказѣ столь заслуженное довѣріе къ его личнымъ качествамъ и военнымъ способностямъ.

12-го числа было сдѣлано распоряженіе, чтобы къ выступленію на слѣдующій день остатки имѣющагося провіанта были распредѣлены поровну по частямъ, и чтобы всѣ излишнія тяжести, व्यюки съ офицерскимъ имуществомъ и всѣ палатки лагеря въ ночь же были сожжены. Затѣмъ всѣ освободившіяся такимъ образомъ व्यючныя лошади обращены были для перевозки раненыхъ; однимъ словомъ, отрядъ долженъ былъ выступить совершенно на легкахъ, солдаты съ остаткомъ провіанта въ своихъ мѣшкахъ, а офицеры съ тѣмъ, что имѣли на себѣ и могли помѣстить на верховой своей лошади. Часть кавалеріи была также спѣшена и лошади отданы подъ раненыхъ. Князь Воронцовъ самъ показалъ примѣръ, приказавъ сжечь все его имущество, оставивъ себѣ одну койку и солдатскую палатку. Кавказцамъ подобные случаи были не новость и никого не удивили, да въ сущности мало что и было сжигать. Но всѣхъ тѣшило *auto-da-fé* имущества пріѣзжихъ, особенно Петербургскихъ военныхъ дилетантовъ. Солдаты и офицеры не мало смѣялись, видя, какъ сжигалось имущество принца Гессенскаго, особенно же серебро и прочія затѣи князя Барятинскаго, которыми онъ такъ щеголялъ до того времени. Метръ д'отели, камердинеры, повара—все это очутилось пѣшкомъ, въ оборванныхъ черкескахъ, объятые страхомъ, при совершенно новой для нихъ обстановкѣ, подверженные, съ одной стороны, во все время движенія нашего, непріятельскимъ выстрѣламъ, а съ другой стороны—щедрымъ ударами нагаекъ казаковъ за производимые ими постоянно безпорядки въ маршевой колоннѣ.

Одновременно съ этими распоряженіями черезъ лазутчиковъ дано было знать полковнику Бельгарду въ Андію, немедленно раз-

рушивъ укрѣпленіе, поспѣшно отступить, постепенно присоединяя къ себѣ гарнизоны, оставленные на промежуточныхъ пунктахъ въ Будурѣ и Удачномъ, и такимъ образомъ со всѣми этими войсками слѣдовать черезъ укрѣпленіе Евгеньевское въ Шуру. Движеніе это совершилось благополучно, при незначительномъ сопротивленіи горцевъ, такъ какъ всѣ силы Шамиля сосредоточены были противъ главнаго отряда въ Дарго.

Независимо отъ этихъ распоряженій, вызваны были охотники отъ войскъ для доставленія въ Грозную генералу Фрейтагу свѣдѣнія о бѣдственномъ нашемъ положеніи, съ тѣмъ, чтобы онъ поспѣшилъ къ намъ на выручку со свѣжими войсками. Около 11-ти человѣкъ, съ записками одинаковаго содержанія, отправлены были изъ нашего лагеря къ Фрейтагу; имъ предстояло пробиться сквозь непріятельскія толпы и слѣдовать Ичкеринскими лѣсами по совершенно неизвѣстной и неизслѣдованной мѣстности къ передовымъ пунктамъ нашей линіи. Замѣчательно, что никто изъ отважившихся на этотъ подвигъ самоотверженія не поплатился жизнью за свою удачу, ежеминутно подвергая себя опасности, при немовѣрныхъ лишеніяхъ. Слѣдуя разными путями, всѣ наши лазутчики благополучно достигли своей цѣли, но первый, доставившій Фрейтагу вѣсть о нашемъ безвыходномъ положеніи, былъ раненый юнкеръ Кабардинскаго полка Длотовскій <sup>1)</sup>, за этотъ подвигъ, удостоенный впослѣдствіи главнокомандующимъ солдатскаго Георгіевскаго креста и производства въ прапорщики.

Наконецъ, 13-го числа съ разсвѣтомъ, всѣ сборы были кончены и отрядъ нашъ <sup>2)</sup> тронулся изъ Дарго. Нельзя сказать, чтобы

<sup>1)</sup> Храбрый офицеръ, впослѣдствіи полковникъ и командиръ Сушинскаго Казачьяго полка.

<sup>2)</sup> Порядокъ слѣдованія отряда: авангардъ подъ начальствомъ Бѣлявскаго: 3-й бат. Апшеронскаго пѣхотн. полка, 1-й бат. Люблинскаго Егерскаго полка, 5-й Саперный баталіонъ, 3 роты Кавказск. Стрѣлковаго баталіона, 4 орудія горной № 4 батареи.

Главныя силы подъ командою генер. Клюки-фонъ-Клугенау: 1-й бат. Литовскаго Егерскаго полка, 2-й бат. Замостскаго Егерскаго полка, 2 полевыхъ орудія легкой № 7 батареи, 2 горныхъ орудія горной № 3 батареи. При этой колоннѣ находились всѣ тяжести и раненые, подъ надзоромъ генерала Хрещатицкаго.

Аррьергардъ, подъ начальствомъ ген. Лавинцева: 1-й и 2-й бат. Кабардин-

настроение наше было веселое; предчувствие всѣхъ предстоявшихъ намъ испытаній невольно вкрадывалось въ мысли cadaго. Видъ изувѣченныхъ раненыхъ нашихъ, съ трудомъ державшихся на лошадяхъ (нѣкоторые изъ нихъ были даже привязаны къ черво-дарскимъ вьючнымъ сѣдламъ), обезсиленные недавними потерями ряды нашихъ баталіоновъ — все это представляло картину далеко неутешительную. Но замѣчательно въ этомъ случаѣ проявился духъ кавказскаго войска: особаго унынія нигдѣ не было, какая-то серьезность замѣнила только обыкновенную веселость на лицахъ нашихъ солдатъ. Всякій понималъ, что только подвигами самоотверженія и соблюденіемъ порядка онъ могъ исполнить свой долгъ въ отношеніи къ порученнымъ попеченію отряда раненымъ товарищамъ и поддержать славу и преданія кавказскаго солдата.

12-го числа утромъ, въ послѣдній разъ до Герзель аула, сдѣлана была мнѣ перевязка раны; особенныхъ страданій я не чувствовалъ и лихорадочное состояніе совершенно прошло; но нога была окончательно сведена и даже оконечностями пальцевъ я не могъ доставать до земли. Меня посадили на лошадь и на ременной повязкѣ прикрѣпили ногу къ луку сѣдла. При выступленіи я присоединился къ свитѣ Воронцова и во всѣ послѣдующіе дни, какъ совершенно свободный отъ служебныхъ обязанностей, то ѣздилъ со штабомъ, то присоединялся къ авангарду или арьергарду и различнымъ частямъ отряда и, такимъ образомъ, могъ быть свидѣтелемъ многихъ отдѣльныхъ дѣйствій и эпизодовъ тяжелыхъ послѣдующихъ дней. Князь Воронцовъ передъ выступленіемъ, съ обычнымъ ему спокойствіемъ и неизмѣнною улыбкою, объѣхалъ войска, поздоровавшись съ ними, и мы тронулись въ 4 часа утра, на самомъ разсвѣтѣ, къ переправѣ на лѣвый берегъ Аксая. Это было первое и весьма серьезное препятствіе, но намъ удалось пройти его благополучно, такъ какъ непріатель,

---

скаго полка, 2 горныхъ орудія горной № 3 батарее. Всѣ конные казаки, подъ командою полковника Витовскаго.

Правая цѣпь, подъ начальствомъ командира Навагинскаго полка, полковника Бибикова: 3-й и 4-й баталіоны того же полка, Гурийская милиція, Тифлисская дружина пѣшей Грузинской милиціи.

Лѣвая цѣпь, подъ командою полковника Меллера-Закомельскаго: сводный баталіонъ Куринскаго полка, Гурийская дружина пѣшей грузинской милиціи.

не ожидая столь ранняго выступленія нашего, не успѣлъ еще занять высоты лѣваго берега. Довольно сильная перестрѣлка завязалась только въ арьергардѣ: непріятель, по отступленіи нашемъ, занявъ Дарго, съ ожесточеніемъ бросился на арьергардъ при переправѣ, но удачныя выстрѣлы нашей батареи съ противоположнаго берега остановили его попытки. Когда стянулся весь отрядъ на лѣвомъ берегу Аксая, мы тронулись по направленію къ селенію Цонтери, по довольно ровной мѣстности, гдѣ лѣса раздѣлялись довольно обширными полянами. Цѣпи наши и особенно арьергардъ выдерживали усиленную перестрѣлку съ насѣдавшими на нихъ горцами, окружавшими со всѣхъ сторонъ нашъ отрядъ.

Не доходя Цонтери, намъ предстояло перейти черезъ глубокой и лѣсистый оврагъ; авангардъ успѣлъ довольно удачно перебѣжать оный и занять противоположный открытый берегъ. Но когда цѣпи заняли оврагъ и тронулась вся колонна, скрывшись въ лѣсу, то непріятель открылъ довольно сильный картечный огонь изъ 3-хъ орудій, расположенныхъ влѣво отъ дороги и обстрѣливающихъ продольно весь лѣсъ. Въ первый разъ мнѣ пришлось тогда быть подъ картечнымъ огнемъ, и странное, помню, произвело это на меня впечатлѣніе: картечь, ударяясь по деревьямъ, ломая сучья и вѣтки, производила шумъ совершенно подобный большой стаѣ птицъ, пролетающихъ надъ головами и размахивающихъ крыльями. Колонна безъ большихъ потерь перешла это препятствіе; наши батареи скоро заставили замолчать непріятельскія орудія, но зато вѣрному нашему арьергарду, состоящему изъ славныхъ нашихъ кабардинцевъ, съ такими начальниками, какъ Лабинцевъ и Козловскій во главѣ, пришлось вынести на штыкахъ весь напоръ горцевъ. Какъ только арьергардъ спустился въ оврагъ, непріятель бросился въ пашки и кинжалы, и кабардинцы, отступая шагъ за шагомъ перекатными цѣпами и засадами, могли только при своей стойкости совершить это опасное движеніе въ полномъ стройномъ порядкѣ и, относительно, съ умѣренной потерей <sup>1)</sup>).

---

<sup>1)</sup> Въ этотъ день мы потеряли убитыми: 1 оберъ-офицера и 5 нижнихъ чиновъ; ранеными: 1 штабъ и 4 оберъ-офицера и 62 нижнихъ чиновъ; контуженными: 1 штабъ-офицера и 4 нижнихъ чиновъ. Потеря была почти незначительна въ 1 батал. Кабардинскаго полка и въ 5 саперномъ баталіонѣ.

Весь отрядъ расположился на ночлегъ у аула Цонтери. Шамиль съ окружающихъ высотъ со всѣми своими скопищами наблюдалъ за нами и въ эту ночь мало тревожилъ насъ. Главнокомандующій избралъ позицію Цонтери, хотя она насъ и удаляла отъ прямого пути нашего къ Герзель-аулу, съ цѣлью обмануть непріятеля относительно дальнѣйшаго движенія нашего. Изъ Цонтери мы имѣли на линіи самую ближайшую и прямую дорогу на селеніе Маюртукъ въ большой Чечнѣ, а оттуда въ Грозное. Путь этотъ совершенно былъ неизвѣстенъ до Маюртука; по словамъ лазутчиковъ, дорога, если можно только назвать таковою лѣсные проходы черныхъ горъ Ичкеріи, пролегала черезъ сплошной лѣсъ и представляла на отрогахъ горъ, черезъ которые надо было бы переходить, трудности въ родѣ тѣхъ, которыя мы испытали при спускѣ въ Дарго. Кромѣ того Шамиль со своими скопищами и вооруженное населеніе всей Чечни ожидали насъ въ этой неприступной мѣстности. Вѣроятно же всего, что весь отрядъ погибъ бы, еслибы мы рѣшились идти этимъ путемъ. Другой путь шелъ къ укрѣпленію Герзель-ауль на Кумыцкой плоскости, по лѣвому берегу Аксай. Здѣсь главнымъ препятствіемъ служили лѣсистые овраги, спускающіеся съ черныхъ горъ къ Аксаю, но зато мѣстность эта, какъ довольно населенная, представляла, между оврагами и по скату рѣки, довольно большія поляны и чистыя пространства обработанныхъ полей. Справа отъ насъ рѣка Аксай, хотя отчасти, но все-таки служила намъ нѣкоторымъ прикрытіемъ отъ непріятеля съ этой стороны; зато слѣва отъ нашего пути высилась цѣлая цѣпь покрытыхъ лѣсомъ горъ, представляющихъ непріятелю вѣрную защиту.

Часть этого хребта отъ селенія Шуани до Герзель-аула была хорошо извѣстна нашимъ войскамъ, вслѣдствіе несчастнаго Ичкеринскаго похода, подъ начальствомъ генерала Граббе въ 1842 году. Храбрый отрядъ нашъ, съ неимовѣрными лишеніями, безъ воды, пройдя по хребту да селенія Шуани, былъ окруженъ непріателемъ и долженъ былъ отъ этого мѣста, съ огромными потерями, тѣмъ же путемъ возвратиться въ укрѣпленіе Герзель-ауль, сохранивъ честь русскаго оружія. Слѣдуя по долинѣ Аксай, черезъ оставленные жителями аулы, мы во всякомъ случаѣ знали, что не будемъ

лишены воды. По всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ, главнокомандующій избралъ послѣдній путь, но, весьма естественно, держалъ въ совершенной тайнѣ свои предположенія, распуская, напротивъ, слухъ, что мы идемъ на Маюртукъ. Эти слухи и ввели въ заблужденіе Шамиля, который за почъ сосредоточилъ всѣ свои силы по предполагаемому имъ слѣдованію нашего отряда.

Въ этотъ первый день нашего движенія, долженствовавшій быть предвѣстникомъ послѣдующихъ кровавыхъ испытаній нашихъ, въ виду всего отряда подтвердилъ свою боевую репутацію и внушаемое кавказцамъ къ его имени довѣріе генераль-маіоръ Иванъ Михайловичъ Лабинцевъ, командуя въ этотъ день арьергардомъ съ боевыми своими товарищами кабардинцами. Онъ совершилъ примѣрное отступленіе безъ особой потери, благодаря своей опытности пользоваться мѣстностью и знаніемъ характера непріятеля. Арьергардъ, отступая, пользуясь всякимъ удобнымъ мѣстомъ для засадъ, постоянно удерживалъ и поражалъ непріятеля, при попыткахъ его переходить въ наступленіе. Можно сказать, что Лабинцевъ въ этотъ день, какъ и въ послѣдующіе, до Герзель-аула, на своихъ плечахъ вынесъ и оградилъ нашъ отрядъ отъ уничтоженія разъяренными успѣхомъ горцами. Я помню, что съ этого дня достойный цѣнитель воинскихъ доблестей князь Воронцовъ вполне призналъ заслуги Лабинцева, не теоретика, а практика, выработаннаго Кавказской войной.

## ГЛАВА VI.

Маршъ и бой 14 го іюля.—Взятіе аула Урдали.—Графъ Стейнбокъ.—Штурмъ завалонъ.—Графъ Бенкендорфъ.—Шеппингъ.—Альбрандъ.—Авангардное дѣло.—Бѣлявскій.—Лидеръ.—Графъ Гейденъ.—Нападеніе на главнокомандующаго.—Смерть Лонгинова.—Ночлеги въ Иссаюртѣ.—Движеніе отряда 15-го іюля.—Аллерой.—Маршъ и бой 16-го іюля.—Ямвель.—Глѣбовъ.—Васильчиконъ.—Форсатесь.—Запятаіе Шаухаль-Берды.—Отдыхъ 17-го и 18-го числа.—Князь Воронцовъ и Лабинцевъ.—Прибытіе 19-го іюля отряда Фрейтага и соединеніе съ нимъ.—Ночлеги въ Миснитѣ.—Иступленіе 20-го іюля въ Герзель-аулъ.—Комендантъ Ктиторовъ.—Лазаретъ.—Полковникъ Семеновъ.—Экзекуція мародеровъ.—Дружинникъ.—Отправленіе транспорта раненыхъ въ Червленную.—Шатнигорскъ.

14-го числа съ разсвѣтомъ тронулись мы внизъ по долинѣ Аксая, по направленію къ Шуани, и непріятелю ясно тогда обо-

значился путь нашего будущаго слѣдованія. Шамиль, со всѣми своими скопищами, быстро двинулся съ Майюртукскаго направленія наперерѣзъ нашему пути слѣдованія и успѣлъ, до прибытія нашего отряда, съ достаточными силами занять позицію у Урдали. До перехода къ этому селенію въ цѣпяхъ нашихъ производилась усиленная перестрѣлка и, къ общему сожалѣнію, раненъ былъ, съ раздробленіемъ голени, нашъ общій другъ, достойный полковникъ графъ Стейнбоксъ, временно командовавшій въ то время баталіономъ Апшеронскаго полка <sup>1)</sup>. Всѣ послѣдующіе дни, при движеніи нашимъ, каждый часъ, каждая почти минута должны были лишать насъ кого-нибудь изъ близкихъ и дорогихъ намъ товарищей.

Наконецъ, слѣдуя по возвышенному плато, мы начали спускаться къ аулу Урдали, только что преданнаго пламени по приказанію Шамиля.

Весь отрядъ, переходя лѣсистый оврагъ, былъ подверженъ продольнымъ картечнымъ выстрѣламъ непріятельской батареи, расположенной влѣво отъ пути нашего слѣдованія. Потери въ людяхъ

---

<sup>1)</sup> Старый кавказецъ, Стейнбоксъ въ прежнее время командовалъ Гребенскимъ казачьимъ полкомъ. Какъ характеристику тѣхъ временъ, упомяну объ одномъ извѣстномъ событіи. Разсорившись (послѣ ужина) по какимъ-то пустяшнымъ дѣламъ съ Пулло, командиромъ Куринскаго полка, расположеннаго въ то время въ Грозной, Стейнбоксъ вызвалъ по тревогѣ весь свой полкъ съ артиллеріей и переправился черезъ Терекъ, угрожая Пулло, который съ своей стороны принялъ мѣры къ оборонѣ въ Грозной. Къ счастью, все это дѣло было улажено медиаторами, остановившими войска Стейнбокса у селенія старшій Юртъ. Все это казалось такъ естественно, что никого не поражало и считалось семейнымъ дѣломъ. Стейнбоксъ былъ чрезвычайно умный, образованный, добрый и милый человекъ, лихой товарищ и съ большимъ военнымъ духомъ, но, какъ нѣмецъ, часто увлекающійся своимъ сантиментальнымъ направленіемъ. Я помню, какъ лежа рядомъ съ нимъ, равненымъ въ садахъ Шаухалъ-берды, подъ выстрѣлами непріятельскихъ орудій, ожидая каждую минуту уничтоженія нашего слабаго отряда, томимые голодомъ и жаждой (мы сутки были безъ воды), когда намъ принесли первую баклажку воды и всѣ мы напились, Стейнбоксъ, въ ужасныхъ страданіяхъ отъ неотнятой еще ноги, напившись воды, развеселилъ насъ всѣхъ словами: „enfin, mes amis, nous rouvrons r...er! Mais quand ch...ons nous, c'est un question de l'avenir!“ Это достаточно характеризуетъ духъ этого добраго и милаго нашего товарища.

Овъ нѣсколько лѣтъ послѣ ампутаціи ноги въ Герзель-аулѣ еще жилъ на Кавказѣ, сохраняя тѣ же свои качества, и умеръ отъ чахотки въ Венеціи. Послѣ каждой консультаціи докторовъ, изслѣдовавшихъ состояніе оставшагося у него одного легкаго, онъ начерчивалъ (какъ отлично рисовавшій) на бумагѣ это легкое и расчитывалъ, сколько ему остается жить.



у насъ почти не было отъ этого огня. Наконецъ, когда мы вышли изъ оврага и выстроились за дымящимися развалинами аула, передъ нами обрисовалась непріятельская позиція; по покрытымъ густымъ лѣсомъ высотамъ пролегла единственная дорога или, скорѣе, тропинка, по которой предстояло намъ пройти до слѣдующаго селенія Илаюртъ, гдѣ назначенъ былъ ночлегъ. Вправо и влѣво отъ упомянутой тропинки лѣсистыя высоты были заняты сбѣжавшимися партіями непріятеля и, по возможности, укрѣплены наскоро сдѣланными засѣлками и завалами. Для дальнѣйшаго слѣдованія впередъ необходимо было овладѣть этими препятствіями. Съ этою цѣлью, для занятія лѣвыхъ высотъ, назначенъ былъ Куринскій баталіонъ и Карталинская милиція, подъ командою флигель-адъютанта, полковника, графа Бенкендорфа, этой рыцарской благородной личности, столь цѣнимой Воронцовымъ, которую никто изъ знавшихъ его близко никогда не забудетъ. Предположено было обогнуть и съ фланга взять непріятельскую позицію.

Спѣшу занести въ свои воспоминавія одинъ случай. Не имѣя опредѣленнаго назначенія, я, какъ выше сказано, ѣздилъ ко всѣмъ частямъ отряда съ своимъ тѣлохранителемъ, казакомъ горскаго Казачьяго полка, Павлодольской станицы, Густомясовымъ, который во все время похода берегъ меня, какъ родного. Въ то время, какъ колонна Бенкендорфа при мнѣ двигалась по назначенію, состоящій при князѣ Воронцовѣ молодой гражданскій чиновникъ баронъ А. П. Николаи, весьма дружный съ Бенкендорфомъ, подѣхалъ къ нему, чтобы пожать ему руку, лейбъ-гвардіи коннаго полка поручикъ Шеппингъ, другъ Бенкендорфа, шедшій съ его колонной, подошелъ къ Николаи и вынулъ изъ его кабуры двухствольный пистолетъ, говоря: „на что тебѣ, гражданскому, пистолетъ: дай мнѣ—пригодится“ и взялъ его въ дѣло. Этотъ-то пистолетъ, можетъ быть, и спасъ жизнь добраго Бенкендорфа, какъ будетъ видно впослѣдствіи.

Колонна Бенкендорфа, углубившись въ чащу лѣса съ милиціонерами впереди, скоро сбилась съ должнаго направленія и, вмѣсто того, чтобы обойти съ праваго фланга непріятельскую позицію, очутилась, до выходъ на первое чистое мѣсто, на ружейный выстрѣлъ передъ непріятельскимъ фронтомъ. Здѣсь почти всѣ

начальники мгновенно были ранены, начальник милиціи князь Захарій Эристовъ безъ чувствъ уже лежалъ впереди своей дружины, и вскорѣ палъ и Бенкендорфъ, пораженный пулей, раздробившей ему ключицу и плечо, — непріятельскій огонь со всѣхъ сторонъ поражалъ павшихъ храбрецовъ. Съ неимоверными усиліями, при содѣйствіи другихъ войскъ, наконецъ позиція была взята, и дорогіе наши раненые товарищи вынесены изъ огня въ чащу лѣса.

Покуда это происходило на лѣвомъ флангѣ нашего слѣдованія, для овладѣнія высотами правой стороны были направлены баталіоны Навагинскаго полка, которые замялись въ виду предстоящаго штурма позиціи. Между тѣмъ, авангардъ съ Бѣлявскимъ двинулся въ лѣсъ, по дорогѣ. Тогда, сколько мнѣ кажется, чуть ли не по распоряженію Альбранда (не получившаго приказапія), изъ авангарда Люблинскаго полка баталіонъ былъ направленъ для завладѣнія правымъ заваломъ. Встрѣченные убійственнымъ огнемъ, люди на половинѣ горы остановились и продолжали кричать „ура“, лежа на землѣ и стрѣляя на воздухъ. Здѣсь мнѣ случилось видѣть прискорбную сцену. Подѣхавъ къ подошвѣ высотъ, я увидѣлъ спускающагося съ горы полковника Л....., поддерживаемаго двумя горнистами. Подѣхавъ къ нему, я спросилъ съ участіемъ: „куда вы ранены, полковникъ?“ На это онъ мнѣ отвѣтилъ: „я не раненъ, по у меня одышка, никакъ не могу подыматься на гору“. Съ тяжелымъ чувствомъ отвернулся я отъ этого господина. Въ это время скачетъ передо мной на бѣлой лошади дежурный штабъ-офицеръ нашего отряда, извѣстный Левъ Львовичъ Альбрандъ, восторженный и пылкій, какъ всегда. Подскакавши къ оробѣвшимъ войскамъ, онъ сказалъ: „не хотите идти впередъ, Люблинцы, такъ посмотрите, какъ честный солдатъ долженъ умирать за Царя“ и съ этимъ, ударивъ лошадь, вскочилъ по крутизнѣ къ самымъ непріятельскимъ заваламъ. Черезъ минуту и лошадь и онъ катились внизъ — лошадь убитая, а Альбрандъ съ разбитой рукой и плечомъ и имѣя весь сюртукъ и фуражку пронизанными пулями отъ непріятельскаго залпа <sup>1)</sup>. Тѣмъ не менѣе, воодушевленные имъ Люблинцы, поддер-

---

<sup>1)</sup> Считаю нужнымъ сказать, что впаю объ Альбраидѣ, какъ о выдающемся кавказскомъ типѣ и чловѣкѣ. Начавъ службу въ гражданскомъ вѣдомствѣ, онъ

жанные впрочемъ Навагинцами, зашедшими во флангъ непріятелю, вскорѣ завладѣли завалами и очистили главному отряду эту преграду. Между тѣмъ авангардъ, подъ начальствомъ генерала Бѣлявскаго, въ самомъ ограниченномъ числѣ, не зная объ отдѣленіи Люблинскаго баталіона, быстро, съ пѣснями, двигался впередъ къ Аллерою. Штабъ же и обозъ съ своимъ прикрытіемъ и главная колонна стояли на мѣстѣ. Войска, занявшія вышеупомянутыя позиціи на правомъ и лѣвомъ нашемъ флангѣ, должны были составлять цѣпи при дальнѣйшемъ нашемъ движеніи. Арьергардъ, подъ

страстно влюбленъ былъ, при восторженной своей натурѣ, въ одну дѣвицу, которая объявила, что никакъ не выйдетъ замужъ иначе, какъ за военнаго. Тогда Альбрандъ, еще гражданскимъ чиновникомъ при баронѣ Розенѣ, пошелъ охотникомъ въ 1831 году на штурмъ аула Гимры, послѣ чудесъ храбрости и неустрашимости, израненный и наувѣченный, онъ былъ найденъ въ числѣ счигавшихся убитыми на уступѣ скалы, окружавшихъ Гимры. Оправившись отъ ранъ, онъ просилъ о переименованіи въ военный чинъ, что и было исполнено. Не знаю, женился ли онъ или нѣтъ на предметѣ своей страсти; кажется, что женился, потому что его считали вдовцомъ въ 1845 году и сердце его имѣло новую и сильную привязанность въ Петербургѣ. Въ 1837 году Альбрандъ былъ командированъ въ Персію, въ чинѣ поручика, для приведенія обратно въ Россію баталіона бѣглыхъ нашихъ солдатъ, состоявшихъ на службѣ у персидскаго шаха. Здѣсь онъ показывалъ не только свойственную ему энергію и знаніе духа русскаго солдата, но и умъ свой и дипломатическую ловкость. Онъ получилъ два или три чина за эту командировку отъ покойнаго Государя, умѣвшаго цѣнить и награждать заслуги: съ командировки онъ возвратился уже майоромъ. Послѣ того онъ съ честью и пользою служилъ на Кавказѣ и въ 1845 году былъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ отряда. 15 или 16 іюля ему дѣлали въ отрядѣ операцію вымученія плеча. Онъ приказалъ сдѣлать ее передъ солдатами: сиди на барабанѣ, въ лѣвую руку ваялъ трубку, которую курилъ, и при страшныхъ мученіяхъ не вымолвилъ ни слова (хлороформъ тогда не былъ еще извѣстенъ). Только послѣ операціи съ трудомъ пришлось вынуть трубку изъ рта: онъ зубами отъ боли перекусилъ ее. Послѣ операціи, вставши, онъ сказалъ солдатамъ: „видите, мамочки (его любимое слово)—ничего“. Несмотря на лѣта его, въ немъ много было, кромѣ духу, той военной лихости, которую въ другихъ случаяхъ можно было бы назвать фанфаронствомъ. Лежа въ Герзель-аулѣ вмѣстѣ со мною въ госпиталѣ, первымъ дѣломъ его было потребовать бумаги и выучиться писать лѣвой рукой и черезъ нѣсколько дней имъ отправлено было письмо къ невѣстѣ въ Петербургъ.

Послѣ того Альбрандъ былъ назначенъ комендантомъ Шлиссельбургской крѣпости, гдѣ истое христіанское проявленіе возвышенности его души, я думаю, навсегда осталось въ памяти заключенныхъ, ввѣренныхъ его надзору. Суровый климатъ сѣвера заставилъ его скоро опять искать службы на Кавказѣ; онъ былъ назначенъ начальникомъ 3-го отдѣла Черноморской береговой линіи въ Геленджикъ, гдѣ онъ сумѣлъ пріобрѣсти полное довѣріе враждебныхъ намъ горскихъ племенъ своей твердостью слова, благородствомъ и обходительностью. Потомъ назначенъ онъ былъ губернаторомъ въ Эривань, гдѣ умеръ въ 50-хъ годахъ отъ послѣдствій тяжелой раны своей.

командою Лабинцева, съ храбрыми кабардинцами оставался покуда на мѣстѣ и долженъ былъ прикрывать наше отступленіе, когда вся колонна войдетъ въ лѣсъ.

День 14-го іюля есть одна изъ самыхъ тягостныхъ страницъ той кровавой драмы, которую суждено было пережить намъ отъ Дарго до Герзель-аула; вотъ почему я съ большею подробностью останавливаюсь на событіяхъ этого памятнаго для меня дня. Бѣлявскій, со свойственнымъ ему польскимъ азартомъ, несясь впередъ, нисколько не думая о связи авангарда съ прочими частями отряда, доколѣ не наткнулся на непріятельскій завалъ, на опушкѣ пройденнаго имъ лѣса предъ открывшеюся впереди Аллероя небольшой поляной. Въ концѣ этой поляны была устроена непріателемъ сильная засѣдка, занятая мюридами, передъ овладѣніемъ которой основился слабый авангардъ, подъ прикрытіемъ занятаго завала. Не получая никакихъ свѣдѣній изъ авангарда, главнокомандующій послалъ къ Бѣлявскому сперва адъютанта своего Лонгинова, потомъ состоявшаго при немъ поручика генеральнаго штаба графа Гейдена, наконецъ поѣхалъ и самъ генералъ Лидерсъ съ частью своей свиты, чтобы узнать о положеніи дѣла. Всѣ они, по особенному счастью, доѣхали невредимы до авангарда, который нашли въ самомъ ограниченномъ и слабомъ составѣ, залегшимъ въ завалѣ передъ поляной. Въ концѣ поляны расположенъ былъ огромный завалъ, усѣянный непріателемъ и останавливающій всякое движеніе впередъ незначительной горсти нашихъ солдатъ. Когда генералъ Лидерсъ спросилъ у Бѣлявскаго, гдѣ его авангардъ, то получилъ въ отвѣтъ, что Люблинскіе баталіоны идутъ за нимъ. Лидерсу легко было убѣдить Бѣлявскаго въ противномъ, такъ какъ онъ только-что проѣхалъ по этому пути. Тогда былъ посланъ сперва Лонгиновъ за остальными войсками авангарда, а потомъ и самъ Лидерсъ поѣхалъ вслѣдъ за нимъ. Но авангардъ былъ уже совершенно отрѣзанъ горцами. Лонгиновъ убитъ и Лидерсъ, встрѣченный непріятельскимъ залпомъ, которымъ ранены въ его свитѣ: графъ Гейденъ, генеральнаго штаба капитанъ Дельвицъ, убитъ адъютантъ графъ Бальманъ и много лицъ изъ конвоя, долженъ былъ вернуться въ Бѣлявскому. Между тѣмъ тронулись главныя наши силы; цѣпямъ нашимъ въ этой пересѣченной мѣстности, покрытой дѣвственнымъ

лѣсомъ Чечни, приходилось дѣйствовать не одной только пулей и штыками, но и топорами, чтобы пробиваться сквозь чащу, гдѣ вьющіяся растенія, колючіе кустарники и завалы на каждомъ шагѣ представляли непреодолимые препятствія, подъ убійственнымъ огнемъ неуловимаго непріятеля. Общая связь частей была нарушена, и хитрый и ловкій непріятель врывался постоянно и незамѣтно черезъ разорванныя цѣпи для нападенія на главную колонну, производя общее смятеніе въ безпорядочномъ слѣдованіи вьюковы и раненыхъ по единственной узкой лѣсной дорогѣ, по которой шелъ нашъ отрядъ. Надобно быть въ подобныхъ обстоятельствахъ, чтобы понять, какое нравственное впечатлѣніе производитъ на обозъ, на колонну раненыхъ неожиданное нападеніе съ той стороны, гдѣ колонна считаетъ себя вполне безопасною, подъ прикрытіемъ своихъ цѣпей. Весьма понятенъ тогда неминуемый безпорядокъ и невозможность, при такихъ условіяхъ, какихъ бы то ни было распоряженій.

Опишу нѣсколько эпизодовъ нашего движенія въ этотъ день, которыхъ частью я самъ былъ очевидцемъ, частью рассказанныхъ мнѣ въ тотъ же день, на почлегѣ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ участвовавшихъ.

Бенкендорфа, раненаго, несли на носилкахъ храбрые куринцы его баталіона; окровавленный, въ одной рубашкѣ, онъ лежалъ въ безчувственномъ состояніи; подлѣ него шелъ другъ его баронъ Шеппингъ. Внезапно нѣсколько горцевъ изъ чащи лѣса врываются на узкую тропинку и начинаютъ рѣзать раненыхъ и ихъ прикрытіе. Куринцы, положивъ на землю носилки со своимъ командиромъ, стараются отражать нападеніе. Шеппингъ впереди ихъ защищаетъ своего друга и пистолетомъ барона Николаи успѣваетъ убить горца, занесшаго кинжалъ на Бенкендорфа, самъ же получаетъ нѣсколько ранъ пашками и въ упоръ выстрѣлъ изъ пистолета въ животъ. По неимовѣрному счастью, пуля только контузитъ его и останавливается въ платьѣ и бѣльѣ. (Это можно объяснить только тѣмъ, что горецъ второпяхъ или положилъ мало пороха, или не добилъ пули). Когда непріятель былъ прогнанъ, на носилкахъ уже не нашли Бенкендорфа: въ безсознательномъ и безотчетномъ испугѣ, при видѣ этой рѣзни, онъ имѣлъ достаточно

силы, чтобы вскочить и бѣжать въ противоположную сторону. Нѣсколько чеченцевъ, догоняя, рубили его безпощадно, и онъ былъ найденъ за нѣсколько шаговъ въ оврагѣ, весь облитый кровью и изрѣзанный пашками. Это немедицинское ервоуспаніе, быть можетъ, спасло ему жизнь, остановивъ и ослабивъ неминуемое воспаление его раны. Бенкендорфъ въ послѣдствіи совершенно оправился отъ ранъ, долго послѣ того жилъ, женился и умеръ нашимъ военнымъ агентомъ въ Берлинѣ въ концѣ пятидесятихъ годовъ.

Недалеко отъ этого мѣста происходилъ еще болѣе серьезный эпизодъ. Нашъ главпокомандующій, со всѣмъ своимъ штабомъ, слѣдя пѣшкомъ по той же мѣстности, вдругъ былъ атакованъ партіей чеченцевъ, бросившихся въ кизялы изъ чащи лѣса на нашего достойнаго вождя. Я, къ сожалѣнію, не былъ свидѣтелемъ этой сцены, но мнѣ рассказывали, какъ всѣхъ поразило величественное хладнокровіе князя, которому, можетъ быть, несмотря на многолѣтніе его походы, въ первый разъ пришлось обнажить оружіе; съ вѣчною улыбкою на устахъ, вынимая саблю, онъ сказалъ: „eh bien défendons nous, messieurs!“. Не хочу упоминать о нѣкоторыхъ другихъ эпизодахъ штаба и свиты; скажу только, что нѣсколько кабардинцевъ скоро штыками опрокинули смѣлыхъ горцевъ и очистили дальнѣйшій путь князю.

Въ это время я пробирался впереди штаба къ авангарду съ своимъ казакомъ и замѣтилъ, что по тропинкѣ, по которой мы ѣхали, лежало поперекъ дороги огромное тѣло въ юнкерскомъ мундирѣ; что меня поразило при этомъ, это былъ непріятельскій ударъ пашкой, который отъ плеча разрубилъ тѣло до самаго пояса пополамъ. Это оказался юнкеръ Башиловъ, состоявшій у генерала Лидерса на ординарцахъ. Немного далѣе наткнулся я на другой трупъ, лежавшій сбоку отъ дороги, лицомъ внизъ. Какое-то тяжелое предчувствіе стѣснило мое сердце: я приказалъ казаку повернуть трупъ и узналъ въ немъ друга и товарища своего А.Л. Лонгинова, который только-что былъ посланъ отыскивать авангардъ Бѣлявскаго. Я помню, какія слезы вызвала во мнѣ эта смерть. При ранѣ, не могъ я слѣзть съ лошади, по приказалъ казаку перекинуть трупъ черезъ сѣдло его лошади и, перевязавъ трокомъ отъ сѣдла, везти за мной до ночлега.

Слѣдованіе отряда, при такихъ условіяхъ, совершалось весьма медленно, въ полномъ безпорядкѣ. Объ авангардѣ никакихъ свѣдѣній не было, какъ равно и о генералѣ Лидерсѣ, побѣхавшемъ со штабомъ къ генералу Б..... Общее мнѣніе даже было, что мы окончательно отрѣзаны. Между тѣмъ, вотъ что происходило въ авангардѣ: генералъ Б....., какъ выше сказано, засѣлъ въ завалѣ передъ грознымъ непріятельскимъ заваломъ, на полянѣ. Потери были значительны и оставшіяся войска, состоявшія по большей части изъ неопытныхъ солдатъ 5-го корпуса и малой горсти удѣлѣвшихъ Апшеронцевъ, положительно не рѣшались идти на штурмъ непріятельской позиціи. Корпусный командиръ, генералъ Лидерсъ, огорченный въ своей заслуженной военной репутаціи неудачами въ этотъ день войскъ ввѣреннаго ему корпуса, явно искалъ въ эту минуту смерти, выставя себя изъ завала непріятельскимъ пулямъ. Графъ Гейденъ и графъ Ал. Строгановъ, бывшіе съ Лидерсомъ, силою остановили его отъ безполезнаго жертвованія собой и сохранили войску этого достойнаго генерала для будущихъ заслугъ его отечеству. Тутъ Б.....<sup>1)</sup> показалъ себя дѣйствительно хорошо: выпувъ шашку, онъ вышелъ изъ засѣлки и сказалъ: „несужели между вами не найдется никого, который со мной захочетъ исполнить свой долгъ“. —

---

<sup>1)</sup> К..... Я..... Б....., служившій прежде въ гвардіи, — кажется въ Волыскомъ или Литовскомъ полку, — прибылъ на Кавказъ командиромъ одной изъ бригадъ 5-го корпуса. Уроженецъ одной изъ польскихъ или бѣлорусскихъ губерній, онъ имѣлъ и качества и недостатки своей націи, не обладая ни особенными природными способностями, ни военными дарованіями. Нельзя было отказать ему въ несомнѣнной личной храбрости, особенно на глазахъ начальства, но это помрачалось непоумѣрнымъ хвастовствомъ, лестью передъ старшими, надменностью и самонадѣянностью передъ подчиненными. Б..... былъ страстный поклонникъ прекраснаго пола, считалъ себя весьма обворожительнымъ, ломалъ безпопачно французскій языкъ и желалъ выказать изъ себя ловкаго, свѣтскаго, высшаго круга, человѣка. Я никогда не забуду, какъ въ Владикавказѣ на пикникѣ, по возвращеніи съ похода, Б....., увиаваясь, сказалъ „il n'y a rien que j'adore tant que la danse sur les airs bêtes (sur l'herbette)“. — Кн. Воронцовъ, не знаю почему, увлекся Б..... и, вслѣдъ за кампаніей, назначилъ его губернаторомъ въ Кутаисѣ. Б..... на новомъ поприщѣ дѣйствовалъ съ такой безтактностью, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Воронцовъ принужденъ былъ его уволить, и онъ выѣхалъ съ Кавказа и явился опять во время Турецкой войны въ Азіатской Турціи начальникомъ дивизіи 6-го корпуса, пришедшаго изъ Москвы.

12 Апшеронцевъ (имена которыхъ записаны княземъ Воронцовымъ) бросились за генераломъ на штурмъ завала, увлекая за собой и остальныхъ. Непріятель былъ мгновенно выбитъ штыками и путь до Иссаюрта совершенно очищенъ. Вскорѣ подошла и главная колонна, и войска начали сосредоточиваться на полянѣ. Насъ отдѣлялъ еще весьма крутой, лѣсистый оврагъ отъ позиціи, избранной на противоположномъ берегу онаго для нашего ночлега. Но занявъ заблаговременно оврагъ и берегъ цѣпями и авангардомъ, наше слѣдованіе къ ночлегу совершилось довольно благополучно и безъ значительныхъ потерь. Совершенно смерклось, когда послѣдніе выюки обоза стянулись къ позиціи. Аррьергардъ, на штыкахъ вынося натискъ непріятеля, стягивался на оставленный нами противоположный скатъ оврага, отступая шагъ за шагомъ перекатными цѣпями. Переходя постоянно съ отступленія къ наступательнымъ движеніямъ, при замѣчательной распорядительности Лабинцева, доблестные кабардинцы къ разсвѣту присоединились къ намъ въ Иссаюртѣ, не оставивъ въ рукахъ непріятеля ни одного раненаго, ни одного убитаго, чѣмъ всегда такъ гордятся кавказскія войска въ своихъ дѣлахъ <sup>1)</sup>).

Когда мы пришли на ночлегъ, уже совершенно стемнѣло, небо заволочлось грозными, черными тучами, и вскорѣ разразилась одна изъ тѣхъ страшныхъ грозъ, какія бываютъ только на Кавказѣ. Въ отрядѣ нашемъ палатокъ больше не было, исключая у нѣсколькихъ начальствующихъ лицъ; всѣ мы расположились биваками, какъ попало, и разложили костры для варки пищи. Я съ товарищами своими Глѣбовымъ и Васильчиковымъ пріютились подъ кустомъ и около себя положили тѣло бѣднаго Ловгинова. Предварительно сняли мы съ него кольца, образа и кинжаломъ обрѣзали нѣсколько клочковъ волосъ, все это раздѣлили между собой, съ тѣмъ, что кто останется въ живыхъ изъ насъ, отослалъ бы эти дорогіе остатки въ семейство покойнаго; затѣмъ завернули мы тѣло въ бурку и перевязали веревками, чтобы похоронить на

---

<sup>1)</sup> Мы въ этотъ день потеряли убитыми: 1 штабъ-офицера, 1 оберъ-офицера, 65 нижнихъ чиновъ; ранеными: 3 штабъ-офицеровъ, 11 оберъ-офицеровъ и 158 нижнихъ чиновъ; были контужены 4 оберъ-офицера и 37 нижнихъ чиновъ; безъ вѣсти пропало 7 нижнихъ чиновъ.



другой день. Я чрезвычайно был пораженъ потерю стараго моего университетскаго товарища и искренно любимаго друга; несмотря на усталость и боль отъ раны, я долго не могъ заснуть подъ бременемъ тяжелаго впечатлѣнія. Помню, что когда огонекъ нашъ погасъ и мы лежали, промокшіе до костей, подъ свирѣпствующимъ ливнемъ, вдругъ какой-то конный казакъ, проѣзжая мимо нашего куста, задѣлъ лошадыю своею тѣло Лонгинова; я притянулъ его тогда ближе къ себѣ, желая оградить отъ подобныхъ случайностей, и къ разсвѣту, когда пробили зорю, оказалось, что я лежалъ и заснулъ на трупѣ товарища. Мы сейчасъ же распорядились вырыть яму около того мѣста, гдѣ мы лежали, призвали священника для отпѣванія и, покуда отрядъ готовился къ выступленію, успѣли похоронить Лонгинова и на свѣжей могилѣ развели огромный костеръ, чтобы скрыть отъ горцевъ мѣсто погребенія. Они имѣли обыкновеніе послѣ ухода войскъ вырывать тѣла, забирать платье покойниковъ и истязать трупы.

Около 10-ти часовъ утра 15 числа отрядъ нашъ снова готовъ былъ къ выступленію и ночлегъ назначенъ былъ у аула Аллерой. Подходя къ Аллерою, влѣво отъ насъ видѣнъ былъ песчаный обрывъ Ичкеринскаго хребта, до котораго доходили войска при несчастной экспедиціи 1842 года, подъ начальствомъ Граббе. Многіе участники въ этомъ движеніи подробно рассказывали намъ о всѣхъ претерпѣнныхъ ими тогда лишеніяхъ и объ ужасахъ отступленія по этому безводному хребту.

Въ Иссаюртѣ мы весьма мало имѣли воды изъ единственнаго родника въ оврагѣ, но разразившаяся гроза и дождь снабдили войска водой на эту ночь. Влѣво отъ предстоящаго пути тянулся, какъ сказано, покрытый лѣсомъ Ичкеринскій хребетъ, постоянно склоняясь по направленію къ Герзель-аулу и къ Качкалыкскому хребту. Отъ этихъ горъ спускалось безчисленное количество весьма глубокихъ овраговъ, покрытыхъ лѣсомъ, до долины Аксая, текущаго почти параллельно хребту. Но въ Иссаюртѣ мы были еще въ довольно большомъ разстояніи отъ рѣки и только въ Аллероѣ приблизились къ ней настолько близко, что войска могли ею пользоваться. Между помянутыми оврагами, частью въ лѣсу, а частью на возвышенныхъ открытыхъ мѣстахъ, видѣлись поляны, засѣянные

хлѣбомъ, а на болѣе возвышенныхъ, какъ Аллерой и Шаухальберды, расположены были оставленные и сожженные жителями бывшіе аулы ихъ.

Впереди нашего слѣдованія находился глубокій оврагъ, котораго противоположный лѣсистый берегъ былъ занятъ непріателемъ. Подъ покровительствомъ сильнаго огня нашихъ батарей, авангардъ, имѣя кавалерію впереди, двинулся къ этой позиціи и безъ труда заставилъ горцевъ отступить. Главныя силы и арьергардъ прошли въ величайшемъ порядкѣ, мало тревожимые горцами, и по прошествіи 5-ти верстъ главнокомандующій счелъ нужнымъ остановиться для ночлега у селенія Аллерой, находя, что люди, а въ особенности раненые, послѣ вчерашняго продолжительнаго боя и утомительнаго перехода нуждались въ отдыхѣ <sup>1)</sup>).

Густой туманъ и мелкій дождь, препятствовавшіе въ нѣсколькихъ шагахъ различать предметы, не позволяли отряду выступить 16-го іюля ранѣе 8-ми час. утра. На предстоящемъ переходѣ, при самомъ небольшомъ разстояніи, отдѣляющемъ насъ отъ Шаухальберды, намъ приходилось переходить нѣсколько овраговъ, покрытыхъ густымъ лѣсомъ, изъ которыхъ послѣдніе, по глубинѣ своей и укрѣпленію непріятельскими завалами, представляли наибольшія затрудненія.

Отрядъ нашъ переправу и занятіе высотъ совершилъ довольно удачно и безъ большихъ потерь, постоянно перестрѣливаясь, какъ въ цѣпяхъ, такъ и въ авангардѣ. Здѣсь мы остановились, ожидая арьергарда, оставшагося на мѣстѣ нашего ночлега. Въ глазахъ всего отряда Лабинцевъ совершилъ замѣчательное свое отступленіе; князь Воронцовъ и всѣ мы восхищались его умѣніемъ пользоваться мѣстностью и замѣчательными его распоряженіями. При переходѣ черезъ слѣдующій оврагъ, когда колонна двинулась впередъ, я остался съ арьергардомъ, желая ближе видѣть дѣйствія Лабинцева. Я очень хорошо помню, какъ отступая съ послѣднею цѣпью, при сильномъ натискѣ непріятеля, Лабинцевъ, желая ободрить пару молодыхъ оробѣвшихъ солдатъ, сказалъ имъ: „станови-

---

<sup>1)</sup> Потери наша въ этотъ день была убитыми: 15 нижнихъ чиновъ; ранеными: 3 оберъ-офицера и 44 нижнихъ чиновъ, а также 19 нижнихъ чиновъ контужены и 1 пропалъ безъ вѣсти.

тесъ за мной, вы знаете, что меня пуля не беретъ“, и велѣлъ одному изъ нихъ лечь и отстрѣливаться между ногъ его, а другому изъ-подъ-мышки. Можно себя представить, какъ подобныя выходки нравились солдатамъ, которые были увѣрены, что Лабинцевъ, участвовавшій въ столькихъ сраженіяхъ и никогда не раненый, имѣлъ заговоръ противъ пуль. Въ этой же цѣпи видѣлъ я достойнаго командира Кабардинскаго полка Вив. Мих. Козловскаго подъ градомъ пуль, съ предлинною трубкою въ зубахъ, ободрявшаго цѣпь съ свойственнымъ ему хладнокровіемъ. Лабинцевъ подошелъ къ нему и палкой выбилъ у него изъ губъ трубку при любимомъ своемъ ругательствѣ: „прохвостина, здѣсь не мѣсто курить“. Козловскій, впрочемъ, весьма дружный съ Лабинцевымъ, только возразилъ: „грѣшно, какъ, Иванъ Михайловичъ, послѣднюю, какъ, у меня трубку выбивать“. Я не слышалъ дальнѣйшихъ объясненій. При переходѣ одного изъ послѣдующихъ овраговъ, когда арьергардъ выходилъ на поляну, подверженный на открытомъ мѣстѣ усиленной съ противоположнаго ската мѣткой стрѣльбѣ горцевъ, я былъ еще свидѣтелемъ одной, весьма смѣшной, но вмѣстѣ и грустной сцены. При Лабинцевѣ находился въ ординарцахъ разжалованный за дуэль съ Долгорукимъ въ рядовые Кабардинскаго полка изъ лейбъ-гвардіи Гусарскаго князь Ямвель. Этотъ достойный и храбрый человѣкъ заслужилъ уваженіе и сочувствіе всѣхъ въ отрядѣ своею примѣрною храбростью и самоотверженіемъ. Онъ исполнялъ строго всѣ служебныя обязанности рядового и во время дѣлъ и перестрѣлки постоянно бросался выручать раненыхъ солдатъ и на своихъ плечахъ, при своей физической силѣ, выносилъ ихъ изъ огня въ болѣе безопасныя мѣста. Въ этомъ же арьергардѣ находился адъютантъ генерала Гурко поручикъ Д..... С....., старый мой товарищъ по университету, стяжавшій, къ сожалѣнію, въ отрядѣ славу первокласснаго труса. Онъ не былъ лишенъ ни способностей, ни ума, но какъ въ университетѣ, такъ и на Кавказѣ, былъ вѣчнымъ посмѣшищемъ товарищей и цинически относился къ своей трусости. „Отправляясь на Кавказъ, говорилъ онъ, я рѣшился пасть отъ первой пули, и дѣйствительно отъ первой пули легъ подъ кустъ“. На упомянутой полянѣ, при отступленіи цѣпи, Ямвель увидѣлъ ползущаго по землѣ

С..... отъ одного куста къ другому; возмущенный этимъ, онъ остановилъ его за фалды на самомъ открытомъ мѣстѣ, куда сыпались непріятельскія пули, говоря ему: „согласись, С....., что ты подлецъ“, — „Согласенъ, только пусти меня“. — „Нѣтъ, дай честное слово, что если останешься живъ, какъ выйдемъ, сейчасъ подашь въ отставку“. — „Даю“, отвѣчалъ С....., и тогда только Ямвель отпустилъ его. Прибывши въ Герзель-ауль, С..... сдержалъ свое слово, что съ нимъ весьма рѣдко случалось. Этотъ жалкій человѣкъ потомъ женился, вскорѣ сошелъ съ ума и, кажется, болѣе 20-ти лѣтъ находился въ сумасшедшемъ домѣ въ Петербургѣ.

Изъ арьергарда проѣхалъ я къ главной колоннѣ и соединился съ княземъ Воронцовымъ. Я засталъ толпившійся въ сильномъ безпорядкѣ обозъ и колонну раненыхъ въ лѣсу, передъ небольшимъ, окруженнымъ лѣсомъ же, кукурузовымъ полемъ; впереди слышна была жаркая перестрѣлка и пушечные выстрѣлы въ послѣднемъ оврагѣ, отдѣлявшемъ насъ отъ Шаухаль-берды. Я съ трудомъ пробился къ штабу и нашелъ князя Воронцова и свиту его спѣшившимися, для перехода поляны. Съ опушки лѣса, еще не занятой нами, сыпались пули на узкую дорожку, которую предстояло перейти. Только-что князь Воронцовъ вышелъ на поляну, стрѣльба участилась и одновременно около него было ранено нѣсколько человѣкъ казаковъ и адъютанты князя, товарищи мои, Васильчиковъ—въ руку, а Глѣбовъ—въ ногу. Тутъ имѣлъ я случай видѣть отличительную черту самопожертвованія горцевъ. При князѣ состоялъ старшина Эрпелинскаго аула Шаухальскихъ владѣній, почтенный старикъ Улубей, весьма плотный мужчина, гигантскаго роста. Увидѣвъ угрожающую князю опасность, онъ незамѣтно прокрался къ нему съ той стороны, откуда раздавались выстрѣлы; не выпуская съ глазъ князя и идя все время въ полуоборотъ, онъ своей громадной фигурой постоянно прикрывалъ князя и удался, исполнивъ по своимъ понятіямъ долгъ тѣлохранителя, какъ только цѣпь наша выбила изъ опушки непріятеля. Наконецъ, спустились мы и въ послѣдній оврагъ. Во все время слѣдованія нашего отъ Аллероя правая цѣпь наша, обращенная къ Аксаю, весьма мало терпѣла отъ непріятеля; перестрѣлки, вообще, были ничтожны и,

опасаясь быть отрѣзанными, большія партіи горцевъ не являлись съ этой стороны. Всѣ силы ихъ направлены были на лѣвую нашу цѣпь, гдѣ, подѣ прикрытіемъ пересѣченной мѣстности и частаго лѣса, они наносили, какъ цѣпи, такъ и авангарду вашему, чувствительный уронъ, останавливая на каждомъ шагу движеніе колонны. Самыя же ожесточенныя нападенія горцевъ, какъ всегда въ этой войнѣ, были направлены на арьергардъ, такъ какъ они видѣли неуспѣшность своихъ дѣйствій къ прегражденію пути нашему отряду. Здѣсь, кромѣ сильнаго ружейнаго и артиллерійскаго огня изъ непріятельскихъ орудій, постоянно происходили рукопашныя схватки, гдѣ кабардинцамъ приходилось штыками отбивать горцевъ, которые съ остервенѣніемъ бросались въ шашки и кинжалы на отступающія цѣпи. На днѣ оврага, черезъ протекающій ручей, необходимо было устроить переправу, для чего и были посланы съ авангардомъ остатки столь сильно пострадавшаго 5-го Сапернаго баталіона, при горныхъ орудіяхъ батареи полковника Годлевскаго. Лѣвая наша цѣпь, подѣ командою Меллера-Закомельскаго, не пошла высотами и сбилась по обрывамъ на дорогѣ, вмѣсто того, чтобы идти верхомъ и въ тылъ устроенныхъ непріателемъ, выше переправы, сильныхъ заваловъ. Какъ только подошли саперы, непріатель открылъ по нимъ убійственный огонь, и большая часть людей была перебита во время работы. Командовавшій горными орудіями, поручикъ Форсалесъ старался выбить непріателя изъ завала граватами и картечью; покуда Меллеръ-Закомельскій со своей цѣпью взобрался на высоты, чтобы обойти непріателя и исправить сдѣланную имъ ошибку, въ нѣсколько минутъ вся артиллерійская прислуга лежала уже убитая или раненая. Остался невозмутимый Форсалесъ и раненый фейерверкеръ, который забивалъ снарядъ въ то время, какъ сразила его пуля. Форсалесъ навелъ орудіе, сдѣлалъ послѣдній выстрѣлъ и упалъ, контуженный въ грудь и раненый пулей въ плечо. Опомнившись и спокойно вставъ, онъ, весь въ крови, обратился къ кучкѣ штабныхъ (кажется, тутъ былъ и князь Воронцовъ), стоявшихъ подѣ прикрытіемъ обрыва, недалеко отъ него, и хладнокровно сказалъ: „Jetzt glaube ich, meine Herrn, habe ich hier nichts mehr zu thun und kann mit Ehren weggehen“ и медленно пошелъ въ колонну перевязываться.

Вскорѣ затѣмъ непріятель, выбитый изъ заваловъ, очистилъ намъ дорогу. Бѣлавскій, между тѣмъ, атаковалъ и занялъ аулъ Шаухаль-берды и, наконецъ, выбрался отрядъ на обширную поляну Шаухаль-берды въ страшномъ безначаліи и суетѣ: колонны, выюки, раненые, все перемѣшалось. Одинъ Лабинцевъ стойко, въ порядкѣ отступая, прикрывалъ наше безпорядочное движеніе и черезъ нѣсколько часовъ присоединился къ намъ <sup>1)</sup>).

Шаухаль-берды, какъ мѣсто, гдѣ испытали мы столько физическихъ лишеній, столько нравственныхъ тревогъ и ожиданій, заслуживаетъ особаго описанія, въ которомъ постараюсь передать впечатлѣнія наши въ продолженіе трехдневной томительной стоянки въ этомъ мѣстѣ.

Довольно обширная поляна Шаухаль-берды прилегала крутымъ обрывомъ съ южной стороны къ руслу рѣки Аксая; на противоположномъ правомъ берегу, отчасти господствуя надъ всей этой мѣстностью, расположенъ былъ непріятельскій аулъ, занятый скопищемъ мюридовъ, при 3-хъ или 4-хъ орудіяхъ. Восточную сторону нашей позиціи окаймлялъ весьма широкій и глубокій оврагъ, вдающій въ Аксай отъ Ичкеринскаго хребта. Съ сѣверной стороны тянулась, перерѣзанная непріятельскими полями, лѣсистая мѣстность до подошвы Ичкеринскаго хребта. Съ западной стороны окаймлялъ нашу позицію только-что перейденный нами оврагъ. На полянѣ, на восточной ея окраинѣ, ближе къ Аксаю, находились развалины оставленнаго горцами аула и довольно большой садъ. На этомъ пространствѣ суждено было намъ въ продолженіе 3-хъ томительныхъ дней ожидать нашего избавленія. Сколько помнится, отрядъ расположился на позиціи въ порядкѣ своего прежняго слѣдованія. Апшеронцы и часть войскъ 5-го корпуса заняли восточный фасъ, остальные части 5-го корпуса и куринцы прикрывали лѣвый нашъ флангъ, кабардинцы тылъ, а навагинцы правую сторону къ обрыву Аксая. Всѣ раненые, для облегченія ихъ отъ невыносимой жары, были свезены и положены около раззореннаго аула

---

<sup>1)</sup> Въ этотъ день мы потеряли убитыми: 2 оберъ-офицеровъ, 107 нижнихъ чиновъ; ранеными: 4-хъ штабъ-офицеровъ, 10 оберъ-офицеровъ, 306 нижнихъ чиновъ, контуженными: 1-го штабъ-офицера, 1 оберъ-офицера, 41 нижнихъ чиновъ, безъ вѣсти пропавшими 15 нижнихъ чиновъ.

и въ прилегающихъ садахъ. Главная квартира расположилась въ центрѣ позиціи, остальные отдѣльныя личности—гдѣ попало. Ни у кого не было ни палатокъ, ни व्यюковъ или тяжестей; потому всѣ отдѣльныя лица располагались по произволу при той или другой части войскъ.

Здѣсь припоминаю слѣдующій эпизодъ. Когда я выѣхалъ на позицію и ко мнѣ присоединились раненые товарищи Васильчиковъ и Глѣбовъ, томимые голодомъ, а особенно жаждой (мы цѣлый день ничего не пили), при невыносимой жарѣ,—казаки наши устроили временно на поляхъ изъ сучьевъ и вѣтокъ балаганъ (какъ солдаты называютъ „холодокъ“), въ которомъ мы и улеглись до общаго расположенія частей. Къ вбитымъ въ землю кольямъ были привязаны наши лошади. Передъ нами въ это время тянулись обозъ, милиція и остатки изнуренныхъ войскъ нашихъ для занятія указанныхъ имъ по дислокаціи мѣстъ. Въ это время непріятель съ противоположнаго берега Аксая открылъ довольно мѣткій и усиленный артиллерійскій огонь, стрѣляя гранатами (что опъ, впрочемъ, продолжалъ и въ послѣдующіе дни, какъ днемъ, такъ и ночью, выстрѣлами, хотя и рѣдкими, держа постоянно въ тревогѣ утомленные наши войска). Въ это время одна граната попала въ привязанную около балагана лошадь, разорвалась въ крупѣ ея и осколки свалили нашъ временный холодокъ; казаки, вытащивъ насъ изъ-подъ сучьевъ, свезли въ другое, болѣе безопасное, по ихъ мнѣнію, мѣсто, къ раззоренному аулу, гдѣ были уже свалены другіе раненые. Тамъ мы и пробыли до нашего выступленія. Скудный запасъ сухарей, равно какъ и всѣ жизненные припасы, окончательно истощились; не только солдаты, но и офицеры въ послѣдній день питались, чѣмъ попало. Во время стоянки въ Шаухаль-берды обыкновенной пищей служила зеленая недоспѣвшая кукуруза, которую солдаты, подъ непріятельскими выстрѣлами, собирали съ полей, натирали, взамѣнъ соли, порохомъ и пекли на угляхъ. Нѣкоторые счастливыцы имѣли еще кое-какіе запасы, но видно, что нужда была велика изъ слѣдующаго: адъютантъ Воронцова Лисоневичъ имѣлъ व्यюкъ, который возилъ на мулѣ бѣлой шерсти; проснувшись, кажется, 17-го числа, онъ нашелъ только голову и ноги этого животнаго. Я помню, какъ намъ, томимымъ голодомъ,

товарищи наши изъ главной квартиры приносили то въ бумажкѣ немножко вареной кашицы, то кость говядины отъ стола князя Воронцова и, наконецъ, какъ извѣстный Едлинскій, усмотрѣвъ, что прикомандированный изъ гвардейскихъ драгунъ къ нашему отряду, раненый поручикъ Блумъ тайно отъ всѣхъ, подъ кустомъ, ѣлъ сохранившійся у него кусокъ сыру, укралъ этотъ кусокъ и принесъ намъ. Остервенѣлый Блумъ, узнавъ объ этомъ, вызвалъ Едлинскаго на дуэль, которая, впрочемъ, не состоялась. Около меня, въ этихъ же садахъ, лежалъ на двухъ выюнныхъ сундукахъ опасно (думали безнадежно) раненый въ грудь командиръ Замостскаго Егерскаго полка Семеновъ. Добрые товарищи, посѣщавшіе насъ и столь заботившіеся о нашей участи въ это тяжелое время, постоянно только думали, какъ бы поддержать пищею наши силы. Одинъ изъ нихъ, поручикъ Лихачевъ, служившій со мною прежде въ Кирасирскомъ полку, началъ шарить, съ помощью кавалергардскаго поручика Бахметева, въ сундукахъ подъ раненымъ Семеновымъ и нашелъ ящикъ съ отвратительными конфетами изъ Кизляра; когда Семеновъ слабымъ голосомъ протестовалъ противъ этого насилія, то Лихачевъ его успокоивалъ тѣмъ, что, вѣроятно, онъ до вечера не доживетъ, съ чѣмъ и согласился раненый и съ улыбкой смотрѣлъ, какъ мы пользовались этой отвратительной, заплѣсневлѣю пищею. Всегда веселый, несмотря на свои страданія, Стейпбокъ потѣшалъ насъ своими остротами и Николай Петровичъ Кулебякинъ, о которомъ много придется говорить впоследствии, постоянно поддерживалъ духъ всѣхъ своими оригинальными сужденіями и эксцентричными выходками.

Не могу умолчать здѣсь о глубоко тронувшемъ меня въ то время самоотверженіи крѣпостного человѣка моего Петра Толстого. Моложе меня двумя или тремя годами, онъ поступилъ ко мнѣ въ услуженіе изъ дома родителей моихъ, гдѣ обучался на кухнѣ, былъ при мнѣ съ начала службы моей въ Кирасирскомъ полку, сопровождалъ меня во всѣхъ походахъ на Кавказѣ и поѣздкахъ, исполняя должность и камердинера, и повара, и привязался ко мнѣ безотчетно и сердечно, какъ умѣли привязываться въ то время крѣпостные люди къ своимъ господамъ. Когда мы только что вышли изъ огня на поляну Шаухаль-берды, Петръ, видя наше



изнуренное состояніе и томительную жажду нашу, бросился отыскивать намъ воды къ рѣкѣ Аксаю и началъ наполнять деревянную баклагу; съ противоположнаго берега непріятель осыпалъ его пулями, что не помѣшало ему исполнить свое человѣколюбивое намѣреніе. Но въ это время цѣпь Апшеронцевъ разставлялась для прикрытія водопоя, и его, одѣтаго въ азіатскую черкеску и отдѣленнаго отъ нашего отряда, схватили и, связавши, привели въ лагерь, принимая его за неребѣжчика. Къ счастью, командовавшій остатками Апшеронскаго батальона, капитанъ Раутенбергъ узналъ его и первыми каплями воды, которыми въ этотъ день мы и товарищамъ моимъ пришлось освѣжиться, мы обязаны доброду Петру моему<sup>1)</sup>. Папаха и черкеска его въ нѣсколькихъ мѣстахъ были прострѣлены непріятельскими пулями.

Князь Воронцовъ, при участіи всѣхъ начальниковъ частей, одѣнивъ отчаянное, безвыходное положеніе наше, рѣшился остаться на мѣстѣ и ожидать выручки отъ генерала Фрейтага, къ которому были посланы изъ Дарго лазутчики съ извѣстіемъ о нашемъ движеніи на Герзель-ауль. Было немыслимо съ разстроенными частями нашими, съ громаднымъ числомъ раненыхъ, беспорядочнымъ обозомъ и милиціей, перейти то грозное препятствіе, которое ожидало насъ въ лѣсистомъ оврагѣ, отдѣлявшемъ насъ отъ спасенія нашего—на пути къ Герзель-аулу. Нѣтъ сомнѣнія, что строевая войска, при стойкости своей, хотя съ потерями, но могли бы пробиться черезъ настоящее препятствіе; но прикрывая раненыхъ и обозъ, это положительно было бы дѣломъ невозможнымъ. Благородная душа князя Воронцова не могла допустить подобной жертвы; онъ сказалъ: „я выйду изъ Шаухалъ-берды только съ послѣднимъ изъ раненныхъ солдатъ ввѣреннаго попеченію моему отряда“.

Ружейныхъ патроновъ у насъ было немного, и при постоянной перестрѣлкѣ въ цѣпяхъ нашихъ старались соблюдать

---

<sup>1)</sup> Впослѣдствіи, когда я оставилъ Кавказъ, я подарилъ ему землю и обзаведеніе, гдѣ онъ и поселился съ женой, въ имѣніи моемъ Псковской губ. Не имѣя удачи въ предпріятіяхъ своихъ, онъ долженъ былъ продать свою собственность и теперь вновь проживаетъ у меня съ семействомъ въ качествѣ лѣсничаго, на жалованьи, сохранивъ тѣ же чувства ко мнѣ и семьѣ моей, которыя всегда отличали его.

всевозможную экономію. Артиллерійскихъ же снарядовъ у насъ почти не было, всѣ лошади и прислуга горной батареи Годлевскаго были перебиты, лафеты и ящики сожжены, и только тѣла орудій на вьючныхъ сѣдлахъ были нами вывезены. На непріятельскіе выстрѣлы изъ орудій, громившіе насъ въ теченіе 3-хъ дней, мы почти не могли отвѣчать. Положеніе наше хорошо было извѣстно Шамилю и онъ считалъ отрядъ нашъ вѣрною, неотъемлемою своею жертвою. Никто и въ отрядѣ нашемъ, отъ солдата до генерала, не скрывалъ себѣ всего ужаса нашего положенія; мы всѣ хорошо знали, что, опоздай на нѣсколько дней Фрейтагъ, намъ пришлось бы или умереть голодною смертію, или видѣть ослабленныхъ голодомъ и лишеніями войска наши уничтоженными смѣлымъ и дружнымъ штурмомъ непріятеля, или накопецъ (что всего ужаснѣе) видѣть отступленіе уцѣлѣвшихъ войскъ, оставивъ раненыхъ и всю безпорядочную толпу, столь обременяющую наше слѣдованіе, на мщеніе дикаго фанатизма мюридовъ. Я помню, часто мы говорили объ этомъ послѣднемъ предположеніи, разсуждали даже, что лучше застрѣлиться или разстрѣлать другъ друга, чѣмъ отдаваться на истязанія горцамъ. Все, что можно было сдѣлать, чтобы возвысить духъ войска,—было сдѣлано. Во всѣхъ частяхъ, по вечерамъ, гремѣли хоры; величественная фигура князя Воронцова постоянно являлась на всѣхъ пунктахъ нашей позиціи, вездѣ привѣтливая его улыбка ободряла всѣхъ; солдаты забывали на время свои лишенія, слышны были вездѣ крики ура, сопровождавшіе главнокомандующаго, который въ эту трудную минуту, можно сказать, навсегда утвердилъ свою постоянную популярность въ войскахъ Кавказскаго корпуса. Мнѣ разсказывали слѣдующій, вполне достовѣрный, случай съ кн. Воронцовымъ, котораго не могъ я, къ сожалѣнію, быть очевидцемъ. Я уже упоминалъ о томъ, какъ вообще старые кавказцы недовѣрчиво относились къ Даргинской экспедиціи, не понимая, что въ этомъ дѣлѣ князь Воронцовъ былъ только искупителемъ той пагубной системы, которою руководились въ Петербургѣ и которой тотъ же кн. Воронцовъ положилъ конецъ въ слѣдующіе годы. Между порицателями князя отличался между прочими Ив. Мих. Лабинцевъ, со свойственной его натурѣ рѣзкостью и

грубостью. Кн. Воронцовъ все это очень хорошо зналъ. Разъ, разговаривая съ Лабинцевымъ въ Шаухаль-берды передъ своей палаткой, куда преимущественно направлялись непріятельскіе выстрѣлы, князь открылъ табакерку, желая понюхать табаку, когда въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ упала граната, грозившая разрывомъ своимъ убить или изувѣчить обоихъ разговаривавшихъ. Первымъ движеніемъ князя было посмотрѣть въ глаза Лабинцева, а сего послѣдняго пристально впереться въ глаза князя—въ такомъ безмолвномъ испытаніи прошло нѣсколько секундъ. Гранату, между тѣмъ, не разорвало, потому что скорострѣльная трубка выскочила при паденіи. Князь, разсмѣявшись, протянулъ Лабинцеву руку и сказалъ: „теперь можно посмотрѣть, куда легла граната“. Съ тѣхъ поръ не слыхалъ я, чтобы Лабинцевъ когда либо дурно отзывался о князѣ Воронцовѣ, какъ военномъ.

При нашемъ отрядѣ состоялъ хоръ музыкантовъ Пражскаго пѣхотнаго полка; по вечерамъ князь приказывалъ играть музыкѣ, и по случаю сильной жары ее помѣстили въ саду около раззореннаго аула, гдѣ лежали всѣ мы, раненые. Непріятель не замедлилъ направлять свои выстрѣлы въ эту сторону, что крайне беспокоило насъ, не говоря уже о смятеніи музыкантовъ, игравшихъ постоянно фальшиво и изъ которыхъ, какъ мнѣ помнится, нѣкоторые были ранены и инструменты разбиты. Кто-то сказалъ объ этомъ князю, и онъ, не желая подвергать опасности ни раненыхъ, ни другія части войскъ, приказалъ музыкѣ играть на полянѣ, около своего штаба, къ крайнему неудовольствію многочисленныхъ и непрошенныхъ штабныхъ гостей—дилетантовъ этой экспедиціи <sup>1)</sup>.

Между тѣмъ, въ напряженномъ ожиданіи, всякій дѣлалъ свои предположенія о возможности прибытія свѣжаго отряда Фрейтага; рассчитывали срокъ полученія имъ извѣстій изъ Дарго, время, нужное для собранія войскъ, скорость движенія и проч. Странно сложившееся при этомъ предчувствіе у старыхъ сподвижниковъ Фрейтага, любимыхъ имъ и обожающихъ его куринцевъ. Между

<sup>1)</sup> Въ эти два дня потери наша была убитыми: 12 нижнихъ чиновъ; ранеными: 1 оберъ-офицеръ и 24 нижнихъ чиновъ; коптужены: 2 оберъ-офицера и 6 рядовыхъ; убито нѣсколько лошадей.

ихъ батальонами установилось убѣжденіе, что на разсвѣтъ 19-го числа долженъ показаться Фрейтагъ: слухъ этотъ съ надеждой повторялся всѣмъ отрядомъ. Съ 18-го числа и всю ночь на 19-ое можно было видѣть куринскихъ солдатъ, взлѣзшихъ на самыя высокія деревья и смотрѣвшихъ вдаль, по направленію къ Герзель-аулу. Наконецъ, съ разсвѣтомъ громкія „ура“ огласили весь отрядъ нашъ, вскорѣ восходящее солнце освѣтило вдали блистающіе штыки приближающейся колонны и, наконецъ, первый сигнальный выстрѣлъ Фрейтага раздался на противоположной возвышенности отдѣляющаго насъ оврага <sup>1)</sup>).

Трудно описать всеобщій восторгъ. Радостная вѣсть молніей облетѣла весь отрядъ, всѣ поздравляли другъ друга съ избавленіемъ, со слезами обнимались, всѣ чувствовали надежду и возможность возвращенія къ жизни, на родину, къ близкимъ сердцу. Какъ объяснить это предвидѣнныя куринцевъ, какъ не вѣрить иногда въ предчувствія! Немедленно сдѣланы были распоряженія къ выступленію на соединеніе съ Фрейтагомъ, обстрѣливавшимъ послѣднее предстоявшее намъ препятствіе. Покуда спускались наши цѣпи и авангардъ ко дну оврага, обозъ, милиція, выюки,—все въ безпорядкѣ бросилось по единственной прилегающей дорогѣ на

<sup>1)</sup> Составъ отряда Фрейтага:

|                                        |          |
|----------------------------------------|----------|
| Донского Казачьяго № 20 полка. . . . . | 1 сотня. |
| „ „ № 52 „ . . . . .                   | 2 сотни. |

Итого . . 3 сотни.

|                                              |  |
|----------------------------------------------|--|
| 1 бат. Модлинскаго пѣхотнаго полка.          |  |
| 1 рота Пражскаго пѣхотнаго полка.            |  |
| 2 роты Люблинскаго Егерскаго полка.          |  |
| 1 бат. Замостскаго Егерскаго полка.          |  |
| 3 роты Навагинскаго пѣхотнаго полка.         |  |
| 1 бат. Кабардинскаго пѣхотнаго полка.        |  |
| 2 роты того же полка.                        |  |
| 2 бат. Куринскаго полка.                     |  |
| 2 роты Кавказскаго линейнаго № 15 баталіона. |  |

Итого 7½ бат.

|                                           |           |
|-------------------------------------------|-----------|
| Легкой № 3 батареи . . . . .              | 1 орудіе. |
| Батареиной № 3 батареи . . . . .          | 3 орудія. |
| Донской Казачьей конной № 1 бат. . . . .  | 2 „       |
| Линейной „ „ № 14 бат. . . . .            | 4 „       |
| Подвижной гарнизонной артиллеріи. . . . . | 3 „       |

Итого . . 13 орудій.

выстрѣлы Фрейтага. Не было возможности остановить эту обезумѣвшую отъ радости толпу; раненые слѣдовали за ними и неизбежный безпорядокъ, при тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ мы находились, прибавилъ не мало новыхъ жертвъ ко всѣмъ уже понесеннымъ потерямъ въ этой экспедиціи. Спустившаяся толпа наткнулась на засады непріятеля съ лѣваго фланга, въ глубинѣ пересѣченной и покрытой густымъ лѣсомъ мѣстности. Изъ устроенныхъ здѣсь заваловъ, горцы безъаказанно разстрѣливали нашу колонну, опередившую далеко лѣвую цѣпь, которой назначено было обойти и завладѣть помянутыми завалами. Здѣсь, несомый на носилкахъ, командиръ Навагинскаго полка, полковникъ Бибииковъ былъ убитъ, также тяжело раненый генеральнаго штаба капитанъ Пружановскій вновь пораженъ двумя пулями, не говоря о другихъ убитыхъ, безъ вѣсти пропавшихъ (а можетъ быть взятыхъ въ плѣнъ и истерзанныхъ горцами), вслѣдствіе полного безначалія и безпорядка, господствовавшего въ этой сборной массѣ всѣхъ частей войскъ.

Разскажу теперь случившееся со мною. Я ѣхалъ верхомъ, съ подвязанной къ сѣдлу раненой ногой, на лошади, данной мнѣ другомъ моимъ Васильчиковымъ, взявѣнъ моею, убитой въ Шаухальберды; меня сопровождалъ казакъ мой Густомясовъ. Слѣдуя или, лучше сказать, увлекаемый толпой, по узкой и извилистой дорогѣ я спустился почти до самаго дна оврага, когда вдругъ голова этой безпорядочной колонны встрѣчена была залпомъ съ непріятельскаго завала, преграждавшаго путь. Все бросилось назадъ и я, сбитый съ тропинки, сброшенъ былъ по крутизнѣ къ рѣкѣ Аксаю. Лошадь моя буквально катилась на задъ, я старался только направлять ее между пнями и деревьями, вполне понимая, что паденіе мое, вдали отъ всѣхъ, равносильно было бы неминуемой моею гибели—тяжела была мысль о смерти, когда спасеніе было такъ близко. Я помню, какъ, скатываясь между двумя большими деревьями, я задѣлъ раненой лѣвой ногой за одно изъ нихъ; мнѣ ободрало платье и часть повязки—боль была невыносима, но слава Богу—я удержался на сѣдлѣ. Наконецъ, быстро скатываясь, я успѣлъ остановить лошадь на тропинкѣ, повидимому пробитой скотиной, прогоняемой на водопой къ рѣкѣ. Вправо отъ меня слышались шумяція воды Аксая,

влѣво съ дороги, на дальнемъ уже разстояніи, долетали гулъ и крики колонны и слышалась учащенная пальба подоспѣвшихъ на выручку войскъ изъ Шаухаль-берды. Надъ головой моей пролетали ядра изъ полевыхъ орудій Фрейтага, которыми онъ очищаль оврагъ отъ непріятеля. Я былъ совершенно одинъ (казакъ былъ оттертъ отъ меня толпой еще на дорогѣ) и рѣшился слѣдовать тропинкой по направленію выстрѣловъ Фрейтага. При этомъ слѣдованіи надо мной постоянно пролетали пули пашей правой цѣпи, состоявшей изъ навагинцевъ, которые стрѣляли въ чащу оврага и въ лѣсъ, не видя никакого непріятеля, лишь для очищенія своей солдатской совѣсти. Пробираясь черезъ чащу, мнѣ, наконецъ, удалось скрыться отъ этой опасности и, поднимаясь постепенно на противоположный скатъ оврага, я добрелъ до дороги и съ восторгомъ встрѣтилъ двѣ роты кабардинцевъ въ бѣлыхъ, чистыхъ рубашкахъ, съ нафабреными усами, спускавшихся на выручку къ нашимъ; передъ ними шелъ флигель-адъютантъ полковникъ Эдуардъ Трофимовичъ Барановъ; дружески пожавъ ему руку, я рысью пустился по дорогѣ въ гору, считая себя уже спасеннымъ. Черезъ нѣсколько минутъ меня обнималъ Фрейтагъ около своихъ орудій; я былъ одинъ изъ первыхъ, которыхъ онъ видѣлъ изъ нашего отряда. Почти одновременно со мной подошелъ генералъ Безобразовъ, тоже сбитый съ дороги и пробравшійся пѣшкомъ по чащѣ, по направленію выстрѣловъ. Затѣмъ стали подходить по одиночкѣ и толпами разночинцы беспорядочной колонны, приносили раненыхъ и, наконецъ, прибылъ самъ князь со своей свитой. Между тѣмъ, неумолкаемая перестрѣлка гремѣла на днѣ оврага; храбрый Лабинцевъ, отступая въ полномъ порядкѣ, шагъ за шагомъ отбивалъ ожесточенныя атаки горцевъ. Къ сожалѣнію, одна изъ ротъ арьергарда (кажется, 1-я карабинерная), сбившись въ чащѣ, попала въ виноградные сады на засаду горцевъ и, послѣ мужественной защиты, большею частью была истреблена въ рукопашномъ неравномъ бою (въ ротахъ тогда было не болѣе 50—60 человѣкъ и даже менѣе). Это были почти послѣднія жертвы несчастной Даргинской экспедиціи <sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> Наша потеря 19-го числа была убитыми: 1 штабъ-офицеръ, 2 оберъ-офицера, 78 нижнихъ чиновъ; ранеными: 1 штабъ-офицеръ, 7 оберъ-офицеровъ и 139 нижнихъ чиновъ; контужены 2 оберъ-офицера и 25 нижнихъ чиновъ; 17 человѣкъ пропало безъ вѣсти.

Около часу пополудни всѣ войска, уже внѣ опасности, соединились съ отрядомъ Фрейтага, войска котораго сейчасъ же замѣнили въ аррьергардѣ и цѣпяхъ всѣ дѣйствующія части. Надо было быть свидѣтелемъ тѣхъ сценъ, которыя сопровождали наше соединеніе, чтобы понять все то, что каждый перечувствовалъ въ эти минуты. Пришедшія свѣжія войска снабжали насъ всѣмъ, что только у нихъ было; съ жадностью бросались мы на сухари, которыхъ такъ давно не видали, на арбузы, привезенные на повозкахъ войсками. Портеръ, водка, вино—все это лилось ручьями, всѣ братовались, плакали, обнимали другъ друга, рацепныхъ размѣщали на прибывшія повозки, такъ какъ отъ этого мѣста была опасная дорога до Герзель-аула. Фрейтагъ, я думаю, можетъ съ гордостью записать этотъ моментъ, какъ самую отраднѣйшую страницу его достойной боевой карьеры на Кавказѣ. Онъ дѣйствительно сдѣлалъ чудеса для нашей выручки: собравъ, что только могъ войскъ изъ Грозной, усиленными переходами, возможными только для кавказской пѣхоты, онъ съ неимовѣрной быстротой, черезъ Кумыцкую плоскость и Герзель-аулъ, явился на выручку къ намъ 19-го числа съ разсвѣтомъ. Опоздай онъ нѣсколькими днями и было бы уже поздно и участь наша была бы рѣшена.

Я помню тутъ отвѣтъ одного кабардинца, характеризующій духъ тогдашнихъ войскъ. Голодные, оборванные, немые, истомленные выходили мы къ отряду Фрейтага; между тѣмъ его войска веселыя, бодрыя, въ бѣлыхъ рубашкахъ, въ щегольскомъ видѣ, встрѣчали насъ своими братскими привѣтствіями. Князь Воронцовъ, объѣзжая ряды этихъ храбрецовъ, подѣхалъ къ Кабардинскому батальону и сказалъ солдатамъ, благодаря ихъ за службу: „какіе вы чистые, ребята, въ сравненіи съ нами, какими молодцами смотрите“. Тогда сѣдой кабардинецъ, выступивъ изъ рядовъ, отвѣтилъ ему: „несправедливо говорить изволите, Ваше Сіятельство! Вы гораздо чище насъ; вы выходите изъ бою и уже мѣсяцъ деретесь, а мы только-что изъ казармъ“. —Я былъ свидѣтелемъ этой сцены, глубоко тронувшей князя, который, сколько мнѣ помнится, подошелъ и обнялъ этого солдата.

Пройдя версту или двѣ отъ настоящей позиціи, мы расположились на почлегъ въ урочищѣ Мискитъ. Солдаты заварили кашу,

отрядъ Фрейтага служилъ намъ прикрытіемъ, настала конецъ и страданіямъ и лишеніямъ нашимъ. Какъ крѣпко и сладко спалось намъ въ эту ночь, можетъ себѣ вообразить каждый.

Неприятель, убѣдясь, что жертвы, на которыя онъ такъ вѣрно рассчитывалъ, ускользнули изъ рукъ его, болѣе насъ уже не тревожилъ въ эту ночь и, ограничиваясь ничтожной съ нами перестрѣлкой, главныя силы Шамяля разошлись по домамъ, и самъ онъ оставилъ Шаухаль-берды.

На другой день мы выступили изъ Мискита и въ 4 часа пополудни, при звукахъ музыки, съ пѣсенниками впереди мы прибыли въ укрѣпленіе Герзель-аулъ, въ памятный для насъ день 20-го іюля <sup>1)</sup>. Тутъ, на полѣ, отслуженъ былъ благодарственный молебень для присутствующихъ и панихида по убитеннымъ въ экспедиціи товарищамъ.

Какъ горячо молились мы тогда. Я думаю, самый закоренѣлый атеистъ, если только такіе существуютъ, не могъ бы не обратиться душой и сердцемъ къ Богу въ эту торжественную для каждого изъ насъ минуту жизни.

Укрѣпленіе Герзель-аулъ расположено было у выхода изъ горъ на Кумыцкую плоскость у рѣки Акса; это былъ передовой сторожевой фортъ, съ котораго открывалась почти вся Кумыцкая плоскость отъ Внезапной къ Тереку. Крѣпость построена довольно

<sup>1)</sup> Войска, прибывшія съ генералъ-майоромъ Фрейтагомъ, имѣли, въ продолженіе 18-го, 19-го и 20-го чиселъ іюля, слѣдующую потерю: убитыми нижнихъ чиновъ 14; раненыхъ: оберъ-офицеръ 1, нижнихъ чиновъ 69; контуженныхъ: оберъ-офицеровъ 8, нижнихъ чиновъ 27; безъ вѣсти пропало 2.

Въ продолженіе движенія главнаго отряда отъ Дарго до Герзель-аула съ 13-го по 20-е число іюля, сражаясь каждый день, мы потеряли всего убитыми: 2 штабъ-офицера, 10 оберъ-офицеровъ и 282 нижнихъ чиновъ; ранеными: 9 штабъ-офицеровъ, 36 оберъ-офицеровъ и 733 нижнихъ чиновъ; пропало безъ вѣсти 40 человекъ; контужены: 2 штабъ-офицера, 9 оберъ-офицеровъ и 132 нижнихъ чиновъ.

Въ продолженіе всей Даргинской экспедиціи:

|                        | Убито. | Ранено. | Контужено. | Пропало. |
|------------------------|--------|---------|------------|----------|
| Генераловъ. . . . .    | 3      | —       | —          | —        |
| Штабъ-офицеровъ . . .  | 7      | 22      | 2          | —        |
| Оберъ-офицеровъ. . . . | 28     | 85      | 22         | —        |
| Нижнихъ чиновъ. . . .  | 909    | 1043    | 248        | 42       |
| Всего. . . . .         | 947    | 2150    | 272        | 42       |

Цифры эти официальныя и, потому, должны быть ниже дѣйствительности.



прочно, изъ камня и извести, для штаба линейнаго батальона, съ домоу командира, офицерскими флигелями и оборонительными казематами на 2 или 3 роты. На этомъ мѣстѣ прежде былъ значительный аулъ, истребленный нами, вслѣдствіе измѣнническаго убіенія жителями, въ 1841-мъ году, Лисаневича, пріѣхавшаго въ аулъ для мирныхъ переговоровъ. Комендантоу укрѣпленія и вмѣстѣ командиромъ батальона былъ во время нашего прихода полковникъ Ктиторовъ, заслуженный кавказскій офицеръ, простой, добрый и гостепріимный семейный человѣкъ.

Весь отрядъ расположенъ былъ лагеремъ и бивакомъ около крѣпости, а крѣпостныя зданія очищены были для штаба, больныхъ и раненыхъ. Князь Воронцовъ расположился въ домѣ коменданта, насъ всѣхъ помѣстили въ одной казармѣ и лазаретѣ, а также и на дворѣ укрѣпленія. Раненыхъ было болѣе двухъ тысячъ. Я помню, что въ той казармѣ, гдѣ я находился, въ одной половинѣ зданія, сажень въ 10 или 12 длины и 4 или 5 ширины, помѣстили въ повалку на полу, на соломѣ, около 80-ти раненыхъ офицеровъ. Мы рѣшительно лежали другъ на другѣ; смрадъ, духота были невыносимы; стоны раненыхъ, предсмертный хрипъ умирающихъ — все это представляло ужасную картину. Тѣ изъ насъ, которые были въ силахъ, перебрались на другой день на дворъ подъ навѣсъ, около оборонительной стѣны, гдѣ по крайней мѣрѣ могли дышать свободно. Комендантъ Ктиторовъ приготовилъ въ своемъ домѣ, какъ и насколько могъ, обѣдъ для князя и всего его штаба; изъ оконъ нашей казармы видно было, какъ изъ кухни проносили кушанья; офицеры останавливали блюда, вырывали, что могли, и приносили дѣлить съ нами горячіе пирожки, куски баранины, которыхъ мы такъ давно не видали. Комендантъ, въ отчаяніи, защищалъ несомыя блюда, но при усиленныхъ набѣгахъ офицеровъ врядъ-ли много досталось штабу.

Разскажу нѣсколько эпизодовъ моего пребыванія въ лазаретѣ. Надобно замѣтить, что почти съ выступленія изъ Дарго никто изъ насъ не былъ перевязанъ и не мѣнялъ бѣлья; часть имущества сожжена была въ Дарго, остальное пропало во время перехода; мы всѣ рѣшительно были въ рубищахъ. Въ лазаретѣ намъ дали солдатское бѣлье и лазаретныя халаты, колпаки и туфли; пока

мы ими замѣнили наши лохмотья. Наконецъ, началась перевязка: наши раны всѣ были въ ужасномъ видѣ; отъ жару, поту и нечистоты почти у всѣхъ въ ранахъ завелось большое количество червей и, какъ многіе полагали, это и спасло насъ отъ воспаления и гангрены. Но можно себѣ представить, что было въ нашемъ помѣщеніи, когда всѣ эти лохмотья валялись по полу, черви расползались по соломѣ, и какой невыносимый, несмотря на открытыя окна, былъ воздухъ въ казармахъ. На дворѣ стояла сильнѣйшая жара и собиралась страшная гроза, разразившаяся ночью — духота была невозможная. Въ одной казармѣ лежалъ товарищъ мой Мельниковъ, котораго чудомъ успѣли донести до Герзель-аула; была даже надежда на его выздоровленіе, но онъ вскорѣ умеръ, скорѣй отъ страшной своей мнительности и нервнаго безпокойства. Тутъ же лежалъ храбрый Поссіетъ, съ неимовѣрной стойкостью вынося страданія своей смертельной раны. Здѣсь сдѣлана была ампутація ноги доброму Стейнбоку, молодецки вынесшему операцію. Тутъ же вынули у капитана Пружановскаго изъ груди двѣ пули и, наконецъ, видѣлъ я, какъ докторъ Андріевскій вынималъ изъ груди и бока полковника Семенова <sup>1)</sup> пули, вмѣстѣ съ осколками колесъ отъ часовъ, проникнувшихъ съ пуль въ рану. Семеновъ, старый уже человѣкъ, замѣчательно бодро вынесъ всѣ эти мученія и, когда вынули колесо отъ часовъ, съ улыбкой сказалъ: „ужъ этотъ механизмъ совершенно излишній“. Семеновъ выжилъ и оправился отъ ранъ. Послѣ этихъ примѣровъ стойкости въ страданіяхъ слѣдуетъ упомянуть и о прискорбныхъ чертахъ, рисующихъ военные нравы тогдашнихъ кавказцевъ и вообще эгоистическую сторону человѣческой натуры. 21-го утромъ, по приказанію князя Воронцова, всѣмъ раненымъ офицерамъ роздано было по 50-ти червонцевъ на первоначальныя нужды. Можно представить себѣ, какое это произвело впечатлѣніе: откуда явилось угощеніе, вино, карты, несмотря на стоны умирающихъ, на просьбы тяжело раненыхъ прекратить этотъ разгулъ. Достали откуда-то доску со складного стола, покрыли ее сукномъ, оторваннымъ съ воротника

---

<sup>1)</sup> Семеновъ впоследствии генераломъ командовалъ въ 5-мъ корпусѣ бригадой, а потомъ чуть ли не дивизіей.

шивели, и началась игра. Я помню, какъ металъ банкъ ранепый въ ноги Куринскаго полка капитанъ Ушаковъ, отличный офицеръ и извѣстный забавникъ. Всѣ подползали къ столу, давя другъ друга, и ставили карты, не обращая вниманія на страданія ближняго. Въ это время около Ушакова умиралъ Куринскаго же полка поручикъ Костырка, надъ которымъ тѣснились понтеры. Кто-то, замѣтивъ это, сказалъ: „господа, дайте умереть спокойно Костыркѣ“. Игра на минуту остановилась. Костырка испустилъ духъ, всѣ набожно перекрестились, кто-то прочелъ молитву и игра началась съ новымъ азартомъ надъ неубраннѣмъ трупомъ. Картина была отвратительная.

Я помню, какъ лежалъ я въ лазаретѣ, на полу, около Васильчикова, Врангеля и Глѣбова, и намъ было такъ тѣсно, что мы лежали почти другъ на другѣ. Входитъ офицеръ Навагинскаго полка, застегнуый на всѣ пуговицы, и просить мѣста. (Навагинскій полкъ въ то время не пользовался хорошей боевой репутаціей, особенно между кабардинцами и куринцами). Въ отвѣтъ на просьбу офицера, кто-то закричалъ: „навагинцамъ между нами нѣтъ мѣста“. Тогда офицеръ разстегнулъ изорванный сюртукъ свой и мы увидѣли окровавленную рубашку и перевязанную грудь. „Господа, сказалъ онъ, я 13-го числа раненъ двумя пулями въ грудь, не оставилъ фрунта и съ ротою пришелъ до Герзель-аула; судите: достоинъ ли я лежать съ вами“. Громкое ура встрѣтило эти полныя достоинства слова; сейчасъ явилось шампанское и портеръ, чтобы выпить за здоровье капитана, и я съ Васильчиковымъ положили его между собой. Сожалѣю очень, что не могу вспомнить фамиліи этого честнаго офицера. — Вскорѣ мы перебрались подъ навѣсъ и не были уже свидѣтелями всѣхъ тѣхъ тяжелыхъ сценъ, которыя происходили въ казармахъ. Къ намъ перебрался Стейнбокъ и многіе другіе, и такъ мы оставались до отправления нашего транспорта на линію. Здѣсь нужно упомянуть о происходившей на второй или третій день нашего пребыванія въ Герзель-аулѣ военной экзекуціи. На послѣднемъ переходѣ нашимъ пойманы были нѣсколько человѣкъ изъ отряда, занимавшихся мародерствомъ и грабившихъ уцѣлѣвшіе вьюки въ обозѣ. Князь Воронцовъ, желая показать примѣръ взысканія за такое преступное

нарушеніе дисциплины, приказалъ судить виновныхъ военно-полевымъ судомъ. Въ 24 часа они были осуждены на разстрѣліаніе, и кофирмація за стѣнами крѣпости, передъ отрядомъ, приведена была въ исполненіе. Я не видалъ этой экзекуціи, но мнѣ рассказывали, что изъ трехъ осужденныхъ молоденькій казакъ, старовѣръ, всѣхъ возмутилъ своею дерзостью и даже кощунствомъ, артиллеристъ своею слабостью (его полуживого привязали къ столбу); одинъ куринецъ стойко шелъ на казнь, тронувъ всѣхъ своимъ религіознымъ чувствомъ, при напутствіи священника, и раскаяніемъ передъ товарищами въ сдѣланномъ преступленіи. При этомъ припоминаю одинъ забавный эпизодъ. Когда князь Воронцовъ узналъ о мародерствѣ, онъ призвалъ коменданта главной квартиры въ нашемъ отрядѣ, полковника Дружинина; добрый нашъ товарищъ Николай Яковлевичъ всегда любилъ выпить, а въ этотъ день онъ, на радостяхъ, что выбрался изъ Герзель-аула, былъ въ совершенно безсознательномъ положеніи. Князь приказалъ ему немедленно призвать аудитора; не знаю почему, Дружининъ всегда ужасно робѣлъ передъ княземъ; выпедши на дворъ и замѣтивъ чиновника съ чернымъ воротникомъ и серебряными пуговицами, онъ велѣлъ ему немедленно явиться къ главнокомандующему. Князь долго объяснялъ чиновнику важность мародерства въ арміи и приказалъ идти немедленно къ начальнику штаба для сужденія виновныхъ; тогда чиновникъ рѣшился робко заявить, что онъ не аудиторъ, а докторъ линейнаго батальона. Князь приказалъ уволить Дружинина отъ комендантства и вскорѣ онъ совсѣмъ оставилъ Кавказъ, гдѣ долго прежде служилъ при Головинѣ и Нейдгартѣ. Онъ былъ человѣкъ рѣдкой души, отличный товарищъ, и всѣ мы его очень любили, но онъ имѣлъ сильную слабость къ кутежу и къ картамъ.

24-го или 25-го іюля сформированъ былъ для отправленія на линію первый транспортъ раненыхъ, съ которымъ отправился и я. Транспортъ состоялъ болѣе чѣмъ изъ ста татарскихъ арбъ, присланныхъ изъ сосѣднихъ ауловъ, и нѣсколькихъ полковыхъ повозокъ, подъ прикрытіемъ колонны съ артиллеріей и казаками. На каждаго трехъ раненыхъ полагалась одна арба, какъ для солдатъ, такъ и для офицеровъ, и обыкновенно назначали одного трудно раненаго, а двухъ съ болѣе легкими ранами. Къ рогамъ

или ярму быковъ съ одной стороны, а съ другой—къ арбѣ привязывали иногда носилки для того, чтобы тряска была менѣе ощутительна раненымъ; на самой же арбѣ, на сѣнѣ или соломѣ, располагались двое остальныхъ. На нашей арбѣ находился тяжело-раненый 5-го Сапернаго баталіона поручикъ Ушаръ, который вскорѣ и умеръ; я лежалъ на арбѣ, около меня сидѣлъ Васильчиковъ. Транспортъ двигался, какъ можно себя представить, весьма медленно и мы расположились на ночлегъ въ степи, на Кумыцкой плоскости. На другой день, переправившись черезъ Терекъ въ Амнраджуртъ, часть больныхъ сдали на линіи въ станицѣ Щедринской, гдѣ былъ госпиталь, а остальные прибыли въ станицу Червленную. Я помню встрѣчу, которую сдѣлали транспорту гребенскіе казаки: все почти населеніе вышло изъ станицы, атаманъ со стариками впереди, кланяясь въ поясъ раненымъ, выражали полное сочувствіе нашимъ лишеніямъ. По всей колоннѣ казачки разносили вино, угощеніе раненымъ, отыскивая своихъ знакомыхъ, и разспрашивали про наши дѣла. Помню, какъ казачка Авдотья Догадиха, подходя къ нашей повозкѣ, сказала: „ахъ вы, Шамилевы объѣдки“ и тутъ же сейчасъ, съ участіемъ, вмѣстѣ съ другими, позаботилась о помѣщеніи нашемъ по домамъ. — Здѣсь отдохнулъ я дня два, сдѣлали мнѣ кое-какіе костыли, достали тарантасъ, въ которомъ помѣстились Васильчиковъ, Глѣбовъ и я, и поскакали на почтовыхъ въ Пятигорскъ для излеченія нашихъ ранъ.

Пятигорскъ показался намъ совершенно земнымъ раемъ; отпосительно удобная квартира, прекрасная гостинница, хорошіе каменные и деревянные дома, бульваръ, усѣянный гуляющими, музыка по вечерамъ, дамскіе туалеты пріѣзжихъ семействъ съ разныхъ мѣстъ Кавказа и Россіи, — все это вводило насъ въ цивилизованную, относительно, сферу, въ Европейскую, до нѣкоторой степени, жизнь, послѣ того, какъ никто изъ насъ не надѣялся уже выйти живымъ изъ страшныхъ Ичкеринскихъ лѣсовъ. Удивительно, какое впечатлѣніе въ первые дни все производило на насъ; мы дышали какой-то дѣтской, восторженной радостью, все казалось намъ такъ хорошо, прекрасно и отрадно. Я помню, что первую ночь, въ хорошихъ постеляхъ, на удобной квартирѣ, никто изъ насъ не могъ даже заснуть отъ ощущаемаго въ этой новой об-

становкѣ волненія. Разумѣется, вскорѣ все это улеглось и мы стали жить общемою жизнью съ другими. Въ Пятигорскѣ постоянно подѣзжали товарищи и участники Даргинской экспедиціи; всѣ мы возбуждали общее участіе и интересъ всѣхъ, особенно пріѣзжихъ изъ Россіи, что не мало льстило нашему молодому самолюбію и заставляло насъ, не безъ успѣха, рисоваться на нашихъ костыляхъ и съ подвязанными руками передъ Тамбовскими, Саратовскими и другими помѣщиками. Жилось весело и широко намъ въ это время въ Пятигорскѣ.

Между тѣмъ, лѣчение мое шло успѣшно; замѣчательно дѣйствіе сѣрныхъ водъ на раны и особенно на сведеніе членовъ; я принималъ ванны Ермоловскаго источника, весьма сильныя. Лѣвая моя нога была совершенно сведена и ступня почти на четверть не доходила до земли, и я чувствовалъ, какъ съ каждой ванной растягивались мускулы и укрѣплялась нога. Между тѣмъ и рана постепенно пополнялась и заживала; послѣ 20-й или 30-й ванны я доставалъ уже ногой землю, и хотя еще съ мѣсяцъ долженъ былъ ходить на костыляхъ, по могъ уже слегка ступать раненой ногой. Вскорѣ прибылъ въ Пятигорскѣ князь Воронцовъ со своей свитой, остановился на день въ этомъ городѣ и отправился въ Кисловодскъ. Здѣсь Воронцовъ удостоился получить весьма лестный рескриптъ Государя Императора, коимъ былъ возведенъ въ княжеское достоинство. Въ Кисловодскѣ Воронцовъ пробылъ около двухъ мѣсяцевъ, съ нимъ съѣхалась и княгиня, туда же перебрался весь штабъ его, и Кисловодскъ сдѣлался центромъ самой оживленной общественной жизни. Принцъ Александръ Гессенскій, Барятинскій и весь цвѣтъ молодежи собрался около князя, иногда и мы изъ Пятигорска ѣздили пользоваться прелестями Кисловодской жизни и общества. Можно себѣ представить общее тамъ оживленіе и всѣ эпизоды, о которыхъ излишнимъ считаю упоминать;—однимъ словомъ, молодежь жадно предавалась всѣмъ удовольствіямъ своего возраста и пола. Князь Воронцовъ чрезвычайно любилъ видѣть около себя довольныхъ и веселыхъ, его тѣшила вся эта обстановка; несмотря на сложныя занятія и заботы его, домъ его открытъ былъ всѣмъ, и онъ, какъ и княгиня, простымъ и внимательнымъ своимъ обхожденіемъ привязывали всѣхъ къ себѣ.

Лѣченіе мое приходило къ концу и, кажется, въ послѣднихъ числахъ сентября, откланявшись князю, отправился я съ Васильчиковымъ въ Тифлисъ, гдѣ предстояло мнѣ до слѣдующей весны оставаться въ бездѣйствіи.

## ГЛАВА VII.

### Зима 1845—46 года.

Вліяніе пріѣзда князя Воронцова на нравы и обычаи Тифлискаго общества.— Генералъ Ладинскій.—Генералъ Козляниновъ.—Князь Д. Орбеляиш.—Князь Александръ Чавчавадзе и его семейство.—Княгиня А. И. Мухрапская.—Князь Ю. Гагаринъ.—Княжна Екатерина Андреевна.—Князь Григорій Гагаринъ.—Гр. Соллогубъ.—Семейство Фадеевыхъ и Витте.—Блавацкая.—Ганъ.—Князь Василій Кочубей.—Ханыковъ. Абихъ. Ходзько.—И. А. Бартоломей.—Баронъ Александръ Мейендорфъ.—Сеймуръ.—Нашъ товарищескій кружокъ.—Крузенштернъ.—Васильчиковъ.—Князь Сергій Кочубей.—Наши юношескія шалости.—Балъ на нашей квартирѣ.—Въѣздъ персидскаго посла.—Отсутствіе интригъ и сплетенъ въ Тифлисскомъ обществѣ.

Зима 1845—46 года, проведенная мною въ Тифлисъ, должна занять мѣсто въ моихъ воспоминаніяхъ, преимущественно по описанію существовавшаго тогда въ Тифлисъ общества, обстановки жизни князя Воронцова и вообще сложившихся у меня отношеній, имѣвшихъ вліяніе на мою послѣдующую жизнь на Кавказѣ.

Послѣ патріархальной, почти бюргерской и чиновничьей, обстановки Тифлискаго общества при командованіи генерала Нейдгарта, пріѣздъ князя Воронцова долженъ былъ необходимо дать этому обществу иной складъ и характеръ. Несмотря на всю простоту своего обхожденія, громкое и аристократическое имя князя Воронцова, его прошедшее необходимо должно было сосредоточивать, поглощать всѣ интересы и сношенія общества въ его домѣ,—при его дворѣ, какъ называли его на Кавказѣ. Масса новыхъ, прибывшихъ съ княземъ и впоследствии привлеченныхъ изъ столицы, элементовъ внесли въ Тифлисское общество новыя понятія, новыя взгляды и стремленія. Европейская культура несомнѣнно должна была постепенно поглощать восточную патріархальную обстановку нашихъ прежнихъ собраній; неминуемымъ послѣдствіемъ явилась роскошь въ туалетахъ дамъ и во всей обстановкѣ прежней Тиф-

лисской жизни. Модистки изъ Одессы и Парижа внесли вкусъ къ европейскимъ туалетамъ, которые постепенно замѣняли грузинскія чадры, тассакрави, личаки и шелковыя платья, съ обычными гули-спири у грузинокъ. Стѣсняясь первое время новыми нарядами, онѣ врядъ ли не утратили впослѣдствіи той простоты и естественности, которыми такъ прельщали насъ въ своихъ національныхъ костюмахъ своими добрыми патріархальными нравами прошлаго. Бѣдный куа-феръ Blotte, пріѣхавшій въ Тифлисъ съ ножницами и гребенкой, открылъ при помощи жены своей M-me Virginie модную ателье и огромный магазинъ, съ которыми въ нѣсколько лѣтъ нажилъ большое состояніе, и впослѣдствіи я его видѣлъ живущимъ въ довольствіи въ Парижѣ помѣщикомъ извѣстной *propriété de Monmirail*. Это были впрочемъ очень хорошіе люди, относительно честные и всѣми любимые въ Тифлисъ. Прибыли также обанкротившіеся рестораторы изъ Петербурга и другіе проходимцы всѣхъ странъ. Шашлыкъ и пилавъ, которыми мы прежде довольствовались въ открытыхъ лавкахъ армянскаго базара и духанахъ города, весело запивая ихъ кахетинскимъ виномъ изъ бурдюковъ, замѣнились болѣе изысканной, на французскій ладъ, кухней, на первое время въ скромно устроенныхъ помѣщеніяхъ, превратившихся впослѣдствіи въ роскошные рестораны. Явилось значительное количество рессорныхъ экипажей изъ Одессы и Вѣны, богатая упряжи; верхомъ, какъ прежде, уже не дѣлались визиты. На квартирахъ скромная базарная мебель, съ непремѣнными, покрытыми коврами, тахтами (диванами), съ бархатными мутакми (подушками), замѣнялась выписной изъ Одессы, а потомъ приобретаемой и въ Тифлисъ роскошною мебелью; канавовыя занавѣси уступили мѣсто шелковымъ портьерамъ; дома перестраивались; салалакскіе сады Тифлиса безпопачно вырубались, плоскія крыши домовъ, на которыхъ такъ безопасно, по закатѣ солнца, раздавались по всему Тифлису звуки зурны и пляски грузинокъ, съ постройкой новыхъ этажей, замѣнялись черепичными и желѣзными крышами. На лѣвомъ берегу Куры образовались цѣлые новые кварталы до самой нѣмецкой колоніи со всѣми условіями европейскаго города, особенно съ устройствомъ новаго Воронцовскаго моста, взамѣнъ прежняго, предмѣстій Куки и Авлабаръ. Много, дѣйствительно, измѣнилось въ этомъ отношеніи къ худшему



въ Грузіи, но несправедливо было бы обвинять князя Воронцова и особенно княгиню въ поощреніи роскоши; напротивъ того, они давали примѣръ своею домашней обстановкой простоты и неособенной изысканности. Въ домѣ главнокомандующаго оставалась та же казенная меблировка; столъ князи, всегда впрочемъ вкусный, не отличался никакою изысканностью, вино подавалось кахетинское или крымское; въ походѣ же и въ дорогѣ князь рѣшительно ничѣмъ особенно не отличался отъ прочихъ, развѣ только въ размѣрахъ широкаго своего гостепріимства и обаянія своего простого и привѣтливаго со всѣми обращенія. Отъ князя вѣяло какимъ-то *grand seigneur*'омъ. Именно вслѣдствіе естественной простоты его всякій сознавалъ невольно, что онъ принадлежитъ къ другому высшему кругу, какъ по понятіямъ, такъ и по нравамъ и привычкамъ прошлаго. Тифлисское общество невольно старалось, по возможности, подходить къ этому новому для него типу и необычной обстановкѣ, отказываясь отъ хорошаго прошлаго и никакъ не подлаживаясь вполне къ тому складу жизни, въ жертву которому многіе принесли свое матеріальное благосостояніе, а къ сожалѣнію еще чаще и нравственные правила, руководившія ими до того времени.

Постараюсь охарактеризовать, по возможности, Тифлисское общество того времени и упомянуть о тѣхъ лицахъ, которыя по служебному и общественному положенію своему болѣе всего выдавались.

Начальникомъ гражданскаго управленія былъ назначенъ генералъ Лабинскій, человѣкъ весьма умный, знакомый по прежней своей службѣ князю Воронцову и давно служившій на Кавказѣ при Ермоловѣ и чуть ли не до Ермоловскихъ временъ. Не знаю, насколько нравственные правила его соотвѣтствовали несомнѣннымъ его способностямъ; черезъ нѣсколько лѣтъ онъ оставилъ Кавказъ, по неудовольствію съ княземъ Воронцовымъ. Лабинскій замѣнилъ бывшаго на этомъ мѣстѣ при Нейдгартѣ генерала Гурко; мы всѣ сожалѣли объ отъѣздѣ послѣдняго и особенно милаго его семейства; съ ними лишился Тифлисъ одного изъ пріятнѣйшихъ и гостепріимнѣйшихъ домовъ временъ Нейдгарта. Губернаторомъ былъ въ то время генералъ Ермоловъ, родственникъ Алексѣя Петровича, изъ дюжинныхъ російскихъ армейскихъ генераловъ того времени; онъ

также былъ человѣкъ семейный, жена его была довольно милая и пріятная особа, но они мало у себя принимали. Былъ еще радушный, гостепріимный домъ начальника артиллеріи — стараго генерала Козлянинова, давно служившаго на Кавказѣ. Козляниновъ имѣлъ слабость молодиться и увѣрять всѣхъ въ успѣхахъ своихъ у женскаго пола: въ пріемные дни князя Воронцова неоднократно подавались родителями жалобы на соблазненіе генераломъ дочерей или родственницъ просителей. Впослѣдствіи оказывалось, что все это вымышлено и что самъ Козляниновъ подговаривалъ подавать просьбы, которыя у себя же писалъ. Князь Воронцовъ это хорошо зналъ и доставлялъ огромное удовольствіе Козлянинову своими серьезными увѣщеваніями. У начальника инженеровъ генерала Ганзена иногда собирались на семейные вечера, но не личность весьма скучнаго хозяина, а любезность молодой его жены привлекала молодежь въ этотъ семейный кругъ.

Изъ грузинскихъ домовъ назову прежняго нашего добраго знакомаго князя Дмитрія Орбеліана, умная и вѣчно веселая жена котораго, княгиня Марія Ивановна, умѣла соединять наше общество. Дочь ея княжна Елизавета, тогда еще дѣвица лѣтъ 14-ти, первый разъ въ 45-мъ году была на балѣ у князя Воронцова. Помню, какъ я танцевалъ съ нею первую кадрили, по просьбѣ ея матери, въ виду весьма естественнаго смущенія молодой дѣвушки на первомъ большомъ балѣ <sup>1)</sup>. Въ числѣ добрыхъ знакомыхъ нашихъ назову князей Эристовыхъ, Тумановыхъ, а въ особенности, гостепріимный домъ князя Чавчавадзе. Генералъ-лейтенантъ князь Александръ Герсевановичъ Чавчавадзе, проведя большую часть своей службы въ Россіи, пользовался общимъ уваженіемъ въ Тифлисѣ, отличаясь благородствомъ своего рыцарскаго характера и свѣтскимъ обращеніемъ. Домъ его оживляли дочери его — княгиня Екатерина Александровна Дадіанъ, замужемъ за владѣльцемъ Мингреліи княземъ Давидомъ, и вдова нашего извѣстнаго писателя Нина Александровна Гривоѣдова. Третья дочь князя — Софія была еще тогда молода и впослѣдствіи вышла за барона А. II. Николаи и умерла, оставивъ одну дочь. Единственный сынъ князя,

<sup>1)</sup> Княжна Елизавета Дмитріевна впослѣдствіи супруга князя А. И. Барятинскаго.

нашъ товарищъ, князь Давидъ Александровичъ, нынѣ генераль-маіоръ свиты Его Величества на Кавказѣ былъ всѣми нами очень любимъ. Онъ впослѣдствіи женился на княжнѣ Грузинской и не оставлялъ Кавказа.

Въ 185 (?) году, при нападеніи горцевъ на Кахетію, семейство его было взято въ плѣнъ Шамилемъ и послѣ тяжелыхъ испытаній возвратилось въ Кахетію. Во всемъ нашемъ кружкѣ того времени, я думаю, никогда не изгладится изъ памяти та простота, любезность и непритворное добродушіе, которыя встрѣчали насъ въ этомъ почтенномъ семействѣ. Князь Александръ Чавчавадзе умеръ насильственной смертью: опрокинутый изъ дрожекъ на улицѣ въ Тифлисѣ, онъ былъ поднятъ замертво, разбитый о мостовую.

Не буду упоминать о другихъ туземныхъ личностяхъ тогдашняго нашего общества, но не могу не сказать нѣсколько словъ о княгинѣ Аннѣ Ивановнѣ Мухранской, игравшей впослѣдствіи, во времена Барятинскаго, довольно видную и значительную роль въ Тифлисѣ. Происходя, если не по имени, то по крови, отъ царевича Грузинскаго Ивана (Окропира), проживавшаго въ Москвѣ, она получила воспитаніе въ домѣ графа Кутайсова за границей (кажется въ Италіи), гдѣ провела большую часть своей молодости; она отличалась замѣчательнымъ умомъ, свѣтскимъ образованіемъ и самымъ ловкимъ кокетствомъ; стройная наружность и граціозность движеній ея были крайне привлекательны; черныхъ, выразительныхъ глазъ ея никто изъ тогдашней молодежи, я думаю, никогда не забудетъ.

Но умъ и честолюбіе составляли основаніе всего ея существа. Сердцу не было мѣста: все замѣнялось расчетомъ и желаніемъ имѣть поклонниковъ. Я расскажу одинъ примѣръ, чтобы характеризовать эту женщину. Въ то время въ Тифлисѣ при дипломатической канцеляріи намѣстника находился нѣкто князь Голицынъ, весьма умный, образованный, милый, съ любящимъ сердцемъ, молодой человѣкъ. Голицынъ былъ обиженъ природою — у него скошена была шея и сильный нервный тикъ въ лицѣ. Онъ страстно влюбился въ княгиню Мухранскую и, несмотря на наши увѣщанія, она продолжала завлекать Голицына для своей забавы. Этотъ несчастный дошелъ, наконецъ, до того возбужденнаго состоянія, что хотѣлъ

броситься съ моста въ Куру; съ тѣхъ поръ мы за нимъ слѣдили и не упускали изъ виду. Онъ жилъ въ то время съ завѣдующимъ французскимъ консульствомъ Моно — отличнымъ человѣкомъ, всѣми нами любимымъ за свой веселый и милый нравъ. Зимой 1846 года я былъ въ театрѣ, меня вызываютъ и я узнаю, что Голицынъ застрѣлился на своей квартирѣ. Въ это время въ первомъ ярусѣ сидѣла княгиня Мухранская, окруженная молодежью. Я бросился къ ней въ ложу, чтобы увѣдомить о несчастіи. „L'imbécile“ — отвѣчала она мнѣ, продолжая въ бинокль смотрѣть на сцену. Съ понятнымъ, при молодости моей, въ то время чувствомъ отвращенія удалился я изъ ложи и поѣхалъ на квартиру покойнаго, вмѣстѣ со всѣми товарищами своими, которые, возмущенные равнодушіемъ княгини, оставили разомъ ложу ея. Впечатлѣніе, произведенное на меня Мухранской въ эту минуту, долго осталось въ памяти моей при послѣдующихъ отношеніяхъ моихъ съ этой женщиной; и только въ концѣ 60-хъ годовъ въ Петербургѣ, увидѣвши ее уже пожилую, въ несчастіи, при самыхъ скудныхъ средствахъ къ существованію, впечатлѣніе это уступило мѣсто участію къ судьбѣ ея, какъ къ горькому наказанію за ея прошлое. Княгиня Мухранская была замужемъ за адъютантомъ начальника артиллеріи, княземъ Александромъ, простымъ, честнымъ и весьма хорошимъ человѣкомъ; онъ видимо страдалъ своимъ положеніемъ и въ концѣ 40-го года скончался. Княгиня Анна Ивановна продолжала со свойственнымъ ей умомъ и ловкостью поддерживать въ Тифлисѣ свое положеніе *de femme à la mode* и, наконецъ, увлекла князя Барятинскаго, бывшаго въ началѣ 50-хъ годовъ начальникомъ штаба на Кавказѣ, въ свои сѣти. Царство ея продолжалось довольно долго; когда князь уже былъ намѣстникомъ, рассказывали, что даже на балахъ Барятинскаго она являлась, какъ хозяйка дома. Достиженіе цѣли было близко и нѣтъ сомнѣнія, что князь со свойственнымъ ему самолюбіемъ и надменнымъ самообольщеніемъ, поддаваясь ея драматическимъ пріемамъ привязанности и любви, женился бы на ней, но одно обстоятельство разстроило все дѣло; княгиня Мухранская должна была выѣхать за границу, вышла за какого-то навятого графа d'Albizzè, который усыновилъ ея сына.

Барятинскій подарилъ ей какую-то дачу на Рейнѣ или въ Италіи и, кажется, заплатилъ ей 200 т. за ея невѣрность. Все это состояніе, вслѣдствіе неудачныхъ оборотовъ или предпріятій, не пошло въ прокъ, и въ настоящее время княгиня Анна Ивановна живетъ, не знаю гдѣ, съ самыми скудными средствами.

Я здѣсь въ одной главѣ намѣренъ соединить воспоминанія объ обществѣ не одного только 45-го года, но и послѣдующихъ годовъ моей Тифлисской жизни съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи не возвращаться вновь къ характеристикѣ лицъ.

Въ Тифлисѣ переѣхалъ, кажется, въ послѣдующемъ году князь Юрій Гагаринъ, сынъ бывшаго предсѣдателя Государственнаго Совета князя Павла Павловича. Не первой молодости, онъ отличался несомнѣннымъ умомъ, былъ золъ и своенравенъ до бѣшенства. Ревность его, основанная на одномъ самолюбіи, не имѣла предѣловъ, равно какъ и жестокое обращеніе съ женой. Въ 47-мъ году онъ лишился ноги, отрѣзанной ему Пироговымъ при штурмѣ Салтовъ; къ крайнему нашему удовольствію, это уменьшило его подвижность, но нисколько не повліяло на его скверный характеръ. Жена его Лидія Аркадьевна, урожденная Рахманова, чрезвычайно красивая, добрая была предметомъ ухаживанія тогдашней тифлисской молодежи и играла немаловажную роль въ нашей широкой, беззаботной жизни того времени. Сомнѣнія князя Гагарина начались, повидимому, съ пребыванія штаба князя Воронцова, особенно принца Александра Гессенскаго въ Кисловодскѣ, послѣ Даргинской экспедиціи 45-го года; они продолжались и въ Червленпой, гдѣ князь Гагаринъ служилъ въ Гребенскомъ полку, въ сосѣдствѣ отъ Едлинскаго, служившаго въ Моздокскомъ — и наконецъ въ Тифлисѣ, гдѣ онъ состоялъ при Кавказскомъ корпусѣ. Во время пребыванія Гагариныхъ на Кавказской линіи оживляла ихъ семейство своимъ замѣчательнымъ умомъ и веселостью не совсѣмъ уже молодая, добрая пріятельница моя, княжна Екатерина Андреевна Гагарина, поселившаяся потомъ въ Москвѣ, съ которой сохранилъ я до сихъ поръ добрыя дружескія наши отношенія.

Въ числѣ пріѣзжихъ изъ Петербурга слѣдуетъ упомянуть о миломъ семействѣ другого князя Гагарина, князя Григорія, извѣст-

наго своими художественными дарованіями, впоследствии вице-президента Академіи Художествъ. Въ званіи флигель-адъютанта, съ молодою женою, урожденной Дашковой, онъ прибылъ въ Тифлисъ и довольно долго оставался на Кавказѣ, упрочивъ память о себѣ архитектурнымъ убранствомъ въ мавританскомъ вкусѣ замѣчательнаго тифлискаго театра (недавно сгорѣвшаго) и возстановленіемъ старыхъ и отчасти созданіемъ новыхъ фресокъ тифлискаго Сіонскаго собора. Много его вкусу и изящнымъ познаніямъ обязанъ Кавказъ при возобновленіи памятниковъ древности края и просвѣщеннымъ указаніямъ его по части зодчества и искусства. Княгиня Софья Андреевна, очень молодая и достойнѣйшая женщина, вся преданная чувству своего долга и материнскимъ обязанностямъ, служила въ то время лучшимъ украшеніемъ тифлискаго общества. Непритворная простота ея въ обхожденіи, съ замѣчательнымъ образованіемъ, положительно привлекали къ ней всеобщее уваженіе. Она замѣчательно одарена была драматическимъ талантомъ. Я помню, что на *spectacles de société* мнѣ случилось играть съ ней въ Тифлисъ въ нѣсколькихъ пьесахъ; естественность и осмысленность ея игры были замѣчательны. Къ сожалѣнію, никакъ она не могла справиться съ музыкой и куплеты ея роли должны были быть пропускаемы. Я часто встрѣчаюсь во время бытности въ Петербургѣ съ милой княгиней Гагариной, которая теперь давпо уже бабушкой, и всегда съ особеннымъ увлеченіемъ вспоминаемъ мы тифлискую жизнь тогдашняго времени.

Въ 49-мъ году поселилось также въ Тифлисъ семейство гр. Соллогуба, извѣстнаго нашего писателя. Насколько достойная графиня пріобрѣла всеобщую симпатію, настолько мужъ ея, несмотря на умъ свой и острый нравъ, мало заслужилъ уваженія во всѣхъ близко знавшихъ его. Я помню, какъ разъ въ началѣ 50-хъ годовъ, играя въ ассонасы (азартная грузинская игра) на водахъ въ Боржомѣ, въ большомъ обществѣ съѣхавшихся грузинскихъ помѣщиковъ, Соллогубъ проигралъ довольно большую сумму. Жалуясь на судьбу, онъ началъ говорить объ несчастномъ положеніи своего семейства, вслѣдствіе его проигрыша, потерявъ при этомъ всякое достоинство и приличіе. Намъ досадно было поведеніе русскаго

графа передъ грузинами; князь Николай Эривовъ, метавшій банкъ, сказалъ ему ставить все на карту; это продолжалось нѣсколько разъ. Соллогубъ все проигрывалъ и предавался своему отчаянію. Эривовъ сказалъ ему: „нечего вамъ отчаяваться, продолжайте дальше, пока все не отыграете, вы видите, что мы вашихъ денегъ не хотимъ“. Когда Соллогубъ отыгрался, Эривовъ сказалъ ему: „ну, графъ, васъ можно только читать, а ужъ никакъ не знать—оставьте насъ“.—Соллогубъ терпѣливо снесъ это оскорбленіе. Онъ имѣлъ привычку не платить ни долговъ своихъ, ни проигрышей и весьма нахально настаивать, когда кто-нибудь былъ ему долженъ. Много подобныхъ возмутительныхъ, даже грязныхъ эпизодовъ было у Соллогуба на Кавказѣ, и несомнѣнно талантъ его не могъ поколебать сложившагося о немъ у всѣхъ невыгоднаго мнѣнія.

Кромѣ многихъ другихъ лицъ высшаго круга, общество составляли семейства служащихъ и въ этомъ, довольно большомъ, кругу весьма много было почтенныхъ и пріятныхъ для нашей молодежи домовъ. Въ Тифлисѣ жило въ то время почтенное и патриархальное семейство Фадеевыхъ и Витте, кажется жепатаго па Фадеевой; къ этому семейству принадлежалъ также извѣстный впоследствии, а тогда еще артиллерійскій поручикъ Ростиславъ Фадеевъ, этотъ способный, замѣчательно даровитый литературный кондотьеръ военнаго вѣдомства, забавлявшій насъ своими острыми выходками. Но не о немъ хочу я говорить. Въ домѣ у стариковъ Фадеевыхъ проживала внучка ихъ дѣвица Ганъ, дочь извѣстной писательницы Ганъ-Ганъ. Эта эксцентричная, замѣчательно даровитая личность, такъ плачевно сложившая свою жизнь, заслуживаетъ нѣсколько строкъ. Необыкновенно умная, бойкая до цинизма дѣвушка, она нерѣдко выходками своими возмущала общество. Наконецъ къ ней посватался нѣкто Блавацкій, назначенный вице-губернаторомъ въ Эривань. Передъ самой свадьбой, послѣ которой они должны были ѣхать въ Эривань, эта своеобразная барышня показывала списокъ изъ семи лицъ нашей молодежи, которымъ предоставляла право на ее вниманіе при прибытіи въ новую ея резиденцію. Она тоже мнѣ показывала

этотъ списокъ, гдѣ я стоялъ 2-мъ номеромъ. Судьба этой несчастной довольно замѣчательна. Я ее потерялъ изъ виду, слышалъ, что она бѣжала отъ мужа и пропала безъ вѣсти для семейства. Женившись въ 52-мъ году, я отправился съ женой путешествовать за границу и весною 53-года, когда мы были вмѣстѣ въ Парижѣ на представленіи въ ипподромѣ, мнѣ показалось, что я узнаю бывшую Эриванскую вице-губернаторшу въ весьма легкомъ одѣяніи на колесницѣ Венеры или какой-то другой богини въ числѣ прочихъ фигурантокъ. Это меня заинтересовало,—я справился, и оказалось дѣйствительно, что это она. Затѣмъ на другой день я встрѣтилъ ее въ *bal Mabille*; она бросилась ко мнѣ, какъ къ старому знакомому и, рыдая, въ слезахъ, рассказала мнѣ всю свою жизнь. Бѣжавши изъ Эривани отъ ненавистнаго ей мужа, она попала въ Одессу, оттуда въ Константинополь, гдѣ съ годъ фигурировала съ успѣхомъ, какъ отличная наѣздница въ тамошнемъ циркѣ и сломала себѣ руку; затѣмъ съ какимъ-то шкиперомъ на купеческомъ суднѣ отправилась въ Англію, гдѣ, при отличномъ своемъ знаніи иностранныхъ языковъ, дебютировала на нѣсколькихъ лондонскихъ театрахъ въ драматическихъ роляхъ. Влюбившись въ какого-то капитана купеческаго корабля, она съ нимъ долго плавала и, наконецъ, бросилъ онъ ее въ Америкѣ; тамъ прожила она нѣкоторое время въ различныхъ циркахъ и театрахъ, наконецъ, опять съ какимъ-то шкиперомъ попала въ Гавръ, оттуда въ Парижъ, гдѣ, то въ ипподромѣ, то за ничтожную проспектакльную плату въ балетѣ или на мелкихъ сценахъ *théâtres des boulevards* снискивала себѣ пропитаніе. Она горько жаловалась на судьбу свою, сознавала безвыходное свое положеніе и называла себя отпѣтымъ живо существомъ. Она съ участіемъ разспрашивала меня о семействѣ, о которомъ уже много лѣтъ не имѣла извѣстій и, наконецъ, намѣревалась ѣхать въ Гамбургъ и оттуда отплыть въ Австралію *nt commencer une existence de travail et de rédemption*. Потомъ изъ газетъ узналъ я о ея подвигахъ по части спиритизма въ различныхъ частяхъ свѣта. При другой, болѣе благопріятной обстановкѣ, можетъ быть, эта даровитая натура и получила-бы извѣстность другого рода.



Мужское общество въ Тифлисѣ было весьма многочисленно и разнообразно; кромѣ постоянныхъ жителей и служащихъ въ городѣ, весьма много являлось пріѣзжихъ и лицъ, на время поселявшихся въ Тифлисѣ, которыя вносили новый, свѣжій элементъ въ наше общество. Къ числу такихъ личностей, дорогихъ моимъ воспоминаніямъ, несомнѣнно принадлежитъ князь Василій Викторовичъ Кочубей, пріѣхавшій навѣстить брата своего Сергѣя, служившаго на Кавказѣ и остававшагося цѣлую зиму въ Тифлисѣ. Эта замѣчательно образованная и умная личность производила самое симпатичное впечатлѣніе на весь нашъ кружокъ того времени. Пріѣзжалъ также извѣстный Андрей Николаевичъ Муравьевъ для собиранія свѣдѣній о древнихъ церковныхъ памятникахъ Грузіи. Въ числѣ ученыхъ людей долго проживалъ на службѣ въ Тифлисѣ извѣстный нашъ оріенталистъ Николай Владиміровичъ Ханыковъ и профессоръ Абихъ, оба ученые весьма извѣстные своими трудами и изслѣдованіями, а равно постоянно служившій на Кавказѣ Генеральнаго Штаба генералъ Ходзько, которому Кавказъ обязанъ тригонометрическою съемкою края и многими астрономическими наблюденіями. Впослѣдствіи состоялъ при князѣ Воронцовѣ полковникъ Иванъ Александровичъ Бартоломей, извѣстный нумизматъ по части абаситскихъ и сассанитскихъ монетъ, собиравшій также коллекціи насѣкомыхъ. Онъ же занимался, въ числѣ, кажется, всего трехъ ученыхъ въ Европѣ, изслѣдованіемъ пехлевійскаго языка, какого-то, по его словамъ, даже корня санскритскаго. Я помню, какъ-то разъ въ походѣ, на верховьяхъ Самура, онъ увидѣлъ въ стѣнахъ запятого нами аула какой-то камень съ изображеніями. Невозможно описать его восторгъ—это оказались двѣ буквы пехлевійской азбуки—онъ бросился съ лошади и сейчасъ же снялъ слѣпокъ этой рѣдкости. Мы очень любили Ивана Александровича, весьма умнаго и пріятнаго человѣка, но сильно приставали къ нему по поводу его ученыхъ страпностей. Я помню еще въ 51-мъ году, какъ въ отрядѣ за Кубанью, по рѣкѣ Бѣлой, въ продолженіе всего похода набралъ Бартоломей коллекцію букашекъ, которыя сохранялъ въ жестяныхъ кружкахъ въ самомъ крѣпкомъ спиртѣ; эти рѣдкости онъ обыкновенно держалъ подъ койкой въ своей палаткѣ. Разъ заходимъ мы къ нему и поражены страшнымъ зловоніемъ. Иванъ

Александровичъ самъ отыскиваетъ причину и, наконецъ, открывъ свои дорогія банки, видитъ, что весь спиртъ, въ которомъ были пастены букашки, выпить казаками. Бѣшенство его по этому случаю было неописанное, и можно себѣ представить, какъ мы смѣялись этому случаю. Бартоломей скончался въ Тифлисѣ членомъ Главнаго Управленія, кажется, въ 70-мъ году. Въ числѣ оригинальныхъ личностей того времени былъ извѣстный баронъ Александръ Казиміровичъ Мейендорфъ, пожилой уже человѣкъ, въ высшей степени свѣтскій и любезный, постоянно создающій невозможные проекты по части торговли, финансовъ и промышленности; съ замѣчательною энергіею старался проводить свои несбыточныя мечты, онъ изѣздилъ Кавказъ. Онъ, между прочимъ, предпринялъ очищеніе русла Куры для устройства пароходнаго сообщенія отъ селенія Мингегауръ до Каспійскаго моря. Князь далъ ему средства на эту работу и, несмотря на лѣта свои, постоянно мучившую его лихорадку въ зловредномъ климатѣ низкихъ береговъ Куры, онъ съ настойчивостью продолжалъ начатое дѣло, не приведенное, впрочемъ, къ желаемому результату. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ работъ Мейендорфа, я занимался въ кабинетѣ князя, когда онъ вошелъ и просилъ прочесть свой проектъ; при этомъ онъ представилъ весьма красивый планъ вокзала, товарныхъ складовъ и проч. для Мингегаура. Читая предположеніе о торговомъ движеніи, онъ въ пространной таблицѣ исчислялъ количество и статьи грузовъ съ самыми мельчайшими цифрами, которыя должно было доставлять Закавказье въ Каспійское море; между прочимъ, выставлена была сумма, сколько мнѣ помнится, на 40 т. съ рублями индиги. Выслушавъ его, князь Воронцовъ съ сардонической улыбкой возразилъ: „mais, cher baron, autant que je connais le pays, il n'y a pas de culture d'indigo au Caucase“. Мейендорфъ съ увѣренностью и живостью возразилъ: „Je Vous demande pardon, mon Prince, la semaine dernière j'ai envoyé au pasteur Roth à la colonie près d'Elisabetpol des semences d'indigo, qui doivent doter le pays de cette culture nouvelle“.

Разъ Мейендорфъ сопровождалъ насъ за укрѣпленіе Гассафюртъ на рекогносцировку Качколыкского хребта и чрезвычайно заботился наканунѣ выступленія о предстоящихъ военныхъ дѣй-

ствіяхъ, какъ старый офицеръ Генеральнаго Штаба, желавшій показать свою удачу. Мы его вооружили, одѣли старика въ черкесское платье, и онъ выѣхалъ съ нами;—здѣсь познакомилъ я его съ Баклановымъ, этимъ дикимъ типомъ Донского казака, увѣривъ его, что онъ воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ и получилъ свѣтское образованіе, которое утратилъ въ Кавказскихъ походахъ. Мейендорфъ удивлялся, какъ на вѣжливые его вопросы по-французски (Баклановъ не зналъ ни слова на этомъ языкѣ), тотъ отвѣчалъ ему оригинальными своими выходками и самыми непечатыми русскими ругательствами. „Comme cependant le Caucase peut deformar l'éducation“—замѣтилъ Мейендорфъ. На рекогносцировкѣ не было ни одного выстрѣла и въ тотъ же вечеръ всѣ мы съ княземъ пріѣхали въ Червленную. Здѣсь мы познакомили веселаго старика съ казачьими нравами; проведя вечеръ съ казаками, которыя черезчуръ угостили его чихиремъ, онъ въ восторгѣ называлъ какую-нибудь Дуньку или Варьку „Индіана“. На другой день за чаемъ у князя Воронцова онъ при всѣхъ насъ говорилъ: „adorable pays que le Caucase, avant'hier la guerre, hier l'amour“. Для Мейендорфа въ эти дни не было ни войны, ни любви. Когда Муравьевъ былъ назначенъ на Кавказъ, то Мейендорфъ, прощаясь съ своими знакомыми, говорилъ съ обыкновеннымъ своимъ юморомъ: „l'homme serieux arrive notre place n'est plus ici“, распѣвая: „filons, filons, filons!“ Это былъ одинъ изъ пріятнѣйшихъ, любезнѣйшихъ стариковъ, которыхъ я когда либо встрѣчалъ.

Наконецъ въ Тифлисѣ, еще со времени Нейдгардта, проживала личность оригинальнаго англичанина Сеймура, отличнаго малаго, всѣми нами любимаго. Онъ ѣхалъ въ Персію и проѣздомъ черезъ Тифлисъ намѣревался прожить 5 дней, а остался, кажется, 3 года на Кавказѣ, не давая о себѣ никакихъ извѣстій; родственники разыскивали его и черезъ князя Воронцова просили дать о немъ извѣстіе. Сеймуръ отправился въ Эривань, нанялъ нѣсколько армянъ, съ которыми взобрался на Араратъ, и на вершинѣ горы написалъ первое свое письмо въ Англію. Потомъ онъ оставилъ Кавказъ и не знаю, что съ нимъ послѣ было.

Самыя теплыя воспоминанія относятся къ тому товарищескому, довольно близкому кружку, съ которымъ проводилъ я постоянно

время. Это была истинно одна семья; въ настоящее время, съ прогрессомъ вѣка, насъ бы назвали коммуной, по тогда такъ естественно мы считали себя связанными другъ съ другомъ, что ежели у одного были деньги, то другіе не заботились о своихъ средствахъ. Не только наша собственность, но всѣ наши помыслы, чувства были единомысленны. Разумѣется, между нашими были друзья и съ слабостями и съ недостатками, даже съ пороками, но все это прощалось, забывалось въ общей нашей другъ къ другу привязанности. Старше насъ всѣхъ былъ достойный Алексѣй Федоровичъ Крузенштернъ, старый кавказецъ еще временъ Головина, долго только по отъѣздѣ моемъ оставившій окончательно Кавказъ. Это была истинно благородная, честная натура, съ самымъ теплымъ сердцемъ и отлично знающая и понимающая Кавказъ. Затѣмъ искренній другъ мой Сергѣй Васильчиковъ, съ которымъ я жилъ и любилъ его, какъ родного брата. Доброты онъ былъ неимоверной, и когда онъ кого полюбитъ, то привязанности и самоотверженію его не было конца. Обыкновенно серьезный и пасмурный, когда онъ развеселялся виномъ (что, къ сожалѣнію, было очень часто), онъ дѣлался веселъ до невозможности и отличался оригинальными выходками. Расскажу нѣсколько таковыхъ о моемъ добромъ другѣ. Разъ просилъ я его испробовать и купить бочку кахетинскаго вина для нашего дома изъ погреба виноторговца Ленца. Въ продолженіе трехъ дней, живя вмѣстѣ, я не могъ видѣть Васильчикова: выходя на службу къ князю Воронцову весьма рано, я всегда заставалъ Васильчикова въ постели, спящаго въ безобразномъ видѣ, по словамъ человѣка его, два раза въ день привозимаго товарищами отъ Ленца. Наконецъ, какъ-то передъ обѣдомъ—у насъ постоянно собирався къ столу нашъ кружокъ—мы съ товарищами растолкали Васильчикова, и я взбѣшенный сталъ сильно упрекать его въ его поведеніи. Заспавный потянулся онъ въ кабинетъ, вынулъ изъ ящика какую-то записную книжку и наивно сказалъ: „что ты ругаешься, самъ же приказалъ выбрать вино, вотъ посмотри“. Въ книжкѣ было написано: бочка № 4 вино мягкое, но послѣ него сильная головная боль, № другой бочки производить тошноту и т. д. Наконецъ № 11—отличное вино, никакихъ послѣдствій. Общій хохотъ встрѣтилъ эту выходку, мы купили № 11

и на время Васильчиковъ прекратилъ пробованье. Такъ и во всемъ прочемъ Васильчиковъ отличался подобной добросовѣстностью. Разъ на *bal costumé* у князя онъ костюмировался въ женское платье *princesse de Lemballe*, заказавъ весьма роскошный костюмъ *avec des paniers* въ магазинѣ Блота. Онъ выбрилъ себѣ, несмотря на маску, усы и, при ужасныхъ мученіяхъ, заблаговременно велѣлъ себѣ выдернуть всѣ волосы, которыми были обросши его плечи и грудь. Въ продолженіе цѣлой недѣли онъ, тайно отъ всѣхъ, дома бралъ уроки минуэта у балетмейстера и дѣйствительно произвелъ необычайный эффектъ на балѣ, танцуя минуэтъ съ барономъ Николаи, также костюмированнымъ маркизомъ. Князь и княгиня Воронцовы до слезъ хохотали, глядя, какъ добросовѣстно и совершенно серьезно Васильчиковъ выдѣлывалъ свои па. Еще одинъ маленькій эпизодъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ характеризуетъ нравы Тифлиса. Васильчиковъ крайне любилъ меня, довѣрялъ мнѣ и только меня слушался, когда разгуляется; разъ вызываютъ меня изъ театра въ дворянскій клубъ, чтобы усмирить Васильчикова. Большая зала собранія въ концѣ отдѣлена была колоннами и толстыми новыми драпри. Входя въ залу, я нахожу ее совершенно неосвѣщенною; выстроенные, какъ для представленія, нѣсколько рядовъ креселъ наполнены весьма развеселившейся компаніей, въ числѣ которой почтенные генералы и сановники, члены клуба. За занавѣсками видно усиленное освѣщеніе; меня останавливаютъ, сажаютъ въ первый рядъ, говоря: тише, сейчасъ начнутся живыя картины. Наконецъ занавѣсъ открывается, и я вижу Васильчикова на ломберномъ столѣ, совершенно раздѣтаго съ одною Анною на шеѣ, опершись на билліардный кій, около него, также раздѣтые, на полу съжившіеся товарищи — картина должна представлять пастуха, стерегущаго овецъ: общіе аплодисменты публики. Между тѣмъ, дежурный старшина клуба во фракѣ (почтенный предсѣдатель контроля Христипичъ) весьма серьезно поворачивалъ доску стола, чтобы показать фигуру съ разныхъ сторонъ; ножка стола ломается, Васильчиковъ падаетъ, и я, пакинувъ на него шинель, увожу на извозчикѣ домой. Подобныя дѣтскія и, можно сказать, невинныя шалости занимали и забавляли всѣхъ.

Моя домашняя жизнь въ Тифлисѣ сложилась такъ: по пріѣздѣ въ 44-мъ году я нанялъ у одного армянина, князя Іосифа Аргу-

тинскаго, одноэтажный домъ посреди Салалакскихъ садовъ (къ сожалѣнію, теперь истребленныхъ), вблизи Эриванской площади; въ этомъ домѣ прожилъ я все время. Впослѣдствіи къ нему былъ пристроенъ второй этажъ и уничтожена наша плоская крыша. Въ 45 году пріѣхалъ Васильчиковъ и поселился со мной, а затѣмъ Сергѣй Кочубей, университетскій мой товарищъ. Кромѣ того пріѣзжіе друзья наши постоянно останавливались у насъ; мы держали свое хозяйство, и обыкновенно къ обѣду собирались у насъ: нашъ веселый *bout en train* полковникъ Минквицъ, славный Миша Глѣбовъ (убитый въ 47 году въ Салтахъ), извѣстный по страданіямъ своимъ въ плѣну у Кубанскихъ горцевъ, вѣчно веселый и безпечный князь Козловскій, давно уже умершій въ Тифлисѣ, Щербининъ, Крузепштернъ, графъ Девіеръ, Кулебякинъ и много другихъ. Въ 46 году въ смежномъ съ нашимъ домомъ флигелѣ, отдѣленномъ отъ него только садомъ, Кочубей поселилъ свою любовницу Floreence, пріѣхавшую къ нему изъ Петербурга. Мы вели счета по дому втроемъ съ Васильчиковымъ, и Кочубей, при замѣчательной скупости своей, требовалъ, чтобы Floreence обѣдала съ нами и платежъ разлагался на трехъ; а когда насъ съ Васильчиковымъ не было дома, Кочубей приказывалъ таскать дрова изъ нашего запаса на квартиру Floreence. Насъ всѣхъ это очень забавляло, и Кочубей первый смѣялся надъ обнаруженными его хитростями. Наша квартира считалась какимъ-то сборнымъ пунктомъ всего нашего кружка: у насъ совершались проводы отъѣзжающихъ въ походъ товарищей, обѣды и встрѣчи благополучно возвратившимся изъ экспедиціи, у насъ составлялись всѣ предположенія различныхъ пикниковъ, увеселеній, всѣхъ шутокъ и школьничествъ, на которыя всегда такъ отечески снисходительно смотрѣлъ князь Воронцовъ.

Напротивъ насъ въ послѣдующіе годы выстроился довольно большой двухъэтажный домъ, постоянно занятый знакомыми семействами тифлискаго общества: въ немъ, между прочимъ, одно время жила княгиня Мухранская. Разъ мы придумали одинъ изъ тѣхъ фарсовъ, которыми мы такъ обращали на себя вниманіе Тифлиса, гдѣ каждый зналъ насъ и дружелюбно относился къ нашимъ выходкамъ. Мы распустили слухъ, что намѣрены дать на холостой

квартирѣ нашей балъ нашимъ знакомымъ дамамъ. Въ условленный день, освѣтивъ нижній этажъ нашей квартиры набранными у товарищей лампами и канделябрами и поднявъ сторы оконъ, вся наша шаловливая молодежь собралась у насъ въ мундирахъ и фракахъ, а нѣкоторые въ европейскихъ и грузинскихъ дамскихъ бальныхъ туалетахъ. Одни представляли старыхъ матронъ, другіе молодыхъ дамъ; между прочимъ, хорошо помню, какъ безподобенъ былъ въ женскомъ платьѣ милый нашъ другъ, поручикъ Федоръ Лонгиповичъ Гейденъ (впослѣдствіи начальникъ Главнаго Штаба). Тѣхъ дамъ, у которыхъ были усы, усаживали спинами къ окнамъ. Florence, разумѣется, была въ числѣ приглашенныхъ. Весь вечеръ гремѣла бальная музыка, на улицѣ около подъѣзда разставлены были разные экипажи, извозчики, чтобы заставить предполагать, что у насъ большой сѣздъ, а кучерамъ было запрещено говорить имена мнимыхъ господъ своихъ; у дверей поставили, для соблюденія порядка при разѣздѣ, городовыхъ и жандармовъ. Все это, разумѣется, обратило вниманіе сосѣдей; окна противоположнаго дома наполнились зрителями, всѣ старались узнать, кто могъ быть на этомъ холостомъ балѣ. Когда достаточный эффектъ былъ произведенъ, мы опустили сторы, весело окончили нашъ товарищескій пиръ и, наконецъ, во 2-мъ или 3-мъ часу утра, провожая мнимыхъ дамъ, почтившихъ нашъ вечеръ, мы вызывали экипажи извѣстныхъ лицъ Тифлисскаго общества и почтительно усаживали ихъ. На другой день только и было толку въ городѣ, что объ этомъ происшествіи; мы, разумѣется, поѣхали къ добрымъ нашимъ знакомымъ, именами которыхъ мы злоупотребляли, объяснивъ въ чемъ дѣло и прося держать въ секретѣ нашу шалость. Тѣ охотно, смѣясь надъ фарсомъ, согласились. Наконецъ, это дошло и до князя Воронцова. Онъ спросилъ меня, въ чемъ дѣло, и когда я ему объяснилъ, то онъ очень смѣялся нашей выходкѣ и нѣсколько дней держалъ въ секретѣ нашу шалость. Уже впослѣдствіи все разъяснилось, къ общему удовольствію и смѣху всего общества.

Много подобныхъ штукъ дѣлали мы во время нашего пребыванія въ Тифлисѣ въ свободное отъ экспедицій время. Былъ въѣздъ персидскаго посланника въ городъ, котораго съ огромной свитой представлялъ переодѣтый князь Кочубей, на встрѣчу кото-

рому выѣхалъ полиціймейстеръ, полковникъ Шостакъ (нашъ же пріятель) съ переводчиковъ и сказалъ привѣтственную рѣчь. Были по городу ночныя прогулки послѣ кутежей съ серенадами въ ночное время и съ хоромъ музыки подъ окнами мирныхъ жителей города, забавныя сюрпризы и шалости на устраиваемыхъ пикникахъ и многое тому подобное. Обо всемъ этомъ упоминаю, чтобы показать, какъ избытокъ пашей молодости и нашихъ юныхъ силъ въ то время проявлялся, какъ добродушно относилось къ этому общество, какъ снисходительно, просвѣщенно и добро смотрѣло и начальство. Весьма понятно, что подобная безпечная свободная жизнь сравнительно съ тѣмъ, что приходилось испытывать подъ административнымъ гнетомъ, тяготѣвшимъ тогда надъ прочими частями Имперіи, привлекала насъ къ Кавказу. Всѣ мы искренно и восторженно довольны были своимъ положеніемъ и преданы были краю и жизни, подъ обаяніемъ новой для насъ обстановки. Замѣчательно, что общество тифлисское, несмотря на отдаленность свою отъ Петербурга, а можетъ быть и вслѣдствіе этой отдаленности, не имѣло того характера мѣстной провинціальной жизни, которая существовала и существуетъ доселѣ во всѣхъ прочихъ провинціальныхъ городахъ обширнаго нашего царства. Не было тѣхъ мелкихъ интригъ, тѣхъ сплетенъ, которыя дѣлаютъ невыносимой нашу жизнь въ провинціи. Оно и понятно. Кавказъ, какъ бы отдѣленный отъ своей метрополіи, составлялъ особый центръ своими нравами, интересами, особенностями. Сообщенія со столицею были весьма рѣдки, экстрапочта приходила 2 раза въ мѣсяцъ, черезъ 14 дней, а иногда совсѣмъ, по случаю заваловъ, прекращалось сообщеніе съ Россіей. Мы жили своею жизнью; тревожное военное положеніе страны, животрепещущіе, имѣвшіе государственное значеніе, вопросы мѣстной администраціи, самое пограничное положеніе Закавказья съ персидскими и турецкими державами, наконецъ, просвѣщенная высокая личность князя Воронцова, все это расширяло кругозоръ cadaго; мало оставалось въ то время мѣста для сплетенъ и обыкновенныхъ провинціальныхъ интригъ; каждый изъ насъ, живя *au jour le jour*, передъ отъѣздомъ въ походъ и экспедиціи, пользовался *à pleins raumons* жизнью во время пребыванія въ столицѣ нашей — Тифлисѣ. Всѣхъ вообще интересовали, поглощали



общественные вопросы края, всё служили, можно сказать, жили Кавказомъ, и интересы общественныхъ вопросовъ края порабощали мелкіе и личные интересы каждаго. Много съ тѣхъ поръ измѣнилось, даже при князѣ Воронцовѣ въ послѣднее время, съ упадкомъ силъ его, вслѣдствіе лѣтъ и болѣзней; затѣмъ настала уже другая эпоха (за исключеніемъ кратковременнаго пребыванія Николая Николаевича Муравьева), и Кавказъ сдѣлался предметомъ эксплуатаціи во всѣхъ видахъ въ пользу личныхъ честолюбій не только служащихъ, но и испорченныхъ нравственнымъ растлѣніемъ времени и новыми порядками дотошъ добродушныхъ, честныхъ и любившихъ свою родину туземцевъ.

## ГЛАВА VIII.

### 1846 годъ.

Слухи о вторженіи Шамиля въ Кабарду въ апрѣлѣ 1846 г.—Бѣду курьеромъ къ князю Воронцову въ Шемаху.—Возвращеніе князя въ Тифлисъ.—Князь посылаетъ меня къ Фрейтагу.—Владикавказъ.—Генералъ Гурко.—Переодѣтый байгушомъ отправляюсь на встрѣчу отряда Фрейтага.—Отступленіе Шамиля.—Меллерт-Закомельскій.—Приѣздъ князя во Владикавказъ.—М. П. Полтининъ.—Столкновеніе мое съ Андріевскимъ.—Князь посылаетъ меня въ Дагестанъ.—Темиръ-Ханъ-Шура.—Князь Бебутовъ.—Дербентъ.—Князь Аргутинскій-Долгорукій.—Л. П. Рудановскій.—Возвращаюсь съ кн. М. З. Аргутинскимъ-Долгорукимъ въ Шуру.—Великентъ.—Джемаль-Бекъ.—Карабудахентъ.—Гижи.—Встрѣча съ кн. Воронцовымъ въ аулѣ Эрпели.—Я назначенъ къ нему адъютантомъ.—Пребываніе въ Шурѣ.—Поѣздка съ кн. Воронцовымъ по Дагестану.—Большой Дженъ-Кутай-Нохъ-Бике.—Князь Г. Д. Орбелиани — Акуши.—Цудахаръ.—Кумухъ.

По отъѣздѣ князя изъ Тифлиса, въ началѣ апрѣля, стали носиться сперва тревожные слухи о какихъ-то сборахъ непріятеля въ Чечнѣ, а вскорѣ затѣмъ получено донесеніе, что Шамиль съ огромныхъ скопищемъ, переправившись черезъ Сунжу, черезъ малую Кабарду вторгнулся въ большую Кабарду, съ цѣлью возмутить всѣхъ жителей, и будто бы уже окружилъ главное наше укрѣпленіе въ этой мѣстности—Нальчикъ. Немедленно былъ посланъ фельдъегерь къ князю, а черезъ день послѣ того передъ вечеромъ я былъ потребованъ къ исправляющему тогда должность начальника Штаба

ген. Норденштаму, который предложил мнѣ ѣхать къ князю съ полученнымъ новымъ, болѣе подробнымъ, донесеніемъ о движеніи Шамиля. вмѣстѣ съ тѣмъ поручено мнѣ было, при проѣздѣ черезъ Карагачъ, сообщить командиру Нижегородскаго Драгунскаго полка распоряженіе о немедленномъ выступленіи изъ Грузіи на линію; полку этому назначено прежде перейти на Сулакъ для устройства новой штабъ-квартиры въ Чиръ-Юртѣ въ томъ же году. Я, разумеется, обрадованъ былъ этимъ порученіемъ и черезъ часъ или два уже мчался на курьерской тройкѣ по направленію къ Шемахѣ. Передъ свѣтомъ, ѣхавши необыкновенно быстро, я былъ въ Карагачахъ, гдѣ, разбудивъ полковника Крюковского, передалъ ему, что зналъ о движеніи непріятеля въ Кабарду и предписаніе о немедленномъ выступленіи. — Нигдѣ не останавливаясь, продолжалъ я путь по Алазанской долинѣ и потомъ по Шекинской и Ширванской плоскости. Мало тогда обращалъ я вниманія на великолѣпную мѣстность Алазани и пустынную плоскость, которую проѣзжалъ. Горные потоки въ это время года были въ полномъ разливѣ и представляли вездѣ весьма трудныя, даже опасныя, переправы, которыя удалось мнѣ однако благополучно совершить. Замѣчательно, что всѣ эти рѣчки, въ лѣтнее время представляющія незначительныя ручейки, въ извѣстное время года и при дождяхъ обращаются въ широкіе потоки, влекущіе въ водахъ своихъ камни и обрывки цѣлыхъ скалъ. — Всѣ эти рѣчки, не доходя до Аракса, теряются въ равнинѣ и только въ верхнемъ и среднемъ своемъ теченіи представляютъ удобство для осѣдлаго населенія и хлѣбопашества. Къ Араксу же вся плоскость только удобна для кочевья въ зимніе мѣсяцы. Наконецъ, подъѣзжая къ послѣдней станціи подъ Шемахою-Аксу, откуда начинается значительный подъемъ на гору, гдѣ расположена столица стараго Ширванскаго ханства, я встрѣтилъ непреодолимое, повидимому, препятствіе къ дальнѣйшему слѣдованію. Рѣчка Аксу представляла шумный потокъ, разлившійся почти на полъ-версты, и не было возможности думать о переправѣ въ повозкѣ. На берегу засталъ я посланнаго наканунѣ моего отъѣзда фельдъегеря, почти сутки ожидавшаго возможности переправиться; надобно было видѣть его отчаяніе, когда я, нисколько не медля, приказалъ отпречь пристяжную и, снявъ хомутъ, рѣшился перепра-

виться через рѣку вплавъ. Фельдъегерь побоялся слѣдовать моему примѣру, а между тѣмъ отказался мнѣ отдать имѣющіяся у него бумаги. Сначала лошадь по брюхо въ водѣ боролась еще довольно успѣшно противъ потока, пока, наконецъ, потерявъ дно, стала слѣдовать теченію; держась за гриву, я вплавъ старался помогать коню, но мы были сбиты водой и камнями, и я только съ трудомъ могъ выбраться на противоположный берегъ. Платье мое было совершенно изорвано въ клочки камнями, и я самъ разбитъ и окровавленъ, лошадь почти совершенно была изувѣчена; насъ отнесло версты на двѣ ниже того мѣста, гдѣ я началъ переправу; добравшись до станціи, я немедленно поскакалъ далѣе.

Прибывъ въ Шемаху рано утромъ, я помню, какъ князь былъ пораженъ полученнымъ извѣстіемъ и чрезвычайно удивленъ быстротѣ моего приѣзда. Онъ немедленно приказалъ сдѣлать всѣ распоряженія къ возвращенію въ Тифлисъ, куда и выѣхалъ рано утромъ на другой день; мнѣ же поручилъ остаться съ княгинею и распорядиться переправою ея черезъ Аксу, а затѣмъ догнать его въ Тифлисъ. Я очень хорошо помню, какъ въ день моего приѣзда въ Шемаху, гдѣ губернаторъ баронъ Врангель давалъ князю офиціальныя обѣды, я былъ предметомъ общаго смѣха, являсь къ обѣду въ бѣлѣ и общегенеральскомъ сюртукѣ Врангеля— пока чинили и просушивали мое изорванное платье. На другой день послѣ завтрака я выѣхалъ съ княгинею, князь же со свѣтомъ былъ на пути въ Тифлисъ. Вода въ Аксу такъ же быстро убывала, какъ она прибывала; переправа, за принятыми мѣрами, совершилась благополучно, видны были только глыбы навороченныхъ камней, оторванные деревья фруктовыхъ садовъ и, вообще, сильныя слѣды недавняго наводненія. Простившись съ княгинею, я съ С. М. Воронцовымъ на перекладной поскакалъ въ Тифлисъ; разстояніе было до 300 верстъ. Князь нигдѣ не останавливался и былъ около полусутокъ впереди насъ; несмотря на это, при сумасшедшей ѣздѣ на курьерскихъ, не жалѣя ни лошадей, ни кошель своихъ, намъ удалось догнать князя, не доѣзжая версть 50 до Тифлиса, около Муганлинской станціи. Онъ посадилъ меня съ собою въ коляску и былъ удивленъ скоростью моей ѣзды.—Мнѣ кажется, что съ этой поѣздки сложилось въ немъ первое выгодное впе-

чатлѣніе о моей расторопности, потому что, подъѣзжая къ Тифлису, онъ мнѣ сказалъ: „je crois, que vous êtes seul capable après la course, que vous avez fait de repartir, à l'instant pour la Cabarda, si on vous le proposait“. Я отвѣчалъ ему, что счастливъ буду исполнить это порученіе, и онъ приказалъ мнѣ немедленно готовиться къ отъѣзду, куда самъ будетъ готовить депеши.

Сборы мои были очень долги: я забралъ нѣсколько бѣлья, перемѣну платья въ переметные мѣшки, надѣлъ сумку для бумагъ, послалъ за курьерской тройкой и черезъ нѣсколько часовъ былъ уже у князя, ожидая отправления. Въ этотъ день или, лучше сказать, вечеръ князь занимался за полночь диктованіемъ приказаній генералу Фрейтагу и Нестерову, для дѣйствій въ Кабардѣ противъ Шамиля. Измученный поѣздкой, не спавъ три ночи, я въ ожиданіи депешъ легъ одѣтый на диванъ, въ залѣ около кабинета, и вскорѣ крѣпко заснулъ. Во второмъ, кажется, часу ночи меня разбудили, и князь, отдавъ мнѣ депеши и словесныя приказанія, отпустилъ въ дорогу. Хочу при этомъ упомянуть объ обстоятельстве, характеризующемъ природную доброту князя: я заснулъ, опершись головой на деревянную ручку дивана, и спалъ нѣсколько часовъ, но когда проснулся — у меня подъ головой была мягкая прекрасная подушка. Я потомъ узналъ, что князь, выйдя изъ кабинета и видя меня спавшимъ, самъ вынесъ подушку и осторожно положилъ мнѣ подъ голову.

Ночь была совершенно темная, какъ бываютъ ночи на югѣ. Почтовая дорога черезъ горы далеко не представляла теперешнихъ удобствъ; крутые спуски, обвалы, разбросанные камни и страшныя пропасти, существовавшія въ то время, непонятны тѣмъ, которые нынѣ проѣзжаютъ въ дилижансахъ по роскошной военно-грузинской дорогѣ. Я мчался въ темнотѣ, не думая объ опасности; впрочемъ ямщики, свыкшіеся съ мѣстностью, и привычныя лошади доставили меня черезъ всѣ препятствія благополучно, къ разсвѣту, на станцію Ларсъ; здѣсь на посту узналъ я, что вся Кабарда въ волненіи, во Владикавказѣ ожидаютъ нападенія непріятеля и что всякое сообщеніе прекращено. Выпросивъ тогда у постоваго начальника конвой изъ 10-ти казаковъ, я рѣшился верхомъ проѣхать эти 27 верстъ до Владикавказа. Я пріѣхалъ довольно рано въ крѣ-

пость; она представляла въ это время необычайный видъ: всѣ войска съ генераломъ Нестеровымъ выступили въ Кабарду, непріятельскія партіи можно было видѣсь съ брустверовъ земляныхъ укрѣпленій, окружающихъ городъ; никакихъ извѣстій извпѣ не получалось. Нестроевыя и инвалидныя роты полковъ, инженерная команда, купцы и всѣ жители вооружились, кто чѣмъ попало, и занимали фасы плохо укрѣпленныхъ валомъ и плетнями оборонительныхъ линій. Даже старыя негодныя пушки были вывезены на батареи. Никогда не забуду воинственного вида, съ которымъ встрѣтилъ меня у моста полковникъ путей сообщенія Мыловъ, не бывавшій въ дѣлахъ и весьма важно объявившій мнѣ, что онъ начальникъ сѣверной оборонительной линіи. Все было въ чрезвычайной тревогѣ; мои добрыя знакомыя владикавказскія дамы готовились выдержать упорную осаду; а оставшееся начальство, надо сказать по правдѣ, совершенно потеряло голову, исключая стараго кавказца полковника Черепанова (комендантъ крѣпости), который благодушно тѣшился и смѣялся надъ страхомъ мирныхъ жителей Владикавказа. Въ это время случайно находился тамъ бывшій начальникъ штаба генералъ Гурко. Онъ оставилъ службу въ краѣ и, возвращаясь въ Петербургъ, какъ разъ попалъ въ Владикавказъ во время этихъ происшествій и былъ невольно задержанъ, какъ бы въ блокадѣ. Странная судьба Гурко, которому въ 42-мъ году приходилось также быть въ блокадѣ въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, во время дѣйствій пашихъ въ Аваріи. Это былъ человекъ въ высшей степени образованный, умный и любезный; но любилъ всегда говорить весьма напыщенно. Я явился къ нему, какъ къ старшему, прося распоряженія о назначеніи мнѣ конвоя для разысканія отряда генерала Фрейтага. Опъ мнѣ отвѣтилъ, что у него нѣтъ свободныхъ казаковъ для огражденія курьеровъ. Не знаю, отчего показались мнѣ оскорбительными его слова, и я отвѣтилъ, что сумѣю исполнить возложенное на меня порученіе безъ его содѣйствія, и отъ него отправился къ Черепанову; дѣйствительно, даже съ сотнею казаковъ было опасно ѣхать. Я могъ наткнуться на сильныя партіи Шамиля, и казаки скорѣе могли бы обратить на себя вниманіе непріятеля. Тогда я рѣшился переодѣться въ платье горца, взять двухъ надежныхъ проводниковъ и скрытно пробраться, какъ только смеркнется, къ от-

ряду Фрейтага. Житель Владикавказскаго аула, извѣстный своею намъ преданностью, Мальсагъ доставилъ мнѣ оборванный костюмъ байгуша, верховую лошадь взялъ я на станціи изъ курьерской тройки (какъ теперь помню—извѣстная мнѣ вороная отличная кабардинская лошадь), сѣдло, оружіе—все было доставлено, я коротко выстригъ волосы, оставилъ всѣ образа и кольца у Черепанова и черезъ нѣсколько часовъ преобразился въ совершеннаго байгуша. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, Шамиль со всѣми скопищами своими, преслѣдуемый Фрейтагомъ, не успѣлъ напасть на Нальчикъ и укрѣпился въ Черекскомъ ущельѣ; за нимъ слѣдилъ со своимъ отрядомъ Фрейтагъ; а другой отрядъ, подъ начальствомъ Меллера-Закомельскаго, находился на Терекѣ около Минаретскаго поста, чтобы преградить отступленіе, на случай переправы Шамиля. Отъ Владикавказа до Черема верстъ 80; отъ Минарета тянется довольно высокій и лѣсистый хребетъ, перпендикулярно примыкающій къ Чернымъ горамъ и раздѣляющій Кабарду.

Избѣгая большой почтовой дороги и станицъ Владикавказскаго казачьяго полка, расположенныхъ на оной, такъ какъ тутъ скорѣе можно было наткнуться на хищническія партіи горцевъ, мы поѣхали цѣлиной, ближе къ горамъ, по высокому бурьяну, канавамъ и протокамъ рѣчекъ. Несмотря на темноту и препятствія, мы ѣхали довольно шибко, и проводники мои, руководствуясь звѣздами, прямо доставили меня къ Минаретскому хребту. Здѣсь мы слѣзли съ лошадей и, скрывшись въ камышахъ, держали совѣтъ, какъ поступить далѣе. Одинъ изъ проводниковъ весьма основательно замѣтилъ, что слышны были передъ вечеромъ пушечные выстрѣлы со стороны Терека, что вѣроятно Шамиль уже отступилъ, что наши войска его преслѣдуютъ и что, переваливаясь черезъ лѣсной хребетъ, мы несомнѣнно наткнемся въ лѣсу на партіи отсталыхъ чеченцевъ. Онъ совѣтовалъ спуститься къ Николаевской станицѣ, узнать о положеніи дѣлъ, и ежели Шамиль еще на мѣстѣ, то тогда спуститься черезъ Минаретскій хребетъ къ Черему. Я послѣдовалъ совѣту. Проѣхавъ верстъ 10, мы увидали огни на плоскости; ясно было, что это огни какого-то отряда, но нашего или непріятельскаго—было неизвѣстно. Изъ опасенія засады, держа лошадей въ поводу, мы ползкомъ по канавѣ осторожно приближа-

лись къ огнямъ, изрѣдка давая знаки свистомъ. Наконецъ, на нашъ свистъ было отвѣчено такимъ же; тогда я рѣшился крикнуть по-русски: „послать изъ секрета унтеръ-офвцера, курьеръ, бумаги къ пачальству“. Ежели бы послѣдовалъ выстрѣлъ изъ винтовки, что ясно бы доказало, что мы наткнулись на непріятеля, то мы рѣшились вскочить на лошадей и ускакать, пользуясь темнотою. Признаюсь, сердце немного билось въ эту минуту, но вскорѣ крикъ: „послать унтеръ-офицера“ успокоилъ меня и я выѣхалъ къ секрету. Это былъ бивакъ перваго батальона Куринскаго полка; командиръ онаго Кульманъ сообщилъ мнѣ за стаканомъ пунша подробности только что совершившихся событій. Шамиль, обманутый въ ожиданіяхъ своихъ на возстаніе всей Кабарды и не ожидавшій такого быстрого преслѣдованія Фрейтагомъ, остановился въ Черекѣ, думая только о скорѣйшемъ и болѣе безопасномъ отступленіи во-свояси. Фрейтагъ принялъ всѣ мѣры къ нанесенію окончательнаго пораженія Шамилю. Онъ стерегъ Черекское ущелье, а на случай, что Шамиль двинется въ другомъ направленіи, имъ былъ оставленъ на переправѣ отрядъ полковника Меллеръ-Закомельскаго, чтобы задержать непріятеля на единственной переправѣ у Минарета, пока на пушечные выстрѣлы не поспѣетъ самъ Фрейтагъ съ своими силами. Шамиль дѣйствительно избралъ другой путь отступленія, но не могъ миновать Минаретской переправы. Ежели бы Меллеръ исполнилъ въ точности данное ему приказаніе и хоть на три или четыре часа задержалъ Шамиля, къ чему способствовала выгодная позиція нашего отряда, то Фрейтагъ непремѣнно подоспѣлъ бы и, можетъ быть, власть и все значеніе Шамиля утратились бы въ этомъ дѣлѣ и врядъ ли онъ и скопища его могли бы уйти изъ нашихъ рукъ. Но у Меллера недостало духа дать рѣшительный бой; вообще, не лишенный военныхъ соображеній и ума, онъ очень боекъ и хвастливъ былъ на словахъ, но рѣшительности и боевой отважности я никогда въ немъ не замѣчалъ. Онъ равнодушно пропустилъ всѣ скопища Шамиля черезъ Терекъ и какъ бы только для очистки совѣсти открылъ бесполезную канонаду по хвосту отступающаго непріятеля, нанося ему самый незначительный уронъ, почти безъ потери съ нашей стороны. Черезъ нѣсколько часовъ прибылъ на переправу отрядъ генерала Фрейтага. Рассказываютъ

о весьма крупномъ объясненіи его съ Меллеромъ, и весьма попятны отчаяніе и досада этого лихого генерала, видѣвшаго, что непріятель ускользнулъ изъ его рукъ и всѣ планы его разстроены. Тѣмъ не менѣе, Фрейтагъ бросился преслѣдовать бѣгущаго уже Шамиля. Путь отступленія вездѣ усѣянъ былъ брошенными вьюками, лошадьми и разною рухлядью. Начиная съ Терека черезъ всю малую Кабарду до Сунжи, гдѣ у брода въ Самашкахъ переправился обратно Шамиль, т.-е. на разстояніи около ста верстъ, онъ нигдѣ не останавливался. Не знаешь, чему болѣе удивляться: поспѣшности ли его бѣгства, или настойчивому преслѣдованію нашихъ кавказскихъ войскъ, которыя тоже почти безъ отдыха прошли все это пространство. Къ сожалѣнію, Шамиль имѣлъ слишкомъ много времени впереди, и мы только могли забирать отсталыхъ, не нанося никакого существеннаго вреда непріятелю. Генералъ Нестеровъ находился въ это время около крѣпости Назранъ, и не имѣя никакихъ свѣдѣній о Шамилѣ, съ своей стороны также не могъ его отрѣзать отъ Сунжи, и почти одновременно съ Фрейтагомъ прибылъ въ Самашки. Ежели въ этомъ спѣшномъ движеніи Шамиль потерпѣлъ полную неудачу, то надо сознаться, что благодаря перѣшимости Меллера, мы потеряли удобнѣйшій случай уничтожить за одинъ разъ всѣ собранныя силы Шамиля и, можетъ, и его самого взять въ плѣнъ.

Получивъ эти свѣдѣнія и не имѣя уже возможности догнать ни Фрейтага, ни Нестерова, я рѣшился скорѣе вернуться въ Владикавказъ и оттуда пробраться на Сунжу. Дорога была свободна, и я помчался на курьерской тройкѣ. Утромъ я былъ уже у Гурко, который не мало удивился, когда я ему сообщилъ о совершившихся событіяхъ: никто еще въ Владикавказѣ не зналъ о нихъ, и я первый принесъ извѣстіе объ очищеніи Кабарды. Здѣсь я узналъ, что въ тотъ же день ожидаютъ князя Воронцова въ Владикавказѣ и потому, полагая, что распоряженія, сдѣланныя имъ въ виду дѣйствій въ Кабардѣ, уже не имѣютъ мѣста, рѣшился дожидаться его прибытія и новыхъ приказаній для слѣдованія къ отряду Фрейтага. Черезъ нѣсколько часовъ дѣйствительно пріѣхалъ князь и чрезвычайно былъ огорченъ нашей неудачей. Онъ очень былъ доволенъ моею распорядительностью, и приказалъ остаться при



немъ, такъ какъ всѣ его предположенія должны уже были измѣниться. Все до сихъ поръшло для меня очень хорошо и далеко не подозрѣвалъ я непріятность, вслѣдъ затѣмъ меня ожидавшую.

Князь остановился во Владикавказѣ въ домѣ генерала Полтинина <sup>1)</sup>. Къ обѣду и завтраку ежедневно собиралась вся свита князя; онъ же самъ никогда не завтракалъ, а только обѣдалъ съ нами. На другой, кажется, день его пріѣзда, во время завтрака, завязался обыкновенный разговоръ о кавказскихъ дѣлахъ и личностяхъ Кавказа. Андріевскій, игравшій такую важную роль при князѣ, со свойственнымъ ему нахальствомъ и рѣзкостью, не знаю почему, началъ порицать весьма достойнаго и всѣми нами уважаемаго полковника Хлюпина, командира Тенгинскаго полка. Большую часть свиты составляли новые кавказцы, пріѣхавшіе съ княземъ изъ Одессы и, какъ выше сказано, полныя товарищескія отношенія между нами и одесситами еще не установились. Я счелъ долгомъ заступиться за стараго кавказца Хлюпина, и наконецъ споръ, все принимая болѣе размѣры, дошелъ до того, что я, разгорячившись

---

<sup>1)</sup> Личность эта хорошо была извѣстна Кавказу своимъ шпрокимъ гостепріимствомъ, замѣчательною храбростью и сумасбродствомъ. Михаилъ Петровичъ Полтининъ почти всю службу свою провелъ на Кавказѣ, дослужившись до командира полка. Онъ сильно былъ преданъ страсти выпить, что не мѣшало ему сохранять должное хладнокровіе въ бояхъ; его всѣ любили и нельзя было не смѣяться его шутливымъ и иногда весьма оригинальнымъ выходкамъ. Онъ всегда носилъ обдѣланную въ серебрѣ азіатскую шашку, на которой вырѣзана была сощипенная имъ надпись:

Тверской дворянинъ  
Михаилъ Петровичъ Полтининъ  
Пять разъ раненъ, три раза контуженъ,  
Никогда не сконфуженъ.

Разъ, желая въ экспедиціи показать какому-то пріѣзжему флигель-адъютанту ночью принятыя имъ предосторожности для охраненія лагеря, онъ повелъ его въ цѣли и, желая блеснуть своимъ образованіемъ, объяснилъ по-французски: „ici chène, ici très grand secret, ici petit secret; tous ventre a terre“. Этотъ анекдотъ очень хорошо извѣстенъ былъ на Кавказѣ. Полтининъ, несмотря на свою отчаянную храбрость, за недостаткомъ распорядительности, не могъ вселить къ себѣ довѣрія и передать свою отважность вѣренной ему части. Навагинскій полкъ, которымъ онъ командовалъ, менѣе другихъ былъ проникнутъ духомъ, отличавшимъ тогдашніе полки Кавказа. Говорилъ Полтининъ крайне безтолково, всѣ прибаутки его и разговоры всегда кончались водкой и закуской съ приговоркою: „с'est bon pour l'estomak“. Онъ вскорѣ оставилъ Кавказъ и умеръ въ отставкѣ, такъ какъ положительно для дѣла начальника онъ совершенно былъ непригоденъ.

Князь Воронцовъ тѣшилъ его выходками, но вполне понималъ его.

и забывшись, наговорилъ самыхъ неумѣстныхъ дерзостей Андріевскому и даже замахнулся на него,—однимъ словомъ, поведеніе мое было въ высшей степени неприлично, и подобный скандалъ въ квартирѣ и за завтракомъ у князя не могъ остаться безъ послѣдствій. Вернувшись домой, я обдумалъ свое положеніе и зная, что Андріевскій уже успѣлъ доложить о моемъ поступкѣ князю, я передъ обѣдомъ самъ явился къ нему и, сознаваясь въ неприличіи моего поведенія и невозможности дальнѣйшаго моего служенія въ его штабѣ, просилъ его о переводѣ меня или въ линейное казачье войско, или въ одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ въ Дагестанѣ, по его усмотрѣнію. Князь принялъ меня весьма сурово и сказалъ, что скоро объявитъ мнѣ свое рѣшеніе. Вечеромъ же сказалъ мнѣ, что, понимая неловкость моего при немъ положенія, онъ поручаетъ мнѣ немедленно отправиться въ Дагестанъ съ важными распоряженіями. Дѣло состояло въ томъ, чтобы остановить войска 5-го корпуса, имѣвшія, за оставленіемъ частей для формированія новой дивизіи на Кавказѣ, выступить въ кадровомъ составѣ обратно въ Россію. Письменные распоряженія къ кн. Бебутову и Аргутинскому мнѣ были переданы княземъ, причемъ, соображаясь съ маршрутами, онъ полагалъ, что я застану первую бригаду уже на пути къ Кизляру, а вторую, слѣдующую изъ Южнаго Дагестана,—около Шуры, и приказалъ мнѣ всѣ эти части вернуть на мѣста прежняго ихъ расположенія. Эта экстренная мѣра была вызвана опасеніемъ, что Шамиль послѣ неудачи своей въ Кабардѣ задумаетъ возстановить свое вліяніе вторженіемъ въ Дагестанъ, гдѣ съ уходомъ дивизіи пятого корпуса оставалось весьма мало свободныхъ войскъ. Предположенія о намѣреніяхъ Шамиля раздѣлялись прочими нашими генералами и, сколько мнѣ помнится, даже подтверждались какими-то слухами изъ горъ. Я чрезвычайно былъ доволенъ выѣхать изъ Владикавказа, гдѣ, несмотря на сочувствіе ко мнѣ общества и старыхъ кавказцевъ, положеніе мое при Воронцовѣ было весьма неловкимъ. Я поскакалъ, какъ сумасшедшій, желая и въ этомъ случаѣ отличиться своею неутомимостью и быстротою ѣзды. Я проѣхалъ съ небольшимъ въ сутки 400 верстъ до Кизляра, и немедленно отправился уже верхомъ далѣе, съ конвоемъ казаковъ, по постамамъ до Шуры, и эти 150 верстъ я сдѣлалъ менѣе, чѣмъ въ

сутки. Здѣсь упомяну объ эпизодѣ, случившимся со мною по приѣздѣ ночью въ укрѣпленіе Кази-Юртъ. Разбудивъ коменданта, почтеннаго полковника Ковалевскаго, я потребовалъ у него конвоя; онъ объявилъ мнѣ, что по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ партія, около 300 конныхъ шавлинцевъ, перешла Сулакъ съ цѣлью грабежа, и должна находиться на плоскости. Я приказалъ пятидесяти конвойнымъ Донскимъ казакамъ оставить пики и пустился съ ними въ лѣсъ, отдѣляющій Кази-Юртъ отъ поста Азенъ, куда прибылъ на разсвѣтѣ. Дорогой осторожные передовые казаки дали знать, что слышенъ впереди какой-то шумъ; мы скрылись въ заросшей мелкимъ лѣсомъ балкѣ и дѣйствительно издали доносился до насъ конскій топотъ и шорохъ людей въ лѣсу; ночь была чрезвычайно темна. Когда все смолкло, мы выѣхали вновь на дорогу и пустились вскачь къ Азену, гдѣ, перемѣнивъ конвой, я поспѣшилъ дальше. Впослѣдствіи я узналъ, что дѣйствительно въ эту ночь проходила непріятельская партія и на разсвѣтѣ угнала скотъ одного изъ ауловъ на плоскости. Утромъ довольно рано прибылъ я въ Шуру и за воротами укрѣпленія увидѣлъ выстроенный обозъ выступающихъ полковъ Волынскаго и Минскаго, первой бригады 14-й дивизіи, а на площади крѣпости засталъ полки и все начальство на молебствіи передъ выступленіемъ. Не скажу, чтобы привезенныя мною приказанія были радостно приняты, особенно начальниками частей, оставляющими Кавказъ, чтобы возвратиться въ прежнія свои квартиры въ Новороссійскомъ краѣ; но тѣмъ не менѣе я былъ въ восхищеніи, что удалось застать войска на мѣстѣ и избавить ихъ отъ лишнихъ переходовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить ихъ свѣжими къ приѣзду Воронцова, который долженъ былъ черезъ Грозную, послѣ свиданія съ Фрейтагомъ, вскорѣ прибыть въ Шуру. Избитый, измученный, я былъ съ отеческою заботливостью обласканъ княземъ Бебутовымъ. Онъ накормилъ меня прекраснымъ завтракомъ, далъ свое бѣлье, такъ какъ у меня съ собою ничего не было (вещи мои товарищи обѣщали привезти съ княземъ), но главное—приказалъ снарядить для меня повозку до перваго поста Гили и далъ надежный конвой. Такимъ образомъ, послѣ двухъ сутокъ безъ сна, я могъ хотя часа два выпастись въ повозкѣ на мягкомъ сѣнѣ, что не приминувъ сдѣлать, пробывъ

всего полтора часа въ Шурѣ. Въ Гиляхъ я опять сѣлъ верхомъ на почтовую лошадь и остальные сто тридцать верстъ скакалъ безъ остановокъ на переменныхъ отвратительныхъ лошадяхъ и еще отвратительныхъ донскихъ казачьихъ сѣдлахъ. Не доѣзжая поста Буйнаки, почти на полъ дорогѣ отъ Дербента къ Шурѣ, я встрѣтилъ Подольскій Егерскій полкъ. Полковой командиръ полковникъ Бубликъ недавно былъ убитъ, и полкъ велъ полковникъ Ловчій, лихой и распорядительный офицеръ. Онъ былъ родомъ турокъ, подобранный ребенкомъ гдѣ-то на Дунаѣ нашими войсками, и дослужился до чина полковника въ нашихъ рядахъ.

Строго придерживаясь данной мнѣ инструкціи, мнѣ слѣдовало вернуть Подольскій полкъ въ Дербентъ, но, сообразивъ военныя обстоятельства того момента съ предполагаемыми дѣйствіями въ сѣверномъ Дагестанѣ, я взялъ на себя направить эти войска на мѣсто Дербента въ Шуру. Закусивъ на бивакѣ съ подольцами, я немедленно поскакалъ далѣе въ Дербентъ, куда прибылъ къ князю Аргутинскому на разсвѣтѣ; когда я ему объяснилъ, почему я рѣшился отступить отъ данной мнѣ инструкціи, онъ одобрилъ мое распоряженіе, что ободрило меня въ отношеніи моей отвѣтственности передъ главнокомандующимъ. Въ Дербентѣ я провелъ два дня и совершенно оправился отъ понесенныхъ мною трудовъ <sup>1)</sup>.

Хочу сказать нѣсколько словъ о Дербентѣ, который видѣлъ тогда въ первый разъ. Остановился я въ домѣ князя Аргутинскаго, на квартирѣ начальника его штаба полковника Рудановскаго <sup>2)</sup>.

---

<sup>1)</sup> Пространство изъ Кизляра до Дербента 300 верстъ, съ упомянутою остановкою въ Шурѣ, я проскакалъ въ теченіе 34 часовъ.

<sup>2)</sup> Леонидъ Платоновичъ Рудановскій былъ хорошій боевой офицеръ, по характера невозможнаго; раздражительность и горячность его доходили до свирѣпости, прислуга его терпѣла невозможное. Въ этомъ же Дербентѣ я былъ свидѣтелемъ, какъ онъ, разсердившись на пришедшаго къ нему съ прошеніемъ татарина, принявъ его на галереѣ квартиры, изругалъ, избилъ и потомъ перекинулъ черезъ перила со второго этажа на дворъ. Хорошо, что песчаный грунтъ оградила несчастнаго отъ болѣе серьезныхъ поврежденій. Рудановскій былъ человекъ безъ всякаго воспитанія, по имѣлъ военныя познанія и обладалъ энергіею и рѣшимостью. Его никто не любилъ за его жестокій нравъ и его называли Самоваръ-Пашею. Впослѣдствіи мнѣ приходилось встрѣчаться съ нимъ на лѣвомъ флангѣ и на Пятигорскихъ минеральныхъ водахъ; здѣсь, принимая ванны, онъ въ раздражительности обыкновенно пивалъ инвалидную прислугу ваннъ, которую смотритель постоянно долженъ былъ мѣнять для № ванны, занимаемаго Рудановскимъ, такъ

Городъ этотъ представляетъ весьма оригинальное, поразившее меня, зрѣлище. На возвышенной отдѣльной горѣ стоитъ цитадель старинной мусульманской постройки; отъ нея узкою полоскою по весьма крутому склону спускается уступами городъ и только у берега моря представляетъ небольшую ровную и песчаную плоскость. Весь городъ окруженъ, до самаго моря, чрезвычайно толстыми изъ огромныхъ камней древнѣйшими стѣнами съ бойницами, башнями и воротами. Въ негородской чертѣ расположены городскія кладбища, которыя, по огромному количеству древнихъ мусульманскихъ памятниковъ, свидѣлствуютъ о населенности и бывшемъ значеніи Дербента. Основаніе этого города приписывается калифамъ, и извѣстное сочиненіе Дербентъ-наме о томъ свидѣлствуетъ. На камняхъ въ стѣнахъ крѣпости встрѣчаются весьма древнія рѣзныя надписи и, сколько мнѣ кажется, ученые нашли слѣды санскритскихъ писменъ и даже нѣсколько пехлевійскихъ буквъ. Видъ изъ цитадели на море очаровательный, и безобразно грязный татарскій городъ издали представляется чрезвычайно живописно. На западъ отъ крѣпости тянется, параллельно морю, цѣль горъ, покрытая роскошною растительностью, и за городомъ виднѣются сады сосѣднихъ деревень. Въ широкой стѣнѣ одной изъ комнатъ, занимаемыхъ комендантомъ, въ цитадели показываютъ пробитое киркою руками Петра Великаго окно съ видомъ на море, откуда онъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ прибытія подкрѣпленія съ флотомъ во время своего похода по берегамъ Каспія. На морскомъ берегу стоитъ скромная полуразвалившаяся землянка, гдѣ великій преобразователь Россіи жилъ во время своего пребыванія въ Дербентѣ. Княземъ Воронцовымъ приведено въ порядокъ это зданіе, огорожено рѣшеткою и сохранено въ память великихъ дѣлъ Петра. Я нѣсколько разъ бывалъ потомъ въ Дербентѣ и всегда этотъ городъ производилъ на меня самое пріятное впечатлѣніе.

Съ княземъ Аргутинскимъ провелъ я два дня въ Дербентѣ и онъ пригласилъ меня ѣхать съ нимъ вмѣстѣ въ Шуру, гдѣ онъ

---

какъ болѣе трехъ, четырехъ сутокъ солдатъ не выдерживалъ. Рудановскій командовалъ впоследствии дивизіей въ Виленскомъ округѣ и умеръ въ отставку въ Полтавской губерніи, разбитый параличемъ. Послѣдній разъ видѣлъ я его въ Кіевѣ, бывши тамъ генералъ-губернаторомъ.

имѣлъ встрѣтить князя и сговориться о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ по вѣренному ему южному Дагестану. Замѣчательная историческая кавказская личность князя Аргутинскаго-Долгорукаго заслуживаетъ отдѣльнаго о немъ описанія.

Въ допотопной четырехмѣстной коляскѣ князя Аргутинскаго отправились мы въ путь. Почтовой дороги тогда не было и отъ полковъ были выставлены на постахъ подъемныя лошади. Моисей Захарьевичъ ненавидѣлъ ѣзду въ экипажѣ, а предпочиталъ ѣзду верхомъ, и только по необходимости прибѣгалъ къ этому способу передвиженія. Мы слѣдовали тою дорогою, которою я такъ быстро проскакалъ нѣсколько дней тому назадъ; хочу сказать теперь, чтобы не возвращаться впослѣдствіи, нѣкоторыя подробности объ этой мѣстности.

До перваго поста—Великентъ 25 верстъ; дорога идетъ въ виду моря, по обработанной мѣстности, почти сплошными садами и полями, засѣянными мареною и рисомъ. Влѣво тянутся, параллельно морю, лѣсистые холмы, а вдали горы съ шумящими потоками, которые разбиваются жителями для ирригаціи полей и садовъ. Великентъ весьма живописно расположенная деревня съ огромными вѣковыми орѣховыми деревьями. У поста находится домъ Кайтахскаго пристава, гдѣ въ 1840 г. происходила страшная драма. Здѣсь встрѣтилъ князя Аргутинскаго владѣтель (Уцмій) полупокорнаго вассальнаго намъ Кайтаха—Джамалъ-Бекъ—со свитой на чрезвычайно роскошно убранныхъ лошадяхъ. Кучера его и онъ самъ отличались весьма суровымъ видомъ и были вооружены съ ногъ до головы. Вообще азіатскіе владѣтели стараются при встрѣчѣ начальника блистать свитой, роскошью вооруженія и лошадьми. Покуда князь Аргутинскій переговаривалъ съ Джамалъ-Бекѣмъ, мнѣ рассказали, что онъ одинъ изъ уцѣлѣвшихъ остатковъ прежнихъ Кайтахскихъ Умціевъ, что въ 40-мъ году члены этого семейства, питая другъ къ другу ненависть и имѣя каилу (кровная мечь), встрѣтились въ домѣ пристава, съѣхавшись для поздравленія его со Свѣтло-Христовымъ Воскресеніемъ. Азіатская кровь закипѣла, кинжалы и пистолеты пошли въ дѣйствіе и въ нѣсколько минутъ все семейство Уцмиевъ было перерѣзано и истреблено, за исключеніемъ спасагося настоящаго владѣтеля Джамалъ-Бека.

Дорога до Кадкента имѣетъ характеръ описаннаго уже выше пути, затѣмъ далѣе къ Буйнакамъ мѣстность уже менѣе обработана, дорога отдѣляется отъ моря, и только на посту Буйнаки видно большое селеніе и обработанные поля. За то, когда приближаешься къ слѣдующему посту Кара-Будакентъ, по весьма волнистой мѣстности, самое селеніе поражаетъ необыкновенною живописностью. На конусообразной горѣ расположено амфитеатромъ селеніе, окруженное роскошными садами, и съ горы бьютъ обильные ключи, вода которыхъ собирается въ фонтаны; черезъ сады текутъ прозрачныя, какъ слеза, воды горнаго ручья, по которому устроены мельницы. Едва ли это не одно изъ красивѣйшихъ селеній въ Дагестанѣ. Здѣсь мы остановились на ночлегъ, устроенный въ прекрасной саклѣ, и я впервые познакомился съ Дагестанскимъ гостепріимствомъ. Здѣшнія женщины и дѣвушки, весьма красиваго типа, не скрывали подъ чадрами своихъ лицъ и съ огромными кувшинами воды на плечахъ проходили по аулу, напоминая фигуры библейскихъ картинъ.

Съ интересомъ изучалъ я замѣчательную личность князя Аргутинскаго и пораженъ былъ его умѣніемъ обходиться съ туземцами. Онъ отлично говорилъ на ихъ языкѣ и вселялъ непритворное уваженіе къ своей личности и страхъ къ его власти.

Выѣхавъ рано съ разсвѣтомъ изъ Кара-Будакента, мы перемѣнили лошадей въ селеніи Гили и оттуда пріѣхали въ Шуру. Въ этой мѣстности растительность уже гораздо скуднѣе, менѣе обработанныхъ полей и видно, несмотря на довольно скученное населеніе, что опасность постоянныхъ тревогъ и набѣговъ Шамиля и сосѣдняго Акуши вліяютъ на развитіе благосостоянія жителей. Въ Гилияхъ къ намъ выѣхала на встрѣчу верхомъ татарская женщина лѣтъ тридцати, весьма красивая, съ энергическими, но вмѣстѣ съ тѣмъ добродушными чертами лица.—Меня удивило, какъ она дружески протянула Аргутинскому руку и завела съ нимъ веселый оживленный разговоръ, прося остановиться у нея въ домѣ, что мы и исполнили, принявъ ея угощеніе, пока мѣняли лошадей. Это была дочь знаменитаго Ермолова Софія Алексѣевна, какъ ее звали; она была замужемъ за простымъ поселяниномъ села Гили, понимала немного по-русски и особенно любила русскихъ, называя ихъ

родными братьями. Она подробно разспрашивала о своихъ братьяхъ. Я съ нею очень подружился и всякій разъ, когда бывалъ въ Гиллахъ, она меня встрѣчала съ непритворнымъ радушіемъ. Надо сказать, что Ермоловъ въ бытность свою на Кавказѣ прижилъ съ одною татаркою трехъ сыновей и эту дочь. Она до замужества жила съ матерью, тогда уже умершею. Сыновья же его Викторъ, Клавдій и Северъ всѣ воспитывались въ Россіи и служили офицерами въ артиллеріи Кавказскаго корпуса. За исключеніемъ Виктора, Клавдій и Северъ всякій разъ, когда могли, навѣщали сестру; она ихъ очень любила, а Виктора упрекала въ гордости.

Засвѣтло мы прибыли въ Шуру, и я остановился вмѣстѣ со свитою Аргутинскаго въ такъ называемой цитадели, рядомъ съ домомъ командующаго войсками князя Бебутова. На другой или, кажется, на третій день я выѣхалъ съ княземъ Бебутовымъ на встрѣчу Воронцову, который съ конвоемъ войскъ слѣдовалъ изъ Чирь-Юрта прямою дорогою въ Шуру, черезъ укрѣпленіе Евгеньевское и Ишкарты, гдѣ предполагалось устройство новой штабъ-квартиры для Дагестанскаго полка. Сколько мнѣ помнится, около аула Эрпели мы встрѣтили князя; къ нему подѣхалъ Бебутовъ, а я послѣ непріятной моей исторіи старался держаться въ сторонѣ. Вдругъ подзываетъ меня князь и говоритъ, что ежели бы не доложилъ ему Бебутовъ, онъ бы никогда не повѣрилъ, что я могъ такъ быстро проскакать изъ Владикавказа до Шуры и остановить еще на мѣстѣ выступавшую бригаду; благодарилъ меня и протянулъ руку. Затѣмъ сказалъ, что онъ сожалѣетъ, что не приказалъ мнѣ направить Подольскій полкъ въ Шуру. Я поспѣшилъ отвѣтить, что угадалъ его намѣренія и измѣнилъ данное мнѣ приказаніе, и что Подольскій полкъ уже въ Шурѣ. Когда мы тронулись въ путь, князь подозвалъ меня и спросилъ: чтѣ могло побудить меня измѣнить его приказаніе. Я доложилъ ему, что я засталъ войска на половинѣ пути между Дербентомъ и Шурою и зная, съ одной стороны, о предполагаемыхъ военныхъ дѣйствіяхъ въ сѣверномъ Дагестанѣ и устройствѣ штабъ-квартиръ въ Чирь-Юртѣ и Ишкартахъ, а съ другой стороны, имѣя свѣдѣнія, что въ Салатавіи собираются скопища Шамиля, я сообразилъ, что въ сѣверномъ Дагестанѣ явится, быть можетъ, непредвидѣнная прежде потребность



въ усиленіи войскъ. Князь улыбнулся и не помню въ какихъ выраженіяхъ выразилъ мнѣ свое одобреніе. Затѣмъ на другой день прибытія въ Шуру, призвавъ меня утромъ въ кабинетъ, Воронцовъ объявилъ мнѣ, что, получивъ извѣстіе о смерти за границею отъ чахотки бывшаго его адъютанта Нечаева, назначаетъ меня на вакантную эту должность. Я былъ въ неописанномъ восторгѣ тѣмъ, что ясно неудовольствіе князя на меня прекратилось и мнѣ открылось новое неожиданное поприще дѣятельности при такой высокой государственной личности, какимъ былъ князь Воронцовъ. Съ этого времени начинаются тѣ близкія мои отношенія къ Воронцову, тѣ серьезныя порученія, которыя онъ мнѣ давалъ, и то исключительное положеніе на Кавказѣ, въ которое онъ меня поставилъ своимъ особеннымъ ко мнѣ довѣріемъ и отеческимъ вниманіемъ во все дальнѣйшее время, сдѣлавъ меня какъ бы самымъ близкимъ членомъ своего семейства; я въ то время числился по кавалеріи и былъ уже три года армейскимъ поручикомъ; при назначеніи въ адъютанты меня зачислили въ Кіевскій гусарскій полкъ, въ августъ того же года я былъ произведенъ въ штабъ-ротмистра и началъ столь быструю впослѣдствіи свою карьеру. Нѣсколько дней проведено было княземъ въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ въ совѣщаніяхъ относительно военныхъ дѣйствій и по дѣламъ управленія съ начальниками сѣвернаго и южнаго Дагестана, князьями Бебутовымъ и Аргутинскимъ. Въ это время я имѣлъ случай ближе познакомиться какъ съ главными, такъ и съ второстепенными лицами этой части Кавказа и вмѣстѣ съ тѣмъ многое узналъ о прежнемъ и настоящемъ положеніи дѣлъ, о которыхъ придется говорить впослѣдствіи.

Крѣпость Темиръ-Ханъ-Шура, считаясь столицей сѣвернаго Дагестана, въ то время далеко не представляла тѣхъ удобствъ и не имѣла того вида, который имѣетъ теперь. Построенная, кажется, въ 31-мъ году, какъ центральный и опорный нашъ пунктъ въ Шамхальскихъ владѣніяхъ, она представляла весьма слабую цитадель, защищенную съ сѣверной стороны обрывистыми скалами, а съ западной и восточной — стѣнами и башнями изъ мѣстнаго камня, сложеннаго на глинѣ, какъ воздвигались въ то время почти всѣ укрѣпленія въ Дагестанѣ. Съ южной стороны цитадель соединялась съ форштадомъ, обнесеннымъ землянымъ валомъ весьма слабой

профіли, съ положенною колючкою; сверхъ онаго на фасахъ форштата были какія-то жалкія баттарей съ чугунными пушками, пришедшими въ негодность, и трое воротъ, плохо защищенныя какими-то будками, носящими громкое названіе блокъ-хаузовъ. Въ цитадели помѣщался госпиталь, домъ командующаго войсками и другія незатѣйливыя строенія, гдѣ помѣщалось все управленіе; на форштатѣ были казармы квартирующаго Апшеронскаго полка и другихъ войскъ, въ видѣ какихъ-то низкихъ строеній съ земляными крышами; грязный базаръ, грязь на улицахъ, землянки остальныхъ пижнихъ чиновъ составляли такъ называемый городъ, гдѣ, впрочемъ, правильно были разбиты улицы и кварталы. Посреди этихъ безобразныхъ зданій однакоже являлись нѣкоторые порядочные дома, принадлежащіе, разумѣется, интендантскимъ чиновникамъ, полковымъ командирамъ и различнымъ штабнымъ офицерамъ, имѣвшимъ, при тогдашнихъ порядкахъ, болѣе средствъ къ легкой наживѣ и извѣстнаго рода комфорту. Между крѣпостью и цитаделью былъ разбитъ, такъ называемый, публичный садъ стараніями генералъ Клугенау, гдѣ по вечерамъ играла музыка и собиралась Шуринаская публика; среди сада была бесѣдка; здѣсь въ 1844 г. жилъ теперешній мѣпистръ внутреннихъ дѣлъ, а тогда гвардіи поручикъ Тимашевъ <sup>1)</sup>, прибывшій на время въ Шуру. Это подало поводъ талантливому его карандашу сдѣлать извѣстную каррикатуру, въ свое время надѣлавшую довольно шума: она представляла изгнаніе Адама и Евы изъ рая (изъ сада въ Шурѣ) и madame Клугенау изображала карающаго ангела.

Несмотря на всю, далеко непривѣтливую, обстановку Шуры, это мѣсто считалось какъ бы Капуей всего Дагестана. Послѣ продолжительныхъ походовъ, послѣ всѣхъ испытаній и лишеній, съ какимъ восторгомъ возвращался отрядъ въ Шуру, какъ въ одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ и цивилизованнѣйшихъ центровъ. Я помню, какое впечатлѣніе, послѣ похода, производили на насъ грязныя лагуны, носящія громкое названіе магазиновъ съ бракованными товарами Нижегородской ярмарки. Какъ казались комфортабельными грязныя трактиры съ засаленнымъ билліардомъ, изломанными кап-

<sup>1)</sup> Писано въ 1876 г.

делябрами, ситцевыми занавѣсками и звуками разстроеннаго и переломаннаго органа. Наконецъ, гуляніе въ публичномъ саду, хоръ музыки, женскіе туалеты кизлярскихъ или астраханскихъ модныхъ магазиновъ и поблѣпшія лица прежнихъ красавицъ, не отличающихся особою нравственностью, шуринскаго прекраснаго пола. Все это совершенно понятно, и объясняется тѣми исключительными условіями, которыми обставлена была тогдашняя жизнь на Кавказѣ. При юности и впечатлительности большей части изъ насъ, приходъ въ безопасное мѣсто съ относительными удобствами жизни и общественными, опять-таки непричудливыми, развлеченіями, весьма понятно, какъ бы вновь возвращалъ насъ, послѣ испытанныхъ опасностей, къ жизни, которую такъ мало цѣнили въ совершенномъ походѣ и которою, при неизвѣстности будущаго, старались наслаждаться въ настоящемъ.

Изъ Шуры, въ сопровожденіи князя Аргутинскаго, князь Воронцовъ рѣшился объѣхать большую часть Дагестана, чтобы ознакомиться съ этимъ совершенно новымъ для него краемъ. Я былъ, къ крайнему моему удовольствію, назначенъ сопровождать его. Наскоро купивъ верховую и вьючную лошадь, я собрался въ путь и, подъ конвоемъ расположенныхъ отрядовъ войскъ и милиціи, мы выступили въ Мехтулинское ханство; первый ночлегъ имѣли въ Акушѣ — въ селеніи Оглы. Дорогой мы остановились въ селеніи большой Дженкутай, гдѣ въ первый разъ удалось мнѣ видѣть вдову послѣдняго Мехтулинскаго хана Ахмета, извѣстную Нохъ-Бикэ <sup>1)</sup>). Она принимала князя Воронцова въ своемъ дворцѣ, т.-е. саклѣ болѣе обширной другихъ, съ огромнымъ дворомъ, обнесеннымъ стѣнами и башнями. Она была женщина лѣтъ 35 съ весьма выразительными чертами лица, носящими остатки прежней замѣчательной ея красоты. Она отличалась весьма рѣшительнымъ характеромъ и проницательнымъ умомъ, что она и доказывала во всѣхъ трудныхъ положеніяхъ своей жизни. Она, я думаю, сознательно была предана нашимъ интересамъ, понимая, что только въ рус-

<sup>1)</sup> Правителемъ ханства въ то время былъ почтенный князь Григорій Дмитриевичъ Орбеліани, впоследствии полный генералъ, проживавшій въ Тифлисѣ, окруженный общею любовью, какъ русскихъ, такъ и грузинъ, за истинно рыцарскій характеръ свой и благородное прошлое.

ской силѣ она можетъ найти опору для себя и малолѣтнихъ дѣтей своихъ. У ней было два маленькихъ сына, весьма милыхъ дѣтей, которые тутъ же были представлены князю. Изъ нихъ старшій Ибрагимъ (впослѣдствіи полковникъ и флигель-адъютантъ) далеко не оправдалъ возлагаемыхъ на него надеждъ. Вообще, сколько ни удалось замѣтить, эта особенность азіатцевъ проявлялась почти во всѣхъ видѣнныхъ мною случаяхъ: доколѣ они сохраняютъ свою мусульманскую или азіатскую самостоятельность, они обладаютъ, при всѣхъ недостаткахъ и порокахъ своихъ, исключительными достоинствами и качествами, которыми только нужно умѣть воспользоваться, равно какъ ихъ слабостями, въ пользу интересовъ нашихъ. Но какъ только азіатцемъ усваиваются пороки и наружныя формы цивилизаціи, онъ утрачиваетъ, за недостаткомъ подготовительной почвы, всю первобытную энергію, теряетъ всякое значеніе между мусульманами и далеко не оправдываетъ все, чего, при его индивидуальныхъ способностяхъ, можно бы было отъ него ожидать. Это какія-то безцвѣтныя личности, тяготящіяся своимъ двуличнымъ положеніемъ. Отставшія отъ своихъ, не приставшія къ намъ, не могущія внушать къ себѣ довѣрія ни русскимъ, ни мусульманамъ, они являютъ примѣръ жалкаго растенія, увядающаго на чуждой для него почвѣ. Мнѣ кажется, что мусульманинъ извѣстнаго общественнаго положенія, усвоивши себѣ сознательно европейскія понятія, никогда не долженъ оставаться въ томъ краѣ, гдѣ связываютъ его всѣ преданія прежняго исключительно мусульманскаго значенія его предковъ.

Первый почлегъ нашъ, какъ выше сказано, былъ въ селеніи Оглы; вся мѣстность какъ Акуши, такъ и Мехтулинскаго ханства, чрезвычайно гориста; горы болѣе известковаго свойства, растительности вообще мало, исключая деревень, которыя окружены садами. Но и здѣсь, какъ въ странѣ, болѣе подверженной хищническимъ нападеніямъ горцевъ, садовъ гораздо менѣе, чѣмъ въ прочей части Дагестана, а лѣсовъ совершенно нѣтъ. Хлѣбъ пашется довольно ограниченно, но почва весьма плодородна. Все богатство жителей заключается въ многочисленныхъ стадахъ; съ которыми они, при первыхъ тревожныхъ слухахъ, удаляются въ неприступныя ущелья или ближе къ нашимъ границамъ, подъ прикрытіе

нашихъ войскъ. Общество Акушинское, или Акуши, относительно менѣе гористо, въ сравненіи съ другими частями южнаго Дагестана, и какъ прилегающее къ непріятельской границѣ нашей у Койсу—болѣе всѣхъ другихъ подвергалось частымъ нападеніямъ непріятеля и возмездіямъ нашимъ за измѣну, иногда невольную, по недостатку средствъ къ защитѣ. Во времена Ермолова было однако явное возстаніе Акуши, за которое онъ разгромилъ страну. Вслѣдъ затѣмъ еще неоднократно происходили волненія въ Акуши, и извѣстная часть населенія всегда сочувствовала Шамилю. Эта несчастная страна была постоянно между двухъ огней и обстоятельство это, помимо движеній отрядовъ, видимо отражалось на нравственномъ и экономическомъ положеніи жителей.

Пріемъ старшинъ и кадій въ селеніи Оглы, переговоры съ ними—все это заслуживало весьма малаго вниманія. На другой день мы съ отрядомъ двинулись въ селеніе Цудахаръ, расположенное на обрывистомъ берегу Койсу. Цудахаръ весьма небольшое, но сильно укрѣпленное природою, мѣсто, составляя независимое общество подъ управленіемъ своего кадія, имѣло большое торговое значеніе въ этой части Дагестана, и дѣйствительно Цудахарскій базаръ былъ необыкновенно оживленъ. Самый аулъ своими постройками представляетъ чрезвычайно живописное зрѣлище; каменная съ башнями цитадель на скалѣ, вооруженная фальконетами, защищаетъ селеніе, которое по уступамъ горы амфитеатромъ спускается къ рѣкѣ. Всякій домъ, всякая сакля представляетъ своего рода крѣпость. Вся мѣстность вообще крѣпко защищена природою, и потому цудахарцы съ успѣхомъ отражали попытки Шамиля и скорѣе склонны были соединить свои интересы съ нашими. Почтенный кадій, управлявшій Цудахаромъ, въ домѣ котораго мы остановились, былъ совершенно преданъ русскимъ, но не скрывалъ отъ себя и отъ насъ опасность своего положенія. Шамиль счумѣлъ себя составить сильную партію въ Цудахарѣ, число нашихъ приверженцевъ ежедневно уменьшалось, и кадій сознавалъ всю натянутость и непрочность настоящаго положенія. Опасенія его скорѣе оправдались—черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Шамиль занялъ Цудахаръ, благодаря сочувствію части жителей, а кадій и приверженцы наши заплатились головами за свою намъ преданность. Иму-

щество и дома ихъ были разграблены и сожжены, по приказанію Шамиля—и рядъ жестокостей и казней ознаменовалъ его пребываніе въ Цудахарѣ, который долго еще не могъ оправиться отъ понесеннаго погрома.

Слѣдуя далѣе въ укрѣпленіе Кумухъ, мы переправились чрезъ Койсу, черезъ узкій мостъ Дагестанской постройки, гдѣ средняя часть, сдѣланная изъ витыхъ виноградныхъ лозъ и легкихъ перекладинъ, качалась подъ тяжестью проходящихъ. Ъхать можно было только въ одинъ конь; периль, разумѣется, никакихъ не было; между отвѣсными скалами ревѣлъ Койсу, и при страшной высотѣ, такъ называемаго, моста нужно было имѣть особенную привычку и весьма твердые нервы, чтобы избѣгнуть головокруженія. Мосты эти обыкновенны въ Дагестанѣ, но мнѣ случилось тогда въ первый разъ видѣть эти постройки, и сознаюсь, что меня удивила какъ смѣлость, такъ и относительная прочность этихъ сооружений. Хочу сказать нѣсколько словъ объ этой постройкѣ. Въ скалу, составляющую естественный устой, въ самомъ узкомъ мѣстѣ рѣки утверждаются нѣсколько бревенъ, на нихъ укладывается другой рядъ, постепенно выступая отъ нижняго ряда надъ пропастью, и такимъ образомъ съ обѣихъ сторонъ составляются въ нѣсколько ярусовъ кладки, искусственныя деревянныя фермы, черезъ которыя перебрасывается самый мостъ изъ легкихъ жердей или толстыхъ виноградныхъ лозъ, съ настилкою изъ плетня; фермы же укрѣпляются землею и огромными камнями. Ширина моста не болѣе сажени. Около Цудахара, что поразило меня, какъ и всякаго русскаго жителя сѣвера, это—небольшая березовая роща, почти единственная, которую мнѣ случилось видѣть на Кавказѣ.

Переправившись на лѣвый берегъ Койсу, намъ до Кумуха предстояло идти по горной, выстѣченной въ скалѣ, весьма узкой дорогѣ. Кадій, отойдя съ милиціею своею версты двѣ или три отъ Цудахара, раскланялся съ нами и, какъ бы предчувствуя скорѣ совершившееся событіе, весьма трогательно простился съ княземъ Воронцовымъ, поклявшись, что до конца останется вѣрнымъ русскимъ. Здѣсь встрѣтилъ насъ блестящій Агаларъ-ханъ, правитель Казикумухскаго ханства, со своею милиціею. Это былъ замѣчательно красивый, ловкій и храбрый молодой 25-лѣтній человекъ. Онъ со

всѣмъ ханствомъ своимъ находился также на передовой нашей линіи. Князь Аргутинскій умѣлъ пользоваться его честолюбіемъ, властолюбіемъ и замѣчательною храбростію, чтобы замѣнить имъ необходимость содержать регулярныя войска въ этой недоступной для насъ, особенно зимою, мѣстности. Здѣсь встрѣчалось главнымъ образомъ препятствіе въ снабженіи отряда продовольствіемъ, по трудности пути и отдаленности нашего операціоннаго базиса.— Воинственный Агаларъ-Бекъ умѣлъ постоянно противоудѣйствовать всѣмъ попыткамъ Шамиля вторгнуться въ край и оказывалъ намъ несомнѣнную пользу. Онъ считался полковникомъ нашей службы и имѣлъ офицерскій георгіевскій крестъ, что чрезвычайно ему льстило. Это былъ настоящій типъ восточнаго властелина; жестокость его по управленію ханствомъ, произволъ и деспотизмъ, не знали предѣловъ. Все дрожало передъ именемъ Агаларъ-Бека, который въ свою очередь боялся Аргутинскаго. Сей послѣдній смотрѣлъ сквозь пальцы на дѣйствія Агалара по управленію и, отлично понимая положеніе дѣлъ и матеріальную нашу слабость въ этой части края, умѣлъ превосходно обращать подвѣдомственныхъ намъ хановъ въ орудіе нашей политики, жертвуя притомъ иногда общегуманными идеями, что впрочемъ мало сознавалось самими подвластными Агаларъ-хана, привыкшими еще къ большему самовластію и жестокости его предшественниковъ. Агаларъ изъ европейской цивилизаціи усвоилъ себѣ только нѣкоторое пониманіе русскаго языка и страсть къ крѣпкимъ напиткамъ, отъ злоупотребленія которыми онъ даже и умеръ.

На ночлегъ мы прибыли на только-что строящееся и не оконченное укрѣпленіе Кумухъ.

---

## ПРИЛОЖЕНІЯ.

---

### Приказы по отдельному кавказскому и 5-му пѣхотному корпусамъ.

---

№ 1.

Марта 14 дня 1845 года.

г. Керчь.

Воины Кавказскаго и 5-го корпусовъ!

Привявъ, по Высочайшему повелѣнію, начальство надъ войсками на Кавказѣ, спѣшу изъяснить предъ всѣми чинами обоихъ корпусовъ, сколь высоко я дѣню милость и довѣріе нашего Всемилостивѣйшаго Государя и честь быть начальникомъ неустрашимыхъ сыновъ отечества, коими общая мать наша Россія столь справедливо гордится.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ, я также началъ службу на Кавказѣ, подъ начальствомъ знаменитаго князя Циціанова, былъ съ нимъ подъ Елизаветполемъ, былъ съ храбрымъ Гуляковымъ на Алазанѣ и въ Закаталѣ; опытъ съ Циціановымъ при покореніи Имеретіи; потомъ на знойныхъ поляхъ Эриванскихъ и зимою въ снѣжныхъ горахъ Осетинскихъ. Съ молодыхъ лѣтъ я научился и привыкъ удивляться подвигамъ храбрыхъ воиновъ Кавказскихъ. Теперь, предстонтъ мнѣ вновь служить съ вами. Ежели будетъ нужно сражаться съ непокорными горцами, вы опять будете тѣ же, каковыми всегда были. Съ племенами покорными мы будемъ вести себя



мирно и дружелюбно. Жители Кавказа должны столько же любить и уважать насъ во время мира, сколько бояться въ военныхъ дѣйствіяхъ, если таковыя на себя навлекутъ. Въ этомъ состоитъ непремѣнная воля Великаго нашего Государя и мы должны, и по долгу вѣрноподданныхъ и по христіанской совѣсти, быть точными исполнителями сей непремѣнной священной воли.

Всемиловитѣйшему Государю угодно также обратить вниманіе на положеніе во всѣхъ отношеніяхъ храбрыхъ войскъ Его и особенно на ихъ продовольствіе. Это будетъ лежать на моей отвѣтственности. Мой самый пріятный долгъ будетъ свидѣтельствовать передъ Монархомъ о вашей службѣ, о вашихъ подвигахъ и безпрестанно пещись о томъ, чтобы вы всегда получали все, что вамъ, по милости Царской, положено, и чтобы вы ни въ чемъ не нуждались.

### № 63.

Іюля 7-го дня.

Въ лагерь при селеніи Дарго.

Спѣшу благодарить отъ глубины сердца моего храбрыя войска всѣхъ чиновъ и званій за новый опытъ примѣрной неустрашимости и усердія, ими оказанный. Вчерашняго числа мы прошли 20 верстъ, изъ коихъ близъ половины въ лѣсу, самыми трудными оврагами, подъемами и спусками. Въ этомъ лѣсу непріятель упорно защищалъ болѣе 20 давно приготовленныхъ крѣпчайшихъ заваловъ и, кромѣ того, пользовался мѣстностью, чтобы съ обоихъ фланговъ безпрестанно нападать на насъ и стрѣлять изъ-за деревьевъ и самыхъ деревьевъ на колонны штурмующія завалы и на тѣ, которыя за оными слѣдовали,—самая же мѣстность почти нигдѣ не позволяла намъ имѣть съ обѣихъ сторонъ боковыя цѣпи. Всѣ сіи затрудненія сдѣлались ничтожными предъ порывомъ и неустрашимымъ терпѣніемъ нашихъ войскъ.

1-й баталіонъ Литовскаго егерскаго полка, направленный по дорогѣ прямо па завалы, взялъ оные одинъ за другимъ штыками, съ барабаннымъ боемъ и безъ выстрѣловъ; онъ поддерживаемъ былъ Грузинскою пѣшею милиціею, подъ командою предводителя грузино-вмеретинскаго дворянства, полковника князя Орбеліана и

2-й баталіонъ егерскаго князя Чернышева полка, подъ начальствомъ полковника Ранжевскаго. Весь сей авангардъ находился подъ предводительствомъ храбраго Генералъ-маіора Іѣлявскаго, который во все время лично подавалъ своимъ подчиненнымъ примѣръ неустрашимости. Правая цѣпь съ резервомъ была подъ командой полковника барона Меллера-Закомельскаго, лѣвая полковника Козловскаго, Грузинская милиція была раздѣлена между этими двумя боковыми колоннами. Гдѣ нельзя было идти иначе, какъ по дорогѣ, она помогала авангарду овладѣть завалами, а егерямъ и пѣхотѣ выбивать безпрестанно засѣдающаго во всѣхъ трудныхъ мѣстахъ непріятеля. По протяженіи болѣе 7 верстъ безпрестаннаго упорнаго боя неминуемо образовались интервалы, которыми непріятель немедленно старался воспользоваться; тогда спѣшивалась наша кавалерія, спускалась быстро въ яры и овраги и съ крикомъ ура прогоняла непріятеля и тѣмъ облегчала путь слѣдующимъ по дорогѣ войскамъ и обозамъ. Въ этомъ участвовала съ отличіемъ и полнымъ успѣхомъ Грузинская конная милиція, подъ командою Штабсъ-капитана князя Орбеліана, которая два раза была лично мною посылаема, дабы прогнать засѣвшаго и вкривившаго намъ непріятеля: кромѣ 1-го баталіона Литовскаго егерскаго и 2-го баталіона князя Чернышева полка, столь славно авангардъ составлявшихъ, и прочія войска въ дѣлѣ семъ участвовавшія, столь же достойно долгъ свой выполнили. Они суть: 1-й баталіонъ егерскаго князя Чернышева полка, 1-й и 2-й баталіоны Куринскаго егерскаго полка, 3-й и 4-й баталіоны Навагинскаго пѣхотнаго полка, 3-й баталіонъ Апшеронскаго пѣхотнаго полка, 5-й саперный баталіонъ, 3 роты Кавказскаго стрѣлковаго баталіона, Грузинская пѣшая и конная милиціи, Дигорцы и Кабардинцы, Осетины, подъ командою гвардіи ротмистра Казбека, и сборныя сотни линейныхъ казаковъ Моздокскаго, Кавказскаго и Гребенскаго полковъ. Около 8 часовъ вечера, т.-е. послѣ 14-ти часовъ марша и 6 часовъ упорнаго сраженія, мы овладѣли послѣднимъ заваломъ и вышли на мѣстность болѣе ровную и открытую, но сего было еще не довольно; — но дабы болѣе вперить страхъ въ непріятелѣ и доказать ему, что, несмотря на всѣ приготовленія ихъ и ужасныя трудности дороги, мы могли придти въ одинъ день

изъ Андін въ Дарго, и хотя отъ вышесказаннаго мѣста было еще верстъ 5 самой трудной дороги, и отчасти подъ огнемъ непріятеля, засѣвшаго уже на плоскости въ кустахъ, за рукавомъ рѣки Аксая, мы стали съ авангардомъ и кавалерією па бивуаки у самой деревни Дарго, столицы Шамиля, куда и прочія войска пришли ночью и рано поутру сегодняшняго дня уже почти безъ сопротивленія отъ непріятеля. Потеря въ столь трудномъ и жаркомъ сраженіи не могла не быть довольно значительна, но благодаря Всевышнему, была гораздо менѣе, нежели должно было ожидать. Убиты, къ общему сожалѣнію, Генераль-маіоръ Фокъ, всегда искавшій опасности и случая отличиться, и храбрый Генеральнаго Штаба подполковникъ Левисонъ, Кавказскаго Линейнаго полка сотникъ Касяповъ, и Тифлисскаго пѣшей милиціи прапорщикъ Гургенидзе, ранены: командиръ Замостскаго полка, командовавшій пѣхотою авангарда, полковникъ Семеновъ, мѣсто котораго достойно занялъ состоящій по кавалеріи при Кавказскомъ корпусѣ полковникъ Альбрандъ; командующій 1-мъ баталіономъ Литовскаго полка маіоръ Степановъ, командиръ карабинерной роты сего же баталіона капитанъ Жмайловичъ, Куринскаго егерскаго полка подпоручикъ Ивановъ и прикомандированный къ сему полку Рязанскаго пѣхотнаго полка поручикъ Пересвятовъ, 5-го сапернаго баталіона капитанъ Броунъ, горной № 4-го батареи прапорщикъ Транковскій, Тифлисскаго пѣшей дружины священникъ Захарій Борисовъ и прапорщикъ конно-грузинской милиціи князь Дмитрій Вачнадзе, состоящіе при насъ по особымъ порученіямъ, числящіеся по кавалеріи, поручикъ князь Дондуковъ-Корсаковъ, подполковникъ Ключин и прикомандированный на время экспедиціи въ Чеченскому отряду л.-гв. Уланскаго полка поручикъ Гербель; всего ранено и убито: 1 генералъ, 3 штабъ-офицера и 12 оберъ-офицеровъ; нижнихъ чиновъ: убито 33, ранено 129, всего же вышло изъ строя 178 человекъ. Горная артиллерія въ особенности отличилась вчерашняго дня, и потеря ея была значительна. Стрѣляя по засѣвшимъ Лезгипамъ въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ, 4-я горная батарея 20-й артиллерійской бригады дѣйствовала съ примѣрною неустрашимостью; она потеряла взводнаго командира своего прапорщика Транковскаго, тяжело раненаго, и почти всю прислугу

свою. Излишнимъ почти считаю изъяснить здѣсь глубочайшую признательность за помощь, распорядительность и личное самоотверженіе Генерала отъ инфантеріи Лидерса и Генераль-лейтенанта Гурко; также да позволено мнѣ будетъ упомянуть здѣсь объ отличныхъ заслугахъ и неустрашимости начальника всей артиллеріи Генераль-лейтенанта Козлянинова, Генераль-лейтенанта Клюкифонъ-Клугенау, который командовалъ среднею колонною за авангардомъ, Генераль-маіора Лабинцева, который командовалъ арріергардомъ и провелъ оный въ примѣрномъ порядкѣ и съ малою потерей, хотя имѣлъ непріятеля и съ фланговъ и съ тыла; Генераль-маіоровъ—Начальника 8-го округа корпуса жандармовъ Викторова, который по моему предположенію остался съ двумя ротами егерскаго князя Чернышева полка въ важномъ и опасномъ мѣстѣ, арріергарда; походнаго атамана Донскихъ Казацкихъ полковъ Хрещатицкаго; состоящаго по кавалеріи Безобразова, командира 2-й бригады 20-й пѣхотной дивизіи Пассека и командующаго артиллеріею Чеченскаго отряда полковника Ковалевскаго. Пользуюсь симъ случаемъ, чтобы изъяснить мою признательность за отличное рвеніе и полезные труды во всю кампанію Генераль-маіоровъ Герасимова и Цостельса. Въ этомъ дѣлѣ, какъ и въ прежнихъ, Его Высочество Принцъ Гессенскій оказалъ опытъ своего усердія и неустрашимости, равно какъ и прибывшій съ нимъ къ отряду князь Эмилъ Витгенштейнъ.

Священнымъ и пріятнымъ долгомъ имѣю теперь донести о всемъ вышесказанномъ Государю Императору и представить па Высочайшее вниманіе о подвигахъ вѣрныхъ сыновъ Россіи, служащихъ на Кавказѣ и которые всегда считаютъ Всемилостивѣйшее воззрѣніе па ихъ труды величайшею для нихъ наградю.

#### № 69.

Іюля 21 дня.

Въ укрѣпленіи Герзель-аулъ.

Воины главнаго дѣйствующаго отряда! Наконецъ, твердостью, усердіемъ и неустрашимостью вы исполнили трудный и славный подвигъ, повелѣніе Государя нашего, ожиданія Россіи и наше

собственное желаніе. Съ самаго начала кампаніи непріятель со всѣми своими сборищами не могъ намъ противустоять; онъ оставилъ намъ безъ боя и Хубарскія высоты и крѣпкую Бортунайскую позицію, онъ надѣялся остановить насъ на Мичикалѣ, по славнымъ подвигомъ взятія горы Апчимера оттуда прогнавъ; преодолевъ всѣ трудности природы, мы попли къ Андійскимъ воротамъ, гдѣ онъ не смѣлъ насъ ожидать, и самъ предалъ огню и опустошенію богатое Андійское поселеніе; за Андіей онъ захотѣлъ держаться на позиціи, но постыдно прогнанъ съ оной горстію нашихъ храбрецовъ. Когда мы увидѣли опять сборища Шамиля на горахъ, мы опять пошли на нихъ, разсѣяли толпы ихъ и дошли до самаго Технуцаза. Около Андій, гдѣ Русскіе до сего еще никогда не были, мы жили спокойно, сколько намъ было нужно, по этому еще было недовольно, нужно было дойти до самаго гнѣзда Шамиля; мы пошло въ Дарго и, хотя нашли дорогу труднѣйшую и лѣса, въ которыхъ они сильно защищались, ничто не могло намъ противустоять, и Шамиль вынужденъ самъ начать разрушеніе его жилища и заведеній, которое мы послѣ въ полной мѣрѣ довершили. По затрудненію доставлять туда продовольствіе, было невозможно и бесполезно оставаться долго въ Дарго, но мы попли оттуда не назадъ, не отступая, но пошли опять прямо на него же, грудью сбили его съ позиціи у дер. Цонтери и потомъ, все наступая, гнали его съ позиціи на позицію, пока, уже близко къ Герзель-аулу, мы соединились съ храбрымъ Генераломъ Фрейтагомъ, который по первому отъ насъ призыву, собравъ съ певѣроятною скоростью сильный отрядъ, пришелъ къ намъ на встрѣчу; тогда силы непріятельскія обратились на нашу арріергардъ, но и тутъ съ потерей и стыдомъ отбиты. Таковыя подвиги не могли быть исполнены безъ урона; мы потеряли нѣсколько достойныхъ начальниковъ и храбрыхъ солдатъ; это жребій войны; истинно Русскій всегда готовъ умереть за Государя и отечество, но мы имѣемъ то утѣшеніе, что не одинъ раненый, какого бы онъ ни былъ званія, нами не оставленъ, ни одинъ не попался въ руки непріятеля, и мы вчерашняго числа дошли благополучно до нашего укрѣпленія, и вамъ можно будетъ отдохнуть отъ трудовъ и утѣшаться воспоминаніями о вашихъ подвигахъ. Государь вами будетъ доволенъ; слухъ о нашемъ по-

ходѣ долго будетъ служить въ горахъ страшилищемъ для враговъ нашихъ и доказательствомъ, что для Русскаго солдата нѣтъ ничего невозможнаго. Я горжусь тѣмъ, что имѣлъ честь вами начальствовать и раздѣлять съ вами труды и опасности; отъ всей души благодарю васъ за усердіе, терпѣніе и неустрашимость, вами доказанная, и займусь теперь пріятнымъ долгомъ увѣдомить Всемилостивѣйшаго нашего Государя о подвигахъ всѣхъ и каждаго.

## № 70.

Воины отряда Генераль-маіора Фрейтага! Спасибо Вамъ, ребята, тысячу разъ спасибо вамъ и достойному вашему начальнику за помощь, вами намъ оказанную. Съ невѣроятною скоростью, по первому отъ насъ вызову, вы собрались, сдѣлали усиленные переходы и чудесно явились въ сильномъ составѣ въ Гарзель-аулъ; безъ отдыха немедленно пошли къ намъ на встрѣчу и сильно помогли намъ окончить съ честью и славою трудный подвигъ противъ всѣхъ силъ непріятельскихъ, разбивая ихъ вездѣ, гдѣ они думали намъ противустоять, и привести безопасно и спокойно всѣхъ нашихъ рапешыхъ, храбрыхъ товарищей вашихъ. Оба отряда всегда будутъ помнить съ удовольствіемъ и походомъ сей и счастливое наше съ вами соединеніе. Спасибо вамъ еще разъ. Вамъ и храброму Фрейтагу ура!

## № 75.

Іюли 26-го дня.

Въ укрѣпленіи Герзель-аулъ.

Я удостоился вчерашняго числа получить отъ Государя Императора письмо, въ которомъ Его Императорское Величество изъявляетъ Свое удовольствіе за скорое движеніе и успѣхи наши на Анчимерѣ и Андійскихъ высотахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣваетъ мнѣ объявить сіе удовольствіе и благоволеніе ввѣреннымъ начальству моему войскамъ. Слова Его Императорскаго Величества суть: „скажите же вы и молодцамъ вашимъ, что Я, ихъ видѣвшій, ихъ знавшій, зналъ, что и желать и ожидать отъ нихъ могъ и впрядь могу, и что Я ихъ благодарю, что доказали, что они все тѣ же

Кавказскіе герои, даромъ что ряды пополняются молодыми; къ доброму корню легко прививать“.

Драгоцѣпныя слова сіи спѣшу сообщить дѣйствующему отряду, для свѣдѣнія всѣхъ чиповъ, симъ приказомъ, и остаюсь увѣреннымъ, что такое изъясненіе милости и благоволенія за труды наши отъ Великаго нашего Государя будетъ принято всѣми съ благоговѣніемъ и радостью и еще вѣщще ободритъ и побудитъ каждого изъ насъ къ повторенію во всѣхъ возможныхъ случаяхъ того же усердія и самоотверженія, которыя обратили на Кавказское войско Высочайшее и Всемилостивѣйшее вниманіе.

---

## Изъ воспоминаній князя А. М. Дондукова-Корсакова.

---

### I.

#### Николай Петровичъ Кулебякинъ.

При Нейдгартѣ въ Тифлисъ часто прїѣзжалъ служащій въ Керчи, на Кавказской береговой линіи, недавно произведенный изъ разжалованныхъ въ поручики Николай Петровичъ Кулебякинъ; эта своеобразная натура и выходящая изъ ряда обыкновенныхъ личность часто будетъ встрѣчаться въ моихъ воспоминаніяхъ, почему хочу здѣсь сказать нѣсколько словъ объ этомъ добромъ моемъ пріятелѣ.

Воспитывался онъ, кажется, въ лицѣѣ и потомъ поступилъ въ Гродненскій гусарскій полкъ во время польской кампаніи юнкеромъ. Пылкая его натура и горячность, доходящія до совершеннаго бѣшенства и самозабвенія, до самой старости не оставляли энергичнаго его характера. Въ полку онъ имѣлъ, кажется, нѣсколько дуэлей, затѣмъ переведенъ былъ въ армейскій гусарскій полкъ, гдѣ не было конца всевозможнымъ исторіямъ, которыя, наконецъ, кончились скандаломъ, когда на какомъ то балу, кажется, въ Тверской губерніи, онъ, разгорячившись, несмотря на присутствіе полкового командира, разбилъ полковую музыку и выбросилъ за окно всѣ трубы за то, что музыканты не съиграли тотъ танецъ, который онъ потребовалъ; онъ былъ преданъ суду и разжалованъ въ солдаты на Кавказъ, что его нисколько не укротило. Состоя при генералѣ Раевскомъ рядовымъ, Кулебякинъ въ какой-то экспедиціи



шелъ по горной узкой тропинкѣ надъ страшнымъ обрывомъ; шедшій за Кулебякинымъ капитанъ толкнулъ его. Николай Петровичъ, разъяренный, обернулся, схватилъ капитана и бросилъ его въ кручу. Съ трудомъ вытащили капитана, къ счастью, однако, невредимаго, а Кулебякина выслали изъ отряда и тѣмъ дѣло кончилось. Сначала Кулебякинъ служилъ при генералѣ Анрепѣ, начальникѣ Лезгинской линіи; это тоже былъ восторженный полусумасшедшій человѣкъ. Разъ, взявши съ собой только переводчика и нѣсколько человѣкъ прислуги, Анрепъ и Кулебякинъ отправились, переодѣтые, въ горы, съ цѣлью обращать проповѣдью и толкованіемъ корана въ покорность правительству дикія Лезгинскія племена. Не знаю, сколько времени продолжалось это эксцентричное путешествіе; по всѣмъ вѣроятіямъ, ихъ принимали за юродивыхъ, особенно чтимыхъ мусульманами, и имъ не дѣлали никакого вреда. Наконецъ, въ какомъ то горномъ обществѣ, во время проповѣди около аула, изъ толпы горцевъ выскочилъ какой-то фанатикъ и въ упоръ выстрѣлилъ въ грудь Анрепа или Кулебякина—не помню; вѣроятно по недостатку пороха, пуля выкатилась на землю, не причинивъ никакого вреда. Тогда Кулебякинъ произнесъ восторженную рѣчь, доказывая горцамъ, что онъ и Анрепъ настоящіе посланники Магомета и находятся подъ особымъ покровительствомъ Аллаха. Изумленные горцы пали передъ ними на землю и этимъ настроеніемъ воспользовался Анрепъ съ прочими членами этой бессмысленной миссіонерской экспедиціи, чтобы возвратиться обратно въ Закаталы, провожаемый съ особымъ почетомъ до нашей границы пораженными и удивленными лезгинами <sup>1)</sup>).

Въ Тифлисъ онъ также пріѣхалъ вслѣдствіе исторіи, послѣ которой онъ уже не могъ оставаться въ Керчи: онъ на балу избилъ и изрубилъ чиновника Блафенберга.

При врожденномъ бретерствѣ, Кулебякинъ былъ однако замѣчательно храбрый, хладнокровный и распорядительный въ бою офицеръ; образованіе его было всестороннее, онъ замѣчательно владѣлъ даромъ слова и отлично излагалъ на письмѣ свои мысли на французскомъ и русскомъ языкахъ. Умъ его и способности положи-

---

<sup>1)</sup> Всѣ эти обстоятельства разсказалъ мнѣ самъ Кулебякинъ.

тельно выходили изъ ряда обыкновенныхъ, но, къ сожалѣнію, и характеръ тоже; имѣя добрейшее сердце, онъ самъ всегда раскаивался и страдалъ отъ своей горячности. Кулебякинъ отличался особымъ возвышеннымъ образомъ мыслей и высокимъ благородствомъ чувствъ; всѣмъ этимъ добрымъ качествамъ вредила, однакожъ, нѣкоторая аффектація и постоянная театральность.

Въ 1845 году въ Даргинскомъ походѣ Кулебякинъ участвовалъ, командуя ротой Куринскаго полка, въ батальонѣ Бенкендорфа, и показалъ себя истинно боевымъ офицеромъ, но съ тою же все-таки театральностью. Кажется, 14 числа, занявъ въ лѣсу въ лѣвой цѣпи съ ротою незначительный курганъ передъ непріятельскимъ заваломъ, рота его, лежа, перестрѣливалась на близкомъ разстояніи съ непріятелемъ. Фельдфебель этой роты, почтенный Кавказскій ветеранъ Варенцовъ едва успѣлъ, проползая по цѣпи, поднять голову, какъ смертельно былъ пораженъ непріятельскою пулею. Кулебякинъ приказалъ куринцамъ осторожно и лежа на землѣ вырыть руками и штыками яму, чтобы похоронить своего фельдфебеля, и когда его зарыли, то, театально ставъ на курганѣ, Кулебякинъ передъ ротою громко читалъ молитвы по усопшемъ. На этомъ курганѣ почти нельзя было показаться, чтобы не быть разстрѣляннымъ. Кулебякинъ, стоя спиной къ непріятелю, нѣсколько минутъ порисовался передъ своими солдатами и спустился невредимымъ, несмотря на градъ пуль, и только сюртукъ его былъ ими пронизанъ. Понятно, какъ подобныя выходки ободряли солдатъ, и какъ они любили Кулебякина, умѣвшаго поддѣлаться къ ихъ нраву и во всѣхъ тяжкихъ минутахъ умѣвшаго развеселить солдата своими шутками и выходками. Князь Воронцовъ очень цѣнилъ эксцентрическую натуру Кулебякина, вполнѣ сознавая и дурную ея сторону.

Въ 1847 году Кулебякинъ былъ назначенъ главнымъ приставомъ Джаро-Балаканскаго округа въ Закаталахъ; въ то время эта часть Кавказа, съ ея лѣсами и хищнымъ населеніемъ, была центромъ сборовъ всѣхъ разбойничьихъ шаекъ и самыхъ дерзкихъ съ ихъ стороны грабежей. Кулебякинъ, именно, былъ человѣкъ для этого труднаго поста; онъ окружилъ себя преданными нукерами изъ тѣхъ же лезгинъ; постоянно на конѣ преслѣдуя шайки, онъ

положительно навелъ страхъ на Джарскихъ разбойниковъ. Наконецъ одинъ изъ главныхъ предводителей просилъ Николая Петровича назначить ему свиданіе для принесенія покорности. Кулебякинъ съ нѣсколькими нукерами и переводчиками выѣхалъ въ Таначинскіе лѣса, гдѣ ожидалъ его разбойникъ съ частью своей шайки; переговоры шли сначала спокойно и хорошо; наконецъ, помирившійся предводитель, изъявляя желаніе предаться правительству, протянулъ Кулебякину руку. Не знаю, что сдѣлалось въ головѣ Николая Петровича, но онъ, оскорбившись тѣмъ, что такой преступникъ смѣлъ протягивать ему руку, ударилъ его по лицу — позоръ, котораго вообще лезгины не выносятъ. Сейчасъ же пошли въ дѣло шашки. Кулебякину прорубили даже кованные его эполеты, и одинъ разбойникъ замахнулся кинжаломъ, чтобы зарѣзать Кулебякина, который отклонилъ ударъ, схвативъ лезвіе рукой и перерѣзавъ себѣ всѣ пальцы. Нукеры и переводчики съ трудомъ высвободили Кулебякина изъ рукъ разбойниковъ, посадили его на лошадь и, отстрѣливаясь, успѣли ускакать изъ лѣсу, доставить своего начальника, израненнаго, на Альмалинскую почтовую станцію и казачій постъ. Въ это время на разсвѣтѣ проѣзжалъ я курьеромъ чрезъ Альмалы и, узнавъ о происшествіи, поторопился къ Кулебякину, котораго засталъ лежащимъ въ духанѣ на нарахъ, только что перевязаннаго отъ полученныхъ ранъ. Онъ мнѣ очень обрадовался и, крайне возбужденный, весьма театрално сталъ рассказывать о преданности его нукеровъ. Около койки, на которой лежалъ Кулебякинъ, стояли двое изъ его лезгинъ съ свирѣпыми лицами, вооруженные съ ногъ до головы. Николай Петровичъ, все болѣе возбуждаясь, говорилъ мнѣ: „скажи своему Воронцову, какую сумѣлъ я вселить преданность къ себѣ въ этихъ дикихъ; они родного отца своего, по приказанію моему, готовы зарѣзать“ и при этомъ крикнулъ, показывая на меня: „зарѣжьте его“. Лезгины немедленно повалили меня на землю и обнажили кинжалы. Кулебякинъ приказалъ меня оставить, сказавъ: „самъ теперь видишь“. Я отвѣтилъ, что дѣйствительно вижу, что онъ сумасшедшій и донесу объ этомъ князю. Посмѣялись мы, вмѣстѣ закусили, я поѣхалъ далѣе, а Кулебякина отвезли въ Закаталы.

По поводу управленія его этимъ округомъ припоминаю еще

фактъ. Приѣхавъ въ Тифлисъ по дѣламъ службы, я присутствовалъ въ кабинетѣ князя при приѣмѣ Кулебякина. Кабинетъ былъ комната длинной формы, въ которой посерединѣ стоялъ письменный столъ князя, въ концѣ была дверь, ведущая въ его спальню. Князь встрѣтилъ Николая Петровича у входа въ кабинетъ, обнялъ его, ласково принялъ и началъ разспрашивать про край. Кулебякинъ со свойственнымъ ему пафосомъ и увлеченіемъ началъ ораторствовать, размахивая руками. Князь съ улыбкой все отступалъ. Кулебякинъ, ничего не замѣчая, продолжалъ свои театральныя выходки, возглашая, сколько помню: „*Oui, mon Prince, l'administration d'un pays n'est pas une affaire de discipline, mais une affaire de conscience et d'honneur*“ и, незамѣтно наступая, приперъ князя къ концу кабинета, къ самой двери спальни. Тогда Воронцовъ, съ вѣчной своей улыбкой, взявъ за руку Кулебякина, сказалъ ему: „*Cher ami, je n'ai plus où aller, allons vers la porte de sortie, alors vous pourrez recommencer*“. Можно себѣ представить сконфуженнаго Кулебякина, котораго всѣ мы послѣ дразнили этимъ обстоятельствомъ.

Кулебякинъ послѣ того занималъ еще многія мѣста, между прочимъ Начальника III Отдѣленія Черноморской береговой линіи въ Сухумъ-Кале, гдѣ онъ, поспоривши разъ съ комендантомъ крѣпости на платформѣ старой турецкой башни, омываемой моремъ, схватилъ старика коменданта и хотѣлъ его бросить въ волны. Родственникъ Кулебякина плацъ-маіоръ Деллагарди съ трудомъ могъ спасти старика, полновѣснаго Корженовскаго, отъ ярости Кулебякина. Несмотря на невозможный характеръ, Кулебякинъ вездѣ, гдѣ былъ, оставилъ по себѣ самую лучшую память въ высшей степени благороднаго, благонамѣреннаго и дѣльнаго начальника. Онъ умеръ въ генеральскомъ чинѣ сенаторомъ въ Москвѣ уже пожилыхъ лѣтъ, гдѣ я его послѣдній разъ видѣлъ и съ радостью встрѣтился съ этими старымъ Кавказскимъ товарищемъ. Въ Тифлисъ Кулебякинъ весьма часто навѣщалъ насъ; онъ очень любилъ меня и положительно я имѣлъ на него вліяніе, когда онъ, разгорячившись, терялъ сознаніе. Странная была у него еще привычка ломать и грызть стекло. Когда, бывало, онъ въ товарищескомъ кругу разгорячится и, какъ говорится, лѣзетъ на исторію,

я подносилъ ему пустой стаканъ или рюмку, онъ разбивалъ ее, грызъ осколки и добродушно смѣялся надъ собой. Онъ былъ женатъ на весьма достойной женщинѣ, уже не молодой и некрасивой собой, но весьма доброй, умной и образованной—Александрѣ Андреевнѣ Крыжановской, сестрѣ нынѣшняго Оренбургскаго генералъ-губернатора. Свадьба его также оригинальна. Онъ былъ начальникомъ въ Закаталахъ и выписалъ невѣсту свою въ Царскіе Колодцы, куда самъ пріѣхалъ вечеромъ въ тарантасѣ, въ сюртукѣ безъ эполетъ, въ верблюжьихъ шароварахъ, окруженный конвоемъ лезгиновъ. Онъ отъ всѣхъ тщательно скрывалъ намѣреніе свое жениться; невѣста его ждала въ церкви военной слободки, шаферомъ у обоихъ, по его распоряженію, былъ его же денщикъ, который держалъ надъ ихъ головами вѣнцы. Когда мирные жители Царскихъ Колодцевъ увидѣли освѣщенную церковь, то изъ весьма понятнаго любопытства вошли въ нее; скрипъ двери раздражалъ Кулебякина: онъ самъ взялъ оба вѣнца, сказавъ шаферу: „Ванюшка, гони по зубамъ народъ“, и по окончаніи церемоніи тутъ же сѣлъ съ женой въ тарантасъ и съ конвоемъ своихъ лезгинъ прибылъ ночью въ Закаталы. Кулебякинъ глубоко уважалъ Александру Андреевну, но, къ сожалѣнію, она имѣла только весьма слабое вліяніе на характеръ мужа и много должна была терпѣть отъ его запальчивости и бѣшеной раздражительности.

У Кулебякина былъ родной братъ Михаилъ Петровичъ, всю свою службу проведеній на Кавказѣ и умершій Бакинскимъ губернаторомъ. Онъ былъ также однимъ изъ добрыхъ товарищей нашего общаго круга; умный, дѣльный и весьма образованный человекъ, но съ несравненно болѣе мягкимъ и разсудительнымъ характеромъ, чѣмъ братъ его. Ихъ отличали на Кавказѣ названіемъ: мирный и немирный Кулебякинъ.

## II.

### Альбертъ Артуровичъ Едлинскій.

Съ княземъ Воронцовымъ прибылъ на Кавказъ австрійской службы гусарскій поручикъ Альбертъ Артуровичъ Едлинскій, по-

бочный сынъ графа Артура Потоцкаго, женатаго на сестрѣ княгини Воронцовой. Молодой, ловкій, красивый наѣздникъ и въ высшей степени оригинально остроумный, Едлинскій сдѣлался своими выходками такой извѣстностью на Кавказѣ и такимъ общимъ любимцемъ, что нельзя не остановиться на этой своеобразной личности.

Получивъ отъ Потоцкаго очень большое состояніе, онъ въ Вѣнѣ все промоталъ различными эксцентричностями; съ назначеніемъ князя Воронцова на Кавказъ, онъ былъ переведенъ, по просьбѣ графа Артура, въ нашу службу, а вскорѣ и братъ его, умершій въ 1846 году отъ холеры поручикомъ Навагинскаго полка.

Въ 1845 году Едлинскій въ свитѣ кн. Воронцова участвовалъ въ Даргинской экспедиціи, затѣмъ послѣ разныхъ шалостей въ Тифлисѣ переведенъ былъ сотникомъ въ Моздокскій казачій полкъ, гдѣ отважно своею и, можно сказать, примѣрно—усердною службою дослужился до командира полка, въ чинѣ майора или подполковника. Потомъ командовалъ I-мъ Лабинскимъ казачьимъ полкомъ на правомъ флангѣ уже полковникомъ, затѣмъ Сунженскимъ въ 1858 году и потомъ генераломъ состоялъ помощникомъ начальника драгунской дивизіи на Кавказѣ.

Все прохожденіе службы Едлинскаго отличалось замѣчательнымъ его боевымъ направленіемъ, распорядительностью, необыкновенной способностью всегда весело переносить всѣ лишенія неприглядной казачьей обстановки, нравы которой онъ замѣчательно быстро себѣ усвоилъ. Его казаки чрезвычайно любили, а между регулярными войсками и нами появленіе Едлинскаго встрѣчалось всегда съ восторгомъ, въ ожиданіи съ его стороны какихъ нибудь забавныхъ и остроумныхъ выходокъ.

Не возможно исчислить всѣхъ извѣстныхъ на Кавказѣ анекдотовъ о Едлинскомъ; я съ нимъ чрезвычайно былъ близокъ и друженъ, и мнѣ очень хорошо извѣстны всѣ его похожденія. Хочу разсказать нѣсколько анекдотовъ, характеризующихъ его безпечность, остроуміе и въ извѣстной степени оригинальный цинизмъ. Всѣ свои фарсы и выходки Едлинскій дѣлалъ съ такою притворною наивностью и серьезностью, отговариваясь незнаніемъ русскаго языка, что иногда трудно было и начальству къ нему придратъся. Едлинскій жилъ замѣчательно просто: я помню его помѣщеніе въ ста-

ницахъ, гдѣ часто, даже зимой, были разбиты окна въ хатѣ; онъ въ полушубкѣ, всегда съ папачой на головѣ, валялся на разломанной койкѣ, въ углу комнаты лежали кули съ овсомъ и запасъ луку; стоялъ разломанный самоваръ, нѣсколько стакановъ и всегдашній запасъ водки и рому, составлявшій все его хозяйство. Зато лошадь и оружіе Едлинскаго были отличныя: онъ былъ замѣчательнымъ наѣздникомъ и слылъ даже между линейными казаками отмѣннымъ джигитомъ. Дѣятельность Едлинскаго была неимовѣрна; по ночамъ, провѣряя кордоны свои, онъ проскакивалъ большія пространства и являлся обыкновенно тамъ, гдѣ его менѣе всего ожидали. Онъ обыкновенно строго наказывалъ казаковъ за оплошность и неисправность, и когда съ нѣкоторыхъ начальниковъ кп. Воронцовымъ было взыскано за тѣлесныя наказанія нижнихъ чиновъ, имѣющихъ Георгіевскіе кресты, то Едлинскій сталъ съ собою возить хлороформъ и, нахлороформировавъ провинившагося кавалера, только тогда велѣлъ его пороть. При управленіи полкомъ онъ не признавалъ никакихъ канцелярскихъ порядковъ. Какъ полковой командиръ и предсѣдатель полкового управленія, разбирая разъ какое-то дѣло въ присутствіи, онъ соскочилъ съ своего мѣста и хотѣлъ ударить казака; секретарь остановилъ его, указывая на зеркало и на послѣдствія, которымъ подвергся бы Едлинскій, въ случаѣ жалобы кляузнаго казака. Едлинскій поблагодарилъ секретаря и сейчасъ же велѣлъ вѣстовому подать башлыкъ, обвязать зеркало, „чтобы птица не видала, какъ онъ говорилъ“, учинилъ свою кулачную расправу, затѣмъ велѣлъ раскрыть птицу и, сѣвъ на предсѣдательское мѣсто, продолжалъ свое дѣло.

Разъ также, придя неожиданно въ полковое правленіе, онъ засталъ всѣхъ членовъ онаго (обыкновенно простыхъ казаковъ) пьющихъ водку и закусывающихъ на столѣ присутствія передъ тѣмъ же зеркаломъ. Едлинскій немедленно потребовалъ команду и приказалъ перенести столъ съ зеркаломъ въ ближайшій трактиръ, а изъ трактира перенести въ полковое правленіе билліардъ, на который поставилъ водку, закуску и напился вмѣстѣ съ атаманами. Все это сходило Едлинскому, такъ какъ его очень любили, и никто не думалъ доводить о его выходкахъ до начальства. Но ежели Едлинскій постоянно дѣлалъ фарсы съ своими подчиненными, то

не менѣе того онъ шутиливо относился и къ начальству своему. Трудно перечислить всѣ его фарсы въ этомъ отношеніи; разскажу нѣкоторые. Генераль Е..... всегда служилъ однимъ изъ предметовъ для его остроумія. Злоупотребленія его слишкомъ хорошо были извѣстны на Кавказѣ. Во время командованія имъ лѣвымъ флангомъ онъ не держалъ и половины положенной по штату милиціи и все содержаніе удерживалъ въ свою пользу. Разъ со всѣмъ штабомъ и свитой своей Е..... выѣхалъ на рекогносцировку изъ Грозной (Едлинскій былъ съ нимъ) и до того опередилъ отрядъ, что приближенные замѣтили своему начальнику, что онъ подвергается опасности отъ внезапнаго нападенія непріятеля. Едлинскій громко, такъ что всѣ слышали, сказалъ: „не безпокойтесь, господа, у него 6 сотенъ милиціи въ карманѣ“. Другой разъ, получая безпрестанно секретныя бумаги отъ Е..... о замыслахъ горцевъ, Едлинскій, предварительно прочитавъ ихъ, опять осторожно запечатывалъ и дѣлалъ всѣ нужныя распоряженія.

Когда Е..... пріѣхалъ по линіи въ Ауръ и спросилъ Едлинскаго, получилъ ли онъ секретныя его предписанія, то Едлинскій утвердительно отвѣтилъ и серьезно принесъ Е..... всѣ запечатанные конверты, прося его прочитать ему ихъ, такъ какъ онъ мало русскую грамоту понимаетъ, а секретныя бумаги никому не довѣряетъ читать. Другой разъ въ Грозной Е....., раздраженный противъ Едлинскаго его постоянными насмѣшками и выходками, почему-то придрался и публично началъ распекать его. Едлинскій, оправдываясь, страшно размахивалъ руками; разсерженный Е..... закричалъ ему: „что вы, полковникъ, позволяете себѣ махать руками“. Едлинскій, почтительно приложивъ къ козырьку руку, отвѣтилъ весьма серьезно ломанымъ русскимъ языкомъ, какъ онъ всегда притворялся: „Ваше пр—во, я машу рѣками, бо я человекъ, ежели бы былъ собака, то махалъ бы хвостомъ“. Е..... немедленно оставилъ его и поспѣшилъ скрыться, при общемъ хохотѣ присутствующихъ.

Однажды въ воскресный день вѣчеромъ, когда Е..... съ семействомъ своимъ и со всѣмъ обществомъ крѣпости Грозной сидѣлъ въ палисадникѣ передъ домомъ, слушая полковую музыку, присказываетъ Едлинскій изъ Сунджи, верстъ за 60, весь въ пыли,



береть у одного изъ своихъ конвойныхъ большой портфель и подходит къ Е....., окруженному дамами. Всѣ подозрѣваютъ какую-нибудь выходку и тѣснятся около Едлинскаго. Е..... добродушно встрѣчаетъ Едлинскаго, протягиваетъ ему руку и говоритъ: „что вы это, Альбертъ Артуровичъ, не успѣли съ лошади слѣзть, а уже съ бумагами“. Едлинскій съ присущей ему флегмой наивно отвѣчаетъ при всѣхъ: „Ваше пр—во, я вѣдь всегда ѣзжу въ Грозное, какъ въ нужное мѣсто“. Можно себѣ представить хохотъ всѣхъ присутствующихъ. Е..... отводитъ въ сторону Едлинскаго, объясняетъ ему неприличіе сказаннаго; тотъ, притворно конфузясь, извиняется незнапіемъ русскаго языка и хочетъ сейчасъ же удалиться. Е..... утѣшаетъ его и вводитъ опять въ общество.

Но самый замѣчательный эпизодъ съ Е..... происходитъ на правомъ флангѣ.

Въ 1850 году Государь Наслѣдникъ, обозрѣвая Кавказъ, предполагалъ осмотрѣть всю Лабинскую линію до самаго Зассовскаго укрѣпленія. Едлинскій, на протяженіи своего кордона, съ казаками ввѣреннаго ему полка конвоировалъ Его Императорское Высочество до перваго ночлега въ Темергоевскомъ укрѣпленіи. Жара была невыносимая и отъ шибкой ѣзды подъ казаками пало много лошадей; кромѣ того, въ день проѣзда, на кордонѣ Едлинскаго пикетъ съ Родниковскаго поста изъ трехъ человѣкъ былъ изрубленъ хищниками. Корыстолюбіе и злоупотребленія Е..... возстановили противъ него все населеніе не только русское, но и всѣхъ мирныхъ горцевъ. Онъ всегда протестовалъ противъ поѣздки великаго князя по Лабѣ, выставляя опасность отъ внезапнаго нападенія непріятеля. Узнавъ въ Темиргоѣ, что въ верховьяхъ Лабы все населеніе готовится подать противъ него прошенія и жалобы Великому Князю, онъ рѣшился на ловкій и дерзкій поступокъ. Я былъ свидѣтелемъ, какъ ночью или очень поздно вечеромъ Е..... привелъ къ князю двухъ окутанныхъ въ башлыки, вѣроятно, подготовленныхъ лазутчиковъ, которые объяснили, что огромныя скопища горцевъ на противоположномъ берегу Лабы намѣрены воспользоваться густотою утренняго тумана, чтобы напасть на незначительный конвой Государя Наслѣдника при слѣдованіи его на другое утро. Кн. Воронцовъ, повидимому, поддался

этому обману и, къ крайнему неудовольствію Наслѣдника, на другой день маршрутъ былъ измѣненъ, и мы изъ Темиргоя проѣхали прямой дорогой на Кубань въ укрѣпленіе Прочныя Окопы, продолжая по маршруту поѣздку въ Тифлисъ. По отъѣздѣ нашемъ, Едлинскій немедленно собралъ всѣ войска на свой кордонъ съ артиллеріей, переправился черезъ Лабу и началъ усиленной канонадой обстрѣливать лѣсъ на противоположномъ берегу, въ которомъ ни одного человека непріятеля не было, затѣмъ водилъ казаковъ въ атаку; однимъ словомъ, исполнилъ блестящіе маневры, послѣ которыхъ вернулся въ станицу и устроилъ угощеніе и кутежъ своему отряду. Затѣмъ онъ написалъ формальный рапортъ Е..... о разбитіи имъ непріятельскихъ скопищъ, причемъ показалъ потерю 3-хъ казаковъ, изрубленныхъ на пикетѣ, и всѣхъ лошадей, павшихъ подъ казаками во время конвоированія Его Высочества. Цѣлью Едлинскаго было выхлопотать казакамъ изъ войсковой казны деньги за павшихъ лошадей, которыя составляли собственность казаковъ, а по положенію они имѣли право на вознагражденіе только за лошадей убитыхъ въ дѣлахъ, но не за павшихъ во время гоньбы. Все на первое время пошло благополучно; рапортъ Едлинскаго подтверждалъ донесеніе Е..... о непріятельскомъ сборѣ, деньги на лошадей были получены, розданы казакамъ и все успокоилось, какъ вдругъ, около года спустя, получается доносъ отъ прапорщика Ставропольскаго пѣхотнаго полка К., отъявленнаго и извѣстнаго негодяя, который съ подробностью объясняетъ настоящее положеніе дѣла. Случай былъ довольно важенъ, чтобы назначить особую комиссію для разслѣдованія, подъ предсѣдательствомъ жандармскаго штабъ-офицера полковника Юрьева изъ Ставрополя. Е..... первый возсталъ противъ Едлинскаго, требуя строгаго примѣра и, казалось, сему послѣднему не было уже возможности избѣгнуть суда. Что же сдѣлалъ Едлинскій? Передъ самымъ прибытіемъ Юрьева, онъ собралъ своихъ казаковъ, объяснилъ имъ, въ чемъ дѣло и строго приказалъ говорить слѣдователю всю правду, ни въ чемъ не скрывая обмана его и ложнаго донесенія начальству. Затѣмъ, спокойно продолжая по обыкновенію пить водку, онъ ожидалъ слѣдствія. Юрьевъ, хорошо знакомый Едлинскому, предложилъ ему 22 запросныхъ пункта по начавшемуся слѣдствію.

Въ 1 пунктѣ сказано было: „какую партію такого-то числа ваше выс—діе сочли нужнымъ атаковать на лѣвомъ берегу Лабы?“ Едлинскій написалъ: „ту же самую партію, которая, по донесенію генерала Е..... кн. Воронцову, а сего послѣдняго Государю Наслѣднику, намѣревалась атаковать поѣздъ его Высочества“<sup>1)</sup>. Затѣмъ Едлинскій отнесъ этотъ отвѣтъ Юрьеву и спросилъ, продолжать ли писать на остальные. „Голубой штабъ-офицеръ“, какъ Едлинскій звалъ Юрьева, до того былъ пораженъ этимъ отвѣтомъ, что немедленно выѣхалъ посоветоваться съ Е..... въ Прочные Окопы. Какъ дѣло устроилось, я не знаю, но слѣдствіе болѣе не продолжалось, и Едлинскій былъ оставленъ безъ всякаго особаго взысканія, а переведенъ вскорѣ на лѣвый флангъ командиромъ Сундженскаго полка. — Съ фельдмаршаломъ кн. Барятинскимъ Едлинскій позволялъ себѣ также всевозможныя шуточные выходки. Въ то время новый главнокомандующій вводилъ всевозможныя измѣненія по управленію Кавказомъ, вообще непрактичныя и клонящіяся только къ наружному усиленію собственной его власти. Такъ, напримѣръ, прежнія отдѣленія канцеляріи переименовывались въ департаменты и тому подобныя несообразности. На все это испрашивалось Высочайшее разрѣшеніе утвердить „въ видѣ опыта на 3 года“. Разъ князь Барятинскій пріѣхалъ въ Владикавказъ, принималъ всѣхъ начальствующихъ лицъ, въ числѣ коихъ былъ и Едлинскій, и спросилъ его, не имѣетъ ли онъ какой-нибудь просьбы? — „Какъ же, отвѣчалъ весьма серьезно Едлинскій, я просилъ бы ваше с—ство приказать выдать мнѣ заимообразно изъ экстраординарныхъ суммъ 5 т. рублей, въ видѣ опыта на три года“. Злая выходка эта, встрѣченная общимъ смѣхомъ, не понравилась однако Барятинскому, который очень любилъ Едлинскаго, но сильно распекъ его потомъ за неумѣстную его публичную шутку. Какъ примѣръ цинизма Едлинскаго, хочу еще прибавить одинъ анекдотъ. Въ Тифлисѣ жила общая напa знакомая, жена полковника Сачинова, урожденная Орбеліанъ, очень милая женщина, которую всѣ мы очень любили. Она очень опасно заболѣла и, кажется, мѣсяца 3 никого не принимала. Одинъ разъ, когда собра-

---

<sup>1)</sup> О чемъ донесено было Государю Императору.

лось много дамъ и знакомыхъ къ ней, въ томъ числѣ и Едлинскій, разговоръ зашелъ о болѣзни, и Сачинова рассказывала, какъ, при ограниченномъ ихъ состояніи, дорого обходилось ея леченіе, такъ, напримѣръ, главный штабъ-докторъ взялъ съ нихъ 25 р. за то только, что три ночи долженъ былъ провести у больной.—Едлинскій съ наивной простотою при всѣхъ отвѣчалъ: „что же тутъ удивительнаго. Это даже не дорого, бо онъ главный штабъ-докторъ; вотъ у меня жена простого фельдшера ночевала только одну ночь и я долженъ былъ ей дать 10 рублей“.

Можно было бы написать цѣлую книгу анекдотовъ объ Едлинскомъ, но сказаннаго достаточно, чтобы обрисовать эту находчивую, остроумную и вполне оригинальную личность. Жаль только, что Едлинскій до того привыкъ пить водку, никогда впрочемъ не упиваясь, что всегда съ собой въ карманѣ носилъ стекляночку разведеннаго на водѣ спирта и каждые полчаса, а иногда и чаще глоталъ свое „аракапсы“, какъ онъ называлъ по-черкески водку. Я слышалъ, что онъ очень постарѣлъ и, съ утратою здоровья, утратилъ и прежнюю веселость свою.

### III.

Сафоновъ. Щербининъ. Бар. Николай. Кн. А. Гагаринъ.  
Кн. Дадешъ-Кильянъ. Галатерси.

Изъ пріѣхавшихъ изъ Одессы съ кн. Воронцовымъ слѣдуетъ упомянуть о правителѣ его канцеляріи Сафоновѣ <sup>1)</sup>, совершенномъ бюрократѣ, безцвѣтной личности, но впрочемъ добромъ человѣкѣ. Онъ женатъ былъ на дочери богатаго Одесскаго негоціанта Марзли, весьма смуглой, но довольно красивой женщинѣ. На костюмированномъ балѣ m-me Сафонова въ какомъ-то нарядѣ изъ коралловъ явилась подъ руку съ длиннымъ, сухощавымъ, гладковыбритымъ мужемъ своимъ—мы ихъ прозвали тогда: „la Revue Romagée avec le cousin Prichard“ и эта кличка имъ такъ и осталась.

Затѣмъ при князѣ состоялъ чиновникомъ Михаилъ Павловичъ Щербининъ, отличный и вполне преданный князю человѣкъ, всѣмъ,

<sup>1)</sup> Сафоновъ умеръ въ званіи сенатора въ Петербургѣ.

впрочемъ, ему обязанный. Это была теплая, любящая, но вмѣстѣ съ тѣмъ и разгульная натура; онъ былъ очень образованъ, отлично владѣлъ перомъ на всѣхъ языкахъ и превосходно редактировалъ. Не совсѣмъ уже молодой, онъ былъ какъ *enfant de la maison* у князя, который звалъ его иногда Мимй. Щербининъ со всѣми нами очень сдружился и принималъ участіе во всѣхъ напихъ кутежахъ, а въ поѣздкахъ и походахъ отличался особой невоздержанностью.

Много весьма оригинальныхъ эпизодовъ изъ разгульной жизни Михаила Павловича на Кавказѣ можно было бы рассказать. Но хочу упомянуть только объ одномъ фактѣ, кажется имъ самимъ или княземъ Воронцовымъ мнѣ рассказаннымъ, въ доказательство способностей Щербинина.

Въ 1831 году, во время бунта моряковъ въ Севастополѣ, Государемъ былъ командированъ изъ Одессы кп. Воронцовъ для производства слѣдствія; съ нимъ былъ еще юный тогда Щербининъ. Разузнавъ подробно обо всемъ, князь какъ-то вечеромъ послалъ за Щербининымъ, который кутилъ съ моряками и въ почти безсознательномъ состояніи явился къ своему начальнику. Князь ничего не замѣтилъ; озабоченно шагая по комнатѣ, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ онъ диктовалъ Щербинину рапортъ Государю и затѣмъ приказалъ ему прочесть написанное. Щербининъ не могъ выговорить ни слова; замѣтивъ его положеніе, князь взялъ бумагу, и каково было его изумленіе, когда онъ увидѣлъ нѣсколько листовъ, испещренныхъ только штрихами. При всей своей деликатности князь упрекнулъ Щербинина въ безчувственности и неблагодарности къ нему и велѣлъ не показываться на глаза. Михаилъ Павловичъ, вернувшись въ свою комнату, ужасно плакалъ и, совершенно отрезвѣвъ, просидѣлъ всю ночь, припоминая, что слышалъ отъ князя и почти слово въ слово написалъ набѣло весь рапортъ Государю. На другой день князь, придя въ кабинетъ, нашелъ бумагу на столѣ; подписавъ, князь послалъ за Щербининымъ, обнялъ его, и все было забыто. Какъ объяснить подобное проявленіе памяти и нервнаго возбужденія? Всѣ на Кавказѣ очень любили Щербинина за его привѣтливость, доброту и желаніе помочь всякому обращающемуся къ нему по какому-либо дѣлу. Князь по своему любилъ Щербинина или, лучше сказать, привыкъ къ нему,

но онъ не пользовался никакимъ вліяніемъ на князя и даже боялся его.

Баронъ Александръ Павловичъ Николаи пріѣхалъ съ княземъ изъ Одессы чиновникомъ особыхъ порученій и весьма еще молодымъ человѣкомъ. Я былъ съ нимъ весьма близокъ и доселѣ сохранились хорошія наши отношенія, но не могу не сознавать его важныхъ недостатковъ. Николаи обладалъ отличнымъ образованіемъ, умомъ и способностями, но всѣ эти качества поглощались необыкновеннымъ эгоизмомъ, вообще не свойственнымъ молодому человѣку. Недоступность, холодность, высокомѣріе въ обращеніи и полное равнодушіе ко всему, что не касалось его личности, были отличительными чертами его. Онъ недоступенъ былъ никакимъ увлеченіямъ, все основывалъ на расчетѣ и на одномъ расчетѣ. Николаи сдѣлалъ блестящую карьеру на Кавказѣ и давно уже въ самыхъ высшихъ чинахъ занимаетъ мѣсто главнаго начальника всего гражданскаго управленія на Кавказѣ.

Изъ военныхъ одесскихъ прибылъ съ княземъ полковникъ, князь Александръ Ивановичъ Гагаринъ; эту въ высшей степени симпатичную личность мы съ перваго раза всѣ полюбили. Безъ особенно выдающихся дарованій, Гагаринъ былъ рыцарь благородства и чести и отлично показалъ себя во всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ и въ послѣдней кампаніи въ Азіатской Турціи, гдѣ тяжело былъ раненъ. Накопецъ, бывши военнымъ губернаторомъ въ Кутансѣ, Гагаринъ былъ зарѣзанъ въ своемъ домѣ Суанетскимъ княземъ Дадепъ-Кильяномъ, оставивъ по себѣ самое сочувственное воспоминаніе во всѣхъ когда-либо знавшихъ этого достойнаго человѣка. Онъ въ Тифлисѣ женился вторымъ бракомъ на княгинѣ Наталиі Орбеліанъ, дочери извѣстной княгини Мананы.

Накопецъ, при князѣ былъ адъютантомъ, по званію Новороссійскаго генераль-губернатора, нѣкто полковникъ, графъ Галатери, весьма оригинальный, умный и хитрый итальянецъ. Онъ былъ посланъ въ Петербургъ курьеромъ съ донесеніемъ, кажется, изъ Андій, но ѣхалъ такъ медленно, снабжаясь на всѣхъ станціяхъ свидѣтельствами о препятствіяхъ пути, что прибылъ въ Петербургъ одновременно съ адъютантомъ князя Андрониковымъ, привезшимъ донесеніе о прибытіи нашемъ въ Герзель аулъ. Изъ Петербурга

Галатери отправленъ былъ обратно въ Кисловодскъ къ графу Воронцову съ рескриптомъ о возведеніи его въ княжеское достоинство. Галатери, вмѣсто перекладныхъ, пріѣхалъ въ четырехмѣстной коляскѣ, привезъ съ собою любовницу Кочубея Flogence и огромную клѣтку съ попугаемъ; на всѣ наши насмѣшки онъ отвѣчалъ: „je ne suis pas un Feldjäyer et n'ai pas preté de me rompre les us en perehladnuу“. Послѣ того князь, который очень, впрочемъ, благоволилъ къ Галатери, рѣдко давалъ ему порученія.

Галатери привезъ къ себѣ въ Тифлисъ мать свою, старую итальянку, и крайне скупно жилъ въ городскомъ предмѣстьи, гдѣ и умеръ въ генеральскомъ чинѣ.

---